

105 лет
Горскому
ГАУ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «ГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВНЕДРЕНИЯ
МЕХАНИЗМОВ ЭЛЕКТРОННОЙ
ДЕМОКРАТИИ ГОРСКОГО ГАУ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ
РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБЩЕСТВА И ИНСТИТУТОВ
ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ»

ЧАСТЬ I

г. Владикавказ

17 февраля 2023г.

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ИНСТИТУТОВ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

МАТЕРИАЛЫ

Международной научно-практической конференции

17 февраля 2023 г.

Часть 1

УДК 63(06)
ББК 40я5

Редколлегия

Гогаев О.К.	доктор сельскохозяйственных наук, профессор, врио ректора (главный редактор)
Абаев А.А.	доктор сельскохозяйственных наук, профессор, врио проректора по научной работе (зам. главного редактора)
Лолаева А.С.	кандидат юридических наук, доцент, руководитель Научно-исследовательского центра внедрения механизмов электронной демократии Горского ГАУ, доцент кафедры конституционного и административного права Горского ГАУ (зам. главного редактора)
Дзидзоев Р.М.	доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Цалиев А.М.	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права и органов власти Северо-Кавказского горно-металлургического института (ГТУ), заслуженный юрист Российской Федерации
Лолаева Д.Т.	кандидат философских наук, заведующая кафедрой философии и социально-правовых дисциплин Северо-Кавказского горно-металлургического института (ГТУ)
Хадиков А.К.	кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права Горского государственного аграрного университета
Галуева В.О.	кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Горского ГАУ
Гогаева А.Л.	кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Горского ГАУ
Басиев М.С.	кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова
Каллагов Т.Э.	кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета
Арсагов В.А.	кандидат биологических наук, доцент, декан факультета ветеринарной медицины и ветеринарно-санитарной экспертизы
Хайманов Т.Т.	кандидат экономических наук, врио декана факультета экономики и менеджмента
Кубалов М.А.	кандидат технических наук, доцент, декан инженерного факультета
Лазаров Т.К.	кандидат сельскохозяйственных наук, декан агрономического факультета
Хозиев А.М.	кандидат сельскохозяйственных наук, декан факультета биотехнологии

Адрес редакции: 362040, г. Владикавказ, РСО–Алания, ул. Кирова, 37
E-mail: ggau@globalalania.ru.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 342.7

**О МЕРАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ
И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБЩЕСТВА**

Цалиев А.М. – д.ю.н., зав. кафедрой публичного права и органов власти, профессор, Заслуженный деятель РСО–Алания, Заслуженный юрист РФ
ФГБОУ ВО Северо-Кавказского горно-металлургического института (ГТУ),
г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматриваются позитивные и негативные последствия четвертой промышленной революции, ведущей к информационному обществу. Утверждается, что это неизбежный процесс технического прогресса. Аргументируется необходимость ускоренного формирования информационного общества России. Отмечается, что цифровизация населения способствует тотальному социальному контролю и нарушению конституционных прав и свобод личности. Предлагается и раскрывается организационно-материальные и информационно-правовые меры гарантии обеспечения прав и свобод личности. Среди организационно-правовых мер выделяется правовое воспитание, с целью повышения правосознания и правовой культуры. Рекомендуются включить в Федеральные государственные образовательные стандарты конкретные предложения по организации правового воспитания.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, конституционные права и свободы личности; информационное общество, организационно-материальные, информационно-правовые, организационно-правовые меры, правовое воспитание

В условиях развития информационных технологий, расширения и появления разного рода социальных коммуникаций, становления информационного общества становится неизбежным процессом. В литературе уже настойчиво пишут о переходе к четвертой промышленной революции, в котором сочетаются цифровые, информационные и конституционно-правовые компоненты [1, с. 85].

Рассматривая проблему формирования информационного общества, в литературе отмечается, что, *во-первых*, для формирования и развития информационного общества в России нельзя ждать, когда будет преодолен социально-экономический кризис и наступит стабилизация. Наоборот, Россия войдет ускоренными темпами в число экономически развитых стран и создаст высокие стандарты качества жизни для своих граждан только при условии, если выход из затянувшегося кризиса будет базироваться на повсеместном распространении и массовом использовании информационных технологий, средств вычислительной техники и телекоммуникаций. *Во-вторых*, данному технологическому укладу должны соответствовать адекватные социально-экономические, политические структуры и институты. *В-третьих*, требуемая адекватность может быть обеспечена при наличии в обществе соответствующего механизма согласования интересов хозяйствующих субъектов, экономических, политических, социальных структур, других институтов и государства в целом. И, наконец, *в-четвертых*, необходимым и самым важным условием является учет интересов каждого кон-

кретного человека. А этого можно достигнуть только тогда, если осуществляется переход не просто к рыночным отношениям, а к рыночным отношениям самого высокого уровня развития. Это означает, что отношения между всеми хозяйствующими субъектами строятся на договорной основе и личные потребности (спрос) удовлетворяются через индивидуальный заказ и адресное производство, товаром становится особый продукт – информация [2, с. 34].

В настоящее время остро обсуждаются о появлении в информационном обществе новых субъектов права, например, роботов. Разумный, более взвешенный взгляд, на данную проблему высказывает А.С. Лолаева, которая правильно пишет, что на современном этапе научно-технического развития преждевременно их обозначать в качестве «цифровой личности» в виду отсутствия у них способности принятия волевых решений. Появление таких субъектов права, как информационные посредники, провайдеры, блогеры, требуют лишь уточнения их правового статуса, поэтому они не могут быть обозначены в качестве новых субъектов права [3, с. 134].

Дополнительный импульс к осмыслению вопросов информационного общества и темы исследования придает целенаправленный и систематический сброс в информационное пространство разного рода фейк-новостей с целью решения своих политических, экономических, социальных и военно-стратегических задач. Все это мы достаточно явно и остро ощущаем на фоне обострения интересов известных мировых держав – США, Китая и России, все большего отставания, как ими, так и такими крупными и активно развивающимися государствами как Индия, Пакистан, Иран, Бразилия и другими государствами своего национального суверенитета. Для этого, помимо всего прочего, активно используются современные информационные технологии.

Большие данные (Big Data), облачные технологии, блокчейн, смарт-контракты и другие открывают окно возможностей для системного решения многих проблем. Во-первых, они дают возможность оперативного получения информации гражданами и органами власти. Во-вторых, что более важно, для принятия эффективных управленческих решений. В-третьих, именно цифровые технологии способны вернуть подлинный смысл демократическим процедурам и исправить провалы демократии. Эту мысль подтверждает пример почти 30-летней давности, когда внедрение несложной по современным меркам системы электронного голосования на съездах народных депутатов СССР и РСФСР (автору публикации посчастливилось быть разработчиком юридической части её алгоритма) радикально изменило политическую жизнь страны. Поскольку поименные результаты голосования народных избранников становились немедленно известными общественности, эта технология буквально заставила депутатов голосовать не по указанию руководства КПСС, а так, как и должно быть в демократической системе, - исходя из интересов избирателей [4].

В 2017 г. были приняты два важных документа - Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы [5] и программа Правительства РФ «Цифровая экономика Российской Федерации» [6], которые определили цели, этапы и основные шаги по продвижению российского общества и экономики к цифровой стадии. В разделе программы, посвящённом вызовам и угрозам, препятствующим развитию цифровой экономики в России, на первом месте стоит проблема обеспечения прав человека в цифровом мире. Однако в силу специфики документа, сюжет о правах человека в киберпространстве изложен в нём, скорее, в прикладном экономическом аспекте. В частности, речь идёт об обеспечении гарантии прав человека при идентификации (соотнесении реальной личности с её цифровым образом), о гарантиях сохранности цифровых данных пользователя, а также о проблеме обеспечения доверия граждан к цифровой среде [6]. И это неслучайно, поскольку в некоторых странах через цифровизацию населения вводится тотальный контроль над ним. Так, в Китае на протяжении последних лет в стране интегрируются базы данных об имуществе и финансовом положении людей, их банковская, юридическая и медицинская информация, сведения из образовательных учреждений, систем транспортного и гостиничного бронирования, данные из национальных социальных сетей (вроде китайского мессенджера WeChat, в котором уже зарегистрировано 800 млн. пользователей) и иных публичных ресурсов. Этот индивидуальный социальный, финансовый и политический портрет (паспорт) каждого гражданина - по сути, технологическая основа для тотального контроля населения страны через определение соответствующего показателя социального рейтинга, выставляемый в баллах, станет основанием для предоставления гражданину тех или иных свобод и благ, либо, напротив, послужит ограничением в правах и доступе к государственным услугам.

Среди предусмотренных для обладателей низкого рейтинга индивидуальных ограничений в Китае - запрет на работу в госучреждениях, отказ в доступе к социальному обеспечению, более тщательный таможенный досмотр при пересечении границ, запрет на занятие руководящих должностей

в пищевой и фармацевтической промышленности, отказ в авиабилетах и спальном месте в ночных поездах, в получении мест в гостиницах и ресторанах высокого класса, запрет на обучение детей в престижных учебных заведениях и другие меры. С 1 мая 2018 г. на всей территории КНР для лиц с низким социальным рейтингом уже введено ограничение на проезд авиационным и железнодорожным транспортом.

Таким образом, «рейтинг социального доверия», как отмечается в литературе, это ни что иное, как эффективная технология тотального регулирования поведения людей, которая делает невозможными какие-либо цветные революции и даже минимальную критику в адрес правительства, поскольку за любое критическое высказывание рейтинговые баллы будут снимать не только у гражданина, показавшего себя оппозиционером, но и у всех, кто находится с ним даже в самом отдалённом виртуальном контакте. И все это уже обратная сторона технологического процесса, что является отражением диалектики жизни, свидетельствующим о том, что в любом явлении, событии и процессе есть как позитивные, так и негативные последствия. Социальная оценка их зависит от соотношения их последствий.

Пожалуй, сегодня этот китайский проект демонстрирует крайнюю степень игнорирования прав и свобод личности в цифровом мире. Однако важно помнить, что не только тотальная свобода, но и тотальный контроль способен обернуться хаосом. Пружину свободы нельзя сжимать до бесконечности, поскольку стремление к избавлению от гнёта цифрового контроля может в итоге разрушить существующий социальный порядок и общественную систему в целом [4]. Неслучайно известный ученый-конституционалист, профессор С.А. Авакьян пишет, что добившись конституционных и в целом нормативных гарантий права на информацию, на её создание и распространение, на владение информацией, тем более права на *защиту информации* мы сталкиваемся с повальной необходимостью **защиты от информации**.

И в этом плане свобода информации очень быстро продемонстрировала свою обратную сторону – **возможность проявления неуважения к личности, неуправляемое заимствование и распространение частных (персональных) данных, а тем более лжи и клеветы, незащитность человека** [7, с. 13-4].

С учетом всего изложенного, вполне закономерно возникает вопрос о мерах обеспечения гарантии конституционных прав и свобод личности. На мой взгляд, по содержанию их можно выделить организационно-материальные, информационно-правовые и организационно-правовые меры.

В первом случае речь идет о чисто материальных возможностях приобретения человеком соответствующих технических средств получения необходимой информации – телефоны, смартфоны, планшеты, ноутбуки, компьютеры и иного рода аналогичных аппаратов. И здесь же среди граждан наблюдаются неравные организационно-материальные возможности, приобретение соответствующих средств получения и передачи информации. Бизнесмен, интеллигент, рядовой труженик, безработный в силу своего материального положения обладает и использует разные формы технических средств получения информации. Это зависит еще и от того, где живет человек – в технологически развитой стране, со сложившимися уже формами технической связи, когда все происходящее в мире можно наблюдать в режиме реального времени или в стране, которая только приобщается к результатам технического прогресса. Даже в одной стране городские и сельские жители имеют разные организационно-практические возможности владения соответствующей техникой владения информацией.

В связи со сказанным представляется необходимым оказание государственной поддержки и помощи бизнеса малоимущим гражданам с целью приобретения ими современных технических средств получения информации. Кроме того, необходимо насытить рынок соответствующей технической продукцией.

Среди традиционных мер обеспечения гарантии основных прав и свобод личности следует выделить законодательные, в первую очередь, предусмотренные в Конституции Российской Федерации. Речь идет о таких конституционных нормах, как право искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29) и обязанность органов государственной и местной власти обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ч. 2 ст. 24).

Данные конституционные положения корреспондируют не только принципу свободы информации (ч. 5 ст. 29 Конституции РФ), но и праву каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, в том числе и в суде (ст. 45, 46 Конституции РФ). Наряду с этим защита прав и свобод человека и гражданина определяет смысл, содержание и применение законов, дея-

тельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием (ст. 18 Конституции РФ).

Указанные конституционные нормы стали, как отмечает С.А. Авакьян [8, с. 22], основанием «создания целого блока законов и иных нормативных актов сначала о средствах массовой информации, далее возвышение регулирования до более важного уровня – об организации информирования о публичных делах, затем введение обязанностей включения органов публичной власти в процесс информирования населения, с созданием своих сайтов и размещением на них информации о себе, актах, и делах».

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» разделяет информацию на общедоступную и информацию, доступ к которой может быть ограничен федеральными законами. Однако им не может быть ограничен доступ: к нормативным правовым актам, затрагивающим права, свободы и обязанности человека и гражданина, а также устанавливающим правовое положение организаций и полномочия государственных органов, органов местного самоуправления; информации о состоянии окружающей среды; информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также об использовании бюджетных средств (кроме сведений, составляющих государственную или служебную тайну); информации, накапливаемой в открытых фондах библиотек, музеев и архивов, а также в государственных, муниципальных и иных информационных системах, созданных или предназначенных для обеспечения граждан и организаций такой информацией; иной информации, недопустимость ограничения доступа к которой установлена законами [9].

Статья 140 Уголовного кодекса РФ предусматривает уголовную ответственность должностных лиц за неправомерный отказ в предоставлении собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, либо за предоставление гражданину неполной или заведомо ложной информации, если эти деяния причинили вред правам и законным интересам граждан. Статья 237 УК вводит уголовную ответственность за сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей.

В Постановлении от 18 февраля 2000 г. Конституционный Суд РФ сформулировал важные позиции, касающиеся получения информации, непосредственно затрагивающей права и интересы заявителя. Суд, в частности, указал, что право каждого на получение информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы, и корреспондирующая этому праву обязанность органов государственной власти и их должностных лиц предоставить такую информацию не могут быть полностью исключены, что привело бы к недопустимому умалению самого конституционного права. Установленные пределы ограничения должны быть соразмерны и могут быть обусловлены исключительно содержанием информации. Рациональная организация деятельности органов власти не может служить основанием для ограничения этого права. При этом суд не может быть лишен возможности определять, обоснованно ли по существу признание тех или иных сведений не подлежащими распространению.

Таким образом, конституционное и текущее законодательство, Конституционный Суд РФ достаточно подробно и в широком плане обеспечивают гарантии прав личности на информацию, что должно быть присуще демократическому, правовому государству и информационному обществу. Однако все это в полной мере приобретает особую ценность в гражданском обществе и для социально-активного человека, чего в значительной мере нет в России. К тому же у нашего народа другой менталитет, он десятилетиями воспитывался в условиях патерналистского государства. И с этим нельзя не считаться, в том числе, при обеспечении гарантий прав и свобод.

Для реализации этой задачи важное значение имеют *организационно-воспитательные* меры, под которыми, на мой взгляд, следует понимать объединенные действия с целью правового воспитания и повышения правосознания. Такую работу должны проводить государство, органы власти и органы местного самоуправления, к чему обязывает Конституция Российской Федерации (ст. 2, 18; ч. 1 ст. 45; п. «б» ст. 72; ч. 1 ст. 82; п. «е» ст. 114). Вся работа по правовому воспитанию и повышению правосознания, тем более с учетом исторического опыта, следовало бы организовать и координировать Министерству юстиции России и его управлениям в субъектах Российской Федерации. Указом Президента РФ «О внесении изменений в Положение о Министерстве юстиции Российской Федерации», скорректированы полномочия вышеназванного министерства. В частности, за ним закреплена функция по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере оказания бесплатной юридической помощи и правового просвещения насе-

ления, а также по координации деятельности органов и организаций, оказывающих юридическую помощь и осуществляющих правовое просвещение населения.

Актуальность такой работы обуславливается тем, что, во-первых, действующая Конституция РФ, конституционное и текущее законодательство в корне поменялись в постсоветский период, в том числе, в части прав и свобод личности и способов их защиты. Во-вторых, Совет Европы постоянно «доставляет» европейскую систему защиты прав человека все новыми институтами, знание которых является обязательным для каждого цивилизованного человека. В-третьих, необходимо принять во внимание низкий уровень правосознания наших граждан, что отмечает Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин. И одной из причин этого министр юстиции России считает то, что «у нашего народа исторически не сформировалась правовая культура и уважение к закону» [10]. Думается, что статус и полномочия, возглавляемого им министерства представляют ему возможность не только констатировать сегодняшнее бедственное положение, но и организовать работу по правовому воспитанию и повышению правосознания хотя бы на уровне советского периода.

Еще в начале 2000-х годов Е.В. Середа писал, что проблема правового просвещения и образования настолько актуальна, что по остроте и неотложности ее можно сравнить с вопросом ликвидации массовой неграмотности, который стоял перед советской властью и обществом в 20-е годы прошлого столетия [11, с. 93]. При этом, абсолютное большинство россиян (91%) убеждены, что знание законов им необходимо в повседневной жизни, а отвечая на вопрос о том, почему они плохо знают законы, опрошенные говорили об отсутствии «правового ликбеза» [12]. Такая ситуация сложилась вследствие того, что в последние более чем три десятилетия в стране отсутствует специально организованное целенаправленное правовое просвещение и правовая пропаганда как форма правового обучения. В то же время И. Ильин подчеркивал, что единственно верный путь ко всем реформам есть постепенное воспитание правосознания, что является одной из основных задач государственной власти [13, с. 107].

Вполне очевидно, что человеку, чтобы эффективно защищать свои права и свободы, для начала надо знать о них. Еще Екатерина II в своем «Наказе» (1767 г.) писала о необходимости распространения в народе сведений о действующем законодательстве. В противном случае, по ее мнению, «гражданин будет зависеть от некоторого числа людей, взявших к себе в хранение законы и толкующих оныя; преступления не столь частыя будут, чем больше людей Уложения читать и разуместь станут; предписать, чтобы во всех школах учили детей грамоте попеременно из церковных книг и из тех книг, кои законодательство содержат».

Судя по всему, спустя почти три столетия, Минюстиции России усвоило только первое положение и им же руководствуется. Видимо, правы те авторы, которые пишут о том, что чиновник не заинтересован в правовом просвещении и повышении правосознания, поскольку в такой ситуации легче управлять. Напомню однако, что после принятия в 1918 г. Конституции РСФСР практически сразу же V Всероссийский Съезд Советов поручил Народному комиссариату просвещения РСФСР «ввести во всех без изъятия школах и учебных заведениях Российской республики изучение основных положений Конституции, а равно и их разъяснение и истолкование». Тогда же В.И. Ленин отмечал значение для укрепления законности должного культурного уровня граждан, роль кодификации законодательства «для юридической пропаганды населения [14, с. 58]. «Каждый гражданин, – указывал он, – должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законодательства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь» [15, с. 157].

Спустя десятилетия, в 1966 г., было принято известное Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР об усилении борьбы с преступностью. Оно касалось и правового воспитания граждан. Следствием принятия этого постановления явилось то, что «центральная и местная печать стала систематически публиковать материалы, широко разъясняющие действующее советское законодательство, права и обязанности граждан, правопорядок, роль и значение органов суда, прокуратуры в деле защиты интересов советского государства и граждан, а также информировать читателей о наиболее важных, имеющих воспитательное значение судебных процессов» [16, с. 29-30].

Активную работу по правовому воспитанию стали проводить государственные органы и общественные организации после опубликования Постановления ЦК КПСС от 15 сентября 1970 года «О мерах по улучшению правового воспитания трудящихся». Вновь созданному союзно-республиканскому Министерству юстиции СССР и его органам на местах было поручено возглавить методичес-

кое руководство делом правовой пропаганды и разъяснения законодательства. 30 июля 1970 года в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» было указано, что «органы прокуратуры и суда должны всемерно... уделять повседневное внимание пропаганде советских законов и правовому воспитанию населения, особенно молодежи». Конкретную работу по данному вопросу повели государственные органы на разных уровнях, административные и судебные органы, юридические учреждения, общественные организации. В правовом воспитании свою роль сыграло также Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 декабря 1970 года «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве».

Указанные постановления значительно расширили возможности правового воспитания граждан, поскольку охватывали практически все слои и социальные группы населения, дали возможность дальнейшего развития научных исследований проблем правового воспитания. В совместном решении Комиссий законодательных предположений Совета Союза и Совета национальностей Верховного Совета СССР от 21 сентября 1972 года перед соответствующими ведомствами и научными учреждениями была поставлена задача по расширению исследований проблем правового воспитания населения, эффективности пропаганды законодательства и других средств формирования социалистического правосознания [17, с. 18]. Но особое внимание обращает то, что в Основах законодательства СССР и союзных республик о народном образовании, утвержденных 19 июля 1973 года, правовое воспитание стало рассматриваться в качестве сквозной задачи средней общеобразовательной школы, средних профессионально-технических училищ, средних специальных учебных заведений и высших учебных заведений. Так, в ст. 22 говорилось о правовом воспитании, привитии учащимся уважения к советским законам и правилам социалистического общежития, формировании сознания необходимости их соблюдения. Аналогичные положения применительно к другим образовательным учреждениям приводятся в статьях 32, 40, 46 указанного Закона.

В порядке реализации положений указанных статей на местах развернулась широкомасштабная работа по правовому воспитанию учащихся различных образовательных учреждений. Практика усиления правового воспитания населения была продолжена на XXIV Съезде КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции, в резолюции которой «О правовой реформе» было емко указано: «Формирование социалистического правового государства, реформа политической системы и внедрение новых методов хозяйствования требуют принятия эффективных мер по перестройке правового воспитания населения, организации юридического всеобуча как единой общегосударственной, общепартийной программы, охватывающей все слои трудящихся, все кадры в центре и на местах».

В настоящее время, с учетом актуальности рассматриваемой темы, наряду с правовым воспитанием важнейшее значение приобретает изучение в сфере образования прав и свобод личности и способов их защиты. Так, в системе гуманитарного образования США и стран Западной Европы, на которые мы часто ссылаемся, *обучению правам человека придают первостепенное значение и соответствующие дисциплины в рамках правового образования рассматриваются в качестве базовых*. В то же время в *Федеральном государственном образовательном стандарте* даже для юристов-специалистов, призванных защищать права и свободы человека, *не предусмотрено изучение прав человека*. Такая ситуация инициирует на некоторых юридических факультетах обучение студентов правам человека в рамках соответствующего спецкурса. Но этого явно недостаточно, поскольку он носит факультативный характер и предназначен для ограниченного контингента студентов. К тому же время на изучение прав человека выделяется объем часов по остаточному принципу, хотя в *общей характеристике специалиста*, предусмотренной в Государственном образовательном стандарте Министерства образования и науки РФ по специальности «юриспруденция» указывается, что юрист должен уметь предпринимать необходимые меры к восстановлению нарушенных прав, обладать принципиальностью и независимостью в обеспечении прав, свобод и законных интересов личности. Для того, чтобы эти характеристики могли сформироваться у будущего юриста, необходимо, по мнению Председателя Конституционного Суда В.Д. Зорькина, «решительно обновить стандарты юридического образования», в частности, включить в число основных курс «Права человека». Отмечая важность рассматриваемого вопроса, бывший Уполномоченный по правам человека в России О.О. Миронов еще в 2000 г. направил министру общего и профессионального образования Российской Федерации свои предложения о дополнении Федерального компонента стандартов образования вопросами прав и свобод человека, форм и методов их защиты. Однако, как говорится, «воз и ныне там». Можно было бы ожидать, что в Основах будут предусмотрены меры по обучению правам и свободам личности и способом их защиты. Однако в них нет ни одного слова по данной проблеме, хотя согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы явля-

ются высшей ценностью. Их обеспечение Президент В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию от 25 апреля 2015 г. считает критически важным как для развития экономики, так и для общественно-политической жизни России.

С учетом вышеизложенного, а также основываясь на необходимости и возможности заложить нормативные основы обучения в области прав и свобод человека, предлагаю в Федеральном государственном образовательном стандарте предусмотреть:

1) обучение всех студентов, независимо от специальности, основам прав и свобод человека, формам и методам их защиты;

2) совершенствование содержания и характера юридического образования в направлении приоритета прав человека и способов их защиты;

3) профессиональную подготовку специалистов в области защиты прав и свобод человека в рамках юридического образования;

4) увеличение объема часов по основным учебным дисциплинам государственно-правовой специализации с целью обучения студентов вопросам прав и свобод личности и способам их защиты.

Указанные предложения мною были включены в Проект программы правового воспитания РСО–Алания, о чем сообщалось в центральной печати. После этого ко мне обратилась редакция федерального журнала «Государственная власть и местное самоуправление» с просьбой выслать данный Проект программы. Он был опубликован в данном журнале [18], а редакция отметила, что он может стать основой соответствующего федерального проекта Программы.

Два года назад обратился к министру науки и высшего образования России с просьбой учесть мои предложения по совершенствованию юридического образования и правовому воспитанию. Получил положительный отзыв от министерства, но как говорят, «воз и ныне там». Продолжая надеяться на то, что в период, когда вносятся постоянные изменения в Конституцию РФ, основные законы субъектов Российской Федерации, федеральное и региональное текущее законодательство, в министерстве науки и высшего образования должны осознать необходимость введения в ФГОС ВО такой дисциплины как «*правовое воспитание*», а в министерстве юстиции Российской Федерации рекомендуют обществу «знание» наладить работу относительно чтения лекций по правовому воспитанию с целью повышения правосознания и правовой культуры.

Список литературы

1. Кравец И.А. Цифровой конституционализм и будущее информационного общества (в контексте глобализации и интеграционных процессов // Право и государство. № 3-4. 2020. С. 85.

2. Бондаренко В.М. Информационное общество для всех - информационное общество для каждого человека в отдельности // Информационное общество. 2001. вып. 1. С. 34.

3. Лолаева А.С. Право как инструмент перехода к информационному обществу // Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (19 июня 2021 г.). – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 133-137.

4. Шахрай С.М. Цифровая Конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник российской академии наук. 2018. Т. 88. № 12. С. 1077.

5. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

7. Авакьян С.А. Задачи конституционного права в аспекте защиты (от) информации // Конституционное и муниципальное право. № 8. 2022. С. 3-4.

8. Авакьян С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права. В сб.: Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы». М., 2017. С. 22.

9. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации»; Федеральный закон от 13 марта 2006 г. «О рекламе»; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. «Об обеспечении доступа к информации по деятельности судов в Российской Федерации»; Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»; «Федеральная целевая программа» (ФЦП); Государственная программа «Информационное общество» (2011-2020 гг.).

10. См.: Народный контроль закона // Рос. газета. 2011. 23 июня.
11. См.: Середа Е.В. Зачем нужна федеральная целевая программа правового просвещения и правового воспитания в области прав человека и методов их защиты? // Вестник Уполномоченного по правам человека в РФ. 2003. №2. С. 93.
12. См.: Сорокина М. Правовой ликбез // Российская газета. 2008. 19 марта.
13. Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. Т4. М., 1994. С. 107.
14. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С.58.
15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С.157.
16. Павлов А.С. Правовое воспитание. М., 1972. С. 29-30.
17. См.: Пропаганда правовых знаний – важная часть коммунистического воспитания советских граждан // Советское государство и право. 1973. № 1. С. 18.
18. Проект республиканской целевой программы «Правовое просвещение и образование // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 9.

УДК 347.711

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМАТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Межибовская И.В. – к.ю.н., доцент, академик международной академии информатизации, ведущий научный сотрудник

Институт государства и права КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Аннотация. Сегодня процесс цифровизации стремительно набирает обороты во всех сферах жизнедеятельности человека, вероятно, поэтому принято считать, что цифра, как таковая, потеряла свое первоначальное положение, перейдя в формат глобального современного тренда. Современное же поколение, не представляющее себе простейшие жизненные манипуляции, без использования модернистских цифровых функционалий, называют поколением Z, имеющим кликабельное мышление. Появление такого рода современных людей ориентирует научные направления на совершенствование цифровых технологий абсолютно во всех сферах жизни общества. Кроме того, сегодня успешная государственная политика тесно связана с международно-правовыми отношениями, поэтому цифровизация перешагнула внутренние границы государства, заняв уверенное положение в нормах международного права. Не являются исключением и социально-трудовые отношения. Например, такие понятия, как «цифровые кочевники», «фриланс», «дистанционный режим в работе» официально закреплены и урегулированы в сфере трудовых правоотношений как национальных правовых режимов, так и международных. В статье представлен краткий аналитический обзор некоторых правовых направлений реализации социально-трудовых прав и свобод человека в свете меняющихся технико-технологических цифровых модернизаций.

Ключевые слова: *прикомандирование, заемный труд, цифровое право, ЕАЭС, цифровой путеводитель*

Социально-трудовые отношения занимают одно из приоритетных положений в иерархии основных прав и свобод человека и гражданина, они выступают реальным барометром цивилизованности, развитости, экономического уровня и стабильности государств и межгосударственных объединений, поскольку предполагают тесную взаимосвязь и взаимозависимость государственных структур, групп населения, объединенных по самым различным основаниям и индивидуумов, отдельных граждан. Данные отношения включают в себя конституционные права на жизнь, охрану здоровья, социальное обеспечение и страхование, труд и др. Сегодня, при полном сохранении своих функциональных конституционных позиций, наблюдаются кардинальные модернистские изменения в форме реализации данных прав и свобод, переосмыслении их принципиальных позиций и функциональных особенностей. Феноменальная скорость развития цифровых технологий во всех сферах, появление искусственного интеллекта, облачных технологических систем, высокий уровень развития автомати-

зации, включая робототехнологические варианты, в качестве скорой необходимой меры ставят необходимость в пересмотре практически всех направлений формирования и обеспечения государственных программ занятости и профессионального образования, системную и структурную подготовку и переквалификацию рабочей силы, организацию социально-обеспечительной государственной деятельности на совершенно иных правовых позициях.

Анализ современных теоретических разработок показывает, что многие ученые правоведы выделяют правоотношения в сфере информационных технологий в самостоятельную отрасль права, однако, большая часть обращает внимание на их межотраслевой характер. Так, например Волков В.Э. предлагает следующее определение данной отрасли права «Цифровое право в широком смысле как новое направление правового регулирования, правовой механизм, обеспечивающий развитие цифрового общества. В узком смысле цифровое право - это комплексный межотраслевой правовой институт, объединяющий нормы основных отраслей права, регулирующие отношения, связанные с поиском, получением, передачей, производством и распространением цифровых данных, а также с применением цифровых информационных технологий» [1]. На межотраслевой статус цифрового права обращает внимание известный российский правовед, Блажеев В.В. [2]. Следует также отметить, что сегодня представлено и защищено достаточно большое количество диссертационных работ на рассматриваемую тему (см. например: Зельцер М.С., Карцхия А.А., Мефодьева и др.) [3]. Мы также полагаем, что, при всем многообразии и многофункциональности сферы охвата цифровых отношений, в настоящее время они не представляют собой самостоятельную отрасль права, являясь межотраслевым правовым институтом.

Казахстан уделяет значительное внимание правовому обеспечению таких модернизаций, в стране приняты серьезные нормативные правовые акты по данному вопросу, на пример Законы - от 14 июля 2022 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам стимулирования инноваций, развития цифровизации, информационной безопасности и образования», «О цифровых активах в Республике Казахстан» от 6 февраля 2023 г. В настоящее время активно обсуждается вопрос о разработке и принятии Цифрового кодекса [4], действуют информационные программы в области пенсионного обеспечения, социального страхования и социального медицинского страхования, данные программы едины для всех регионов страны, успешно действует электронная биржа труда, называемая «единой цифровой экосистемой занятости» или «супермаркет услуг занятости для населения», представляющая собой хорошо выстроенную систему обучения и трудоустройства граждан, начиная от выбора работы, с учетом карьерных перспектив и до заключения трудовых договоров. Предполагается, что в полном варианте информационная Экосистема будет охватывать несколько направлений, в том числе единую цифровую площадку по трудоустройству (Enbek.kz), платформу онлайн обучения (Skills Enbek), цифровой путеводитель по профессиям, а также платформы Business Enbek и HR Enbek. Кроме того, в настоящее время в формате разработки находится платформа «Цифровая карта семьи», задачей которой является скорое выявление семей, находящиеся в зоне социальных рисков и определение для них наиболее востребованных мер поддержки. В качестве социальных критериев определены доход, здоровье, жилищные, бытовые условия, образование и социальные риски [5]. Сегодня в казахстанском праве активно используются понятия работа «фриланс работник». Как правило, такие работники работают по гражданско-правовым договорам, но в определенных случаях с ними заключают трудовой договор. Это объясняется тем, что фрилансер, как правило, выполняет определенную работу вне штата. Как правило, он сам предлагает свои услуги через интернет. Такая деятельность очень распространена в сфере интернет технологий. Цифровые кочевники, лица, ведущие мобильный образ жизни и использующие цифровые телекоммуникационные технологии для выполнения своих профессиональных обязанностей.

Особое место в формате цифровизации в Казахстане занимает институт «прикомандирования» работников. Российские юристы категорически отказались включать данный правовой институт в состав трудовых правоотношений, оставив их в лоне гражданского права. В зарубежном законодательстве такой институт называют *secondment*, лизинг персонала или аутстаффинг. Это связано с тем, что работодатели заключают между собой договор о предоставлении работников, фактически это заемный труд. Под прикомандированием понимается выполнение прикомандированным работником работы по определенной специальности, квалификации или должности, определенной трудовым договором, но у другого юридического лица. Т.е. работодатель дает займы своего работника. За прикомандированным работником сохраняется место работы (должность) у работодателя, который осуществляет прикомандирование (ст. 40 Трудового Кодекса РК) [6].

Серьезно решается вопрос в сфере цифровизации социально-трудовых отношений на международном уровне. В качестве примера можно привести ЕАЭС, где имеет место быть условное распределение сферы направлений цифровизации между государствами участниками (кроме Кыргызской Республики). Так, например, программа по поиску работы «Работа без границ», где все работы ориентированы на огромный информационный контент, а во главу угла поставлены вопросы обеспечения информационной безопасности. С лета 2021 года введена единая база вакансий для граждан государств-участников ЕАЭС.

Таким образом, сегодня в сфере цифровых технологий вопросы правовых регламентаций занимают одно из базовых положений, однако следует отметить, что в ряде случаев законодательная деятельность не в полном объеме учитывает проблемы государственной национальной информационной безопасности.

Список литературы

1. Волков В.Э. Цифровое право. Общая часть. Самара: Издательство Самарского университета. 2022. С.11.
2. Блажеев В.В., Егорова М.А., Белых В.С. Цифровое право. Учебник. М.: Проспект, 2022. – 640 с.
3. Информационный правовой портал [Электрон. ресурс] - URL: <https://www.dissercat.com/content>.
4. Электрон. ресурс-URL: <https://drfl.kz/ru/tsifrovoi-kodieks>.
5. Электрон. ресурс-URL: <https://forbes.kz/process>.
6. Трудовой кодекс Республики Казахстан [Электрон. ресурс]-URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs>.

УДК 349

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Смыр С.М. – к.ю.н., доцент, декан юридического факультета Абхазского государственного университета

Абхазский государственный университет, г. Сухум

Хагба Е.Г. – зав. криминалистической лаборатории, преподаватель кафедры уголовного права и процесса

Абхазский государственный университет, г. Сухум

Аннотация. Развитие современного мира неизбежно ведет к повсеместному внедрению цифровых технологий. Не является исключением и такая сфера отношения как демократия с его многочисленными институтами. В научной работе авторы изучают преимущества и недостатки цифровизации демократических институтов.

Ключевые слова: *цифровизация, цифровые технологии, демократия, демократические институты, преимущества, недостатки*

Одной из тенденции развития права в современную эпоху является поэтапная цифровизация демократических институтов, в частности выборов различного уровня и видов. Эта тенденция берет свое начало с конца XX века, когда информационно-коммуникационные технологии заложили основу для будущей цифровой революции. Главными локомотивами этой революции являлись широкое применение электронно-вычислительных машин и иной техники, а также распространение интернета.

Кроме того, на примере России, эти процессы всецело соответствуют Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации [6].

Интернет и информационные технологии становятся частью демократических институтов, таких как выборы и референдумы. Данное обстоятельство имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Положительное влияние развития цифровизации заключается в том, что возможность дистанционного участия в управлении государственными делами открывает для граждан окно новых возможностей. Однако, возникает вопрос: насколько данные технологии исключают возможность постороннего вмешательства в ход голосования и подсчет голосов.

На примере Российской Федерации, отправной точкой перехода к цифровизации демократических институтов можно считать 1995 год, когда свою работу начала государственная автоматизированная система «Выборы» (далее ГАС «Выборы»). Данная система позволила существенно упростить и ускорить процесс подсчета голосов. Однако данная система распространяла свое действие лишь на процесс подсчета голосов, не затрагивая процесс голосования. Следующей вехой в развитии данной технологии является 2003 год, когда появляется Комплекс обработки избирательных бюллетеней (далее КОИБ) [4, с. 150].

В 2006 году широкой общественности был представлен новый Комплекс электронного голосования (далее КЭГ). Однако, ввиду полного отсутствия бумажных бюллетеней при таком виде голосования данная технология не получила поддержки и дальнейшего логического развития.

Прозрачность процесса голосования и подсчета голосов предъявляет к его организаторам свои неумолимые условия. В связи с этим, считается что безопасность использования ГАС «Выборы» обеспечивается за счет специального программного кода. Что же касается КОИБ, то гарантом его безопасности служит автономная работа без доступа к интернету и полное исключение человеческого фактора в работе данной системы на что направлена работа контролирующих и надзирающих органов в силу того, что полностью исключить человеческий фактор невозможно, даже при использовании максимально автономных систем. Для этого все еще необходимо на должном уровне проводить правоохранительную деятельность.

В разных странах использование электронных средств голосования уже имеет немалый накопленный опыт. Так, в Эстонии впервые были проведены выборы с использованием электронного голосования. Для этого использовалась специальная карта, которая является средством идентификации гражданина. Если в 2009 году на парламентских выборах этой технологией воспользовались 9,5 % избирателей, то в 2019 доля избирателей, принявших участие в голосовании с применением инновационного метода, составило уже 43,8 %. Открытым остается вопрос о положительности или отрицательности такой возможности, как изменение своего выбора с момента объявления голосования до и его окончания [7, с. 25]. Очевидно, данная норма направлена на преодоление вероятности давления на избирателя.

Еще одной страной, где применяется схожая технология голосования является Бельгия, где с 1994 года электронное голосование имеет правовую основу. Бельгийская система предполагает наличие моноблока с сенсорным экраном и пером, который оснащен считывателем смарт-карты. Избиратель может отменить свой первоначальный выбор до окончательного подтверждения. После подтверждения и возврата магнитной карты изменение данных невозможно [5, с. 479].

Еще одной страной, где активно развивается цифровизация демократических институтов является США. Американская избирательная система помимо сохранения консервативных методов голосования предполагает наличие возможности голосования по почте. Эта возможность не пользовалась особым успехом, но пандемия Covid-19 в некотором роде способствовала популяризации такой возможности. Однако, международные наблюдатели и специалисты неоднократно выражали сомнение в прозрачности подобного голосования. Что касается электронных средств голосования, то подобная возможность предусматривалась в разное время в отдельных штатах. Так, жители Денвера (штат Колорадо) на муниципальных выборах 2019 года могли принять участие в голосовании с использованием мобильного приложения «Voatz». В США большой популярностью пользуется не электронное голосование, а электронный подсчет голосов, для которого применяются оптические сканеры [3, 125].

Анализ литературы посвященной данной проблематике позволяет сделать вывод о группе положительных и отрицательных сторон цифровизации.

К положительным сторонам можно отнести следующее:

1. Вовлечение наиболее активной (молодой) части населения к политическим процессам.
2. Сокращение времени, затрачиваемого на организацию выборов по всей территории страны.
3. Рост явки.
4. Возможность внедрения многоязычного интерфейса, что особенно актуально для многонациональных и многоязыковых стран.
5. Оптимизация и снижение расходов на организацию выборов и т.д. [2, с. 72].

Помимо неоспоримых плюсов, данная тенденция имеет и свои недостатки. Осознавая неизбежность цифровизации многих отраслей жизни человека, мы все же склонны считать, что нельзя сокращать консервативные методы личного участия гражданина в управлении делами государства. Сокращение временных затрат является неоспоримым плюсом, но необходимо выдержать ту тон-

кую грань, когда удобное участие в политических процессах может превратиться в бездушное. К числу других недостатков относятся:

1. Невозможность на данном историческом этапе добиться повсеместного распространения электронных средств и скоростного интернета.
2. Возможность человеческого вмешательства при условии наличия административного ресурса.
3. Возможность нарушения тайны голосования.
4. Потенциальная подверженность некоторых электронных средств хакерским атакам.
5. Отсутствие достаточной правовой регламентации процесса.
6. Проблемы наблюдения за прозрачностью голосования в цифровом пространстве.
7. Спорные вопросы, связанные с возможностью правильной идентификации голосующего и т.д. [1, с. 18-19].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что внедрение цифровых технологии в демократические институты является закономерным процессом развития права в современную эпоху. Более того, успешность подобных проектов, несомненно, увеличит активность участия граждан в политических процессах и повышению уровня доверия граждан. Однако, все еще сохраняется ряд проблем правового и организационного характера, решение которых, очевидно, будет достигнуто в ближайшие годы.

Список литературы

1. Алексеев, Р.А. Абрамов, А.В. Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // Гражданин. Выборы. Власть. № 1 (15). – 2020.
2. Белоконев, С.Ю. Чистов, И.И. Электронное голосование как перспектива политического процесса: возможности и ограничения «цифровой политики» // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. № 5. – 2017.
3. Минтусов, И.Е., Гуляев, Д.С. Дистанционное электронное голосование в странах англосаксонской системы: США, Австралия, Великобритания. Почему голосование ДЭГ не прижилось // Гражданин. Выборы. Власть. № 1 (23). – 2022.
4. Федоров, В.И., Ежов, Д. А. Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации // Вестник Московского государственного областного университета. № 1. – 2021.
5. Худолей, Д.М., Худолей, К.М. Электронное голосование в России и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Выпуск 57. – 2022.
6. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // доступ из информационно-правовой системы «Гарант».
7. Heiberg, S., Willemsen, J. Verifiable Internet Voting in Estonia Title // EVOTE2014. 6th International Conference on Electronic Voting, 28-31 October 2014, lochau/Bregenz, Australia. Tallinn, TUT Press. – 2014.

УДК 321.7

ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ОНТОЛОГИЯ ЭМБЛЕМАТИЗМА В УСЛОВИЯХ МНОГООБРАЗИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Тирских М.Г. – к.ю.н., профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения
ФГБОУ ВО Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье рассматривается угроза превращения отдельных инструментов электронной демократии в эмблему, которой ложно приписываются свойства обеспечения демократизма политического режима, усиления доступности институтов прямой демократии и участия населения в осуществлении власти. Даются рекомендации по обеспечению недопущения использования эмблемы электронной демократии для придания ложного образа авторитарным политическим режимам.

Ключевые слова: электронная демократия, демократия, авторитаризм, политический режим, правовая реальность, эмблема

В современной практике государственного строительства все большие масштабы принимает применение инструментария электронной демократии. Во многих странах нормой стали электронные ресурсы, позволяющие принимать и обрабатывать обращения граждан, электронные петиции, в отдельных странах – использование электронного голосования при проведении выборов и референдума.

Перечень конкретных институтов электронной демократии крайне разнообразен и ограничен разве что техническими возможностями, которые стремительно увеличиваются в связи с появлением новых технологий (например, применение технологий blockchain при проведении выборов с помощью платформ электронного голосования). Появившиеся же в начале XXI века концепции «электронного правительства» (см. Р.А. Логуа и А.С. Балюков [1]) и «электронного государства» (см. Р.Ф. Азирова [2]) и наполняемая сейчас конкретным содержанием концепция «электронного общества» (сам термин был предложен в 1962 г. канадским исследователем Маршаллом Маклюэном [3], он обозначал скорее общество, существующее в условиях активного использования электронных аппаратов и адаптированное к ним, но в настоящее время меняет свое содержание означая среду общественной активности, использующую современные достижения науки и техники и включает в себя электронную коммерцию, электронные коммуникации и иные сферы жизнедеятельности общества частично или полностью переносящиеся в электронный пласт реальности) вновь раздвигают границы применения механизмов электронной демократии.

Использование инструментария электронной демократии позволяет сделать институты народовластия более доступными, дешевыми и удобными для широкого круга лиц, нежели чем формы традиционной демократии. Однако, за этими простотой, удобством и сравнительной дешевизной стоит угроза, которая зачастую не воспринимается специалистами. Зачастую, ученые погружены в решение задачи о том, как можно использовать потенциал электронной демократии для укрепления демократических институтов, но редко задумываются о том, что электронная демократия может стать своеобразной эмблемой, обосновывающей ложное восприятие институтов в угоду политическим целям и демонстративным политическим действиям. Так, И.З. Харченко верно отмечает, что «для эффективного и оптимального функционирования механизма е-демократии критически важным фактором является понимание отдельными лицами, группами граждан, правительством, общей концепции электронной демократии и назначение ее инструментов» [4, с. 118].

Безусловным и очевидным фактом является то, что в эпоху современных цифровых технологий использование инструментов электронной демократии может, например, удешевить процесс выборов (за счет отсутствия необходимости печати бумажных бюллетеней, использования помещений для голосования, обеспечения работы участковых избирательных комиссий, от которых при проведении полностью электронного голосования можно просто избавиться).

Они могут повысить доступность институтов демократии для населения, предполагая удобный доступ к таким институтам посредством электронных приборов, когда, например, гражданину не нужно посещать избирательный участок на выборах, а достаточно проголосовать с помощью собственного мобильного телефона, или не нужно направлять почтовое отправление в адрес органа государственной власти, а достаточно заполнить бланк запроса на сайте этого органа, не выходя из дома.

Они могут повысить активность участия граждан в институтах демократии, окончательно преодолев, таким образом, известный предел Ж.Ж. Руссо, писавшего, что республика может существовать только в сравнительно небольших государствах, а уделом крупных государств является монархия [5]. Сейчас принять участие в электронной форме голосования может неограниченное число людей, а в перспективе не исключено и создание законодательных органов, включающих все население государства, участвующее в обсуждении и принятии законов с помощью электронных сервисов. Сейчас это, конечно, является скорее фантастикой, однако технологически вполне реализуемо.

При всех положительных моментах от введения инструментов электронной демократии следует учитывать, что превращение ее в своеобразную «эмблему» демократии превращает такие инструменты в орудие, которое может быть использовано авторитарными (а в абстрактной модели и тоталитарными) режимами.

литарными) государствами для демонстрации своей мнимой демократичности. В конце концов, в тех же авторитарных государствах существует институт выборов (являющийся одним из институтов прямой демократии), что не делает политический режим таких государств более демократическим, однако позволяет правительствам таких государств, утверждать о том, что они на самом деле являются демократическими, в силу самого факта наличия института выборов. Электронная демократия, в таком случае, может стать еще более удобной ширмой, которая благодаря вмешательству посторонней воли может исказить волеизъявление граждан как в рамках выборов проведенных с использованием инструментов электронной демократии, так и при реализации иных демократических институтов (опрос граждан, обращения, петиции и т.д.). В такой ситуации институты «электронной демократии» воспринимаясь таковыми в силу складывания в общественном сознании убеждения, что использование электронных форм участия населения в делах государства делает режим демократическим рискуют постепенно превратиться в институты «электронного авторитаризма» (данный термин также встречается в отечественной науке, например, в работах Ю.А. Кабанова [6]).

Таким образом, очевидно, что инструменты электронной демократии в полной мере могут быть использованы как демократическими, так и антидемократическими режимами. А в случае превращения «электронной демократии» в своеобразную «эмблему» и вовсе послужить цели маскировки государства с недемократическим политическим режимом в качестве демократического.

Выходом из данного положения могут (и должны) стать четыре шага.

Во-первых, избегание ложного восприятия инструментария «электронной демократии» как свойства исключительно демократических политических режимов. Понимание, что таким инструментарием может пользоваться любой политический режим практически устраняет возможность использования электронной демократии в качестве «эмблемы».

Во-вторых, в обязательном порядке инструментарий «электронной демократии» должен сосуществовать с инструментами традиционной не электронной демократии, возможно дополняя их, но не заменяя полностью. В частности, идеи отказа от возможности проведения массовых политических мероприятий в реальном пространстве, заменив их виртуальными конференциями (собраниями) вряд ли можно считать приемлемыми и в полной мере допустимыми, даже с учетом довода о заботе о безопасности участников массового мероприятия.

В-третьих, очевидна необходимость создания при использовании инструментов «электронной демократии» транспарантных механизмов проверки отсутствия искажения воли граждан с помощью технических средств и нормативных предписаний, обеспечивающих возможность проверки правильности отражения волеизъявления. Например, посредством использования электронного сертификата, результата голосования гражданина на «электронных выборах», направляемого проголосовавшему гражданину и недоступному для контроля иными субъектами в целях сохранения тайности голосования.

Лишь при таких условиях, но не ограничиваясь ими, «электронная демократия» может сохранить свой демократический характер.

Список литературы

1. Логуа Р.А., Балюков А.С. Электронное правительство в цифровую эпоху: концепции, практика и развитие / Основы экономики, управления и права. – 2014. – № 5. – С. 12-19.
2. Азиров Р.Ф. Проблема соотношения терминов «электронное правительство» и «электронное государство» в современном информационном праве // Вестник Владимирского юридического института. – 2014 - № 4. – С. 135–143.
3. McLuhan M., *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man.* – Toronto: University of Toronto Press, 1962. – 293 p.
4. Харечко И.З. Электронная демократия как модель улучшения политического участия граждан: зарубежный опыт // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. №3. – С. 110–120.
5. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. - М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. - 416 с.
6. Кабанов Ю.А. Электронный авторитаризм (институт электронного участия в недемократических странах) // Полития. 2016. №4 (83). – С. 36 – 55.

УДК 347.711

**ПРАВО НА ИНФОРМАЦИЮ И СВОБОДА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ:
СОДЕРЖАНИЕ И ПРЕДЕЛЫ**

Дзидзоев Р.М. – д.ю.н., профессор кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы права на информацию и свободы массовой информации с точки зрения Конституции Российской Федерации и текущего законодательства, ее содержание и пределы. Дается оценка цензурным ограничениям свободы массовой информации с позиций свободы слова и права на информацию. Анализируются законодательные новеллы, ограничивающие свободу массовой информации в Интернете, оценивается их конституционность и необходимость. Обосновываются научно-практические предложения по совершенствованию механизма обеспечения свободы массовой информации в России.

Ключевые слова: право на информацию, свобода массовой информации, право на информацию, цензурные ограничения, «антифейковые» законы, информационная ответственность

Темой конференции выступают права человека в информационном обществе, основанном на беспрепятственном использовании общественно значимой информации.

Юридически информационное общество вырастает из конституционного права каждого на информацию, предопределяющего содержание и пределы информационного пространства.

Право на информацию, закрепленное в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, является правом комплексным, состоящим из совокупности прав по поиску, получению, передаче, производству и распространению информации. В принципе каждое из этих правомочий по своему объему «тянет» на самостоятельное право, что позволяет именовать их информационными правами.

Из конституционного права на информацию вырастает свобода массовой информации в России гарантируемой частью 5 статьи 29 Конституции Российской Федерации.

В своем генезисе свобода массовой информации воплощает свободу мысли и слова, закрепленную в части 1 той же статьи Конституции, является организованной формой ее выражения. Закрепление названных свобод в одной статье Конституции говорит о их смысловом единстве, в современном мире свобода мысли и слова, право на информацию не могут быть реализованы в отсутствие свободы массовой информации.

Свобода массовой информации предполагает запрет цензуры, подтвержденный Конституцией России, устанавливающей, что цензура запрещается (ч.5 ст. 29).

Учитывая, что свобода массовой информации и запрет цензуры соединены в одной части статьи 29 Конституции РФ, напрашивается вывод о их тесной взаимосвязи, при которой отсутствие цензуры выступает главным условием свободы массовой информации.

Нормативное определение цензуры массовой информации приводится в Законе о СМИ, который под цензурой массовой информации понимает требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей (ст. 3). Цензура, отмечается в литературе, представляется инструментом именно официальной, государственной власти, позволяющим контролировать распространение информации [1].

Допустимо ли ограничение свободы массовой информации, права на информацию и в каких пределах? Согласно той же статье 29 Конституции не допускаются пропаганда или агитации, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду; запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2), что одинаково относится и к средствам массовой информации.

Ограничение свободы массовой информации предусмотрено законом о СМИ, согласно которому, в частности, не допускается использование средств массовой информации в целях совершения уго-

ловно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, и материалов, содержащих нецензурную брань (ст. 4).

Таким образом, свобода массовой информации как проявление свободы мысли и слова имеет ограничения, подвержена мерам цензурного порядка, хотя тональность конституционной формулы «цензура запрещается» может казаться категоричной, исключая условный смысл и ограничительное толкование.

Свобода массовой информации получила новое звучание в России в связи с принятием в марте 2019 г. так называемых антифейковых [2] законов, введившие своей совокупности заметные ограничения на распространение информации в электронных СМИ вплоть до блокировки сетевых ресурсов.

В марте 2019 г. в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» была введена новая статья – 15.1-1 [3], предусматривающая ограничение доступа к информационному ресурсу в случае обнаружения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации.

Новая редакция части 1 статьи 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» пополнилась таким составом, как обнаружение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи [4].

Закон, таким образом, вводил такой квалифицирующий признак противоправной информации, как «распространяемой под видом достоверных сообщений», что предполагает умысел на причинение вреда [5].

Механизм ответственности, которую мы назовем *информационной*, выглядит следующим образом:

– Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместители обращаются в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, с требованием о принятии мер по удалению указанной информации и по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим указанную информацию;

– федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи (этим органом выступает федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), на основании обращения Генеральной прокуратуры, незамедлительно уведомляет редакцию сетевого издания о необходимости удаления указанной информации и фиксирует дату и время направления такого уведомления редакции сетевого издания в соответствующей информационной системе;

– редакция сетевого издания незамедлительно с момента получения от Роскомнадзора уведомления, обязана удалить соответствующую информацию;

– в случае, если редакция сетевого издания незамедлительно не удалила информацию, Роскомнадзор направляет по системе взаимодействия операторам связи требование о принятии мер по ограничению доступа к сетевому изданию, которое должно содержать доменное имя сайта в сети «Интернет», сетевой адрес, указатели страниц сайта в сети «Интернет», позволяющие идентифицировать такую информацию.

Как можно видеть, инициатива принятия мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, принадлежит руководству Генеральной прокуратуры, что должно служить гарантией соблюдения свободы массовой информации.

Указанные выше принудительные меры прекращаются, если владелец информационного ресурса удалил распространяемую с нарушением закона информацию, направив уведомление об этом в Роскомнадзор, который в этом случае незамедлительно уведомляет оператора связи о возобновлении доступа к информационному ресурсу, в том числе к сайту в сети «Интернет».

Авторы законопроектов оправдывали свои инициативы соображениями информационной безопасности. В пояснительной записке к поправкам к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» указывалось, что посредством ограничений создается реально работающий механизм защиты общества от противоправной информации, распространяемой в информационно-телекоммуникационных сетях, призывающей к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской или террористической деятельности, сеющей религиозную или национальную рознь. Безусловным элементом защиты прав и свобод граждан выступает субъект реагирования на распространение противоправной информации, им может быть только Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместители, что исключает возможные злоупотребления при использовании нормы [6].

Законодательные новеллы активно отстаивал соавтор законопроектов сенатор А.А. Клишас, который в интервью Парламентской газете отметил, что поправки направлены на защиту таких конституционно защищаемых ценностей, как общественная нравственность, стабильность государственного управления, что в полной мере согласуется с положениями части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, а также статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Парламентарий заявил также, что, учитывая значимость данных законов и дискуссию, возникшую в связи с их принятием, планируется проводить мониторинг правоприменительной практики их реализации. «Мы... были бы благодарны Общественной палате и Совету при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека за взаимодействие по данному вопросу», подчеркнул он [7].

Законопроекты получили одобрение Государственной Думы, на пленарном заседании которой 7 марта 2019 г. депутат С.М. Боярский отметил, что речь, конечно же, не идет ни о какой цензуре, ограничивается распространение только информации, действительно способной привести к деструктивным последствиям: к массовым акциям, участники которых могут пострадать, к созданию панических настроений, к скупке каких-нибудь товаров, к массовому отзыву вкладов из банков, к призывам к совершению противоправных действий в отношении какого-то человека и т.п. «Давайте остановимся ещё на том, что точно не подразумевается принятием этого закона: не запрещается критиковать чиновников, не запрещается высказывать мнение, осуждение или точку зрения, отличную от официальной. Только факты, уважаемые коллеги, – подчеркиваю: только факты, а не мнения и суждения – могут быть достоверными или недостоверными, а следовательно, подпадать под действие этого закона» [8].

«Атифейковые законы» вызвали бурную критику в свой адрес. Достаточно сказать, что отрицательное отношение к законам выразил Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, который рекомендовал Совету Федерации Федерального Собрания РФ отклонить принятые Государственной Думой законы, направив их на доработку в Согласительную комиссию.

Главное возражение оппонентов состояло в правовой неопределенности законодательных формулировок, содержащих оценочные понятия. Совет при Президенте отметил явную правовую неопределенность понятия «выражение явного неуважения в неприличной форме», которое может быть интерпретировано предельно широко. «Правоприменитель может приравнять неприличную форму к понятию «нецензурная брань», но может также выйти далеко за рамки данного понятия. Добавленные во втором чтении законопроекта слова «которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность» никак не уточнили используемое понятие. Неясен и правовой смысл понятия «явное неуважение». В частности, неясно, будут ли подпадать под действие проектируемой статьи карикатуры, анекдоты, скетчи, репризы, пародии. Соответственно, непонятно, в чем должно выражаться неуважение к государственным символам и, тем более, к Конституции Российской Федерации. В обществе есть немало тех, кто резко критикует и отдельные статьи Конституции, и документ в целом. Сама Конституция и создала правовую основу для свободы подобных дискуссий» [9].

Таким образом, указывал Совет при Президенте, вводимые анализируемыми законами нормы

открывают дополнительное пространство для произвольных действий, нарушающих права граждан на свободу получения и распространения информации, на свободу слова, свободу выражения мнения и свободу массовой информации (статьи 29 Конституции Российской Федерации). «Само по себе нарушение требования определенности правовой нормы, влекущее ее произвольное толкование, достаточно для того, чтобы прийти к выводу о том, что вводимые анализируемыми законами нормы об ограничении информации не соответствуют Конституции Российской Федерации».

В отношении приведенных замечаний следует отметить, что, действительно, такие понятия, как оскорбление человеческого достоинства и общественной нравственности, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам или органам государственной власти носят оценочный характер в силу емкости их состава, широкого диапазона объективной стороны. Совершенно невозможно нормативным образом определить все возможные случаи оскорбления человеческого достоинства и общественной нравственности или неуважения к обществу и государству. Оценочные категории весьма распространены в административном или уголовном законодательстве и в определенных случаях являются неизбежными.

Единственной надежной гарантией установления истины в таких случаях выступает процесс ответственности, исключающий объективное вменение, которым может быть только правосудие. Законодательные новеллы допускают блокировку интернет-сайта оператором связи по требованию Роскомнадзора, инициированному Генеральной прокуратурой РФ. Таким образом, допускается ограничение массовой информации, а вместе с тем свободы слова, внесудебным образом, что не соответствует конституционному запрету цензуры.

Полагаем, что предложение Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя о принятии мер по ограничению доступа к информационным сетям в указанных выше случаях должно быть адресовано соответствующему суду, который и принимает решение о блокировке сетевого ресурса, руководствуясь внутренним убеждением, основанным на конституционных императивах.

Список литературы

1. Куликова С.А. Теоретико-методологические подходы к правовому понятию цензуры // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 21.
2. От англ. fake – фальшивый. Отсюда – фальшивые, фейковые новости (англ. fake news), то есть намеренное распространение дезинформации в социальных медиа.
3. Федеральный закон от 18.03.2019 г. № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1220.
4. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 153 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1221.
5. Лолаева, А. С. Право граждан на информацию в условиях развития институтов электронной демократии / А. С. Лолаева. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2022. – 136 с.
6. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // <http://poyasnite.ru/federalnyj-zakon-398-fz-28-12-2013> (дата обращения - 05.06.2019).
7. «Законопроекты не носят репрессивный характер. Мы не собираемся никого наказывать». Сенатор Андрей Клишас – о своих инициативах по регулированию Рунета. Интервью // https://www.znak.com/2019-02-15/senator_andrey_klishas_o_svoih_iniciativah_po_regulirovaniyu_runeta_intervyu (дата обращения - 05.02.2023).
8. Стенограмма заседаний Государственной Думы 07 марта 2019 г. // <http://transcript.duma.gov.ru/node/5136> (дата обращения - 05.02.2023).
9. Экспертное заключение на принятые Государственной Думой закон «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и закон «О внесении изменения в статью 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // <http://president-ovet.ru/presscenter/news/read/5324/> (дата обращения - 05.02.2023).

УДК 342.5

**ОРГАНЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
И РАЗМЕЩЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ**

Пашенко И.Ю. – советник отдела общественных связей аппарата избирательной комиссии Краснодарского края

Избирательная комиссия Краснодарского края, г. Краснодар

Аннотация. В статье исследованы отдельные вопросы размещения информации органами публичной власти на официальных страницах в сети Интернет. Автор рассматривает хронологию развития соответствующего законодательства, а также рассматривает проблему определения содержания официально размещаемой органами информации в социальных сетях.

Ключевые слова: *официальная страница, социальная сеть, информация, государственный орган, орган местного самоуправления, орган публичной власти, информационная деятельность, официальный сайт, сеть Интернет*

Социальные сети как сайты, страницы сайтов, информационные системы, программы для электронных вычислительных машин получили комплексное правовое регулирование только в 2020 году в связи с введением в Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ статьи 10.6. При этом социальные сети стали источником распространения массовой информации в сети Интернет значительно раньше отмеченных законодательных новелл. Возникнув в качестве инструмента для коммуникации между людьми, социальные сети лишь впоследствии сформировали эффективные механизмы распространения различной информации, как персональной – непосредственно размещаемой в открытом доступе пользователями и связанной с ними, так и иной, в том числе имеющей политическое и иное публично значимое содержание. Количество пользователей социальных сетей в мире продолжает стремительно расти, при этом в Российской Федерации у граждан, являющихся активными пользователями сети Интернет, пользуются заметной популярностью именно отечественные платформы, которые учитывают не только национальные особенности коммуникации, но и стали отражением исторических особенностей регулирования информационного пространства, вобрав в себя актуальные тенденции развития свободы слова и сети Интернет.

В 2022 году законодательство было дополнено новым понятием – официальная страница. Изменения внесены в Федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ и Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ в части информационной деятельности органов публичной власти и судов Российской Федерации в социальных сетях в сети Интернет. Законодатель устанавливает как обязанность, так и предусматривает возможность для государственных институтов создавать персональную страницу в определяемых Правительством Российской Федерации информационных системах, программах для электронных вычислительных машин для размещения информации о своей деятельности. Затем распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2022 года № 2523-р определяются две социальные сети для размещения информации – ВКонтакте и Одноклассники, а постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2022 года № 2560 утверждаются правила размещения информации на официальных страницах, порядок получения доступа к такой информации и взаимодействия с пользователями информацией с применением специальной информационной инфраструктуры. Важно отметить, что информационная деятельность органов власти в социальных сетях в сети Интернет реализуется не опосредованно, а осуществляется в контексте развития деятельности по предоставлению государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме. Гибкое сочетание механизмов и их многообразие дополняют перспективную идею постепенной цифровизации общественно-политических процессов в России, что свойственно многим сферам демократического развития государства [1]. На текущем этапе рассматриваемая деятельность связана с использованием специальных информационных систем для размещения информации, обработки сообщений пользователей информации и подтверждения государственного статуса у официальных страниц, созданных в социальной сети ВКонтакте (для социальной сети Одноклассники указанные особенности

в начале 2023 года реализованы не в полной мере, в частности, недоступно подтверждение государственного статуса для официальной страницы). Таким образом, в Российской Федерации к настоящему времени создана нормативная основа для ведения государственными органами, органами местного самоуправления и подведомственными организациями информационной деятельности в социальных сетях.

Одной из ключевых проблем, связанных с размещением органами публичной власти информации о деятельности в социальных сетях, является содержание размещаемой информации. Цели присутствия органов в социальных сетях могут быть различными, в их числе в научной литературе отмечаются: доступность информации, оперативная коммуникация, формирование положительного восприятия, понимание тенденций общественного развития [2]. В законодательных актах цель присутствия органов публичной власти в социальных сетях не определена, но ее можно сформулировать, если исходить из названия соответствующих законов – обеспечение доступа к информации. Можно предположить, что фактическая цель создания официальных страниц в социальных сетях связана с распространением дополнительной, как показывает анализ уже созданных официальных страниц, и иной информации о деятельности органов и подведомственных организаций. Такая информация, как правило, может быть представлена в формате и виде, который отличается от традиционно присущего государственным структурам официально-делового стиля подачи информации.

Разница между официальным сайтом и официальной страницей существенна. Содержание размещаемой органом информации на официальном сайте может быть определено как на законодательном уровне, так и распространяться с учетом подзаконного и ведомственного регулирования. Предъявляемые требования к размещаемой информации на официальной странице к настоящему времени определены всего несколькими положениями указанных актов. Так, часть 1.2 статьи 13 Федерального закона от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ устанавливает, что такая информация содержит: информацию об органе (наименование, почтовый адрес, адрес электронной почты, номера телефонов справочных служб, информацию об официальном сайте) и иную информацию, в том числе о деятельности органа. Содержание категории «иная информация, в том числе о деятельности органа» также невозможно установить из подзаконных актов. Отсутствие каких-либо детальных требований к содержанию размещаемой информации в социальных сетях свидетельствует о том, что орган публичной власти с учетом своей компетенции самостоятельно принимает решение о периодичности и содержании информации о своей деятельности.

В постановлении Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2022 года № 2560 размещаемая информация и ее содержание не определены, в тексте документа содержится отсылка к рассмотренной норме закона. В числе иных требований, которые необходимо соблюдать уполномоченному лицу при размещении информации, указано использование русского языка с учетом правил орфографии и пунктуации. Дополнительно предусмотрена возможность использовать государственные языки республик или иностранные языки.

Социальные сети как инструмент коммуникации и распространения официальной информации используются не только в России, соответствующие нормы разработаны и применяются в США, Великобритании, отдельных государствах Европейского союза и Содружества Независимых Государств [3]. При развитии регулирования в Российской Федерации особый акцент сделан на отечественных социальных сетях, которые созданы на территории государства и имеют значительную аудиторию пользователей информации, которые являются российскими гражданами. Полагаем, что практика деятельности органов в указанной сфере должна расширяться, а количество создаваемых и наполняемых информацией официальных страниц органов власти в социальных сетях должно увеличиваться за счет выхода на новые платформы в сети Интернет, в том числе зарубежные. Расширение информационной деятельности российских органов и организаций в иностранных социальных сетях поможет не только распространить официальную информацию, но продемонстрирует стремление государства повысить доступность информации и сформировать позитивное восприятие как у проживающих за рубежом граждан, так и у иностранцев. Современные информационно-коммуникационные сети, информационные технологии позволяют осуществить трансграничную передачу информации за минимальный промежуток времени и распространить ее в открытом доступе, а единственное реальное препятствие для работы в социальных сетях в современных условиях может быть связано с санкционным давлением.

В связи с появлением новых сфер деятельности, в том числе усилением информационного присутствия государства в сети Интернет, перед государственным аппаратом стоит задача не только определиться с содержанием размещаемой информацией и ее представлением на официальных стра-

ницах, но и подготовить профессиональные кадры для работы в рассматриваемой сфере. Размещение информации в социальных сетях требует специальных знаний и навыков, которые учитывали бы особенности эксплуатации соответствующих информационных систем и программ для электронных вычислительных машин. Возложение полномочий по работе с официальными страницами органа и организации, как правило, происходит в рамках существующих должностных регламентов и инструкций, а штатное расписание может не учитывать потребность в соответствующем специалисте. Соответственно, перед органами публичной власти стоит задача учесть новации информационного законодательства в своей работе, чтобы обеспечить качественный доступ к информации в новых форматах.

Наличие официальной страницы в социальных сетях в сети Интернет позволяет гражданам получить достоверную информацию о деятельности государственного органа, органа местного самоуправления и подведомственной организации. При этом действующее регулирование требует конкретизации в части определения содержания размещаемой информации, что позволит обеспечить ее полноту и актуальность.

Список литературы

1. Дзидзоев, Р.М., Лолаева, А.С. Цифровая (электронная) демократия в России: понятие и пределы // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 2. – С. 14-20.
2. Аверин, А.В., Погодина, Д.А., Авдеев, Д.А. Органы государственной и муниципальной власти в социальных сетях: цели присутствия // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 6. – С. 7-10.
3. Парфенчик, А.А. Использование социальных сетей в государственном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2017. - № 2. С. 186-200.

УДК 347.711

КОНСТИТУЦИОННО-ЦИФРОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лолаева А.С. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного права (SPIN-код 6520-8188)
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Исследуется конституционно-цифровой статус личности в Российской Федерации. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что конституционно-цифровой статус личности произведен от его правового статуса, состоящего из субъективных (индивидуальных) прав, свобод, обязанностей и ответственности, определяющих место человека в обществе и государстве в юридическом измерении. Сделан вывод о том, что конституционно-цифровой статус личности складывается из конституционных информационных прав и свобод, включающих их цифровую составляющую. Это позволяет исследовать цифровые права в контексте прав информационных, взятых в их цифровом масштабе.

Ключевые слова: *цифровые права, информационные права, конституционно-цифровой статус личности, информационно-коммуникационные технологии, информационное общество, электронная демократия, цифровая среда, цифровизация*

Конституционно-цифровой статус личности имеет непосредственное отношение к электронной демократии, имея в виду, что демократия как политический процесс участия народа во власти, в том числе демократия электронная, как ее цифровое преобразование, в своем целевом назначении вырастает из конституционного положения личности, его конституционных прав, обеспечивающих участие в публично-властной деятельности, включающего цифровые механизмы.

Конституционно-цифровой статус личности произведен от его правового статуса, состоящего из субъективных (индивидуальных) прав, свобод, обязанностей и ответственности, определяющих место человека в обществе и государстве в юридическом измерении. Первоосновой, ядром правового статуса личности выступает статус конституционный как совокупность основных, конституционных прав и свобод, определяющих содержание и пределы личного суверенитета, как правового состоя-

ние индивидуальной свободы и безопасности в государстве. Все иные права и свободы как допустимые законом меры поведения, имеют отраслевую принадлежность и характеризуют правовое положение индивида в отдельных и ограниченных правовых сферах.

В категорию конституционных входят и права, именуемые информационными, содержащиеся в Основном законе РФ, от которых производны права цифровые. В Указе Президента РФ от 31.12.1993 г. № 2334 «О дополнительных гарантиях прав граждан на информацию» [1] право на информацию называется одним из фундаментальных прав человека. Н.С. Бондарь отмечает, что цифровизация правового статуса личности уже сегодня проявляется как реальность. С этим связано формирование относительно самостоятельной новой правовой категории – цифровых (информационно-цифровых) прав личности, которые находят подтверждение в законотворчестве и правоприменении как на национальном, так и международном уровнях [2, с. 37].

Информационные права являются порождением информационного общества, основанного на беспрепятственном использовании общественно значимой информации. Примечательно, что в Конституции Греции закрепляется право каждого на участие в информационном обществе (ч. 2 ст. 5А).

К информационным конституционным правам относятся в первую очередь право каждого на информацию, (ч. 4 Ст. 29 Конституции РФ), а также производное от него право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (экологическую информацию) (ст. 42 Конституции РФ). И.Л. Бачило и Т.А. Полякова указывают, что постепенное осознание самой информации как объекта обработки и потребления способствовало постановке вопроса о праве на информацию, введение права на информацию в состав прав человека и гражданина в международных правовых актах и в национальном законодательстве государства [3, с. 66].

В науке конституционного права обосновывается широкий подход к характеристике информационных прав, согласно которому закрепленное в Конституции РФ право на информацию выступает связующим элементом всей системы конституционных прав и свобод и возможности их реализации.

К таким «связанным» правам относят право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23), право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2 ст. 26), свободу совести и свободу вероисповедания (ст. 28), свободу массовой информации (ч. 5 ст. 29), свободу творчества и преподавания (ч. 1 ст. 44), право на участие в культурной жизни и на доступ к культурным ценностям (ч. 2 ст. 44). Эти права, хотя и не являются собственно информационными, тем не менее, их реализация включает информационную составляющую. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 37 Конституции РФ каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Но для реализации этого права необходимо обладать информацией, касающейся характера и специфики того или иного рода деятельности и профессии. Только путем получения информации может быть реализовано право каждого на образование (ст. 43) и т.д.» [4, с. 17].

Эти примеры свидетельствуют лишь о том, что все основные права и свободы взаимосвязаны и взаимообусловлены, что не исключает их дифференциации по предметным основаниям. Действительно, реализация практически всех прав и свобод основывается на достоверной информации о предмете правообладания, как условии их положительной реализации, что еще не определяет их родовую принадлежность. Реализация каждого права предусматривает или получение, или передачу каких-либо информационных данных. Не существует прав и свобод, реализация которых не включала бы информационный оборот.

Но с таким же основанием связующим элементом прав и свобод можно назвать свободу мысли и слова, без которой нереализуемы, по меньшей мере политические права.

Универсальных прав и свобод не существует, все они реализуются в правовых сферах более или менее ограниченных, возникают на конкретных юридических частотах.

К собственно информационным относятся права и свободы, реализуемые в информационно-правовой среде, объектом которых выступают действия по приобретению и эксплуатации информационных данных.

Цифровые права генетически вырастают из прав информационных, но им не тождественны. Сходство (единство) состоит в том, что цифровые права, подобно информационным, открывают доступ каждого к общественно значимой информации, как объекту прав. В этом смысле все цифровые права являются одновременно информационными, что позволяет их именовать информационно-цифровыми.

Различие состоит в правовой инструментальной реализации. В отличие от информационных, цифровые права обеспечивают информационный обмен в цифровом измерении, основанном на использовании он-лайн технологий.

Предметом же информационных прав выступает любая информация, не только электронного формата, это может быть информация на бумажном носителе и даже устного характера. Неофициальная информация не требует закрепления ее на искусственном материальном носителе.

Информационные права перерастают в цифровые, когда востребование информационных ресурсов осуществляется с использованием цифровых, иначе - информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Право доступа к информации становится цифровым при использовании электронных систем поиска, преобразуясь в право доступа к сетевым ресурсам.

К собственно цифровым относятся права, реализуемые в телекоммуникационном формате: право на доступ в Интернет, право использования электронно-вычислительных устройств и средств связи, осуществляемое посредством технического инструментария, обеспечивающего соединение с глобальной системой через проводную и беспроводную связь, право на неприкосновенность частной информационной среды, право на цифровое самоопределение, право на забвение и др.

Цифровые права – это те же информационные права, реализуемые в виртуальном пространстве, получившие цифровую интерпретацию.

Продуктом реализации цифровых прав выступают нематериальные блага, получающие правовое признание. Так, к объектам авторских прав, которые охраняются как литературные произведения, Гражданский кодекс РФ относит программы для ЭВМ (ст. 1259).

Конституция Российской Федерации терминологически не выделяет категорию цифровых прав, однако их конституционное происхождение вполне удостоверяется выделением в Основном законе таких сфер государственного ведения, как информатизация, оборот цифровых данных (п. «м» ст. 71 Конституции РФ).

Категория цифровых прав получила научное признание. По словам Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, под цифровыми правами понимаются права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности в сети интернет [5].

Цифровые права получили законодательное удостоверение в имущественно-правовом отношении, в Гражданском кодексе РФ, в соответствии с которым цифровыми признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу (ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Конечно, определение цифровых прав в Гражданском кодексе далеко не самое удачное решение, учитывая личный нематериальный характер цифровых прав. Причина такого решения, видимо, состояла в необходимости обеспечить совместимость Гражданского кодекса с законами о цифровых финансовых активах (криптовалюте и токенах) и краудфандинге (привлечении инвестиций через электронные площадки)», намечаемыми к принятию [6, с. 47].

Дефиниция цифровых прав была бы более уместна в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации», имея в виду, что информатизация включает цифровизацию, как технологическую составляющую. Оптимальным вариантом в этом отношении было бы определение информационных прав в Федеральном законе «О праве на информацию», упоминаемым в Указе Президента РФ. «О дополнительных гарантиях права граждан на информацию», в котором глава государства поручил комиссии законодательных предположений при Президенте Российской Федерации разработать проект Закона Российской Федерации «О праве на информацию», и представив его Президенту для внесения в Федеральное Собрание в качестве первоочередной законодательной инициативы.

Таким образом, конституционно-цифровой статус личности складывается из конституционных информационных прав и свобод, включающих их цифровую составляющую. Это позволяет исследовать цифровые права в контексте прав информационных, взятых в их цифровом масштабе.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 31.12.1993 г. № 2334 «О дополнительных гарантиях прав граждан на информацию» // Российская газета. 1994. 10 января.

2. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25-42.

3. Бачило И.Л., Полякова Т.А. На пути к обеспечению информационной безопасности – проблемы формирования государственной информационной политики и совершенствования законодательства // Государство и право. 2016. № 3. С. 66-77.

4. Алексеева М.В. О проблемных вопросах реализации конституционного права на информацию как одного из основных прав и свобод человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 16-19.

5. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. 29 мая.

6. Лолаева А. С. Цифровые права в структуре объектов гражданских прав // Аграрное и земельное право. 2019. №6. С. 47-49.

УДК 347

СОВРЕМЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ЕГО ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ

Койбаев Б.Г. – д.полит.н., профессор кафедры теории и истории государства и права
Золоева З.Т. – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО СКГМИ(ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. В современных условиях развития информационного общества, цифровое управление рассматривается в качестве сложного и многоуровневого процесса, выходящего за рамки чисто технологического аспекта модели цифрового правительства. Реализация концепции цифрового государственного управления становится возможной благодаря активно развивающемуся процессу цифровизации общества. Модель электронного правительства находит политическую поддержку среди многих политиков и государственных чиновников, так как позволяет укрепить цифровой суверенитет государства на новом информационно-технологическом уровне и способствует социально-политической стабильности общества, развитию институтов электронной демократии.

Ключевые слова: *информационное общество, цифровизация, государство, электронное правительство, электронная демократия*

Стремительное распространение современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) способствовало созданию единого информационного пространства за пределами национальных границ стран, и в этом виртуальном пространстве каждый может не только получать информацию, но и обмениваться ей, распространять, оставлять различные комментарии, реакции и т.д.

При сравнении информационного общества с существовавшими до него обществами видно, что новая социальная структура уже существует как историческая реальность. Если в прежних общественных укладах могущество государств измерялось непосредственно материальными богатствами, которыми они располагали, и эти материальные ресурсы приводили к конкуренции между государствами, то конкуренция в обмене информацией в информационном обществе ведет к сотрудничеству между странами, и даже если между ними и существует конкуренция, то это конкуренция интеллектуальная [1].

Информационное общество основано на более богатом и широком, спектре услуг (среди которых преобладают информационные), и ключевую роль в его развитии играет информация. Значение информации постоянно возрастает во всем мире, и сектор в целом растет быстрее, чем другие отрасли экономики. Большой скачек в развитии информационных технологий наблюдался в период введения пандемии Covid-19, когда жители многих государств вынуждены были перейти на дистанционный режим работы, опосредованный использованием ИКТ. Многие сферы жизни общества в этот период получили импульс к своему развитию, это коснулось и развития электронных форм образования, торговли и т.д.

Таким образом, эти процессы, по сути, определяют направление и скорость развития общества, в связи, с чем вполне закономерным представляется столько важное место, которое отводится в современных условиях информационному обществу.

Возрастание объемов информации и повышение ее роли в жизни общества, способствовал появлению различных теорий, среди которых особо следует выделить Ф. Макслюп (1902–1983) и У. Тадао (1920–2010), данные ученые ввели понятие информационного общества. В дальнейшем, теория информационного общества также разрабатывалась, и она связана с именами Й. Масуда (1905-1995), М. Порат (1932), Т. Стоуньер (1929), Д. Гэлбрейт (1908-2006), Симон Кузнец (1901-1985), Р. Арон (1905-1983) и Алэн Туре (1925) и др.

Особо следует выделить разработки Д. Белла (1919-2011), У. Ростоу (1916-2003) и Элвина Тоффлера (1928-2016), которые ввели классификацию экономических систем на доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные общества [2].

Сложно представить современное информационное общество без соответствующего ресурсного потенциала [3].

В информационном обществе основное внимание и значение уделяется информационным ресурсам. Хотя эти ресурсы существовали в прошлом, они не были отнесены к экономической или какой-либо другой категории, и никто специально не говорил о них и не придавал им значения.

Несмотря на то, что «информационные ресурсы» являются одним из основных понятий, возникших в ходе информатизации общества, они стали одной из самых обсуждаемых тем еще до перехода к информационному обществу. Опубликованы многочисленные работы, содержащие различные мнения и определения по данному вопросу, а также взгляды различных научных школ [4].

Согласно сегодняшнему определению под информационными ресурсами понимается совокупность ресурсов, включающая в себя отдельные документы и массивы документов архивов, фондов, банков данных и других подобных информационных систем. Информационная услуга в узком смысле часто воспринимается как услуга, получаемая с помощью компьютера. Однако это понятие является более всеобъемлющим и широким. Все вышеперечисленное - информационные ресурсы, продукты и услуги отражают информационный потенциал общества в целом. Этот потенциал не реализуется с одинаковой эффективностью на всех уровнях.

Процесс развития информационного общества, происходящий в условиях цифровой революции, сопровождался активным развитием ИКТ в различных отраслях и развитием микропроцессоров, вычислительной техники и социальных наук. Все это привело к формированию новой информационной индустрии. В настоящее время эта отрасль влияет на все сферы жизни общества на фоне диверсификации технологий информационного общества [5].

Сектор ИКТ приобретает значительную долю в мировом ВВП, выступая основным двигателем глобального социально-экономического развития в настоящее время. Исследования показывают, что бурный рост ИКТ в 60-х и 70-х годах XX века совпал с кризисом классической бюрократической системы государственного управления в ряде стран, а растущая неэффективность в этой сфере привела к формированию ряда новых понятий. Среди них более важными являются концепции New Public Management и Good Governance [6].

Концепция «New Public Management» была разработана как удобный алгоритм и краткое описание способа реорганизации органов государственного сектора, с целью приблизить их подходы к управлению методами ведения бизнеса. Данная концепция была направлена на решение следующих проблем: неадекватные механизмы подотчетности, расточительство и неэффективность использования ресурсов и т. д.

Концепция «Good Governance» является довольно новой и вошла в обиход с начала 90-х гг. XX века. Благое управление - это условие получения международной финансовой помощи в виде кредитов или грантов [7].

В XXI веке, сфера ИКТ получила все большее распространение, и в нашу жизнь вошел новый электронный формат государственного управления на основе электронных форм взаимодействия между государством и гражданами. Электронное правительство, по определению И.Л. Бачило «это форма организации и деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень взаимодействия и исполнения их функциональных обязанностей, оперативности и удобства получения организациями, гражданами и иными физическими лицам государственных услуг и информации о деятельности государственных органов» [8].

Всемирный банк определяет «электронное правительство» как «инструмент, который повышает эффективность, экономичность и прозрачность правительства за счет использования ИКТ и предоставляет возможности для общественного контроля» [9].

Государство играет ключевую роль в переходе общества в информационную эпоху. Полный пере-

ход на инфраструктуру электронного правительства открывает перед государственными органами больше возможностей для повышения конкурентоспособности, углубления реформ и повышения эффективности и устойчивости экономического прогресса.

В настоящее время развитие электронного правительства происходит в условиях развивающейся цифровой среды. В этой связи сегодня говорят уже о цифровом правительстве, что означает переход на новый уровень его развития, усиления институтов электронной демократии. Говоря о правах человека, следует обратить внимание на проблемы распространения и применения технологий больших данных в условиях несовершенства законодательства о персональных данных.

Оценивая перспективы практического внедрения цифровых технологий в государственное управление важно отметить необходимость адаптации административной и правовой парадигмы современного государства в первую очередь к требованиям открытости и цифровизации и только затем переходить к широкому внедрению цифровых технологий.

Список литературы

1. Форд М. Технологии, которые изменят мир. / М. Форд. - М., 2013. - С. 72.
2. Масуда Е. Информационное общество как постиндустриальное общество. М.: ЭКСМО-Пресс, 2003. - С. 44; Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. - С. 62; Тоффлер Э. Третья волна. М., АСТ, 2004. - С. 74.
3. Регион в условиях развития информационного общества: коллективная монография / Абдуллаев Н. В., Алиев Р. А., Вахромеева М. П. и др.; под общ. ред. доктора экономических наук, профессора И. Б. Тесленко; Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. - Москва: Ru-science.com, 2021. - С. 31.
4. Емельянова Н.З. Основы построения автоматизированных информационных систем. М.: Форум: ИНФРА-М, 2005. - 416 с.; Попов И.И. Информационные ресурсы и системы: реализация, моделирование, управление. М.: ТПК «Альянс», 2006. - С. 40.
5. Баева Л. В. Социокультурные и философские проблемы развития информационного общества: учебное пособие. / Л. В. Баева. - Астрахань: Астраханский ун-т, 2019. - С. 135.
6. Группа Gartner. URL: <http://www.gartner.com> (дата обращения 06.02.2023).
7. Голобуцкий А., Шевчук О. Электронное правительство. М.: Знание, 2007. - С. 83.
8. Бачило И. Л. «Электронное правительство» и инновации в области государственных функций и государственных услуг // Инновационные ресурсы России. 2010.- № 1. - С. 13-17.
9. Всемирный банк [сайт] URL: <http://web.worldbank.org/wbsite/external/topics/extinformationandcommunicationandtechnologies/extegovernment/0,,contentMDK:20507153~menuPK:702592~pagePK:148956~piPK:216618~theSitePK:702586,00.html> (дата обращения 06.02.2023).

УДК 347

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ЦИФРОВОГО БУДУЩЕГО

Лолаева Д.Т. – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой философии и социально-гуманитарных технологий
Санакоева Я.И. – ассистент кафедры философии и социально-гуманитарных технологий
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. Осмысление процессов цифровизации влияет на понимание складывающейся сегодня социокультурной реальности, в которой качественное бытие человека связано с целой гаммой проблем и недостатков социума. Являясь причиной их возникновения и результатом распространения человек становится чрезвычайно уязвимым: он не успевает отойти от прежних ценностей, против которых он активно восставал, и в то же время не успевает встроиться в новую реальность, превращаясь в своеобразный духовный полуфабрикат. В докладе поднимается и анализируется проблема дальнейшего существования человека и связанные с ним страхи. А используемая автором методология, позволяет эксплицировать сущностные основания социального бытия современного человека в различных аспектах социокультурного опыта.

Ключевые слова: будущее, информационное общество, социум, социокультурный мир, человек, цифровизация

*«Мир, в основании которого лежит
число, мыслится иначе, чем мир,
в основании которого лежит бытие».*

Ф. Гиренок

Человек как особый род сущего, оказываясь перед необходимостью создания нового социокультурного мира, всегда пытается искать приемлемые формы существования в будущем, смягчающие драматизм его экзистенциальной рефлексии настоящего. Каждая эпоха рождает определенное представление этого существования. Переход к модели информационной цивилизации усугубляет противоречие человеческого бытия и образа будущего. Для современного человека распространение информационных технологий, резко меняющих представления о ценности самого себя и традиционных форм существования – это серьезный социокультурный стресс. Злоупотребления виртуальными реалиями жизни ослабляют духовные, социальные, политические скрепы общества.

Социокультурным феноменом информационного общества является образ цифрового будущего. Безусловно, цифровое будущее – это проект революционного уровня развития техники и технологии, создающие новые измерения культуры и общества, возникающие как имитация социальных конструкций, и что тревожит особенно – духовных. Цифровое будущее возникает внутри виртуальной реальности и выходит за ее пределы, становясь самостоятельным этапом развития общества. Человеку это будущее представляется как благом, так и злом для себя и общества. Человек испытывает метафизический страх перед будущим, так как оно возможно в различных вариантах, предлагаемых настоящим. Вариантов этих много и они характеризуют современную действительность. Страх усиливается от понимания того, что развитие явления, процесса есть превращение присущих ему возможностей в новую действительность с новыми возможностями. В социальном мире этот процесс приводит к трансформации, результатом которой становится духовный диссонанс.

В современную эпоху образ будущего создает не философия, а технологии, поэтому многократно усиливается страх человека перед будущим. Тем более, что это будущее совершенно непонятно и не адекватно привычному сознанию. Человек теряется в потоке информации, становится абсолютно бессильным и перестает воспринимать мир внутри и вокруг себя. Он оказывается за чертой чувств, эмоций, за рамками духовного. Находит себя только рядом с интеллектом и финансами. Человек становится зависимым от материального, исключая уникальность духовного для формирования себя и мира вокруг себя. В XXI веке появилась цифровая экономика, цифровые деньги, цифровая преступность, цифровая гигиена, цифровая культура, цифровая смерть и цифровое бессмертие. Мы с опасением ждем появления цифрового человека, который перестанет быть человеком в традиционном понимании.

То, что ускорение социальных и технологических изменений создает серьезные трудности для человека, его адаптации к внешней и внутренней среде, было выявлено Э. Тоффлером. В своей книге «Шок будущего» [1], которая стала бестселлером еще в 70-х годах XX века, он показал опасность создания общества, выходящего из-под контроля человека, оказывающегося в ситуации экологической катастрофы, переживающего истощение ресурсов и, погружающееся в психологическое онемение. Э. Тоффлер измерил человеческую историю числом поколений: продолжительность каждого – 62 года; количество поколений приблизительно 800; из этих поколений 650 – были пещерными обитателями; узнали письменность – последние 70; более или менее правильно научились измерять время – четыре поколения; только в последние два отрезка жизни «кто-то где-то использовал электрический двигатель» [1, с.26]. По мнению автора, подавляющее большинство материальных благ, без которых мы уже не мыслим своего существования, были созданы на 800-м отрезке жизни. Количество окружающих нас предметов удваивается через каждые 15 лет. В конце своей жизни каждый нынешний подросток будет жить в предметном мире, который будет превышать предметный мир его родителей в 32 раза. Внутренний мир человека не может приспособиться к этому окружению и, тем более эффективно взаимодействовать с ним. Отсюда – психологический шок, ожидающий человека в недалеком будущем. Таков общий вывод Э. Тоффлера, ставший знаковым не только для последней четверти XX века, но и для современной нам действительности.

Шок, о котором предупреждал Э. Тоффлер, усилился и обострился в условиях реально ощущаемых перспектив перехода к цифровому формату социокультурного бытия. Исследователи сходятся во мнении, что среди главных проблем цифровизации, на передний план в настоящее время выдвигаются:

- подчинение человека чужим программам и алгоритмам;

- потеря приватности бытия;
- возникновение новых этических проблем;
- гибридная реальность повседневной жизни;
- распространение цифрового тоталитаризма.

На этом фоне пропадает то, о чем говорил Кант – возможность жить собственным умом. Иными словами начинают формироваться императивы, которые отодвигают человека. Высвободившееся пространство заполняет искусственный интеллект, соответственно приобретают актуальность такие принципиально новые этические проблемы, о которых говорит А.В. Разин, как этические обязанности людей по отношению к искусственному интеллекту; этические правила при создании искусственного интеллекта; этика искусственного интеллекта [2].

Новый образ будущего, где место человека должен занять искусственный интеллект, пронизан страхом [3, с. 522-524]. Преодоление этого страха предполагает создание комфортного социума человека. Может ли цифровой мир обеспечить человеку, необходимый ему комфорт? Как нам представляется можно выделить два варианта размышлений. Первый – это оптимистичная надежда (рождается из апелляции к авторитету), второй – погружение в состояние экзистенциального страха (рождается из безысходности). Первый вариант апеллирует к авторитету Пифагора. «Пифагор упорно искал для человека число. Он пронумеровал все вещи мира, чтобы найти среди пронумерованных вещей человека. Но так и не нашел, хотя и успел создать квадрат человека... Человек для него прост как ощипанный петух» [4]. Образ цифрового будущего своими корнями уходит в учение этого древнегреческого мыслителя, который считал, что числа – это основа всего сущего. Пифагор считал, что существует три вида разумных существ: Бог, человек и те, кто над остальными людьми («подобные Пифагору», которые происходят из семени лучшего, чем человеческое) [5, с.195]. Те, кто над остальными людьми, знают числовые отношения и знают то, что выше богов. Именно Пифагор придал числу новое значение: «упорядоченное числом мироздание» [5, с.197]. Под числом стали понимать единицу счета, выражающую количество. Арабское же слово цифра – это нуль, пустое место. Именно в этом значении данное слово вошло и в европейские языки, и в русский язык. Но с середины XVIII века под этим словом стали понимать знак, символ, значение числа обозначающий [6].

Оптимистичная надежда настоящего – укоренить в массовом сознании мысль о преимуществе цифрового человека перед человеком традиционным. Цифровизация – это прогрессивный этап развития общества, этап перманентной технологической революции. Традиционный человек не успевает за ней, не способен к ней адаптироваться. А если так, то должен уступить место другому. Кто этот другой? Цифровой техносубъект? Может это пустое место, которое поглощает человека? Эти и многие другие вопросы ложатся в основу второго варианта – экзистенциального страха, страха человека потерять себя. Трудно не согласиться с Ф. Гиренком: «Учреждение цифры, числа как меры человеческого и нечеловеческого открывает перспективу существования нечеловеческой антропологии и неантропологической субъективности. Люди бесконечно рассеяны, если их бытие рождает цифры, а не грезы» [4]. Актуализируется метафизический страх человека традиционного за свою духовную самость. Потеря своей естественной природы и сущности толкнет человека под власть чуждых ему программ и авторитетов, лишит его свободы, которую нельзя вычислить, предсказать. За свободу человек боролся на протяжении всей истории своего существования. А.Н. Чанышев высказал интересную мысль о том, что «философия – достояние свободного человека, который существует сам для себя, а не для другого, как раб» [5, с.20]. Но в цифровом мире нет философии, нет нужды в «любви к мудрости», так как нет потребности и в самой любви. Цифровизация снимает эту потребность. Цифровое будущее, а мы столкнулись с ним лицом к лицу, готовит себе относительно реальное пространство: гендерное многообразие, половая вакханалия, сексуальная распущенность и т.д. Цифровому миру не нужен человек чувствующий, человек знающий. Цифровому техносубъекту не нужны эмоции, их острота и глубина. Не нужно творчество. «Под угрозой аффект – последняя территория человеческого» [4].

Создавая социум, который выходит из-под контроля человека, человечество делает себя рабом алгоритмов. Формируется устойчивая иллюзия того, что «подобные Пифагору» станут не только над человечеством, но и выше Бога. Что это – галлюцинация, шизофрения или бред сумасшедшего? Надеясь заполучить контроль над виртуальной реальностью, человек теряет контроль над собой, теряет в себе человека. Образ виртуальной реальности возник не как образ «светлого будущего», а как критика пороков настоящего. Цифровой мир – это часть виртуальной реальности, это своего рода аквариум, в котором эти пороки настоящего и обнажились. Человек не может быть

аквариумной рыбкой, не должен удовлетворяться жизнью «за» и «под» стеклом, где нет места ни свободе, ни справедливости, ни добру, ни благу, ни гражданской ответственности, ни национальной определенности. Принято считать, что идея виртуальной реальности родилась в творчестве У. Гибсона. В его знаменитом фантастическом романе-техноутопии «Нейромант» («Neuromancer») появляется некое киберпространство, которое и выступает в качестве виртуальной реальности. Это некая коллективная галлюцинация миллионов людей, которую они переживают одновременно в разных географических местах, соединенные через компьютерную сеть друг с другом и погруженные в графически воссозданный мир [7]. Да, безусловно, Э. Тоффлер прав, когда пишет: «Увеличение количества образов возможных будущих важно, но эти образы нужно организовать, кристаллизировать в структурированную форму. В прошлом утопическая литература делала это для нас. Она играла практически решающую роль, упорядочивая мечты людей об альтернативных будущих [1, с.507-508]. При этом У. Гибсон считал свой роман именно критикой настоящего, а не предсказанием будущего. Вот она – герменевтическая проблема, создавшая представление будущего, с которым человек столкнулся уже в настоящем. Киберпространство У. Гибсона, управляющие им безликие суперкорпорации, созданный пластическими хирургами идеальный человек, подключенный к киберпространству через мозг и нервную систему, - это все то, что противостоит реальному человеку. И очень не хочется, чтобы этот реальный человек превратился в то самое небо, которое «напоминало телеэкран, включенный на мертвый канал» [7, с.6].

Страх цифрового будущего усугубляется пониманием того, что этому социокультурному миру не нужно будет и общество с его институтами. Не будет нужды в школе и в учителях, в государстве и в его гражданах, в активной деятельности. Получается, что цифра отбирает демократические свободы у людей, у государства – возможность контролировать. Человек без осознания себя человеком и гражданином, будет лишен понимания ответственности. Как справедливо заметил С. Перелегин, из общества высокосвязанного в управляющееся семантически общество. Но переход к цифровым технологиям разрушает традиционные императивы, упраздняет сознание, язык, эмоции. В цифровом мире нужен интеллект и нейросети. В связи с этим и возникает страх того, что человек будет не нужен – его заменит искусственный интеллект. И только теплится надежда, что «если ты думаешь, что можешь победить человека, борющегося за жизнь, – ты лжешь самому себе» [7, с.266].

Список литературы

1. Тоффлер Э. Шок будущего. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
2. Разин А.В. Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. 2019. №1(90).
3. Лолаева Д.Т., Санакоева Я.И., Ханаев И.С. Бедность как страх человека постсовременной эпохи // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7 (158). С. 522-524.
4. Гиренок Ф.И. Человек – это не цифра./ <https://fedor-girenok.ru/chelovek-eto-ne-cifra/>.
5. Чанышев А.Н. Философия Древнего мира. – М.: Высш. Шк., 2003.
6. Черникова Н. Числа и цифры. // Наука и жизнь. №4, 2010./ <https://www.nkj.ru/archive/articles/17798/>.
7. Гибсон У. Нейромант (сборник). «Азбука-Аттикус», 1984, 1986, 1988 – (Киберпространство)/ https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/8738832/97334997/&art=8738832&user=1067536114&uilang=ru&catalit2&track_reading.

УДК 342.7

МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лолаева А.С. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Лолаева Д.Т. – к.ф.н., доц., зав. кафедрой философии и социально-гуманитарных технологий

Санакоева Я.И. – ассистент кафедры философии и социально-гуманитарных технологий
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. Исследуются механизмы управления развитием информационного общества в Российской Федерации. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что в нашей стране пока на-

блюдается недостаточный уровень развития отрасли информационных технологий, что приводит к отставанию от мировых лидеров. Сделан вывод о том, что в современном мире информационные технологии оказывают заметное влияние на жизнь общества и гражданина во всех сферах общественной жизни.

Ключевые слова: информационное общество, информационно-коммуникационные технологии, электронная демократия, цифровая среда, цифровизация, Интернет

Развитие информационного общества неизбежно приводит к тому, что в сфере производства и распространения информации работают множество специалистов. Это требует не только новых навыков и новых знаний, но и нового мышления, желания и возможности учиться на протяжении всей жизни.

В Российской Федерации механизм развития информационного общества можно представить в виде схемы (см. рис. 1).

Рис. 1. Механизмы управления развитием информационного общества в Российской Федерации.

Так, основными каналами прямой связи являются федеральное, региональное и муниципальное законодательство, а каналами обратной связи - постоянный мониторинг состояния информационного общества и опросы населения, которые способны показать реальную ситуацию.

К сожалению, в нашей стране пока наблюдается недостаточный уровень развития отрасли информационных технологий, что приводит к отставанию от мировых лидеров. Препятствует становлению информационного общества в России и недостаточный уровень распространения базовых навыков использования информационных технологий как среди населения в целом, так и среди государственных и муниципальных служащих.

Проблемы, препятствующие повышению эффективности использования информационных технологий в целях повышения качества жизни граждан, носят комплексный характер. Их устранение требует значительных ресурсов, скоординированного проведения организационных изменений и обеспечения согласованности действий органов государственной власти.

В результате выполнения федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002-2010 годы)» [1], был создан определенный задел в области внедрения информационных технологий в деятельность органов государственной власти и организации предоставления государственных услуг [2].

Развитие информативности в органах власти играет важную роль, поскольку благодаря информатизации и внедрению информационных технологий в органы государственной власти оказывается возможным оптимизация большого количества процессов деятельности государственных служащих, а также автоматизация и оптимизация предоставления государственных услуг населению [3].

Поскольку развитие информационного общества является платформой для решения задач более высокого уровня - модернизации экономики и общественных отношений, обеспечения конституционных прав граждан и высвобождения ресурсов для личностного развития, были приняты Стратегия развития информационного общества и государственная программа «Информационное общество (2011-2020)» [4].

Так, стратегия развития информационного общества и государственная программа «Информационное общество» направлены на повышение качества жизни населения в области обеспечения её удобства, мобильности, а также новых возможностей; на развитие цифровой экономики и ИТ-отрасли в области повышения производительности труда, внедрения инновационных технологий в процессы, а также создание конкурентоспособной среды; на развитие электронного государства и безопасности в информационном обществе.

Мероприятия Программы в соответствии со Стратегией должны обеспечить следующим результаты [5]:

1) формирование современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, предоставление на ее основе качественных услуг и обеспечение высокого уровня доступности для населения информации и технологий: повышение качества образования, медицинского обслуживания и социальной защиты населения на основе информационных технологий;

2) совершенствование системы государственных гарантий конституционных прав человека и гражданина в информационной сфере, повышение эффективности государственного управления и местного самоуправления, качества и оперативности предоставления государственных услуг;

3) развитие экономики Российской Федерации на основе использования информационных технологий, повышение трудовой мобильности и обеспечение занятости населения;

4) повышение эффективности государственного управления и местного самоуправления, взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами государственной власти, качества и оперативности предоставления государственных услуг;

5) развитие науки, технологий и техники, а также подготовка квалифицированных кадров в сфере информационных технологий;

6) сохранение культуры многонационального народа Российской Федерации, укрепление нравственных и патриотических принципов в общественном сознании, а также развитие системы культурного и гуманитарного просвещения;

7) противодействие использованию потенциала информационных технологий в целях угрозы интересам России.

В настоящее время технические и экономические аспекты становления информационного общества выходят на первый план. К сожалению, социальные и гуманистические стороны этого процесса пока развиваются в недостаточной мере.

Приоритеты есть основные, наиболее актуальные направления формирования и развития совокупности отношений в определенном пространстве и времени, предполагающем наличие субъекта, объекта, цели, средств [7, 8].

Документальное закрепление приоритетов, их реализация предстают объективно необходимыми условиями достижения целей любого вида деятельности. Развитие информационного общества в России - масштабное и многоплановое направление деятельности государства, его органов, общества, институтов формирующегося гражданского общества, отдельных граждан, обладающих специальным статусом, либо проявляющих информационную активность. Однако о научно обоснованных, вызванных потребностями совершенствования работы с информацией, приоритетах можно вести речь на уровне их стратегического закрепления и лишь в соотношении с вопросами обеспечения национальных интересов. В Стратегии 2017-2030 закреплены национальные интересы [6]:

1) развитие человеческого потенциала;

2) обеспечение безопасности граждан и государства;

3) повышение роли России в мировом и культурном пространстве;

4) развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления;

5) повышение эффективности государственного управления, развитие экономики и социальной сферы;

6) формирование цифровой экономики.

Стратегия 2017-2030 определяет, что обеспечение национальных интересов осуществляется посредством реализации приоритетов в условиях развития информационного общества.

Таким образом, в современном мире информационные технологии оказывают заметное влияние на жизнь общества и гражданина во всех сферах общественной жизни. В России при поддержке государства происходит процесс становления информационного общества: реализована федеральная целевая программа «Электронная Россия», приняты «Стратегия развития информационного общества» и государственная программа «Информационное общество».

Концептуальное и нормативное обеспечение развития информационного общества представляются неразрывными процессами, так как любые идеи и положения программного характера не могут быть реализуемы вне экономического, управленческого, духовно-нравственного и конечно правового обеспечения.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (дата обращения: 15.02.2023 г.).

2. Лолаева, А. С. Формы и методы деятельности региональных органов власти и органов местного самоуправления в рамках правового регулирования предоставления ими услуг в электронной форме / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ во «Горский государственный аграрный университет». Том 57. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2020. – С. 248-250.

3. Лолаева, А. С. Взаимодействие федеральных и региональных органов власти и органов местного самоуправления в рамках предоставления услуг в электронной форме в РФ / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет». Том 57. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2020. – С. 252-54.

4. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (дата обращения: 15.02.2023 г.).

5. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (дата обращения: 15.02.2023 г.).

6. Лолаева, А. С. Предоставление государственных и муниципальных услуг посредством информационно-коммуникационных технологий как элемент электронной (цифровой) демократии / А. С. Лолаева // Право и политика. – 2021. – № 12. – С. 89-101.

7. Указ Президента России от 09.05.2017 г. №203 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 15.02.2023 г.).

8. Бурнацева, З. М. Двусторонняя сущность юридической ответственности / З. М. Бурнацева, З. В. Хутинаева // Научное обеспечение устойчивого развития агропромышленного комплекса горных и предгорных территорий: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Горского ГАУ, Владикавказ, 29–30 ноября 2018 года. Том 2. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2018. – С. 243-247.

УДК 342.7

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Лолаева А.С. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Лолаева Д.Т. – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой философии и социально-гуманитарных технологий

Санакоева Я.И. – ассистент кафедры философии и социально-гуманитарных технологий
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. Исследуются сущность и особенности информационного общества. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что развитие современного общества невозможно без информационных технологий, что позволяет говорить о новой фазе общественного развития, получившее

название - «информационное общество». Сделан вывод о том, что информационное общество – это и правовой, и экономический, и философский термин, обозначающий наиболее высокую в настоящее время ступень развития общества, определяющей ценностью которой является не материальное, а нематериальное благо - информация.

Ключевые слова: *информационное общество, информационно-коммуникационные технологии, электронная демократия, цифровая среда, цифровизация, Интернет*

Развитие современного общества невозможно без информационных технологий, что позволяет говорить о новой фазе общественного развития, получившее название - «информационное общество».

Информационное общество – это стадия развития общества, когда использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) оказывает существенное влияние на основные социальные институты и сферы жизни [1]:

- экономика и деловая сфера;
- государственное управление;
- образование;
- социальное обслуживание и медицина;
- культура и искусство.

Сегодня существует большое количество средств коммуникации - телефония, радио, телевидение, сеть Интернет, а также традиционные и электронные средства массовой информации - технологическая основа информационного общества.

Так, информационное общество будет представлять собой общество, основу развития которого составляют производство знаний и информации на базе передовой информационной технологии, т.е. информативность, которая означает, что во всех сферах жизни людей определяются действия, принимаемые на основе информационных технологий.

Информатизация экономики или сферы общественной жизни - это насыщение видов человеческой деятельности информационными технологиями. Степень информатизации становится в настоящее время важным критерием развития общества, поскольку без использования больших массивов информации и высококвалифицированных специалистов в данной области невозможно принятие важных решений. Основными признаками информационного общества являются следующие:

- сильно в информационных технологиях в инфраструктуре, производстве и знаниях;
- является открытым обществом, или гражданским обществом, политически открытым для глобальных процессов;
- отличается высокими показателями общего уровня образования и здравоохранения;
- его экономика динамична, т. е. конкурентоспособна на международном уровне и обладает производительным бизнесом, а также имеет инновации.

Важным является также рассмотрение информационного общества в различных сферах жизнедеятельности людей.

В экономической сфере информация используется в качестве ресурса, услуг, товара, источника добавленной стоимости и занятости, получает развитие электронный бизнес [2].

В политической сфере свобода информации, ведущая к развитию электронной демократии, электронного государства, электронного правительства. Чтобы выразить свое мнение по тому или иному вопросу или сформировать группу единомышленников для воплощения какой-либо инициативы, достаточно зайти на соответствующий сайт в сети Интернет. Для получения государственной услуги достаточно дистанционно заполнить форму запроса, а через определенное время получить необходимый документ в свой почтовый ящик [3].

«Электронное государство – это способ повышения эффективности деятельности государства, основанный на использовании информационных систем. При этом подразумевается, что с использованием ИКТ функционируют исполнительная (электронное правительство), и законодательная власти (электронный парламент, электронная демократия), а также судебные органы (электронное правосудие)» [4].

Можно сказать, что в настоящий момент идет процесс становления электронного государства, о чем свидетельствует появление Единого портала электронной демократии Российской Федерации. Система «Электронной демократии» дает возможность участвовать в принятии управленческих решений, публичных обсуждениях официальных документов и контроле деятельности органов власти.

В социальной сфере информация выступает в качестве важного стимулятора изменения качества жизни. Чтобы получить консультацию специалиста, пациенту не нужно ехать в медицинский центр, а достаточно будет оставить свои документы на портале и в назначенное время выйти на связь с профильным врачом (телемедицина). Чтобы получить помощь в чрезвычайной ситуации, достаточно воспользоваться единым номером экстренных служб. Чтобы собрать ученика в школу, достаточно скачать комплект учебников с регионального образовательного портала и сохранить их в электронной книге [5].

В культурной сфере признание культурной ценности информации (например, проект ЮНЕСКО «Цифровое наследие»). «Чтобы подобрать литературу по интересующей тематике, достаточно воспользоваться электронным каталогом любой библиотеки на всей территории страны. Чтобы посетить зарубежный музей, достаточно побывать на соответствующем сайте. Чтобы получить образование в любом университете мира, нужно обратиться к его ресурсам дистанционного обучения» [6].

Так, развитие информационного общества сегодня играет важную роль в жизни общества, поскольку позволяет оптимизировать большое количество процессов в различных областях жизнедеятельности.

Самой главной областью жизнедеятельности является экономика, в которой развития информативности позволяет оптимизировать большое количество процессов, тем самым значительно улучшая экономическую сферу [7, 8].

Также следует отметить, что социальная сфера жизнедеятельности также играет важную роль, поскольку оказываются оптимизированными области получения социальных услуг, а также автоматизированы социальные процессы в общества.

Таким образом, информационное общество - это и правовой, и экономический, и философский термин, обозначающий наиболее высокую в настоящее время ступень развития общества, определяющей ценностью которой является не материальное, а нематериальное благо - информация. Информационное общество включает разные виды информационной деятельности, крупномасштабное обособление которых позволяет говорить о формировании особой информационной общности людей и особой информационной цивилизации.

Список литературы

1. Павлючук, А.С. Формирование информационного общества в России как процесс нооферизации / А.С. Павлючук // Информационное развитие России: состояние, тенденции и перспективы: сборник научных статей международной научно-практической конференции. - Москва, 2018. - С. 14.
2. Лолаева, А. С. Конституционно-правовые аспекты информационного общества / А. С. Лолаева // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 10-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 10–11 июня 2021 года. Том Часть II. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 238-240.
3. Носонов, А.М. Типология уровня развития информационного общества в России / А.М. Носонов // Современные проблемы территориального развития. - 2017. - № 1. - С. 7.
4. Лолаева, А. С. Особенности деятельности органов публичной власти в рамках развития системы электронного государства / А. С. Лолаева // Юридические исследования. – 2022. – № 1. – С. 43-50.
5. Опарин, А.Ю. Тенденции становления информационного общества России / А.Ю. Опарин // Труды Северо-Кавказского филиала Московского технического университета связи и информатики. - 2018. - № 2. - С. 198.
6. Фадейкина, Н.В. О стратегии развития информационного общества и цифровой экономики: стратегические приоритеты и национальные интересы России / Н.В. Фадейкина, Г.А. Фадейкин, А.А. Синкина // Сибирская финансовая школа. - 2019. - № 3 (134). - С. 8.
7. Лолаева, А. С. Информационная безопасность в свете развития цифровой экономики в Российской Федерации / А. С. Лолаева // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Мельбурн, 20 февраля 2021 года / МЦНИР «Научный взгляд». – Мельбурн: МЦНИР «Научный взгляд», 2021. – С. 90-98.
8. Бурнацева, З. М. Двусторонняя сущность юридической ответственности / З. М. Бурнацева, З. В. Хутинаева // Научное обеспечение устойчивого развития агропромышленного комплекса горных и предгорных территорий: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Горского ГАУ, Владикавказ, 29–30 ноября 2018 года. Том 2. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2018. – С. 243-247.

УДК 347.711

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ЭПОХУ НОВОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Максимов А.А. – к.ю.н., преподаватель, кафедра правового обеспечения государственной и муниципальной службы Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

Аннотация. В статье исследуются существующие тенденции трансформации отдельных прав и свобод человека и гражданина из окружающей индивидов офлайн среды в цифровое пространство. Обосновывается разработка новых для правовой науки понятий «онлайн-митинг» и «право на свободу выбора получаемой информации». Указывается на необходимость расширения понятийного аппарата в сфере публичных мероприятий путем включения в нормативные правовые акты новых форм массовых публичных акций.

Ключевые слова: конституционные права, права человека в интернете, право в интернете, массовые мероприятия, право на информацию, онлайн-митинг, онлайн-протест, цифровые права, политические права в сети Интернет, политические права граждан

Современная действительность, сопровождаемая бурным развитием цифровых технологий, способствующих обогащению способов реализации основных прав и свобод человека и гражданина в первую очередь влияет на деятельность в информационном пространстве. Именно в рамках сети Интернет происходит значительная трансформация, подводящая современных людей к новой цифровой реальностью.

Можно говорить, что активизирующаяся в настоящее время информационная доступность, при которой прирост пользователей сети Интернет в среднем ежегодно увеличивается на 7,3% [1], а общее количество пользователей в мире приближается к 5,5 миллиардам [2], открывает индивидам безграничные возможности для реализации их основных прав и свобод. Приятно отмечать, что наша страна в мире занимает 6 место по количеству активных пользователей Сети внутри одного государства с внушительным результатом более 90% [3]. Указанные показатели являются безусловными предпосылками неминуемой трансформации традиционных механизмов реализации прав и свобод в новые цифровые форматы.

В данной парадигме интерес представляют теории поколений прав человека и их соотношение с цифровыми правами [4]. Бесспорно, что всеобъемлющая цифровизация с каждым годом затрагивает все большее количество индивидов и, соответственно, все больший спектр правоотношений [5]. При этом вопрос защиты механизмов реализации прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве становится наиболее актуальным и важным. Подход, заключающийся в том, что права, существующие за пределами сети Интернет, требуется защищать и в самом цифровом пространстве начинает применяться все чаще и даже утверждается как базовый [6].

Исходя из существующей практики, можно утверждать, что в рамках конституционно-правовой науки особое значение цифровизация прав и свобод человека и гражданина оказывает на группу политических прав [7], к которой в том числе, относится и право на информацию [8].

Переходя к рассмотрению конкретных примеров перехода прав и свобод в новые формы, реализуемые в цифровом пространстве, подверженным наибольшим рискам, в первую очередь видится право избираться и быть избранным [9]. В контексте тематики данной конференции наибольший интерес в этом разделе представляет угроза возможного воздействия на поведение участников избирательного процесса. Крайне интересным представляется опыт использования персональных данных пользователей «Фейсбук (Facebook)» компанией «Кембридж Аналитика (Cambridge Analytica)» во время президентских выборов в США в 2016 году [10]. Существующие правовые механизмы ограничения от подобного воздействия, лежат в плоскости защиты персональных данных и опираются на базовые конституционно-правовые принципы, однако в полной мере не используют их и тем более не реформируют.

Реформирование необходимо проводить, но делать это нужно крайне аккуратно, не допускать чрезмерного ограничения, излишней ответственности. Сложность в определении границ необходи-

мой ответственности можно наблюдать в вопросе усиления санкций за утечки персональных данных и отсутствии единого подхода при их регламентации [11].

Как можно заметить, специфика указанной проблематики заключается во взаимосвязи с несколькими отдельными составляющими конституционно-правового регулирования. Важно отметить, что право на информацию стоит выделять в качестве основного элемента при исследовании прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет.

Подобная комплексность должна учитываться при создании теоретических подходов к пониманию новых механизмов осуществления прав и свобод цифровом пространстве. Исходя из этого было сформулировано такое авторское понятие как «право на свободу выбора получаемой информации». Катализатором для формулирования и выделения подобного термина стоит считать тот объем информации, который в настоящий момент воздействует на индивида при любых составляющих жизнедеятельности, а особенно при использовании сети Интернет.

В связи с этим сформулированы основные составляющие предложенной терминологии, к которым стоит относить:

- свободу от навязывания информации;
- отсутствие необоснованного ограничения информации;
- конкретизация нормативного правового регулирования деятельности ресурсов, с помощью которых происходит распространение информации.

Не менее интересным правом, трансформирующимся и плавно переходящим в сеть Интернет, является право на манифестации. Сегодня мы можем наблюдать, что для выражения своего мнения человеку не нужно покидать пределов своего жилища. Можно проголосовать, подписать петицию, пожаловаться на деятельность управляющей компании, направить обращение в органы государственной власти и даже выйти на митинг. Так, с целью реализации положений ст. 31 Конституции Российской Федерации [12] граждане все чаще обращаются к сети Интернет. Именно на манифестациях в цифровом пространстве и хотелось бы более подробно остановиться.

Онлайн-митинг можно рассматривать как способ объединения граждан, механизм выражения мнения по различным вопросам политической жизни общества [13]. Онлайн-митинг по своей сути имеет все необходимые составляющие публичного мероприятия, устанавливаемого Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [14] за единственным исключением, он проводится на определенной странице сайта в сети Интернет. Как явлению новому, указанным правоотношениям свойственен ряд недостатков, которые еще предстоит устранить. Однако наличие недостатков не должно восприниматься основанием для длительного отказа от нормативного правового закрепления подобной формы выражения мнения.

При этом крайне важно определиться с вопросом дифференциации различных видов онлайн-акций, исследовать, какие акции могут являться публичными мероприятиями, от какого минимального количества участников стоит исходить при их проведении. Нужно внедрять технологии в области идентификации участников, для незамедлительной блокировки запрещенной информации можно использовать модераторов и т. д.

Подводя итог, хочется отметить, что результатом существующей трансформации, должно стать безусловное распространение основных конституционно-правовых принципов на правоотношения в сети Интернет. Подобное утверждение можно будет назвать полностью завершенным только после расширения нормативной базы посредством внесения новых механизмов реализации прав и свобод человека и гражданина, что позволит в полной мере их обезопасить и гарантировать возможность их реализации.

Список литературы

1. Digital 2021: global overview report // URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report>; Digital 2020: global digital overview // URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview>.
2. Internet usage statistics // URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>.
3. Чернышенко: 90% населения России являются пользователями интернета // URL: <https://rg.ru/2022/09/28/chernyshenko-90-naseleniia-rossii-iavliaiutsia-polzovateliamiinterneta.html?ysclid=le75auy98j8711364>
4. Martinez-Villalba J. C. R. La Cuarta Ola De Derechos Humanos: Los Derechos Digitales (Fourth Wave of Human Rights: The Digital Rights) // Revista Latinoamericana de Derechos Humanos. № 25 (1). 2014. P. 15–45.
5. Афанасьев, С. Д. Биометрическая идентификация и права человека: демаркационная линия / С. Д. Афанасьев, И. А. Терещенко, Д. А. Яцкевич // Закон. – 2022. – № 3. – С. 33–46.

6. Coccoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // *Peace Human Rights Governance*. – 2017. – Vol. 1. – № 2. – P. 223–250.
7. Лукашева, Е. А. Права человека. – Москва: Норма, 2004. – 574 с.
8. Авакьян, С. А. Конституционное право России. В 2 т. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2010. – Т. 1. 863 с.
9. Коллюшин, Е. И. Правовые проблемы электронизации (цифровизации) выборов / Е. И. Коллюшин // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2019. – № 9(61). – С. 103-113.
10. Susser D., Roessler B., Nissenbaum H. F. Online Manipulation: Hidden Influences in a Digital World // *4 Georgetown Law Technology Review*. №1. 2019. p. 45.
11. Минцифры задумало ввести штрафы за утечки данных до ?500 млн // URL:https://www.rbc.ru/technology_and_media/26/12/2022/63a8f2999a79471e4e7c3968?ysclid=le75ya02tg141203317.
12. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // *СЗ РФ*. 2014. № 31. Ст. 4398.
13. Максимов, А. А. Онлайн-митинг как способ реализации политических прав человека / А. А. Максимов // *Актуальные проблемы российского права*. – 2021. – Т. 16, № 2(123). – С. 30-38.
14. Федеральный закон от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // *СЗ РФ*. 2004. № 25. Ст. 2485.

УДК 342.7

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

Кочиева О.А. – Председатель Верховного суда Республики Южная Осетия
Верховный суд Республики Южная Осетия, г. Цхинвал

Лолаева А.С. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Исследуются понятие и значение электронного правосудия в Российской Федерации. Рассмотрены определения электронного правосудия, приведенные разными авторами. Сделан вывод о том, что главной целью электронного правосудия в России, заключается в обеспечении широкого доступа к правосудию и судебной информации, а не в кардинальном изменении принципов и процедур судебного разбирательства. Реализация и развитие концепции (программы) электронного правосудия должна повлечь реализацию такой цели, как эффективная защита прав, свобод и законных интересов общества.

Ключевые слова: *электронное правосудие, электронный документооборот, информационно-коммуникационные технологии, информационное общество, электронная демократия, цифровая среда, цифровизация*

Идея правосудия стала складываться еще с древнейших времен еще до формирования системы судебной власти. Правосудие в той или иной мере упоминалось в различных источниках как Древнего Востока, так в Римской империи и средневековых государств Западной и Восточной Европы. Все идеалы, закрепленные или обозначенные в прошлом, дали основу развития современных концепций правосудия. Развитие и совершенствования демократических институтов, а также и процессов реализации основных функций с возможностью перехода на «электронную систему правосудия», в следствии развития общества в сфере информационных технологий и необходимостью по-новому взглянуть на механизмы реализации общепринятых принципов правосудия.

Понятие «правосудия» определяют, как вид государственной деятельности, состоящей в том, что независимый, беспристрастный и справедливый особый орган (суд) на основании закона рассматривает и разрешает правовые споры и дела, отнесенные в его компетенцию и ведению в установленной законом правовой форме. Правосудие – это деятельность специальных органов (судов) осуществляемая в строго предписанных процессуальных формах [1].

Несмотря на широкое использование информационно-коммуникационных технологий в судебной деятельности, легальной дефиниции «электронного правосудия» и единого понимания в научной литературе относительно понятия нет.

Однако 26 ноября 2015 года Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации вынес Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и от 26.11.2015 N 362 в котором дал понятие электронного правосудие: «Электронное правосудие (инф.) - способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанные на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде» [2].

Так, Романенкова С.В. рассматривает электронное правосудие в широком и узком смыслах. В широком смысле под данным термином автор понимает совокупность различных автоматизированных информационных систем - сервисов, предоставляющих средства для публикации судебных актов, ведения «электронного дела» и доступа сторон к его материалам. Вышеуказанные средства позволяют вывести на совершенно иной качественный уровень взаимодействие суда, участников процесса и иных заинтересованных лиц. В то же время все эти сервисы носят прикладной, вспомогательный характер, не изменяя способов ведения судебного процесса. В узком смысле «электронное правосудие» - это возможность суда и иных участников судебного процесса осуществлять предусмотренные нормативными правовыми актами действия, непосредственно влияющие на начало и ход судебного процесса (например, такие действия, как подача в суд документов в электронной форме или участие в судебном заседании посредством системы видеоконференц-связи) [3].

Кириллов А.Е. определяет электронного правосудие в двух смыслах: «в узком смысле электронное правосудие можно рассматривать как юрисдикционную правоприменительную деятельность компетентных государственных органов и должностных лиц с использованием электронных документов, а процессуальную основу электронного правосудия - как совокупность (систему) правовых норм, регламентирующих порядок, форму такой деятельности» [4].

В Рекомендации Комитета министров Совета Европы понятие электронного правосудия определяют, как: «это использование информационно-коммуникационных технологий в реализации правосудия с целью повышения эффективности и качества деятельности государственных служб. Оно включает в себя электронное общение и обмен данными, а также доступ к информации судебного характера. Комитет министров Совета Европы отметил, что введение данной системы обеспечивает доступ к суду, а также повышает эффективность судебной системы и качество правосудия» [5].

Главным же критерием наличия в государстве электронного правосудия, это наличие норм, закрепленных в процессуальном законодательстве, позволяющие вести судебный процесс с использованием электронных устройств или с использованием электронных возможностей [6].

Электронное правосудие – это способ осуществления правосудия, основанный на использовании современных информационно-коммуникационных технологий и имеющий своей целью обеспечение гласности, открытости и доступности судопроизводства [7].

Исходя из данного определения само электронное правосудие должно предполагать наличия в судах информационных систем, которые отвечают за обработку, регистрацию, учет и хранение документов, сведений о рассматриваемых делах, а также систем, которые обеспечивали автоматизацию судопроизводства и позволяли оперативно доводить информацию до заинтересованных лиц в электронном виде.

Концепция разработки проекта «электронное правосудие» в первые была упомянута в Постановление Правительства Российской Федерации от 20.11.2001 N 805 (ред. от 06.02.2004) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002 - 2006 годы» [8]. Разработка этого проекта являлась одним из инструментов развития информационной функции государства. Развития электронного правосудия, особенно прогрессивное, способствует укреплению уже сформировавшейся самостоятельной информационной функции государства.

Понятие электронного правосудия, в нашей стране на данный момент, включает целый ряд систем, обеспечивающих доступ к информации о деятельности арбитражных судов и систем автоматизации судопроизводства. В связи с этим электронные инструменты должны обеспечить абсолютную открытость и доступность арбитражных судов, улучшение качества судейской работы, сокращение издержек и максимальное удобство для участников экономических споров. На данном этапе разрабатывается система изменения судов общей юрисдикции, и в последствии электронное правосудие не будет ограничиваться только экономическими спорами [8].

Относительно значения электронного правосудия в современной России, можно сказать, что оно, несомненно, играет важную роль. Во-первых, для самих участников процесса введение электронного документа оборота (что является частью электронного правосудия) способствует более быстрой и относительно простой подаче различных документов в суд с помощью сети «Интернет». Во-вторых, в связи с усиленной борьбой с коррупцией, система электронного правосудия позволит сделать судопроизводство еще более открытым. Благодаря этому, изучить материалы дела может каждый, уменьшает коррумпированность должностных лиц и мотивирует судей принимать решение наиболее объективно. В-третьих, открытость судебного процесса, может способствовать разрешению споров альтернативными методами, для участников спора которые хотели бы решить конфликт конфиденциально [10].

Необходимо также отметить, что электронное правосудие не предполагает перехода от непосредственного судебного разбирательства с физическим участием сторон на дистанционное судебное разбирательство без физического участия сторон. Внедрение системы электронного правосудия означает изменение системы документооборота, то есть введение системы электронного документооборота. А также электронному взаимодействию между органами судебной власти и лиц участвующих в деле, в тех случаях, когда нет необходимости очного присутствия.

Главной целью электронного правосудия в России, заключается в обеспечении широкого доступа к правосудию и судебной информации, а не в кардинальном изменении принципов и процедур судебного разбирательства.

Реализация и развитие концепции (программы) электронного правосудия должна повлечь реализацию такой цели, как эффективная защита прав, свобод и законных интересов общества.

Список литературы

1. Жданова Ю.А. Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 80.
2. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 26.11.2015 № 362 «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента» // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. N 2.
3. Рожкова М.А., Глазкова М.Е., Савина М.А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография / под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. С.105
4. Кириллов А.Е. Процессуальные основы электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2018. N 1. С. 220.
5. Санакоева, Я. И. Человек в поликультурном пространстве современного мира / Я. И. Санакоева, И. С. Ханаев, Д. Т. Лолаева // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Межвузовского научно-практического семинара, Владикавказ, 05–06 декабря 2019 года. – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 5-12.
6. Лолаева, А. С. Вопросы электронного правосудия в эпоху цифровизации / А. С. Лолаева // Государство и право в цифровую эпоху: Материалы международной научно-практической конференции Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 г., Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 года / Е. В. Трофимов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – С. 108-113.
7. Сухаренко А. Электронное правосудие // ЭЖ-Юрист. 2015. № 41. С. 3.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 20.11.2001 № 805 (ред. от 06.02.2004) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002 - 2006 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. N 49. Ст. 4623; Собрание законодательства Российской Федерации 16.02.2004. № 7. Ст. 520.
9. Лебедев, С. А. Наука как подсистема культуры / С. А. Лебедев, Д. Т. Лолаева // Журнал философских исследований. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 8-12.
10. Лолаева, А. С. Вопросы цифровизации в новой редакции Конституции Российской Федерации / А. С. Лолаева // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2021. – № 1. – С. 110-113.

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ

Хачирова В.С. – заместитель Председателя Верховного суда Республики Южная Осетия

Верховный суд Республики Южная Осетия, г. Цхинвал

Лолаева А.С. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права

ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Исследуется конституционно-цифровые перспективы развития электронного правосудия в России. Особенность внедрение электронного правосудия в России состоит в том, что бы в полной мере реализовать основные принципы правосудия, а также достижения таких целей как повышение эффективности судебной системы и качества правосудия. Сделан вывод о том, что главная цель электронного правосудия, в Российской Федерации на данный момент, заключается в обеспечении широкого доступа к правосудию и судебной информации, а не к изменению принципов и процедуры судебного разбирательства.

Ключевые слова: *электронное правосудие, электронный документооборот, информационно-коммуникационные технологии, информационное общество, электронная демократия, цифровая среда, цифровизация*

Особенность внедрение электронного правосудия в России состоит в том, что бы в полной мере реализовать основные принципы правосудия, а также достижения таких целей как повышение эффективности судебной системы и качества правосудия. Но стоит обратить внимание на проблему определения самого электронного правосудия, анализируя научную литературу, можно с уверенностью сказать, что мнения о том, что же включается в понятие электронного правосудия разнятся. Такой разносторонний аспект определение электронного правосудия ограничивает научное развитие электронного правосудия, поскольку основные разработки идут на определение понятия электронного правосудия и определение его места в системе законодательства.

Кирилловых А.А. выделяет проблему: «неконтролируемого роста объема информации о гражданах, организациях и объектах хозяйственного оборота, содержащейся в государственных информационных системах. При этом не обеспечены надлежащим образом или вообще отсутствуют эффективные механизмы контроля использования информации, что также создает угрозу нарушения прав граждан. Расширение границ информационной деятельности, развитие информационных технологий в рамках информационного права определяют потребность в наличии специального законодательства, призванного регулировать отдельные механизмы упорядочения информационного потока» [1]. В рамках данного регулирования был разработан Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-Федеральный закон 06.04.2011 N 63-ФЗ «Об электронной подписи» [2], который позволил урегулировать порядок подачи документов в особой форме.

Введение электронного правосудия должно обеспечить повышение качества судопроизводства для граждан и организаций путем использования информационных технологий для ускорения судебного разбирательства и повышения прозрачности.

Электронное правосудие включает в себя информативные сайты национальные судов, развитие системы информирования о статусе судебного дела в онлайн-режиме, системы использования видеоконференц-связи, методы и стандарты для электронного обмена информацией [3].

Чеботарева А.А. выделяет проблему защиты информационных прав и свобод. В рамках реализации электронного правосудия стоит уделить особое внимание защиты прав и свобод граждан в информационном пространстве, ведь при рассмотрении дела указываются личные данные граждан, которые должны охраняться государством.

В рамках электронного правосудия речь не идет о передаче судебных полномочий пользователям в Интернете, поскольку это подрывало бы принципы традиционной демократической системы. Электронное правосудие, как предполагается, должно предложить новые ресурсы для граждан и организаций, в т.ч. новые возможности для получения информации об осуществлении правосудия и юридических процедурах на интернет-сайтах, а также возможности для возбуждения отдельных

видов юридических разбирательств (электронные заявления), возможности следить за ходом разбирательства путем доступа к последней актуальной информации в Интернете, а также возможность оплатить судебные издержки и расходы в онлайн-режиме. Кроме того, необходимо обеспечить комплексные, качественные юридические возможности для граждан и организаций осуществлять свое право на эффективную судебную защиту, сознательно и эффективно пользоваться гарантиями, предусмотренными в рамках судебной системы.

Электронное правосудие может также способствовать эффективному рассмотрению дел с участием граждан и организаций, находящихся в различных странах, а также данное развитие может способствовать международному сотрудничеству.

Таким образом, можно выделить следующие правовые механизмы электронного правосудия: открытость информации; дистанционное взаимодействие; доступная база судебных решений; международное признание судебных решений; электронный документооборот; электронное дистанционное возбуждение разбирательства и подача документов; электронное информирование; электронное консультирование [5].

Говоря об электронном правосудии, необходимо отметить, что существует точка зрения, согласно которой каждый сервис, который предоставляет информацию в электронном виде, связанный с судебной системой, а также допускает электронный обмен информацией о судебном деле через сеть «Интернет», может быть определен как электронное правосудие

Но все же, основным критерием, отличающим электронное правосудие от электронного обмена судебной информацией или от электронной коммуникации, является реальное повышение эффективности осуществления правосудия с позиций доступности и прозрачности [6].

В России система электронного правосудия, в полном смысле этого понятия, относится к сфере арбитражного судопроизводства. На сайте арбитражных судов (<http://kad.arbitr.ru/>) организована подача исковых заявлений, апелляционных и/или кассационных жалоб, различных отзывов на заявления, заявлений о пересмотре дел в порядке надзора, ходатайств и иных процессуальных документов в дистанционном режиме через систему электронного правосудия. Кроме того, теперь любое заинтересованное лицо сможет отслеживать движение дела в дистанционном режиме с помощью автоматизированной системы «Электронный страж» [7].

Данная система позволяет максимально упростить формальные процедуры, соблюдение процессуальных сроков, так как такая система работает круглосуточно. В связи с этим срок подачи документов в суд не зависит от времени работы канцелярии суда и заканчивается действительно в конце суток.

В процессуальном законодательстве предусмотрена возможность рассмотрения арбитражных дел в дистанционном режиме, с помощью видеоконференц-связи. Для этого необходимо в рамках рассматриваемого дела подать ходатайство о рассмотрении дела с помощью видеоконференц-связи. Статья 153.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ представляет собой участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи: «лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи при условии заявления ими ходатайства об этом и при наличии в арбитражных судах или судах общей юрисдикции технической возможности осуществления видеоконференц-связи».

Данное положение является весьма удобным в связи с существенной экономией времени, но данное положение почти не реализуется, поскольку отсутствует техническая возможность или рассмотрение дела в закрытом судебном заседании. Также положение этой статьи не освобождает лиц участвующих в деле не являться на судебные разбирательства, поскольку проведение видеоконференц-связи осуществляется между судами и материалы раскрытые в процессе видеоконференц-связи приобщаются в материалам рассматриваемого дела [9].

Развитие в российской судебной системе электронного правосудия является главным элементом модернизации судебной системы. В первую очередь внедрение данной системы способствует повышению законности судебных решений, а также соблюдение процессуальных сроков. Нарушение процессуальных сроков ведет к серьезным негативным последствиям. Во-первых, это ведет к уменьшению доверия населения к судебной системе, а также это значит и уменьшение доверия к государству в целом, поскольку осуществление правосудия является одной из основных обязанностей государства, также как и защита прав и свобод граждан. Поскольку правосудие в государстве осуществляется на низком уровне, то и реализация основных функций государства тоже осуществляется не полностью. В связи с этим повышение уровня осуществления правосудия будет являться одним

из основных факторов наличия правового государства, а это повысит авторитет страны как на национальном уровне, так и на международном.

Во-вторых, наличие электронной системы позволит сделать доступным как для физических, так и для юридических лиц к правосудию. Что также позволит повысить доверие к государству и реализует основной конституционный принцип – равный доступ к правосудию. Но стоит дополнительно отметить, что полного перехода на электронную систему и отказа от бумажного дела оборота, осуществить нельзя, поскольку это прямо будет нарушать этот же принцип.

В-третьих, наличие активной и эффективной системы электронного правосудия, позволит повысить международное сотрудничество судов.

В-четвертых, открытость и гласность судебного разбирательства может способствовать росту альтернативных средств урегулирования споров. Что также позволит сократить судебные тяжбы для участников процесса.

В-пятых, электронная система позволит эффективней исполнять решения судов. Данный аспект позволит с введением особой формы электронного исполнительного листа направлять исполнительный лист взыскателю, путем электронного документооборота, что также сократит сроки получения исполнительного листа.

Булгакова Е.А. считает, что «система электронного правосудия в России в настоящее время находится в состоянии формирования и нуждается в качественной доработке. В российской практике система электронного правосудия в первую очередь ассоциируется с системой электронного документооборота, электронной базой судебных решений, возможностью рассмотрения дела в режиме видеоконференц-связи (возможность проведения судебных заседаний в дистанционном режиме при условии очного присутствия сторон)» [10].

На наш взгляд, система электронного правосудия на данном этапе претерпевает существенные реформы, введение электронных подписей, как судей, так и участников процесса, позволяет существенно изменить отношение к пониманию электронного правосудия. Получение решение по делу непосредственно в суде, при наличии усиленной квалифицированной электронной подписи судьи уже не будет необходимым, поскольку позволяет участником процесса, не теряя времени достать это решение из электронной базы судебных решений, и предъявить на исполнение данного решения. Также предполагается при введении усиленной квалифицированной электронной подписи судей, приравнивать само решение, по определенным категориям дел, к исполнительному документу, то есть наличие исполнительного листа будет не обязательно.

Также стоит дополнительно отметить, что введение электронной системы не только на уровне арбитражных судов, но и в судах общей юрисдикции, также позволит эффективно осуществлять правосудие, что доказало на примере введение изначально такой системы в арбитражных судах. Такое введение «единой общенациональной системы электронного правосудия» [11], обеспечивающая деятельность органов судебной власти всех уровней, а также создание доступной, понятной, прозрачной судебной власти, что также позволит повысить доверие у граждан и у организаций к судебной власти, а также и к государству.

Электронное правосудие не должно рассматриваться только с практической или теоретической стороны, или как элемент электронной демократии, также не необоснованно рассматривать электронное правосудие только в контексте реформирования – исходя из зарубежного опыта, «в данной области, очевидно, что полноценное внедрение системы электронного правосудия потребует существенного реформирования сложившихся общественных отношений и их правового регулирования между судами всех уровней, причем как в фактическом, так и в юридическом смыслах».

Однако не стоит забывать об принципах, закрепленных в Конституции Российской Федерации, относительно гарантий судебной защиты прав и свобод, при введении только электронного обращения граждан в суды, будет прямо ограничен этот принцип, поскольку не все слои населения имеют возможность использовать сеть «Интернет», что тоже является проблемой в развитии и обеспечении правосудия на территории Российской Федерации.

Исходя из вышеупомянутого реформа в области электронного правосудия должна осуществляться на основных идеях электронной демократии в России. В этом аспекте представляется необходимым принятие Федерального закона «Об основах электронной демократии», в котором следует закрепить такие основные принципы функционирования и развития электронной демократии в современной России.

В заключение следует отметить, что электронное правосудие не предполагает переход на полностью дистанционное судебное разбирательство без физического участия сторон. Электронное пра-

восудие тогда скорее всего будет означать переход от бумажного документооборота к электронному, а также к электронному взаимодействию между органами судебной власти в тех случаях, когда нет необходимости очного присутствия. Главная цель электронного правосудия, в Российской Федерации на данный момент, заключается в обеспечении широкого доступа к правосудию и судебной информации, а не к изменению принципов и процедуры судебного разбирательства.

Список литературы

1. Кирилловых А.А. Правовые аспекты механизма электронного взаимодействия в законодательстве об электронной подписи // Адвокат. 2011. № 11. С. 52.
2. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2022) «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
3. Лолаева, А. С. Вопросы электронного правосудия в эпоху цифровизации / А. С. Лолаева // Государство и право в цифровую эпоху. Материалы международной научно-практической конференции Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 г., Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 года / Е. В. Трофимов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – С. 108-113.
4. Чеботарева А.А. Теоретико-правовые проблемы законодательного обеспечения информационных прав и свобод // Юридический мир. 2015. № 1. С. 49–53.
5. Антонов Я.В. Конституционно-правовые перспективы развития электронного правосудия в России // Администратор суда. 2016. № 2. С. 12.
6. Лолаева, А. С. Вопросы цифровизации в новой редакции Конституции Российской Федерации / А. С. Лолаева // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2021. – № 1. – С. 110-113.
7. Электронный страж // [сайт] Режим доступа <https://guard.arbitr.ru/>
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
9. Лебедев, С. А. Наука как подсистема культуры / С. А. Лебедев, Д. Т. Лолаева // Журнал философских исследований. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 8-12.
10. Булгакова Е.В. Электронное правосудие // Российский судья. 2013. № 7. С. 16
11. Санакоева, Я. И. Человек в поликультурном пространстве современного мира / Я. И. Санакоева, И. С. Ханаев, Д. Т. Лолаева // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Межвузовского научно-практического семинара, Владикавказ, 05–06 декабря 2019 года. – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 5-12.

УДК 342.413

КОНСТИТУЦИОННЫЕ (УСТАВНЫЕ) СОВЕТЫ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН

Павлушкин А.В. – к.ю.н., ведущий научный сотрудник лаборатории правового мониторинга и социологии права
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации», г. Москва

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации отдельных конституционных судов субъектов Российской Федерации в соответствующие советы при законодательных органах власти и их возможной роли в обеспечении прав граждан. Проведен анализ принятых в субъектах Российской Федерации законов о конституционных советах. По результатам осуществленного правового мониторинга выделены две модели формирования, порядка деятельности и компетенции таких советов, а также предложены рекомендации по совершенствованию их правового статуса.

Ключевые слова: конституционные (уставные) советы, правосудие, законодательные органы, права граждан, правовой мониторинг

Как известно, конституционные поправки 2020 г. и дальнейшие изменения в федеральном законодательстве привели к упразднению конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Но при этом было оговорено право регионов на создание конституционных (уставных) советов, действующих при их законодательных органах [1]. Однако обращает на себя внимание практически полное отсутствие на федеральном уровне дальнейшей регламентации статуса и правового положения этих конституционных (уставных) советов (далее также – конституционные советы, советы).

Осуществленный мониторинг законодательства субъектов Федерации показал, что в трех республиках уже приняты законы о конституционных советах. Представляется, что именно законодательная форма регламентации деятельности советов призвана повысить их статус и гарантии деятельности в системе органов власти. Хотя можно предполагать и иную форму регламентации: в виде принятия постановления законодательного органа. Первым из указанных законов стал Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 26 мая 2021 г. «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)». Спустя практически год был принят Закон Республики Адыгея от 28 апреля 2022 г. «О Конституционном Совете Республики Адыгея», а затем Закон Республики Башкортостан от 21 ноября 2022 г. «О Конституционном совете Республики Башкортостан». Проведенный анализ содержания названных законодательных документов показал диаметрально различные подходы к порядку формирования, статусу и организации деятельности конституционных советов.

В Республике Якутия совет определяется как постоянно действующий государственный орган. В Адыгее совет не является самостоятельным органом и создается лишь в целях выработки заключений по внесенным проектам конституционных законов. Таким образом, речь здесь идет даже не обо всех вносимых в парламент проектах законодательных актов, а только об их узкой группе – конституционных поправках (см. п. 2(1) ст. 70 и ст. 109 Конституции Республики Адыгея).

В состав конституционных советов в Якутии и Адыгее входит девять и четырнадцать человек соответственно; в Законе Республики Башкортостан предусмотрена следующая «вилка»: не менее трех и не более пяти членов. Хотя конституционные советы и создаются исключительно при законодательных органах власти, во всех рассматриваемых законах предусмотрено прямое участие в их формировании глав республик. Так, в республиках Башкортостан и Якутия все члены советов назначаются парламентом, но по представлению главы Республики. В Адыгее же половина членов Конституционного совета прямо назначается исполнительной властью. С одной стороны, возможно, это продиктовано желанием сохранить объективность при рассмотрении и принятии решений конституционных советов, а также обеспечить приемлемый баланс законодательной и исполнительной ветвей власти. С другой стороны, здесь можно и усмотреть определенное нарушение принципа разделения властей в связи с уменьшением прав законодательной власти в пользу главы высшего исполнительного органа.

Различно в региональных законах определены квалификационные требования к кандидатам в члены конституционных советов. Так, в Башкортостане и Якутии на должности членов Совета могут претендовать только профессиональные юристы с соответствующим возрастным цензом и стажем, а также другими соответствующими требованиями. В Адыгее же, для того, что бы претендовать на членство в Совете достаточно иметь высшее образование в любой сфере, опыт работы в достаточно широкой сфере без указания минимального стажа и возраста.

Значительно различается срок полномочий конституционных советов и (или) их членов. В Адыгее предусмотрено, что Совет формируется на срок полномочий депутатов парламента текущего созыва. Если рассматривать Совет как совещательный орган при законодательном органе, то привязка срока его полномочий к текущей легислатуре выглядит достаточно логичной. Это, в том числе, позволяет достаточно часто обновлять состав Совета, хотя в таком случае остаются вопросы к объективности и независимости его членов от влияния законодательной и исполнительной властей. В Башкирии член Совета назначается сроком на 5 лет, но не более двух сроков подряд. В Республике Якутия члены Конституционного совета назначаются сроком на 10 лет и могут быть назначены на должность на новый срок.

Наибольшие различия выявлены нами в сфере компетенции конституционных советов. Наиболее весомы полномочия советов в Башкирии и особенно в Якутии. Так, весьма широки полномочия Совета Республики Якутия в сфере собственно конституционного законодательства. При этом данные полномочия во многом перекликаются с деятельностью по правовому мониторингу. Так, он ежегодно представляет на пленарном заседании парламента доклад о состоянии и развитии конституционного законодательства, а также осуществляет научно-методическое обеспечение его развития. Кроме того, этот орган также дает толкование Конституции Республики Якутия. Здесь полага-

ем, что поскольку Совет не является органом конституционной юстиции, то это его право излишне. Представляется, что толковать положения конституции или устава субъекта Федерации имеет право исключительно законодательный орган и только в порядке, предусмотренном для внесения конституционных (уставных) поправок (за исключением возможного изменения конституции на референдуме). Но некоторые ученые придерживаются иной точки зрения, согласно которой «конституционный совет мог бы осуществлять толкование конституции (устава) субъекта Российской Федерации, используя элементы системы досье» [1].

Представляется закономерным, что для всех советов статус их решений является только рекомендательным для органов публичной власти. При этом обеспечению деятельности советов посвящены специальные положения анализируемых законов. Здесь также кардинально различаются подходы к этому вопросу. В Адыгее и Башкирии деятельность советов обеспечивают аппараты законодательных органов. В Республике Якутия предусматривается формирование самостоятельного аппарата Конституционного совета.

Таким образом, проведенный анализ законов республик Адыгея, Башкирия и Якутия, показывает, что в только в последнем из них выбрали модель максимальной регламентации порядка формирования и организации деятельности Совета, во многом сходному для органа конституционного правосудия.

Вопрос о возможности создания новых советов в будущем, спустя длительное время после упразднения соответствующего суда, представляется дискуссионным. Но в тоже время может быть создана своего рода ассоциация конституционных (уставных) советов. И такая ассоциация может вырабатывать консолидированную позицию, в том участвуя в различных формах в рассмотрении дел на федеральном уровне, прежде всего в Конституционном суде Российской Федерации. Речь, конечно же, не идет о «друге суда», если сейчас такой институт вообще возможен, но как значимая профессиональная экспертиза это представляется достаточно целесообразным.

На основании изложенного, полагаем, что в федеральном законодательстве целесообразно закрепить основы (принципы) формирования и деятельности конституционных (уставных) советов. Избегая детальной регламентации всего данного процесса, целесообразно установить общие гарантии деятельности советов, направленные, в том числе на обеспечение их беспристрастности, объективности и соблюдения законности. Прежде всего их деятельность должна быть ориентирована на обеспечение дополнительных гарантий защиты прав граждан, в том числе их право на подачу соответствующих жалоб (или даже вернее обращений) и их рассмотрение. Естественно, что это не должно подменять собой деятельность уполномоченных по правам человека в регионах.

Список литературы

1. Брежнев О.В. Правовой статус конституционного (уставного) совета субъекта Российской Федерации: первый опыт законодательного регулирования // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 11. С. 32–36.
2. Миронов Д.Н. Конституционный совет при парламенте субъекта РФ (к вопросу об интеллектуальной модели) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 71–75.

УДК 342.951

ПРИОБРЕТЕНИЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Дзанагова М.К. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. На основании норм гражданского законодательства в данной статье утверждается, что использование цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, в бизнесе не порождает цифровых правоотношений, субъектом которых является электронная личность. На текущей стадии эволюции искусственного интеллекта его применение в производстве товаров, работ, услуг и операциях операторов разнообразных информационных систем происходит посредством действий граждан и юридических лиц. Сделки, заключенные таким образом, считаются заключенными или исполненными в письменной форме.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, цифровые технологии, цифровые финансовые активы, электронное лицо, юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, договор об оказании услуг по предоставлению информации*

Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [1], которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., перед юридической наукой поставлена задача адаптации всей системы правового регулирования к изменяющимся условиям, в частности, в том, что касается взаимодействия человека с искусственным интеллектом (ИИ). Данный правовой акт является документом стратегического характера и содержит основные понятия, отсутствующие в четвертой части Гражданского кодекса (искусственный интеллект, набор данных, разметка данных, компьютерная система, технологическое решение и другие), а также провозглашает основные принципы разработки и применения технологий ИИ, которые включают не только общеправовые принципы (защита прав и свобод человека), но также и политические (цифровой суверенитет). Указ № 490 устанавливает задачи создания комплексного нормативного регулирования общественных отношений, складывающихся по поводу развития и эксплуатации технологий ИИ, в том числе разработку соответствующих этических правил взаимодействия человека с искусственным интеллектом [2, с. 65].

Право в контексте цифровизации должно выполнять роль законодательного регулятора технологических процессов, «определять социально оправданный коридор вторжения человека в искусственный мир новых технологий» [3, с. 28].

Понятно, что в ближайшее время можно будет говорить об интеллектуальных устройствах как об охраняемом самостоятельном результате интеллектуальной деятельности, которые будут внесены в перечень, указанный в статье 1225 ГК РФ.

Интеллектуальные устройства, использующие микропроцессоры и набор соответствующего программного обеспечения, станут новым типом архитектуры компьютерных систем и будут защищены авторским правом. По мере того, как знания о синтезе, обеспечиваемые слиянием математики, физических наук и социально-гуманитарного образования, становятся в центре внимания развития ИИ, возникла концепция слияния ИИ, технических решений, наборов данных и т. д.

Одним из основополагающих принципов гражданского права является то, что гражданские права юридических лиц приобретаются и осуществляются ими по своей воле и в своем интересе (п. 2 ст. 1 ГК РФ). Глава 2 ГК РФ посвящена возникновению гражданских прав и обязанностей, их реализации и защите. Унификация оснований возникновения гражданских прав и обязанностей не означает, что один и тот же гражданин или юридическое лицо имеет как гражданские права, так и соответствующие обязанности, даже в случае договоров, являющихся частью правоотношений, где существует различие между правами и обязанностями по отношению к кредитору и должнику [4, с. 128].

Субъективное право – это не мера возможного поведения управомоченного лица в гражданском правоотношении. Представляется, что «субъективное право гражданина или юридического лица – это мера и вид определенного поведения управомоченного лица в отношении того или иного объекта, закрепленного ст. 128 ГК РФ, кроме нематериальных благ» [4, с. 61]. Данное определение отражает принятую модель поведения юридического лица, которое может осуществляться его добровольными процессами в собственных интересах, без создания обязательственного правоотношения, причем юридическая ситуация может быть ограничена волей одной стороны (односторонняя сделка), либо другое лицо будет совершать отдельные действия, направленные на заключение договора (оферта, согласие заключить договор, волеизъявление с помощью цифровых или иных технических средств).

На текущей стадии эволюции искусственного интеллекта его применение в производстве товаров, работ, услуг и операциях операторов разнообразных информационных систем происходит посредством действий граждан и юридических лиц. Сделки, заключенные таким образом, считаются заключенными или исполненными в письменной форме.

Таким образом, становление гражданского оборота на базе электронных технологий влечет отказ от привычного традиционного постижения правоотношения, так как его элементы – субъекты права, объекты права и содержание, права и обязанности участников получают оригинальное закрепление в информационной среде.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрании законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

2. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25-42.
3. Лолаева, А. С. Искусственный интеллект: правовые и этические аспекты / А. С. Лолаева, К. У. Сакаева // Юридические исследования. – 2021. – № 8. – С. 63-71.
4. Дятков С. А., Марьяненко В. П., Салищева Т. А. Информационно-сетевая экономика, структура, динамика, регулирование. М., 2019. – 414 с.
5. Андреев В. К. Субъективное гражданское право и иные проявления воли и интереса в деятельности юридического лица // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 61-63.

УДК 342.951

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВА НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ

Дзанагова М.К. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В настоящей статье нами рассматриваются отдельные вопросы баланса интересов личности, общества и государства в сфере реализации права на доступ к информации. Акцент ставится, в том числе, на обеспечение информационной безопасности личности, социума и государства в ходе осуществления указанного права. Также нами были выделены четыре ключевых компонента государственных интересов в области интересов государства. Актуальность настоящей статьи обусловлена тем, что реализация права на доступ к информации подчас представляет ряд проблем, особенно на сегодняшний день, когда развиваются информационно-телекоммуникационные технологии и все области жизнедеятельности человека, общества и страны в целом стали немислимыми без глобальной сети Интернет, являющейся одним из основных источников информации.

Ключевые слова: *информационная безопасность, информация, право на доступ к информации, конституционный строй, суверенитет, территориальная целостность*

Главные объекты безопасности, включая информационную безопасность, - это человек с его правами и свободами, социум с его духовными и материальными ценностями, и государство с его территориальной целостностью, суверенитетом и конституционным строем. Проанализируем особенности баланса между интересами человека, социума и государства на доступ к информации.

Интересы человека в информационной области состоят в возможности осуществить закреплённые Конституцией права на доступ к информации. в частности, это право применять информацию, реализуя не запрещённую законодательно деятельность, обеспечивая свое интеллектуальное, духовное и физическое развитие. Кроме того, интересы личности заключаются в том, чтобы защищать и охранять данные, которыми обеспечивается ее личная безопасность.

Интересы социума в рассматриваемой области состоят в том, чтобы соблюдать интересы личности, укреплять демократию, формировать правовое государство, обеспечивать и поддерживать согласие в обществе, а также духовное развитие страны в целом.

Говоря об интересах государства при осуществлении права на доступ к информации, то следует отметить следующее. Они состоят в том, чтобы формировать условия, обеспечивающие поступательное гармоничное развитие информационного пространства РФ, осуществлять конституционно закреплённые права и свободы личности в сфере доступа к информации и ее использования, направленного на то, чтобы обеспечить устойчивость конституционного строя, независимость и территориальное единство государства, его общественно-экономическую и политическую устойчивость. Кроме того, реализация государством права на доступ к информации подразумевает необходимость обеспечить в стране правовой порядок и законность, развивать взаимовыгодное и равноправное сотрудничество на мировой арене [2, с. 105].

Рассматривая интересы личности, отметим, что закреплённое Конституцией право, позволяющее собирать и распространять сведения, не значит, что речь идет о любых сведениях и их распространении без каких бы то ни было запретов. Необходимо, чтобы реализация права одного человека

не способствовало нарушению права других людей. К примеру. У человека нет права на распространение информации, представляющей коммерческую, служебную или государственную тайну. Распространение данных ограничено нежеланием человека получать ту или иную информацию.

Интересы социума не следует рассматривать исключительно как интересы каждого его члена. Так, с одной стороны, необходимо, чтобы общество обеспечивало и защищало интересы человека, а с другой стороны, общество является единым целым, и поэтому стремится к самоидентификации в кругу остальных подобных обществ [6, с. 15].

Это относится и к интересам государства, которые нацелены и на то, чтобы обеспечивать условия, позволяющие осуществлять закреплённые в Конституции права и свободы личности, и на то, чтобы устанавливать в стране суверенитет, под которым подразумевается верховенство и самостоятельность власти, а также территориальную целостность.

Государственные интересы РФ в информационном секторе включают в себя четыре главных компонента.

Первый подразумевает необходимость обеспечивать закреплённые Конституцией права и свободы личности в сфере получения и использования информации. Также это необходимость обеспечивать духовное развитие страны, формировать в гражданах гуманизм и патриотизм, развивать культурный и научный потенциал [3, с. 144].

Для того чтобы достичь данных целей, необходимо реализовать следующие шаги:

- обеспечение закреплённых в Конституции прав и свобод личности в сфере поиска, передачи, обработки, передачи, генерирования и распространения информации всеми способами, не противоречащими законодательству. Также это право на получение достоверных сведений о состоянии внешней среды;

Соблюдение установленных на конституционном уровне прав и свобод личности, нацеленное на обеспечение семейной и персональной тайны, тайны телефонных разговоров и переписки, телеграфных, почтовых и других отправлений. Также эти права и свободы позволяют личности защитить свою честь и свое доброе имя;

- упрочение процессов правовой регламентации правоотношений в сфере защиты интеллектуальной собственности, обеспечение условий, позволяющих соблюдать предусмотренные в федеральном законодательстве ограничения доступа к данным, являющимся конфиденциальными;

- гарантия свободы массовой информации и запрет на цензуру;

- недопущение агитации и пропаганды, направленных на то, чтобы посеять конфессиональную, национальную, расовую и социальную рознь. Это связано с тем, что РФ представляет собой исторически сложившееся поликультурное многонациональное государства, в котором сосуществуют представители разных национальностей и этносов, исповедующих разные религии, придерживающиеся разных традиций, обычаев и пр.

Второй компонент государственных интересов нашей страны и информационном секторе подразумевает потребность в информационной поддержке национальной политики РФ. В частности, необходимо, чтобы как российская, так и мировая общественность могла получать достоверные сведения о том, какую именно политику проводит РФ и какова ее официальная позиция относительно общественно важных событий, происходящих как внутри государства, так и на мировой арене. При этом необходимо, чтобы граждане имели доступ к соответствующим информационным ресурсам государства [4, с. 168].

Чтобы достичь данных целей, следует реализовать следующие мероприятия:

- более активно развивать и создавать открытые государственные информационные ресурсы, способствовать повышению результативности их экономического применения;

- укрепление СМИ, предоставление им возможностей и условий для того, чтобы оперативно доводить достоверные сведения то граждан РФ и иностранных подданных.

Третий компонент государственных интересов нашей страны в информационном секторе подразумевает необходимость развивать и совершенствовать инновационные информационные технологии, российскую информационную инфраструктуру в целом, включая средства информатизации, телекоммуникации и связи. Важно обеспечивать потребности внутреннего рынка в информационной продукции и выпускать ее на международный рынок. Следует также осуществлять контроль за накоплением, сохранностью и эффективным применением информационных ресурсов, существующих в РФ [5, с. 65].

Чтобы достичь данной цели, необходимо предпринять следующие шаги:

- предоставление государственной поддержки российским фундаментальным и прикладным

исследованиям. Также необходимо поддерживать разработки в таких областях, как информатизация, телекоммуникация и связь;

– необходимо создавать в РФ конкурентоспособные инструменты и системы информатизации, телекоммуникации и связи, создавать условия для того, чтобы их производители участвовали в кооперации на международном уровне;

– развитие российской индустрии информационных услуг и увеличение эффективности пользования государственными информационными ресурсами.

Формирование и совершенствование инфраструктуры единой информационной среды РФ.

Информационные технологии развиваются в настоящее время достаточно интенсивно, не случайно многие производители электроники с мировым именем выразили желание инвестировать в Россию, поскольку считают ее емким и динамичным рынком. Но нужно также поддерживать отечественные разработки дотациями из бюджета: пока они осуществляются не в достаточном объеме. Индустрия информационных услуг уже давно прошла стадию становления и представляет собой достаточно налаженную и разветвленную инфраструктуру [7, с. 132].

Четвертая составляющая национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере включает в себя защиту информационных ресурсов от несанкционированного доступа, обеспечение безопасности информационных и телекоммуникационных систем, как уже развернутых, так и создаваемых на территории России.

В этих целях, в частности, необходимо:

– интенсифицировать развитие отечественного производства аппаратных и программных средств защиты информации и методов контроля их эффективности;

– обеспечить защиту сведений, составляющих государственную тайну;

– расширять международное сотрудничество Российской Федерации в области развития и безопасного использования информационных ресурсов, противодействия угрозе развязывания противоборства в информационной сфере.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ, вступ. в силу 21.07.2020).

2. Киреева Е. Ю. Реализация права на доступ к информации с учетом особенностей режима информации в РФ / Е. Ю. Киреева, А. А. Величкина. // Молодой ученый. – 2020. – № 45 (179). – С. 104-107.

3. Копылов В.А. Информационное право. М.: Эксмо, 2021.

4. Кугафин О.Е., Копылов В.А. Проблемы становления информационного права в России. – СПб: Нева, 2018.

5. Лолаева, А. С. Искусственный интеллект: правовые и этические аспекты / А. С. Лолаева, К. У. Сакаева // Юридические исследования. – 2021. – № 8. – С. 63-71.

6. Морозов, А.В., Филатов Л. В. Правовые вопросы доступа к информации. М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2019. – 13, 16 с.

7. Рассолов М.М. Информационное право. М.: Инфра-М., 2019.

УДК 342.951

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НЕДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Дзанагова М.К. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. На сегодняшний день такой вопрос, как защита граждан и общества в целом от недостоверной информации, распространяемой главным образом в Интернете, стоит весьма остро. Это вызвано тем, что сейчас именно Интернет – это та площадка, которая является большой частью жизнедеятельности почти всех людей. При этом вопросы правовой регламентации правоотношений, наступающих в сфере информации, являются межотраслевыми по своему характеру. Прини-

мая во внимание тот акт, что информационно-коммуникационные технологии активно развиваются и при этом важность информации для современного общества неуклонно возрастает, следует выявить основные механизмы и средства, позволяющие защитить права граждан и общества от недостоверных данных.

Ключевые слова: гражданско-правовая защита, недостоверная информация, защита информации, информационное право, Интернет

Особенности этих механизмов и средств зачастую становятся причиной активных неугасающих дискуссий по вопросам, связанным с недостатками отечественного законодательства в анализируемой области, а также такими вопросами, как осуществление свободы слова, свобода массовой информации. рамки этой свободы до сих пор остаются весьма размытыми, и именно поэтому в настоящее время весьма распространенными становятся недостоверные, искаженные и зачастую провокационные данные, которые приводят к отрицательным последствиям для людей, которые, так или иначе, используют эти данные.

Так как ст. 23 Конституции РФ предусматривает право неприкосновенности личной жизни, семейной и личной тайны, защиты своего доброго имени и достоинства, гражданин или организация, столкнувшись с недостоверными сведениями о себе, могут подать иск в суд для того, чтобы отстоять свои гражданские права.

Конституция предусматривает право получения судебной защиты, а также квалифицированной юридической помощи. Кроме того, Основной закон предусматривает право обжаловать действия или бездействие тех или иных государственных органов. Все это подразумевает установление методов и средств защиты конституционных прав. Ст. 12 ГК РФ предусматривает перечень таких прав. Он не является полным и закрепляет, в частности, право отстаивать свои гражданские права, используя любые средства, не нарушающие законодательство. Так названная статья обеспечивает осуществление гражданами своего конституционного права, установленного в части 2 статьи 45 Конституции РФ.

Говоря о такой проблеме, как защита интересов личности и общества, нарушенных распространением недостоверных или искаженных сведений, необходимо, прежде всего, сказать о самых распространенных средствах, которые может применить гражданин или организация с целью защитить свое нарушенное право. Эти средства закрепляются как Гражданским кодексом, так и информационно-правовыми нормами. К примеру, согласно ст. 15.3 ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», если при распространении тех или иных сведений нарушается законодательство, то в законодательно закрепленных случаях, если субъект обратится в соответствующие органы, эти сведения должны быть удалены.

Но это относится только к общественно значимой информации. Соответствующее положение закрепляет часть 5 статьи 152 ГК РФ, где наряду с удалением данных говорится в том числе о таком средстве защиты, как опровержение данных, которые порочат честь и доброе имя гражданина или организации. В этой ситуации удаление данных и их опровержение могут рассматриваться как отдельные средства защиты соответствующих прав [6]. Но следует сказать и о практической специфике методов удаления недостоверных или искаженных сведений, представляющих некоторые проблемы. В частности, данные, размещенные в интернете, не поддаются контролю.

Новости могут размещаться на сайте или в социальной сети в течение короткого времени. По словам Маркова Д.С., стремление удалить искаженные данные из интернета, как правило, порождает противоположный эффект. В частности, такие сведения начинают распространяться еще более активно. Это важно принимать во внимание, используя методы защиты деловой репутации, доброго имени и чести в глобальной сети [8].

Во-вторых, важно подчеркнуть, что распространение недостоверных или искаженных данных, как правило, порочит честь, репутацию и доброе имя субъекта в рамках информационного пространства. Законодательство не содержит понятий достоинства, чести и деловой репутации. Только Постановление Пленума ВС РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» предусматривает ряд разъяснений этих понятий. В научных источниках говорится о том, что рассматриваемые понятия являются синонимичными [4], следовательно, весьма трудно привести их точные и конкретные дефиниции. В связи с этим постановления суда нередко демонстрируют тенденцию к субъективной оценке обстоятельств конкретного дела. Для того чтобы осуществить свое право, заставив опро-

вергнуть или удалить недостоверные данные, нужно, чтобы суд признал их порочащими честь и достоинство и искаженными.

К процессуальному средству на стадии исполнительного производства, подлежащее применению по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации в информационной сфере защиты прав можно отнести новеллу в Федеральном законе № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 – ст. 109.4, указанного закона, в которой содержится обязанность должника в установленный срок удалить соответствующую информацию, в противном случае, судебный пристав-исполнитель выносит постановление о взыскании исполнительского сбора и постановление об ограничении доступа к информации, распространяемой в сети Интернет, порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица [6]. В рамках специфики защиты гражданских прав от недостоверной информации особенно важной является проблема определения ответчика с учетом правоотношений в сети Интернет.

В научной литературе справедливо указывается, что размещение информации и ее распространение это два разных понятия [7]. Безусловно, несмотря на технические особенности в сети Интернет и возможность распространять информацию с помощью разных источников установить надлежащего ответчика зачастую затруднительно. Однако право на судебную защиту юридического и физического лица не исчезает, так как может рассматриваться в рамках особого производства.

Таким образом, учитывая специфику отношений, возникающих в сети Интернет, проблемы которые обусловлены недостаточным правовым регулированием в рассмотренной сфере, необходимо регламентировать порядок размещения информации в сети Интернет, особенно, учитывая сайты, которые не попадают под средства массовой информации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ, вступ. в силу 21.07.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
4. Барсукова В. Н. Гражданские процессуальные средства защиты чести и достоинства личности // Современное право. – 2019. - № 11. – С. 77–83.
5. Бичерова А. Д. Защита деловой репутации юридического лица в сети Интернет: проблемы правового регулирования // Юстиция. – 2018. - № 3. – С. 15–21.
6. Гаврилов Е. В. О некоторых особенностях судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации посредством удаления порочащей информации из сети Интернет // Судья. – 2018. – № 10. – С. 11–14.
7. Лолаева, А. С. Искусственный интеллект: правовые и этические аспекты / А. С. Лолаева, К. У. Сакаева // Юридические исследования. – 2021. – № 8. – С. 63-71.
8. Марков Д. С. Гражданско-правовая защита от недостоверной информации / Д. С. Марков, Е. О. Гаврилов. // Молодой ученый. – 2020. – № 18 (308). – С. 284-286.

УДК 342.81

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ В РОССИИ В СВЕТЕ ВВЕДЕНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ

Галуева В.О. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматриваются основания ограничения избирательных прав осужденных в России, предлагаются варианты по изменению законодательства, касающегося этих вопросов и применения электронного голосования как варианта реализации избирательного права.

Ключевые слова: осужденный, лишение свободы, избирательное право, права человека, электронное голосование

Действующее избирательное законодательство России представляет собой закономерное развитие положений, которые закреплены в Конституции РФ. Одним из таких положений является диспозиция нормы ч. 3 ст. 32, согласно которой граждане, находящиеся в местах лишения свободы по вступившему в силу приговору суда, не имеют права избирать и быть избранными.

При этом стоит отметить, что такое положение дел не опирается на международные стандарты – на международном уровне отсутствует какая-либо норма, запрещающая заключенным принимать участие в выборах. Россия такую практику ввела для себя самостоятельно (впрочем, как и ряд других стран).

При этом необходимо уточнить, что норма статьи 32 Конституции РФ распространяет свое действие только на лиц, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда, т.е. суд выносит обвинительный приговор и лицо отбывает положенное ему наказание. Данное положение не касается лиц, находящихся в местах лишения свободы (например, СИЗО) в ожидании суда или в период следственных действий. То есть, какое бы тяжкое преступление лицо не совершило, до решения суда оно все еще обладает избирательным правом.

Однако любая избирательная система, действующая в условиях правового государства и функционирующего гражданского общества, заинтересована в вовлечении в избирательные процессы как можно большего числа граждан. Представляется принципиально важным понимание того, по какой причине тот или иной перечень лиц ограничивается в избирательных правах.

Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в статье 1 в качестве принципов деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы, называет законность, гуманизм и уважение прав человека. Лицо, отбывая наказание и претерпевая негативные последствия своего противоправного поведения, остается по-прежнему гражданином государства, т.е. оно не должно терять политической связи со страной своего гражданства. При этом основным законом страны такая связь разрывается, так как лицо не имеет никаких рычагов влияния на осуществление государственной власти (хотя никакой санкцией не предусмотрена такая мера ответственности как лишение избирательного права) [1].

Разъяснения сложившейся ситуации законодателем не дается, однако можно предположить, что власть просто не желает допускать к избирательному процессу лиц, находящихся в местах лишения свободы во избежание принятия ими решения, нежелательного для государства. Кроме того, при соблюдении этого права, работникам учреждений уголовно-исполнительной системы была бы добавлена дополнительная нагрузка, не входящая в их должностные обязанности (составление списков избирателей по участку, подсчет голосов и т.д.).

С вероятностью 100% в местах лишения свободы невозможно было бы обеспечить принцип тайности голосования, т.к. заключенные 24/7 находятся под пристальным вниманием охраны, а несоблюдение хотя бы одного из принципов избирательного права поставит под сомнение всю процедуру выборов. Ну и кроме того, это дополнительные расходы государства на подготовку и проведение выборов.

Действующая Конституция РФ 1993 года в статье 32 закрепляет норму об ограничении избирательных прав лиц, отбывающих наказание по приговору суда. При этом ни сама Конституция, ни какой-либо другой нормативный правовой акт не дает дополнительного толкования о круге лиц, на которых распространяется действие конституционной нормы. Отсюда следует вывод, что установленный Конституцией запрет распространяется на всех лиц, которым в качестве наказания выбрана изоляция от общества.

При этом стоит отметить, что большая часть осужденных отбывает наказания за преступления, которые никак не связаны с политикой. Они не посягали на конституционный строй, на политических права и свободы третьих лиц. Кроме того, большой процент заключенных, осуждены за преступления средней и небольшой тяжести (среди которых и неосторожные) и отбывают наказание в колониях-поселениях.

На наш взгляд, лишение избирательного права должно устанавливаться в строгом соответствии с законом и применительно не ко всем категориям осужденных, а только к лицам, совершившим определенные преступления по степени тяжести и характеру. Считаем необоснованным лишать человека, совершившего, к примеру, должностное, экономическое или преступление по неосторожности, избирательного права.

Ограничение в избирательном праве должно устанавливаться как дополнительное наказание применительно к конкретным преступлениям и закрепляться в уголовном законе. Решение о лишении избирательных прав на определенный срок должен выносить суд параллельно с назначением меры наказания. Для реализации данного положения необходимы соответствующие изменения в конституционном и уголовном законодательстве.

В марте 2022 года в основной законодательный акт в сфере избирательных прав в целях реализации избирательных прав граждан РФ была введена норма, касающаяся дистанционного электронного голосования [2]. Этой возможностью можно было бы воспользоваться и для реализации избирательных прав в местах лишения свободы. Такая форма участия в выборах сняла бы часть дополнительной нагрузки с работников исправительного учреждения по организации избирательного участка. При этом заключенным, получившим право на голосование, потребовалось бы наличие электронного устройства, на котором можно было бы пройти процедуру аутентификации и проголосовать [3].

Однако на сегодняшний день ограничение избирательных прав в России можно рассматривать как правовой механизм недопущения криминализации публичной власти. В рамках поиска компромисса рассматривается возможность изменения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства касательно перевода режима лишения свободы в альтернативные виды наказаний, характеризующиеся ограничением свободы и не влекущие ограничение избирательных прав [4].

Подобные нововведения возможны в отношении отбывающих наказание в колониях-поселениях лиц, осужденных за преступления, совершенные по неосторожности или за умышленные преступления небольшой и средней тяжести, совершенные впервые.

Список литературы

1. Мельникова Н.А. Ограничение избирательных прав осужденных как проявление политического абсентеизма в России // Пенитенциарная наука. Научно-практический журнал. – 2019. - №5. – С. 509.
2. Федеральный закон от 12.06.2002 №67-ФЗ (в ред. от 28.12.2022) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/fdebea4678f130de307054f0890585020a01556f/
3. Галуева В. О. Штраф как мера наказания по законодательству Российской Федерации / В. О. Галуева // Эпомен. – 2021. – № 60. – С. 128.
4. Лолаева, А. С. Правовые и организационные особенности применения технологий дистанционного электронного голосования / А. С. Лолаева // Избирательное законодательство и практика. – 2022. – № 1. – С. 31-34.

УДК 342.7

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ–АЛАНИЯ

Галуева В.О. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье анализируются правовые основы введения институтов Уполномоченного по правам человека и Уполномоченного по правам ребенка в РСО–Алания, оцениваются установленные законом требования к кандидатам на должность омбудсмена, рассматриваются аспекты и результативность их деятельности за последние годы,

Ключевые слова: права человека, омбудсмен, законодательство, нарушения прав человека, жалоба, защита прав человека

Должность Уполномоченного по правам человека была введена в Республике Северная Осетия–Алания в 2009 году, после принятия республиканского закона «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Северная Осетия–Алания» [1]. За время своего действия он неоднократно подвергался изменениям. Последние были внесены в него в июне 2022 года, и касались они представления ежегодного доклада Уполномоченного, который он обязан представлять в высшие органы государственной власти. В связи с ликвидацией системы конституционной юстиции в субъектах

Российской Федерации из закона также была исключена норма, обязывающая Уполномоченного предоставлять информацию, в том числе, Председателю Конституционного Суда РСО–Алания.

Законодательство субъектов РФ об уполномоченных на протяжении длительного времени существенно разнилось: по порядку назначения регионального омбудсмана, по требованиям, предъявляемым к его кандидатуре, по объему полномочий. С целью привести правовую базу к единообразию в марте 2020 года был принят федеральный закон о деятельности региональных уполномоченных [2]. Все законы субъектов соответствующим образом были изменены под федеральный закон, а сам федеральный закон стал реальной движущей силой в защите прав человека на местах. Это было отмечено и в отчете Уполномоченного по правам человека в РСО–Алания Т. Цгоева.

В соответствии с законом РСО–Алания Уполномоченный и его аппарат, осуществляющий вспомогательные функции в деятельности уполномоченного, являются государственным органом, находящимся на обеспечении республиканского бюджета.

Уполномоченный по правам человека в РСО–Алания назначается на должность Постановлением Парламента республики. Его кандидатура вносится главой РСО–Алания из числа лиц, отвечающим требованиям, установленным законом. К ним относятся: гражданство РФ, возраст не моложе 30 лет, безупречная репутация, высшее образование и опыт в защите прав и свобод человека.

Самым размытым в данном перечне является понятие «безупречная репутация». Это требование встречается также в законах федерального уровня, но нигде не дается ему толкование. Возможно, под безупречной репутацией понимается отсутствие судимости по уголовным делам, отсутствие административных взысканий и т.д. Возможно, безупречная репутация подразумевает, что лицо никогда не было замечено ни в каких скандалах, не появлялось на страницах «желтой» прессы, в новостных лентах сомнительного характера... Возможно безупречная репутация связана с отсутствием родственников, привлекаемых к уголовным и административным делам... Толкований этого термина может быть очень много, но ни одно из них не раскрывается на законодательном уровне.

Кандидат, отвечающий требованиям закона, назначается парламентом республики сроком на пять лет. При этом срок полномочий уполномоченного не связан со сроком полномочий Парламента РСО–Алания или какого-либо другого высшего органа власти.

Интересной и вполне обоснованной является норма п.3 ст.10 республиканского закона об уполномоченном, обязывающая его в течение всего срока полномочий проживать на территории республики. В случае переезда на постоянное место жительства в другой субъект России Уполномоченный по правам человека в РСО–Алания должен сложить с себя полномочия.

Основанием для начала деятельности Уполномоченного является жалоба, поданная ему в устной, письменной или электронной форме. Право на обращение к Уполномоченному имеют не только граждане РФ, проживающие на территории Северной Осетии, но также иностранные граждане и лица без гражданства.

Объем полномочий республиканского омбудсмана практически совпадает с полномочиями федерального, он имеет те же правомочия, только на региональном уровне. По результатам своей деятельности Уполномоченный по правам человека в РСО–Алания ежегодно представляет отчет в высшие органы государственной власти и Уполномоченному по правам человека в РСО–Алания.

В 2021 году Аппаратом Уполномоченного по правам человека в РСО–Алания было обработано свыше 1200 единиц корреспонденции, содержащей индивидуальные, коллективные и анонимные обращения, а также жалобы граждан, иностранцев и лиц без гражданства на нарушение прав, свобод и законных интересов человека, предложения об участии в мероприятиях и различных проектах, инициативы.

Заявители обращались письменно и устно: при проведении личного приема в офисе, на выездных приемах и встречах с населением; в письмах, направленных «классической» и электронной почтой; при работе телефонов «горячих линий» и ежедневном приеме телефонных звонков.

Анализ обращений, поступивших в адрес Уполномоченного, а также их количество и тематика позволяют определить наиболее актуальные вопросы и установить уровень государственных гарантий прав и свобод человека и гражданина в конкретных сферах жизни жителей республики.

Так, общее количество обращений, поступивших в Аппарат Уполномоченного по правам человека в Республике Северная Осетия–Алания в 2021 году – 419. Письменных – 336 (из них в электронной форме – 5 %). Большая их часть подана на личном приеме Уполномоченного и/или сотрудников Аппарата. Устных – 53, большинство из которых разрешались на месте. Из них: коллективных – 9; в интересах неопределенного круга лиц обращений не поступало [3].

Коллективные обращения и обращения в интересах неопределенного круга лиц всегда на личном

контроле Уполномоченного, так как массовые нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина имеют особое общественное значение.

Анализ обращений граждан к региональному омбудсмену позволяет констатировать, что больше всего их подается в сфере нарушений прав человека в уголовном и гражданском судопроизводстве, а также в местах лишения свободы. Небольшой процент обращений составляют жалобы на нарушение культурных прав граждан (например, право на образование). Жалобы носили самый разный характер: невыплата заработной платы, обращения владельцев автотранспортных средств, зарегистрированных в Армении, защита Даргавского некрополя от вандалов, защита прав студенческого профкома и другие.

Помимо Уполномоченного по правам человека в Северной Осетии–Алании осуществляет свою деятельность омбудсмен по правам ребенка. Нормативно-правовой основой его деятельности является соответствующий закон [4]. В его основу легли положения федерального закона 2019 года «Об Уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации». Он существенно расширил полномочия действовавших на тот момент детских омбудсменов, предоставив более широкие возможности для защиты прав детей и подростков.

Уполномоченный содействует восстановлению нарушенных прав и законных интересов детей; совершенствованию законодательства и форм и методов защиты прав и законных интересов детей. Назначается детский Уполномоченный сроком на 5 лет Главой РСО–Алания по согласованию с Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребенка [5].

Уполномоченный подотчетен Главе республики. По окончании календарного года он направляет Главе, в Парламент и Уполномоченному при Президенте РФ по правам ребенка доклад о результатах своей деятельности, содержащий оценку соблюдения прав и законных интересов детей на территории республики.

Одним из приоритетных направлений деятельности Уполномоченного является защита прав и законных интересов детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, детей-инвалидов, а также детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, социально опасном положении.

Значительная часть обращений граждан к детскому омбудсмену поступает по вопросам семейных правоотношений, социального обеспечения, охраны жизни и здоровья детей. В частности, количество обращений по вопросам семейных правоотношений и социального обеспечения составило 39%. Количество обращений по вопросам охраны жизни и здоровья – 20%, образования – 12% от общего количества обращений.

Большинство граждан, обратившихся в адрес Уполномоченного, составляли родители детей – 44%. Количество обратившихся из числа родственников составило 8%. Поступали обращения от лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, – 8% и от общественных организаций – 4% [6].

Обращения, поступающие в адрес Уполномоченного по правам ребенка в РСО–Алания, носят разноплановый характер. Много обращений поступает по поводу жилищных прав детей, поступали жалобы на конфликтные ситуации в дошкольных и школьных учреждениях, проверялись условия содержания несовершеннолетних, содержащихся под стражей и другие. Поступает большое количество обращений, связанных с конфликтными ситуациями в образовательных организациях с участием детей. Как показывает практика, многие из этих ситуаций должны были быть разрешены в интересах ребенка внутри организации, а при правильной позиции представителей администраций многие из этих конфликтов могли бы и не возникнуть.

При Уполномоченном по правам ребенка РСО–Алания действует Молодежный общественный совет, который осуществляет деятельность как коллегиальный и консультативный орган, координирующий вопросы, затрагивающие интересы ребенка. Совет осуществляет свою деятельность на общественных началах. Решения, выработанные на его заседаниях, носят рекомендательный характер для органов государственной власти и Уполномоченного.

В состав Совета входят подростки, обучающиеся в образовательных организациях среднего профессионального образования, студенты образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования, активисты детских общественных движений, организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Основным векторным направлением в деятельности Уполномоченного по правам ребенка является деятельность по обеспечению гарантий государственной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, восстановлению нарушенных прав в пределах установленной законодательством компетенции. При осуществлении своей деятельности детский омбудсмен является лицом

независимым, этим объясняется выделение его в самостоятельную структуру, находящуюся на финансовом обеспечении республиканского бюджета [7].

Деятельность Уполномоченных по правам человека и правам ребенка является реализацией конституционной нормы о государственной защите прав человека. Вмешательство в деятельность региональных омбудсменов, неисполнение должностными лицами их законных требований и воспрепятствование деятельности в иной форме влекут за собой ответственность, установленную законодательством Республики Северная Осетия–Алания.

Список литературы

1. Закон Республики Северная Осетия–Алания от 15 июля 2009 г. № 26-РЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Северная Осетия–Алания» (с изм. от 2.06.2022).
2. Федеральный закон от 18.03.2020 № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» (ред. от 30.04.2021) // Правовая система КонсультантПлюс.
3. Цгоев Т.В. Ежегодный доклад «О деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Северная Осетия–Алания в 2021 году». – Владикавказ, 2022.
4. Закон Республики Северная Осетия–Алания от 8 июля 2019 г. № 52-РЗ «Об Уполномоченном по правам ребенка при Главе Республики Северная Осетия–Алания».
5. Галуева, В. О. Некоторые особенности формирования органов власти в Республике Северная Осетия–Алания / В. О. Галуева // Юность и знания - гарантия успеха - 2021: Сборник научных трудов 8-й Международной молодежной научной конференции. В 3-х томах, Курск, 16–17 сентября 2021 года. Том 2. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. – С. 17-20.
6. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам ребенка при Главе РСО–Алания за 2019 год // <http://deti.gov.ru/region/osetia/docs>
7. Лолаева, А. С. Правовые и организационные особенности применения технологий дистанционного электронного голосования / А. С. Лолаева // Избирательное законодательство и практика. – 2022. – № 1. – С. 31-34.

УДК 349

ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ СРЕДИ ДЕТЕЙ ИНФОРМАЦИИ, ОПРАВДЫВАЮЩЕЙ ПРОТИВОПРАВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Каллагов Т.Э. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета

Гогаева А.Л. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета

Качмазова А.В. – старший преподаватель кафедры гражданского и уголовного права и процесса юридического факультета

ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. На современном этапе развития российского государства, в период активного формирования информационного общества, возникают новые риски и угрозы, которые требуют совершенствования правовой системы и усиления государственного регулирования. Исследование посвящено правовым проблемам развития института информационной безопасности детей в контексте правовой защиты несовершеннолетних от воздействия информации, оправдывающей противоправное поведение. Актуальность темы обуславливается возросшим негативным информационным воздействием на детей различного рода деструктивной вредоносной информационной продукции.

Ключевые слова: *информационная безопасность детей, информационная продукция, информация, оправдывающая противоправное поведение, вредоносные информационные ресурсы*

Берем смелость утверждать, что на современном этапе развития общества одним из ключевых прав детей является право на информационную безопасность. Поэтому, вполне объясним тот факт, что в числе приоритетных направлений политики российского государства выступает защита несо-

вершеннолетних от воздействия информационной продукции, которая является опасной и вредоносной для жизни, здоровья и развития личности ребенка.

На международном уровне нормативной основой для защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, в первую очередь, является «Конвенция о правах ребенка» [1]. Так, в ст. 17 данного документа отмечается важная роль СМИ и закрепляется право ребенка на доступ к информации и материалам из различных национальных и международных источников, особенно к таким материалам, которые направлены на содействие благополучию, здоровому физическому и психическому развитию ребенка.

Дети, не имея достаточного жизненного опыта и знаний, не обладая критичным мышлением для отграничения полезной и деструктивной информации, легко могут стать жертвами киберпреступлений, потреблять вредоносную информационную продукцию [2, 3, 4]. Усугубляет обстановку и тенденция к ежегодному увеличению противоправных деяний, совершаемых с применением информационных технологий. Кроме того, со стороны многих родителей наблюдается безответственное отношение, когда они «пускают в бесконтрольное плавание» своих детей по просторам интернета. Помимо всего вышеперечисленного, информация в виде различного рода информационной продукции далеко не всегда выполняет свое главное предназначение – это получение новых знаний, сведений в различных сферах жизнедеятельности.

В рамках настоящего исследования мы ставим целью проанализировать с теоретико-правовой и практической точки зрения такую разновидность информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, запрещенной для распространения среди детей, как информацию, оправдывающую противоправное поведение [5]. Данная деструктивная информация закреплена в Федеральном законе от 29.12.2010г. №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [6] наряду с другой запрещенной вредоносной информационной продукцией. Принципиально важно определить суть и перечень информации, которая относится к указанной категории запрещенной информации. Примечательно, что в самом законе ее сущность не конкретизируется. При этом, в п. 5.1.1.6. Постановления Правительства Российской Федерации от 16 марта 2009 г. «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» [7] (Роскомнадзор) указано, что данный орган осуществляет государственный контроль и надзор в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию. Роскомнадзор в качестве информации, оправдывающей противоправное поведение, определяет ту информацию, которая способна побудить детей к противоправному поведению, а также информацию, пропагандирующую криминальные ценности, атрибутику или символику преступной среды, криминальный жаргон [8].

Отдельно следует остановиться на трактовке данной разновидности деструктивной вредоносной информации, которая предложена в 2014г. Минобрнауки [9] – это информация, содержащая призывы или одобрение к противоправным проявлениям, а также сведения, в которых личность преступника позиционируют в положительном аспекте.

По мнению Е.И. Лукиной и К.Д. Рыдченко [10] следует активизировать следующие направления, с тем, чтобы обеспечить эффективную защиту подрастающего поколения от влияния деструктивной информационной продукции, пропагандирующей противоправное поведение:

– усиление профилактирующих мероприятий в целях недопущения противоправного поведения. В указанном направлении вне всякого сомнения ключевая роль отводится ОВД. Однако, следует консолидировать усилия со стороны родителей, образовательных учреждений, спортивных секций, представителей системы дополнительного образования;

– проведение регулярных мероприятий с несовершеннолетними в целях правового информирования и правового просвещения. Пропаганда высоких нравственных ценностей и законопослушного образа жизни;

– принципиально важное значение имеет привитие детям навыков критичного мышления. Это означает, что ребенок должен учиться отграничивать информацию: правомерную от противоправной, полезную от вредоносной, конструктивную от деструктивной.

Процесс информатизации, активное развитие информационного общества привнес в жизнь людей серьезные изменения. Однако, следует понимать, что глобальная информатизация влечет за собой значительные риски и угрозы. Бесспорно, наиболее опасны среди них суицидальные сайты в интернете (например, Роскомнадзор приравнял сообщества зацеперов в социальных сетях к «группам смерти»); «колумбайн-сообщества» (террористическая организация, целью которой является интернет-вербовка молодежи для вооруженных нападений на образовательные учреждения); АУЕ (зап-

решенная в РФ экстремистская организация); кибербуллинг и т.д. [11,12,13]. Так, Секретарь Совета безопасности РФ Н. Патрушев акцентирует внимание на том, что «распространение среди молодежи экстремистских идей надо жестко пресекать, следует принимать превентивные меры по защите подрастающего поколения от деструктивного информационно-психологического воздействия, формировать у него непринятие различных форм антиобщественного поведения» [14].

На основе проведенного комплексного анализа автором сделаны выводы о том, что принципиально важное значение имеет правовой заслон от воздействия на несовершеннолетних информации, оправдывающей противоправное поведение. Автор констатирует, что правовые аспекты обеспечения информационной безопасности и защиты детей от деструктивной информации, в частности той, которая оправдывает противоправное поведение, требуют более детальной нормативно-правовой проработки и корректировки законодательства. Проведенное исследование способствует развитию теоретических и практических аспектов информационного права в вопросах правового регулирования информационной безопасности детей.

Список литературы

1. «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН от 20 ноября 1989 г.) // Справочно-правовая система «Гарант» (<http://www.garant.ru>).
2. Гогаева, А. Л. Правовые основы обеспечения информационной безопасности детей / А. Л. Гогаева. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – 160 с.
3. Гогаева, А. Л. Преступность в информационной сфере как основная угроза информационной безопасности России / А. Л. Гогаева, А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 231-234.
4. Каллагов, Т. Э. Правовые основы информационной безопасности детей / Т. Э. Каллагов, А. Л. Гогаева, А. В. Качмазова // Научное обеспечение устойчивого развития агропромышленного комплекса горных и предгорных территорий: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Горского ГАУ, Владикавказ, 29–30 ноября 2018 года. Том 2. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2018. – С. 236-238.
5. Гогаева, А. Л. Правовая регламентация видов информации, причиняющей вред здоровью и(или) развитию детей / А. Л. Гогаева // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 9-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 20–24 апреля 2020 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2020. – С. 448-450.
6. Федеральный закон от 29.12.2010г. №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Официальный интернет-портал правовой информации/ pravo.gov.ru.
7. Постановление Правительства РФ от 16 марта 2009 г. №228 (ред. от 17.08.2021 № 1355) О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций // Официальный интернет-портал правовой информации/ pravo.gov.ru.
8. Официальный сайт Роскомнадзора // <https://rkn.gov.ru>.
9. Письмо Минобрнауки России от 28.04.2014 № Д Л-115/03 «О направлении методических материалов для обеспечения информационной безопасности детей при использовании ресурсов сети Интернет» // СПС «Консультант Плюс».
10. Рыдченко К.Д., Лукина Е.И. Правовая защита детей от вредоносного воздействия информации, оправдывающей противоправное поведение // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 3. С. 139-147.
11. Гогаева, А. Л. Правовая защита несовершеннолетних от воздействия информации, оправдывающей противоправное поведение / А. Л. Гогаева // Информационное право. – 2021. – № 4. – С. 32-34.
12. Занина Т.М., Караваев А.А. Влияние информационной среды на особенности деликтности несовершеннолетних // Охрана, безопасность, связь. 2019. Т. 1. № 4 (4). С. 157-162.
13. Солодянкина Д.С. Противодействие распространению информации о криминальных сообществах в среде несовершеннолетних // В сборнике: Проблемы противодействия криминальной субкультуре. Сборник статей (материалы Всероссийской научно-практической конференции). Научные редакторы Ю.В. Хармаев, Э.Л. Раднаева. 2018. С. 243-247.
14. Патрушев потребовал пресекать распространение экстремизма среди молодежи // <https://ria.ru/20211027/ekstremizm-1756510419.html> (дата обращения: 03.02.2023).

УДК 342

ФУНКЦИИ И МЕТОДЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД (ПОЛИЦИИ) В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Гогаева А.Л. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права
юридического факультета
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В данной статье автор акцентирует внимание на таком направлении административной деятельности ОВД как обеспечение информационной безопасности. Одной из наиболее острых проблем становится рост преступлений в сфере информационных технологий: за последние семь лет их количество увеличилось более чем в десять раз. Тенденция, безусловно, связана с массовым использованием киберпространства, активным развитием информационного общества.

Ключевые слова: административная деятельность полиции, информационная безопасность, правовое воспитание

Суть административной деятельности полиции в сфере защиты информационной безопасности заключается в обеспечении общественной безопасности, охране общественного порядка и борьбе с преступностью в информационной сфере. При этом, функции полиции в деле обеспечения информационной безопасности предполагают следующие значимые направления деятельности стражей порядка:

- обеспечение защиты от неправомерного доступа, уничтожения, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении информации;
- обеспечение ограничения или запрета оборота информации вредоносного и деструктивного характера;
- защита от разглашения информации ограниченного доступа;
- обеспечение доступа к открытой информации [1, 2].

В свою очередь функции полиции по административно-правовому обеспечению информационной безопасности реализуются при помощи специальных методов воздействия: 1) меры воспитательно-образовательного характера; 2) меры организационного характера; 3) административно-предупредительные меры; 4) меры административного пресечения; 5) меры административно-процессуального обеспечения (например, личный досмотр как способ формирования доказательственной базы по факту информационных правонарушений); 6) применение мер административной ответственности за совершение информационных правонарушений.

Значимость данной проблемы становится очевидной, если учесть официальные данные силового ведомства: в настоящее время киберпреступления составляют 25% от общего числа преступных деяний, совершаемых на территории России. Подводя итоги работы силового ведомства за 2021 год, выступая на расширенном заседании коллегии МВД и говоря о задачах на 2022 год, В.В. Путин ориентировал стражей правопорядка к максимальному пресечению киберпреступлений. В частности, глава государства потребовал осуществлять более детальный и эффективный мониторинг информационной продукции в сети «Интернет», своевременно выявлять в сети тех, кто втягивает несовершеннолетних в противоправные действия [3].

Несомненно, наиболее пристальное внимание органы внутренних дел должны уделять вопросам обеспечения информационной безопасности подрастающего поколения российских граждан. Одним из ключевых направлений является правовое воспитание детей, что является предпосылкой для формирования правовой культуры и законопослушного поведения человека в обществе. Основная нагрузка в этом направлении возлагается на учебные заведения и, конечно же, на подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Должный уровень правовых познаний позволяет противостоять желанию совершать противоправные поступки. Однако, для подростков порой сложно, даже осознавая необходимость законопослушного поведения, соблюдать установленные социальные нормы [4,5].

Вопросы изучения правового сознания и правового воспитания несовершеннолетних весьма актуальны в современной России. Эти категории существуют во взаимосвязи с правовыми, полити-

ческими, общественными, экономическими преобразованиями [6]. В связи с этим неизмеримо возрастают функции инспекторов ПДН, а также общеобразовательной школы в правовом воспитании обучающихся, формировании у них гражданских черт характера, психологии понимания законов. Отсутствие правового воспитания может привести к тому, что, оказываясь в различных жизненных ситуациях, несовершеннолетние могут давать неверные оценки ряду морально-правовых явлений и фактов и, основываясь на неточных и ошибочных взглядах, неправильно поступать при разрешении тех или иных вопросов. Как известно, недостаточная правовая информированность, проявления правового нигилизма довольно часто приводят противоправным проявлениям и асоциальному образу жизни. Порой взрослый, а тем более ребенок, не способны сопоставить суть деяния и возможные неблагоприятные последствия от его совершения [7].

Анализируя научную статью С.В. Тихонова по данной проблематике, мы приходим к выводу, что правовое воспитание способствует укреплению четких правовых установок, расширяет общее мировоззрение несовершеннолетнего, дает ему начальные знания в государственной и общественной жизни, помогает выстроить верные ориентиры для общения [8].

Профилактируя вредоносное информационное воздействие среди детей сотрудники полиции призваны пресекать распространение среди них различного рода запрещенной вредоносной информации, в том числе информации, оправдывающей противоправное поведение. Запрет на доведение до сведения несовершеннолетних подобной информации закреплен Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». [9]. В соответствии с п.5 ст.2 данного закона к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится, в том числе, информация, оправдывающая противоправное поведение.

В этом отношении, для превенции противоправного поведения среди подрастающего поколения (в том числе и под влиянием деструктивной информационной продукции) сотрудники полиции применяют и инновационные приемы профилактики. Они способствуют развитию творческой инициативы подростка, активному полезному проведению досуга, формированию законопослушного поведения, значительно уменьшают риск мотивации на асоциальное поведение. Так, хотелось бы отметить, что в РСО–Алания достигнуты значительные успехи ПДН в деле правового воспитания несовершеннолетних как основы профилактики их самовольных уходов и противоправных проявлений. В качестве наглядного примера можно обратиться к опыту ОМВД РФ по Ардонскому району РСО–Алания. В 2019г. при активном участии сотрудников ПДН подготовлен новый уникальный проект «Юный помощник полиции», ключевой целью которого является объединить как можно большее количество несовершеннолетних жителей республики, воспитать в них те качества и навыки, которые в будущем помогут стать им достойными представителями правоохранительных органов. Первыми в ряды юных помощников полиции вступили ребята из СОШ №1 города Ардон. Как заметила начальник ПДН майор полиции Юлия Плиева: «Главной идеей создания отряда является совершенствование работы по профилактике правонарушений среди детей, воспитание у них высокой правовой культуры, оказания содействия в изучении детьми младшего и среднего возраста правил правовой культуры и привития им навыков безопасного поведения, воспитания достойных граждан России» [10].

Резюмируя представленный материал можно заключить, что формирование у населения достаточных знаний системы базовых правовых предписаний, понимание принципов права, глубокое внутреннее уважение к законам, законности и правопорядку, сотрудникам правоохранительных органов, убежденность в необходимости соблюдения их требований, активная жизненная позиция в правовой сфере и умение реализовывать правовые знания в процессе социально-активного поведения – это важнейшие аспекты деятельности сотрудников ОВД в сфере недопущения негативного информационного воздействия на различные категории населения и в целом обеспечение информационной безопасности.

Список литературы

1. Гогаева, А. Л. Правовая регламентация видов информации, причиняющей вред здоровью и(или) развитию детей / А. Л. Гогаева // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 9-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 20–24 апреля 2020 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2020. – С. 448-450.

2. Гогаева, А. Л. Деятельность правоохранительных органов по предупреждению негативного информационного воздействия на несовершеннолетних «интернет» - ресурсов / А. Л. Гогаева // Инновационные технологии производства и переработки сельскохозяйственной продукции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции в честь 90-летия факультета технологического

менеджмента, Владикавказ, 14–16 ноября 2019 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2019. – С. 393-395.

3. Расставить сеть: Путин поручил МВД усилить мониторинг интернет-пространства // <https://iz.ru/1132109/nikolai-pozdniakov-maksim-khodykin/rasstavit-set-putin-poruchil-mvd-usilit-monitoring-internet-prostranstva>

4. Гогаева, А. Л. Правовые основы обеспечения информационной безопасности детей / А. Л. Гогаева. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – 160 с.

5. Каллагов, Т. Э. Правовые основы информационной безопасности детей / Т. Э. Каллагов, А. Л. Гогаева, А. В. Качмазова // Научное обеспечение устойчивого развития агропромышленного комплекса горных и предгорных территорий: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Горского ГАУ, Владикавказ, 29–30 ноября 2018 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2018. – С. 236-238.

6. Курпиченко Ю.И. Взаимодействие сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних с семьей в патриотическом воспитании подростков // Международный пенитенциарный журнал. 2017. Т. 3(1–4). № 2. С.212.

7. Коротков М.В. Предупредить и помочь - главная задача инспектора по делам несовершеннолетних // В сборнике: Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов. Тверь, 2019. С. 120.

8. Тихонова С.В. Актуальные вопросы формирования правового сознания несовершеннолетних и молодежи // В сборнике на основе методических материалов научно-практической конференции «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Майкоп, 2017. С. 89.

9. Федеральный закон от 29.12.2010г. №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Официальный интернет-портал правовой информации / pravo.gov.ru.

10. Официальный сайт МВД по Республике Северная Осетия–Алания // 15. МВД. РФ

УДК 342.9

ПРАВО ГРАЖДАН НА ИНФОРМАЦИОННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Гогаева А.Л. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета (SPIN-код 9619-6563)

Хадиков А.К. – к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета (SPIN-код: 7098-8764)

Догузова О.Р. – ст. преподаватель кафедры конституционного и административного права юридического факультета (SPIN код 7516-5980)

ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Объектом исследования в рамках данной научной статьи являются вопросы обеспечения информационной безопасности в контексте прав человека в условиях стремительного развития информационного общества. Авторы отмечают, что в масштабах национальной безопасности российского государства информационная безопасность представляет собой весьма значимый элемент. Подчеркивается, что информационная безопасность пронизывает все сферы жизни общественной жизни, а значит принципиально важно устанавливать мощный и действенный правовой заслон от внешних и внутренних информационных угроз.

Ключевые слова: *информационная безопасность, информационное общество, право граждан на информацию, угрозы информационной безопасности*

Актуальность исследования вопросов информационной безопасности, с точки зрения обеспечения конституционных прав личности, обусловлена следующими факторами. В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы представляют собой высшую ценность. Одним из фундаментальных и неотъемлемых прав человека, согласно ст. 29 Конституции Российской Федерации, является право на свободное производство, получение и распространение информации, сопряженное со свободой мысли и слова. Большое количество средств массовой ин-

формации и стремительное развитие Интернета, ставшие основой информационного общества, дали широкие возможности реализации каждым своих прав в сфере информации.

Обратим внимание на то, что в ключевом документе, регламентирующем сферу информационной безопасности (речь идет о Доктрине информационной безопасности РФ) обозначены конституционные права и свободы человека в качестве приоритетного национального интереса нашей страны. В п.8 названного НПА закреплено: обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, обеспечение информационной поддержки демократических институтов, механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, а также применение информационных технологий в интересах сохранения исторических, культурных и духовно-нравственных ценностей многонационального народа России – это один из важнейших национальных интересов страны [1].

Вместе с тем, нельзя не отметить возрастающие угрозы в сфере информационной безопасности. Огромный поток производимой и передаваемой информации весьма часто представляет собой реальный или потенциальный вред как для публичных, так и для частных интересах [2, 3, 4]. В данном контексте мы говорим о несанкционированном доступе к конфиденциальной информации, обнародовании сведений персонального характера без согласия их обладателя, распространении в информационных ресурсах экстремистских материалов, наличии информации, оправдывающей противоправное поведение и иные проявления киберпреступности. Бесспорно, наиболее опасны среди них суицидальные сайты в интернете (например, Роскомнадзор приравнял сообщества зацеперов в социальных сетях к «группам смерти»); «колумбайн-сообщества» (террористическая организация, целью которой является интернет-вербовка молодежи для вооруженных нападений на образовательные учреждения); АУЕ (запрещенная в РФ экстремистская организация); кибербуллинг и т.д. Данные вопросы являются предметом научного изучения многих исследователей [5, 6, 7].

Анализируя вопросы информационной безопасности к разрезе конституционного статуса личности, нам представляется весьма важным остановиться на роли в механизме обеспечения данного аспекта безопасности Главы государства. Безусловно, как гарант Основного закона и прав личности Президент в определенной мере отвечает и за информационную безопасность, ведь она пронизывает все аспекты национальной безопасности страны. Высшее должностное лицо, имея значимые политические и правовые рычаги, координирует и направляет усилия всех субъектов обеспечения информационной безопасности [8].

Исследование показало, что с учетом современных реалий (основываясь на законодательном, правоприменительном и, конечно же, научном материале) конституционно-правовой статус личности наполняется очень важной составляющей [9]. Речь идет об обеспечении информационной безопасности. Законодатель и правовая наука должны быть устремлены к своевременному реагированию на новые угрозы информационной безопасности для эффективного обеспечения прав и свобод личности на этапе развития информационного общества.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 05 декабря 2016г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации / pravo.gov.ru.
2. Гогаева, А. Л. Правовые основы обеспечения информационной безопасности детей / А. Л. Гогаева. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – 160 с.
3. Галуева, В. О. Понятие и основные ресурсы механизма государственного управления / В. О. Галуева // Юность и знания - гарантия успеха -2021: Сборник научных трудов 8-й Международной молодежной научной конференции. В 3-х томах, Курск, 16–17 сентября 2021 года. Том 2. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. – С. 20-22.
4. Гобеев, Л. Т. Основные направления обеспечения информационной безопасности Российской Федерации / Л. Т. Гобеев, А. Л. Гогаева, О. Р. Догузова // Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 399-401.
5. Каллагов, Т. Э. Проблемы реализации информационных прав и свобод человека и гражданина / Т. Э. Каллагов, А. Л. Гогаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов, магистрантов и студентов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет». Том 55. Часть IV. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2018. – С. 351-353.

6. Гогаева, А. Л. Преступность в информационной сфере как основная угроза информационной безопасности России / А. Л. Гогаева, А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 231-234.

7. Дзидзоев, Р. М. Конституционно-правовое регулирование института персональных данных / Р. М. Дзидзоев, А. Л. Гогаева // Юридическая наука в современном мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию со дня основания юридического факультета Горского государственного аграрного университета, Владикавказ, 17 ноября 2022 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2022. – С. 51-53.

8. Колосова, Н. М. Президент Российской Федерации как гарант информационной безопасности личности / Н. М. Колосова, К. М. Колосов // Журнал российского права. – 2020. – № 4. – С. 17-27.

9. Хадигов, А. К. Сущность правового статуса личности / А. К. Хадигов // Юридическая наука в современном мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию со дня основания юридического факультета Горского государственного аграрного университета, Владикавказ, 17 ноября 2022 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2022. – С. 138-140.

УДК 347.961.4

ЭЛЕКТРОННЫЙ НОТАРИАТ В РСО–АЛАНИЯ

Бурнацев З.А. – помощник нотариуса Владикавказского нотариального округа

Бурнацева З.М. – к.п.н., доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития электронного нотариата в РСО–Алания в условиях формирования информационного пространства современного общества, в том числе введение дистанционных сделок двумя и более нотариусами, совершение нотариальных действий удаленно, обязательное использование ЕИС.

Ключевые слова: *нотариат, нотариальная деятельность, нотариальные услуги, электронный документооборот, единая информационная система нотариата, Онлайн-сервисы*

Повсеместное проникновение информационных технологий во все сферы жизни оказало значительное влияние на гражданский оборот, что потребовало от нотариального сообщества в достаточной степени быстрые сроки реакции на изменившуюся реальность. Нотариат не мог оставаться в стороне от развития в сфере цифровизации и информационных технологий. Цифровизация не только расширила сферу нотариальной деятельности, но ускорила работу нотариусов и повысила ее качество и удобство для клиентов.

С 1 января 2018 года нотариусы Северной Осетии полностью перешли на электронный документооборот, стали фиксировать все нотариальные действия в электронном виде. По данным республиканской Нотариальной палаты ежегодно регистрируется более ста шестидесяти семи тысяч нотариальных действий, предусмотренных Основами законодательства РФ о нотариате [2].

Гражданам Северной Осетии в максимально короткие сроки предоставляются более качественные нотариальные услуги благодаря развитию электронного нотариата, что позволило нотариусам выйти на более высокий уровень правовой деятельности. Общение с заявителями происходит не только при непосредственных посещениях или по телефонам связи, отмечается большой спрос взаимодействия в интернет - пространстве на сайтах нотариусов и по электронной почте.

Созданная Федеральной нотариальной палатой ЕИС - Единая информационная система стала хранилищем юридически значимых сведений, благодаря чему многократно увеличилась скорость и качество предоставления нотариальных услуг, обеспечивая при этом с высокой степенью надежности сохранность, безопасность и конфиденциальность документов. Соответствующие изменения были внесены в Основы законодательства РФ о нотариате [2].

Цифровизация с каждым годом все больше ускоряет гражданский оборот в республике, повышает уровень доступности, распространения и использования новых технологических укладов. Так,

при удостоверении сделок с недвижимостью нотариусы самостоятельно получают необходимые сведения из различных электронных ресурсов, и затем сами же направляют удостоверенные договоры для регистрации прав собственников, что весьма благотворно сказывается на стабилизации гражданского оборота, развитии предпринимательства и имущественных отношений.

Усиленная квалифицированная электронная подпись нотариуса позволяет не только формировать надежные электронные документы, но и безопасно трансформировать бумажную форму в электронную, что позволяет в кратчайшие сроки передавать документы в любое место. При этом используется метод удостоверения тождественности при переводе документа из бумажной формы в электронную с сохранением его юридической силы. С расширением использования электронного взаимодействия и электронных документов потребность в достоверной фиксации волеизъявлений участников гражданского оборота многократно увеличивается с использованием электронного взаимодействия и электронных документов.

Достаточно эффективно используют нотариусы республики Онлайн-сервисы для оценки заложенного движимого имущества, проверки подлинности доверенностей, поиска наследственных дел, которые с высокой степенью надежности помогают жителям республики уберечься от мошеннических схем, сомнительных договоров, приводящих к потенциальным судебным разбирательствам. Следует отметить, что не только судьи и сотрудники правоохранительных органов, но и кредитные организации заинтересованы в информации действующих Онлайн – сервисов. Наблюдается многократный рост количества запросов от граждан и юридических лиц в реестр уведомлений заложенного имущества, а также в реестр проверки доверенностей. Наиболее востребованным в нотариальной практике является реестр наследственных дел, который облегчает поиски нотариуса, ведущего дело конкретного наследодателя.

В соответствии с приказом Минюста РФ от 30 сентября 2020 г. № 227 [3], действующим с 29 декабря 2020 г., которым руководствуются нотариусы республики совершаются в электронной форме удаленно, без личной явки заявителя, через ЕИС, договоры и сделки, в числе которых договоры отчуждения движимого имущества, алиментные соглашения и др. С 29 декабря 2020 года отмечается рост количества таких нотариальных действий ежегодно в несколько раз [5].

Статьей 53.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате урегулирован порядок удостоверения сделки с привлечением 2-х и более нотариусов. Установлены общие положения такого порядка, в частности: подписание экземпляра сделки в электронной форме электронной подписью участника сделки и каждого из удостоверивших ее нотариусов, если ранее каждый заявитель в присутствии своего нотариуса заверит экземпляр сделки простой электронной подписью и распишется на бумажном экземпляре. Предусмотренная статьей 53.1 Основ процедура оптимальна для участников сделки, находящихся на больших расстояниях, при этом договоры, заверенные несколькими нотариусами, считаются заключенными в письменной форме методом составления единого документа, подписанного сторонами [4].

«Нотариальная телепортация» представляет собой удобный и надежный способ передать документ на любое расстояние из одной местности (субъекта, региона, района) в другую за короткий период времени. Она состоит из двух последовательных этапов: преобразование документа из печатного в электронный вид и отправки полученного аналога нотариусу адресата, а затем перевод обратно в бумажную форму и выдача клиенту. Изготовленный в итоге трансформаций бумажный вариант идентичен исходнику и может полноценно использоваться. В период антикоронавирусных мероприятий данный формат нотариальных действий оказался весьма востребованным населением республики.

Через портал Федеральной нотариальной палаты нотариусы республики оказывают заявителям, имеющим личную усиленную квалифицированную электронную подпись, услугу по хранению электронных документов и файлов (текстовых, фотографий, аудио- и видеофайлов, программных кодов, баз данных и др.), что позволяет обеспечить их сохранность, защиту от третьих лиц.

По решению нотариальной палаты 2019 г. во всех без исключения нотариальных конторах республики установлено федеральное приложение «eNot», вход в которое осуществляется с помощью специального пароля и логина, присвоенного каждому нотариусу индивидуально [5]. Новое программное обеспечение разработано с целью упростить работу нотариусам, оперативно получать необходимые сведения, их систематизировать и структурировать непосредственно в ходе оказания нотариальных услуг населению. Нотариусы, имея свободный доступ к информации, могут быстрее оценить полученные данные и принять наиболее оптимальные решения, с учетом юридических последствий своих действий [6].

Внедрение информационных технологий в деятельность нотариусов активно поддерживается нотариальным сообществом республики, однако внедрение передовых технологий в нотариальную деятельность должно соответствовать общим принципам законодательства и нотариальной деятельности. Требование защиты интересов населения, обеспечения их конституционных прав должно быть заложено в основу развития новых информационных технологий, которые используются нотариусами. «К тому же необходимо объективно учитывать готовность нотариусов использовать те или иные технологии в повседневной деятельности», – считает президент нотариальной палаты РСО–Алания Б.М. Кисиева [5]. Для совершенствования системы «электронного нотариата» необходимо не только увеличить количество действий, осуществляемых в цифровом формате, но и иметь в виду необходимость устранения технических недостатков, что позволит создать оптимальную структуру, удовлетворяющую потребности современного российского общества.

Список литературы

1. Лолаева, А.С. Современное состояние цифровизации государственного управления / А.С. Лолаева // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти Кесаева Хетага Естаевича. - Владикавказ: изд. Горского ГАУ, 2022. - С. 301-303.
2. Российская Федерация. Законы. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Закон от 11.02.1993 N 4462-1 с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023: [Утвержден Верховным Советом РФ 11.02.1993] - Текст: электронный. - URL: <http://Consultant.ru/document>.
3. Об утверждении требований к формату нотариально оформляемого документа в электронной форме. Приказ Министерства юстиции РФ от 30 сентября 2020 г. N 227. - Текст: электронный. - URL: <http://Consultant.ru/document>.
4. Бурнацева, З.М. Эволюция термина сделки в гражданском праве России/ Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти Кесаева Хетага Естаевича. - Владикавказ: изд. Горского ГАУ, 2022. - С. 314-316.
5. Нотариальная палата РСО–Алания: официальный сайт. - Владикавказ. - Обновляется в течение суток. - Текст: электронный. - URL: <http://www.gibdd.ru> (дата обращения 05.10.2022).
6. Лолаева, Д. Т. Место образования в современном обществе / Д. Т. Лолаева, Н. Ю. Саламова // Труды СКГМИ (ГТУ). – 2012. – № 19. – С. 184-188.

УДК 37.035.6

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ФГБОУ ВО ГОРСКИЙ ГАУ)

Бурнацева З.М. – к.п.н., доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматриваются электронные технологии в патриотическом воспитании, формирующие внутренние реальные устойчивые патриотические идеалы и убеждения студентов аграрного вуза на основе гуманно-личностного подхода в образовании.

Ключевые слова: *воспитательный процесс, патриотические ценности, патриотические идеалы; информационно-коммуникационные технологии, социальные технологии*

Патриотическое воспитание студентов является неотъемлемым компонентом современного воспитательного процесса в образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования, сущность которого заключается в формировании эмоционально-возвышенного отношения к Родине, равнодушия к ее судьбе, сопричастности ко всему, что происходит в семье, в родном городе, селе, в стране в целом. Это не только любовь и преданность к Отечеству, но и сознание долга перед ним, готовность выполнять конституционные обязанности по его защите. Патриотическое воспитание студенчества – процесс сознательного и целенаправленного педагогического взаимодействия обучающихся и преподавателей, требующий волевых усилий и профессиональной компетентности педагогов, в результате которого внешние модели поведения воспитуемых трансформируются во внутренние реальные устойчивые патриотические идеалы и убеждения на основе

гуманно-личностного подхода в образовании. В более широком смысле патриотическое воспитание представляется целенаправленным процессом постепенной передачи старшим поколением своего жизненного и культурного опыта, патриотических ориентиров и ценностей, знаний и взглядов, а также убеждений обучающимся.

Осуществление патриотического воспитания на современном этапе является одной из приоритетных задач государства, что выражается в конституционном закреплении данной тематики посредством позитивного обяызывания государства создавать необходимые условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим[1]. Статья 67.1 Конституции Российской Федерации говорит о тысячелетней истории нашей страны, о сохранении памяти предков, об идеалах и вере в Бога, о преемственности в развитии государства, подчеркивая исторически сложившееся политическое единство российского общества. На конституционном уровне зафиксировано почитание памяти защитников Отечества и охрана исторической правды, недопущение умаления значения подвига российского народа при защите Отечества[2].

Запечатленные в высшем правовом акте установки и целеполагания государственной политики воплощены в важнейших доктринальных документах: Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденных соответствующими Указами Президента Российской Федерации [3]. Перед обществом ставится сложная в интеллектуальном плане задача формирования у детей и молодежи на всех этапах образовательного процесса общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, воспитание культуры межнационального общения, традиционных российских культурно-исторических, моральных и духовных ценностей, «сформировавшихся на протяжении столетий отечественной истории». Особого внимания заслуживает тезис, что данные ценности и нормы рассматриваются в качестве «основы российского общества, которая позволяет сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации, строить будущее и достигать новых высот в развитии общества и личности».

Знание преподавателем отличительных основ и специфики патриотического воспитания даёт ему возможность подбирать эффективные формы и способы проведения мероприятий, направленных на формирование патриотической культуры студентов. Патриотические идеалы не существуют в отрыве от других, они как бы накладываются на все виды социальных ценностей, облагораживая их, придавая им высокий гуманистический смысл. Значимость патриотических установок определяется не только их неразрывной связью с общественными, личными и семейными ценностями, но так же их функциональной направленностью, непосредственным воздействием на общественные отношения. Они социальны по своей природе, так как усваиваются и развиваются воспитуемыми в условиях общественно-исторических изменений, и при этом они индивидуальны по формам выражения.

Особенности процесса патриотического воспитания студенческой молодежи детерминируются следующими требованиями:

- 1) эффективность данного процесса зависит от совместных усилий субъектов, то есть педагоги и обучающиеся должны взаимодействовать, сотрудничать;
- 2) высокий уровень патриотического воспитания могут обеспечить педагоги, имеющие специальную подготовку, большой жизненный опыт;
- 3) воспитательный процесс должен базироваться не «на отвлеченных идеях», а на психологических особенностях данной группы молодежи, которые определяют актуальность и заинтересованность студентов в результатах патриотического воспитания[4];
- 4) активное использование поощрительных и дозволильных мер, направленных на закрепление и развитие патриотических идеалов;
- 5) целенаправленное создание ситуаций, когда молодой человек переживает гордость за близких, за свою семью; за коллектив; за совместный успех.

Современные исследователи патриотического воспитания используют различные методологические подходы, такие как: этнопедагогический подход к патриотическому воспитанию (Г.Х. Валева, Н.А. Ивашкина), регионально - культурный подход к патриотическому воспитанию (И.В. Прошек), образовательно-досуговой подход к патриотическому воспитанию (И.В. Мельчакова), способ межкультурного взаимодействия (В.В. Литвиненко), патриотическое воспитание при посредстве образовательной среды (Ю.С. Мануйлов; М.В. Циулина).

При всем различии подходов существует согласие различных авторов в приоритетности проблемы патриотического воспитания молодежи в современных условиях нестабильной социально-экономической и внешнеполитической ситуации. Только путем сохранения национальной силы духа можно создать основы подлинного гражданского общества, объединиться в борьбе за счастливое будущее, укрепить национальную безопасность России. Патриотизм формируется в процессе обучения, социализации и воспитания студентов, как длительное развитие комплекса позитивных качеств личности, единства духовности, гражданственности и социальной активности будущего специалиста, осознающего свою нераздельность с Россией.

Применение информационно-коммуникационных технологий для более сбалансированного воспитательного взаимодействия субъектов, повышения доступности информационных услуг, разнообразного инструментария обмена опытом в дистанционном виде, увеличения аудитории формирует единую «экосистему» сотрудничества преподавателей и обучающихся. Использование социальных сетей создает благоприятные условия для тесного общения студентов со своими сверстниками в интерактивном режиме, способствует их сплочению и консолидации [5]. Позитивные возможности современных информационных и коммуникационных технологий, включая поиск и обмен видеoinформации, быстрое получение знаний, интерактивное участие в форумах и вебинарах, также должны быть максимально задействованы в патриотическом воспитании студенческой молодежи.

Молодежный комитет ФГБОУ ВО Горский ГАУ принимает активное участие в развитии патриотических проектов - порталов («Патриот России», «Георгиевская ленточка», «Знаем и любим Осетию»), которые содержат информацию по многим направлениям патриотического образования, предлагают внушительный арсенал мультимедийных средств обучения. Социосетевые технологии активно интегрируются в воспитательную вузовскую практику патриотического содержания.

Процесс патриотического воспитания в аграрном университете включает массовое сетевое информирование с целью актуализации интереса к истории и культуре республики РСО–Алания; демонстрацию положительных примеров героического поведения участников военной операции мультимедийными средствами, модерацию дискуссий на сайте Горского ГАУ для формирования гражданской позиции студентов, опросы и анкетирования по актуальной тематике, инициирование и разработку мероприятий в студенческой среде.

Кураторы и преподаватели аграрного университета в патриотическом воспитании широко используют информационные технологии проектной деятельности, где в социальных сетях обучающиеся создают страницы патриотического содержания («Дорога памяти», «Родословная моей семьи», «Памятные места Осетии»).

Целенаправленная организация воспитательной деятельности на базе информационных технологий создает оптимальные возможности для эффективного решения задач патриотического воспитания, которые сложно осуществлять в формате традиционного образовательного процесса.

Сегодня активно разрабатываются информационные инновации патриотического воспитания на основе взаимодействия и налаживания коммуникации. Многие из них складываются стихийно, в результате педагогического творчества, общественной практики, под влиянием сети Интернет, поэтому они нуждаются в отдельном научном анализе. Перспективой дальнейших исследований является экспериментальная проверка предложенных жизнью инновационных форм и методов патриотического воспитания.

Список литературы

1. Бурнацева, З.М Патриотизм как конституционная ценность современного российского общества / З.М. Бурнацева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет». Сборник статей. - Владикавказ, изд. Горского ГАУ. - 2021. С. 491-493.

2. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.] с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года – Текст: электронный - URL: <http://Consultant.ru/document> (дата обращения: 03.01.2023).

3. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. – Текст: электронный - URL: <http://>

Consultant.ru>document (дата обращения: 03.01.2023). О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от от 02.07.2021 г. № 400. – Текст: электронный - URL: <http://Consultant.ru>document> (дата обращения: 03.01.2023).

4. Гай, В.А., Бурнацева, З.М. Значение региональной молодежной политики / В.А. Гай, З.М. Бурнацева // Бюллетень Владикавказского института управления. - 2022. - № 61. - С. 223-228.

5. Лолаева, А.С., Лолаева, Д.Т. Цифровая трансформация образования: правовой и философский подходы / А.С. Лолаева, Д.Т. Лолаева // Образование и право. - 2021. - № 2. - С. 223-230.

6. Лолаева, Д. Т. Место образования в современном обществе / Д. Т. Лолаева, Н. Ю. Саламова // Труды СКГМИ (ГТУ). – 2012. – № 19. – С. 184-188.

УДК 34

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Золоева З.Т. – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции развития права в условиях непрерывного развития информационного общества, современный этап развития которого сопровождается цифровой трансформацией. В этих условиях привычные правовые модели и институты приобретают новое наполнение. В тоже время, вполне очевиден «поспевающий» характер развития правовых норм, которое следует за технологиями.

Ключевые слова: *информационное общество, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые технологии, электронное правительство, информационное право*

Процесс цифровой трансформации, проходящий в настоящее время в той или иной мере во всех государствах, оказал большое влияние на развитие общественных отношений и их правовое регулирование. Сегодня можно уже констатировать, что цифровая трансформация высветила проблемы, которые давно стояли перед правом, но их решение должно осуществляться в новых условиях.

Как следует из содержания Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», правовым инструментам отводится чрезвычайно важная роль в процессе цифровой трансформации, о чем свидетельствует включение в число федеральных проектов в рамках данной программы проекта «Нормативное регулирование цифровой среды». Данный проект предполагает формирование гибкой системы правового регулирования новых общественных отношений, при помощи вполне традиционных для права инструментов.

В этой связи можно выделить ряд тенденций правового регулирования в условиях новой цифровой реальности.

В качестве первой тенденции необходимо выделить наполнение отраслей права новой терминологией и новыми институтами (цифровые права, цифровые следы, цифровая валюта и т.д.) происходящее под воздействием цифровых технологий. Все это способствовало возникновению цифрового права, и, несмотря на то, что появился ряд учебников, среди ученых нет единства во мнении о том, является ли цифровое право новой отраслью или нет. Это связано, прежде всего, со сложностью выделения предмета регулирования.

Однако представляется необходимым отметить, что появление новой терминологии требует определенной унификации, в связи, с чем несомненный интерес представляет концепция Информационного кодекса разработанного в ИГП РАН.

Важно также отметить, что термин цифровые права, в России получил закрепление только в рамках гражданского права, что не соответствует международной практике, и способствует ограничительному токованию данного понятия.

В качестве второй тенденции необходимо назвать изменение баланса публичного и частного права условиях цифровой трансформации, так как цифровые технологии развиваются быстрее в сфере

частноправовых отношений, а процесс их внедрения в публично-правовые отношения является более длительным.

Третьей тенденцией является развитие исключительных правовых режимов, так называемых регуляторных песочниц, в связи с чем 31 июля 2020 года был принят Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

Четвертой тенденцией является активное влияние цифровой трансформации на права человека. В этой связи, необходимо отметить позицию ООН о том, что права, которые существуют offline, должны быть доступны и online.

В цифровую эпоху, право на свободу выражения мнения и право на доступ к информации, гарантированные ст. 29 Конституции РФ, ведут к оформлению права на доступ к Интернету. В мировой практике это происходит тремя путями: признания Интернета универсальной и общедоступной услугой (Эстония, Испания), закрепления права на доступ к Интернету в качестве конституционного права (Греция, Португалия), признания данного права высшими судами (Франция, Коста-Рика). При этом в праве на доступ к Интернету следует различать, как минимум, (1) право на подключение к Интернету, в рамках которого Интернет рассматривается как услуга, и (2) право на доступ к информации в Интернете, включая право не быть отключенным от Интернета, т.е. запрет на незаконную блокировку сайтов. В целом же право на информацию посредством Интернета предполагает право на доступ к Интернету, право не быть отключенным, право на свободный поиск информации, право на безопасное использование Интернета, право на защиту от нежелательной информации. Однако в Интернете, так же как и offline, важно провести разграничение между дозволением людям выражать все, что они думают, и мыслями, которые они не могут выражать свободно; это правило, без которого демократическое общество не могло бы существовать [1].

Цифровые технологии усугубили также проблему, нарушения прав человека, посредством вторжения в частную жизнь граждан, дискриминации, нарушения автономии личности. Все это выводит на новый уровень проблематику возмещения вреда, при помощи, в том числе гражданско-правовых механизмов.

По нашему мнению, особо необходимо отметить точку зрения В.Б. Наумова, относительно необходимости закрепления права на отказ от цифровых технологий [2]. Представляется, что в условиях формируемого в России правового государства это необходимо, и в полной мере соответствует конституционно-закрепленному принципу признания человека высшей ценностью.

Таким образом, можно заключить, что развитие цифровых технологий повлияло на развитие всех сфер жизни общества. Права человека также оказались под влиянием цифровой трансформации [3]. С одной стороны произошли положительные изменения позволившие облегчить реализацию прав человека при помощи цифровых инструментов. Но с другой стороны, участились случаи злоупотреблений цифровыми технологиями со стороны, как частных субъектов, так и государств. По нашему мнению, существует необходимость в масштабных исследованиях того, могут ли фундаментальные концепции и подходы в области прав человека быть адаптированы к быстро меняющемуся технологическому ландшафту. Представляется необходимой разработка новых концепций для поддержки и укрепления парадигмы прав человека в цифровой экосистеме, а также закрепление в нормативных актах права на отказ от цифровых технологий.

Список литературы

1. Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 3. С. 122-146.
2. Наумов В. Б. Отказ от цифровых технологий: абсурд или новое право человека и гражданина / В. Б. Наумов // Бачиловские чтения: Материалы четвертой международной научно-практической конференции, Москва, 05–06 февраля 2022 года / отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов / Институт государства и права РАН. – Саратов: Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2022. С. 78-84.
3. Койбаев Б.Г., Золоева З.Т. Некоторые аспекты административно-правового регулирования деятельности органов исполнительной власти в условиях цифровой реальности // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 120.

УДК 34

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА МАРКЕТПЛЕЙСАХ
(НА ПРИМЕРЕ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ)**

Золоева З.Т. – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. В статье анализируются особенности ответственности за нарушения исключительных прав на товарный знаки при продаже товаров через маркетплейсы. Автор исследует нормы законодательства, а также судебной практики России и зарубежных стран.

Ключевые слова: *информационное общество, исключительные права, маркетплейс, электронная торговля, электронная коммерция*

Роль онлайн-торговли в условиях активно развивающегося информационного общества постепенно возрастает. А развитие сети Интернет позволяет осуществлять торговлю в других странах. Однако в этих условиях особую роль приобретает проблематика защиты прав потребителей, так как не редкими являются случаи, когда они не знают, что покупают контрафактную продукцию. А это, способствует неосновательному обогащению недобросовестных онлайн-продавцов. Таким образом, одним из распространенных нарушений исключительных прав, является нарушение прав на товарные знаки на торговых интернет-платформах – маркетплейсах.

В этой связи представляется важным обратиться к ст. 1477 ГК РФ которая к товарным знакам относит словесные фразы, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации [1], используемые для идентификации источника конкретного продукта или услуги. В то время как большинство товарных знаков представляют собой слова и фразы, представленные либо в простой текстовой форме (самая широкая форма охвата), либо со стилизованным внешним видом, в некоторых странах, как например, в США в качестве товарных знаков могут быть использованы логотипы, рисунки, цвета, запахи и звуки. Так, если кто-то попытается продать товары под брендом Apple, эта попытка, скорее всего, вызовет путаницу у клиентов. Многие клиенты, вероятно, посчитают, что они покупают компьютеры, произведенные Apple Group. Поэтому использование знака Apple, скорее всего, приведет к иску о нарушении прав на товарный знак. Таким образом говорить о противоправности можно, когда знаки достаточно похожи по значению, внешнему виду и звуку, чтобы вызвать путаницу у потребителей. Важно обратить внимание, на то, что если используется один и тот же термин для продукта, который совершенно не связан с ним, лицо не обвинят в нарушении товарного знака. Например, Apple Inc. и Apple Records могут существовать потому, что потребители смогут легко отличить эти две компании.

В тоже время, авторское право относится к праву, установленному законом, который предоставляет создателю оригинального произведения исключительные права на использование и распространение этого произведения. Чтобы быть действительным товарным знаком, знак должен использоваться в торговле, быть отличительным и не должен быть до степени смешения похож на знак, который уже используется. А.С. Ворожевич, отмечает, что использование товарного знака выступает сразу как право и как обязанность, а это является невозможным, так как, согласно теории гражданского права, право и обязанность всегда находятся в диалектическом единстве, предполагающем их противопоставление друг другу [2, с.28].

В России регистрация товарного знака является необходимой, так как она позволяет обеспечить безопасность как его владельца, так и обеспечит факт того что он сам не нарушает чьих либо прав на товарный знак. В отличие от России, в США регистрация товарного знака не требуется, для того чтобы иметь право на защиту товарных знаков. В соответствии с законодательством США необходимо просто использовать товарный знак в торговле в связи с товарами или услугами в качестве исходного индикатора по сравнению с любым другим, кто может использовать аналогичный знак сходным до степени смешения образом. Однако для того, чтобы получить охрану товарного знака за пределами Соединенных Штатов в соответствии с Мадридским протоколом, товарный знак должен быть зарегистрирован [3].

Всемирная организация интеллектуальной собственности к нарушениям прав на товарный знак относит пиратство товарного знака, производство контрафактной продукции, имитацию этикеток и упаковки. Важно отметить также и тот факт, что во внутреннем законодательстве различных государств используется дифференцированная терминология в отношении видов нарушений, однако их содержательная часть носит схожий характер. В соответствии с п. 3 ст. 1237 ГК РФ нарушение использования товарного знака имеет место быть в случае его использования способом, который не был предусмотрен в заключенном между сторонами лицензионном договоре, либо с нарушением объема полномочий предусмотренных договором.

Важно отметить, что первый элемент состава анализируемого правонарушения это противоправность, связан с использованием товарного знака (идентичного знака) правообладателя другой компанией или лицом в отношении того же продукта. Соответственно факт противоправного поведения является основанием для привлечения к ответственности в соответствии с нормами гражданского права [4, с.138]. К лицам, имеющим право на защиту нарушенных прав на товарный знак относятся правообладатель и лицензиат, получивший исключительную лицензию.

Вредные последствия, являющиеся вторым элементом состава правонарушения – ущерба, то он неизбежно наступает, в связи с нарушением прав правообладателя, недобросовестным продавцом реализующим товар на маркетплейсе (таковым может выступать и владелец маркетплейса, в случае если продает собственный товар). При установлении вопроса о виновности, важным является, как и в случае с авторскими правами, установление лица, которое продает товар на маркетплейсе. Решение вопроса о виновности находится в компетенции судов.

Важно отметить, что в зарубежных странах не сложилось единого подхода к вопросу ответственности маркетплейсов, когда на их платформе имели место быть факты продажи продукции нарушающей права на товарный знак других субъектов. Так, по делу *Tiffany Inc. против eBay*, судом были отклонены все иски к eBay, отмечая, что ответственность за охрану своего знака лежит на владельце товарного знака, и такие компании, как eBay, не могут нести ответственность за нарушение прав на товарные знаки, исключительно на их обобщенном знании того, что нарушение прав на товарный знак, возможно, происходит на их веб-сайтах.

Решения по аналогичным категориям дел, возбужденные владельцами товарных знаков в судах европейских государств не являются однородными, так например, большинство французских судов приняли при рассмотрении подобных дел решение обязать заплатить eBay существенные суммы, признавая, что они несут ответственность вместе с продавцом товара [5], в то время как другие французские суды освободили eBay от ответственности [6, 7], из-за особый статус компании как хост-провайдера в соответствии с Директивой ЕС о торговле [8].

В заключении, можно отметить что отсутствие единообразия в практике национальных судов в зарубежных странах, вероятно, связано с использованием различных подходов, в законодательстве регулирующем товарные знаки или деликатные отношения. Во многом это также зависит от противоречивых подходов к вопросу о том, кто больше нуждается в юридической защите, владелец товарного знака или маркетплейс. Относительно российского опыта в данной сфере, можно резюмировать, что в России настоящее время еще не сформировалось единого подхода относительно ответственности маркетплейса.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Российская газета. N 289. 22.12.2006.
2. Ворожеевич А.С. Прекращение правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования: российский и зарубежный опыт // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. № 5. С. 28.
3. Contreras, Jorge. (2018). Trademarks, Certification Marks and Technical Standards. In book: Cambridge Handbook of Technical Standardization Law, Vol. 2: Administrative Law, Trade, Privacy, Tort, Copyright and Trademark (Jorge L. Contreras, ed., Cambridge Univ. Press 2019/https://www.researchgate.net/publication/326584128_Trademarks_Certification_Marks_and_Technical_Standards).
4. Право интеллектуальной собственности: учебник / А.С. Ворожеевич, О.С. Гринь, В.А. Корнеев и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2018. Т. 3: Средства индивидуализации. С. 138.
5. Tribunal de commerce [TC] [commercial cour t] Paris, 1e ch 2008, no. 2006077799 (Fr.), available at <http://www.foruminternet.juridique/jurisprudence/IMG/pdf/tcom-par 20080630.pdf>

6. Tribunal de grande instance [TGI] [ordinary court of original jurisdiction] Par-is, 3e ch., May 13, 2009, no. 07/11365 (Fr.), available at <http://www.foruminternet.org/specialistes/veille-juridique/jurisprudence/IMG/pdf/tgi-par20090513.pdf>; 7. Tribunal de grande instance [TGI] [ordinary court of original jurisdiction] Paris, 3e ch., July 13, 2007, no. 07/05198 (Fr.), available at <http://www.juriscom.net/documents/tgiparis20070713.pdf>.

8. Directive 2000/31/EC, of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on Certain Legal Aspects of Information Society Services, in Particular Electronic Commerce, in the Internal Market, 2000 O.J. (L 178) 1, available at <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2000:178:0001:0016:EN:PDF>.

УДК 342.79

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Догузова О.Р. – ст. преподаватель кафедры конституционного и административного права юридического факультета

Хадиков А.К. – к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета

ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье осуществляется анализ основных подходов к формированию информационной безопасности государства. Акцент делается на том, что информационная безопасность представляет собой ключевой элемент защиты и охраны интересов Российской Федерации, потому что многие угрозы ее государственной безопасности исходят из информационного пространства.

Ключевые слова: *информационная безопасность, национальная безопасность, угроза, доктрина информационной безопасности*

Вопросы информационной безопасности становятся все более актуальными с каждым годом. Сама по себе информационная безопасность представляет собой весьма перспективное направление в обеспечении государственной безопасности страны [1, 2]. Это актуализирует потребность в теоретическом исследовании ключевых положений информационной безопасности, которое позволит впоследствии оптимизировать нормативно-правовую базу и судебную практику. Информация представляет собой один из основных ресурсов, которыми обладает человечество. На сегодняшний день встает вопрос борьбы за то, чтобы обладать данным ресурсом. В результате был создан новый инструмент, как нападения, так и защиты. Этим инструментом стало информационное оружие.

Информационную безопасность в основном рассматривают как обязательный компонент, который связывает политику государственной безопасности и информационную политику государства. Угроза, которую может нести в себе информационное пространство, - это отсутствие баланса между интересами участников общественных правоотношений. Причиной тому является в первую очередь неэффективная работа органов государственной власти, которые должны обеспечивать информационную безопасность нашей страны [3].

Если рассматривать теоретические источники, то здесь представлены многочисленные взгляды на сущность и природу информационной безопасности. В частности, О.А. Федотова отмечает, что под информационной безопасностью следует понимать состояние защищенности интересов государства в рамках информационного пространства от угроз как внешнего, так и внутреннего характера. В данном случае подразумеваются жизненно важные интересы человека, социума и всей страны в целом [4]. Позиции Г.Г. Гафаровой и В.В. Смелянской являются более категоричными. По их словам, под информационной безопасностью необходимо понимать состояние, в котором отсутствует опасность нанесения ущерба данным, которыми владеет человек, и опасность причинения ущерба человеку данными [5].

В состав понятия национальной безопасности входят понятия безопасности отдельного человека, социума и всей страны. Во время цифровых трансформация информационной безопасности отво-

дится основное значение, потому что именно она обеспечивает сохранность сведений и возможность взаимодействия между государственными органами и гражданским сообществом.

Принимая во внимание национальные интересы государства, в информационном пространстве разрабатывают как стратегические, так и актуальные на данный момент цели, на достижение которых направлена внешняя и внутренняя политика государства в сфере обеспечения безопасности информации.

Роль государства заключается в том, чтобы предоставить социуму все условия для того, чтобы обеспечить поступательное развитие и совершенствование информационного пространства в РФ, и на конституционном уровне предоставить человеку права и свободы в сфере информации. Кроме того, государство должно обеспечивать свой конституционный строй, независимость и территориальное единство, социально-экономическую и политическую стабильность [6].

Система государственной безопасности (система обеспечения государственной безопасности) включает в себя соответствующие органы, силы и инструменты. Это многоуровневая система, в рамках которой друг с другом взаимодействуют органы государственной власти, гражданские институты, предпринимательство и физические лица. Цель функционирования данной системы состоит в том, чтобы предотвратить посягательства против интересов государства, сберечь национальное богатство. Реализация этой системы происходит внутри государства, а также в ходе взаимодействия между субъектами и на уровне международно-правовых отношений. Она подразумевает одновременную и равноценную защиту и охрану интересов человека, социума и государства.

Следует подчеркнуть, что для того чтобы обеспечить реализацию прав и свобод личности в информационном секторе, следует обеспечить соответствующую информационную безопасность, главным образом такой ее элемент, как информационная безопасность граждан. В частности, как отмечает С.В. Иванов, под информационной безопасностью человека следует подразумевать высокий уровень защиты человека, гарантию осуществления его прав и свобод в информационном пространстве, а также максимально сниженную опасность отрицательного влияния на него угроз как внешнего, так и внутреннего характера [7].

Безопасности информации отводится одно из главных мест. В нашей стране разрабатываются и применяются основные документы, регламентирующие самые существенные области жизнедеятельности государства. В основе общегосударственного комплекса мер, позволяющих обеспечить безопасность информации, лежит Доктрина информационной безопасности РФ, утвержденная Президентом РФ в декабре 2016 г. В этом документе представлено тщательное изучение вопросов государственной безопасности, на которые указывает также Концепция национальной безопасности РФ [8].

В соответствии с Доктриной, информационная безопасность – это состояние защищенности человека, социума и всей страны от информационных угроз, носящих внешний и внутренний характер. Это такое состояние, в котором могут быть осуществлены конституционно закрепленные права и свободы личности, обеспечиваются все условия для высокого качества жизнедеятельности населения. Информационная безопасность подразумевает, в том числе, возможность обеспечения безопасности и обороноспособности страны, ее поступательного социально-экономического развития, суверенитета и независимости.

Информационной безопасности отводится отдельная позиция в структуре общественной и государственной безопасности, для обеспечения которой применяются правовые, организационные, экономические и технические средства. При этом у ведущих мировых государств на сегодняшний день имеются огромные возможности для информационного противостояния, при реализации которых могут быть достигнуты их экономические и политические цели, особенно в отсутствие международно-правовых нормы осуществления информационной борьбы.

Очевидно, в связи с новейшими научно-техническими достижениями в области информатики и информационных технологий современное соперничество государств и других объектов социальной природы характеризуется появлением нового фактора – информационного. Через целевое воздействие на информационную среду реализуются угрозы национальной безопасности в различных сферах человеческой деятельности. В политической сфере все большую значимость приобретает информационно-психологическое воздействие с целью формирования отношений в обществе, его реакции на происходящие процессы. В экономической сфере растет уязвимость экономических структур от недостоверности, запаздывания и незаконного использования экономической информации. В военной сфере исход вооруженной борьбы все в большей степени зависит от качества добываемой

информации и уровня развития информационных технологий, на которых основываются системы разведки, радиоэлектронной борьбы, управления войсками и высокоточным оружием. В сфере духовной жизни возникает опасность развития в обществе с помощью электронных средств массовой информации агрессивной потребительской идеологии, распространения идей насилия и нетерпимости и других негативных воздействий на сознание и психику человека. Информационная среда, являясь системообразующим фактором во всех видах национальной безопасности (политической, экономической, военной, и др.), в то же время представляет собой самостоятельный объект защиты.

Нельзя не признать, что информационная сфера выступает в качестве наиболее уязвимого компонента общей системы национальной безопасности. Угрозы информационной безопасности имеют вполне объективный характер, обусловлены современным политическим процессом и имеют очень тесную связь с изменениями в информационной сфере на основе развития информационных технологий. Возрастание спектра угроз национальной безопасности повышает роль государства в реализации на практике сильной информационной политики, особого внимания общества к образовательной сфере, которая непосредственно влияет на информационные технологии, и, несомненно, совершенствование правовой регламентации граждан и государств в информационной сфере.

Итак, на сегодняшний день информационная безопасность в российском законодательстве проявляется не только как самостоятельный вид безопасности, но и как аспект военного обеспечения национальной безопасности страны. Новые вызовы и угрозы возникают в результате увеличения количества центров мирового экономического и политического развития, укрепления позиций глобальных и региональных стран-лидеров. В связи с этим информационная безопасность страны способствует дальнейшему повышению внутренней стабильности, наращиванию экономического, политического и военного потенциала, необходимого для укрепления ее роли как одного из влиятельных центров современного мира.

Список литературы

1. Гогаева, А. Л. Киберпреступность как угроза информационной безопасности современного российского государства / А. Л. Гогаева // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 24–26 июня 2017 года. – Владикавказ: Веста, 2017. – С. 251-254.

2. Гогаева, А. Л. Информация как объект правового регулирования / А. Л. Гогаева // Вестник научных трудов молодых ученых, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет». Том Выпуск 52. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2015. – С. 223-226.

3. Гобеев, Л. Т. Основные направления обеспечения информационной безопасности Российской Федерации / Л. Т. Гобеев, А. Л. Гогаева, О. Р. Догужева // Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. Том II. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 399-401.

4. Федотова О.А. Административная ответственность за правонарушения в сфере обеспечения информационной безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 27 с.

5. Гафарова Г.Г., Смелянская В.В. Информационная безопасность личности // Безопасность личности: состояние и возможности обеспечения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (10-11 мая 2012 г). Ереван; Пенза; Колин: Социосфера, 2012. - С. 57

6. Догужева, О. Р. Конституционно-правовое обеспечение национальной безопасности современной России / О. Р. Догужева // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня окончания Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.), Грозный, 30 апреля 2020 года. – Грозный: Чеченский государственный педагогический университет, «АЛЕФ», 2020. – С. 42-47. – EDN ZCCCVG.

7. Иванов С.В. Правовое регулирование информационной безопасности личности в Российской Федерации // Вестник Екатеринбургского института. - 2014. - № 1 (25). - С. 50.

8. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/> (дата обращения 27.01.2023).

УДК 342

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА
НА ЗАЩИТУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РФ**

Догузова О.Р. – ст. преподаватель кафедры конституционного и административного права юридического факультета (SPIN код 7516-5980)

Гогаева А.Л. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета (SPIN-код 9619-6563)

ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В настоящей статье исследуется вопрос о том, какое место занимает право человека на защиту информации персонального характера в системе правового статуса личности, регламентированного в Основном законе страны.

Ключевые слова: *персональные данные, защита персональных данных, конституционные гарантии, неприкосновенность частной жизни*

На современном этапе развития российской правовой системы гарантии защиты информации персонального характера приобретают особую значимость и актуальность. Следовательно, этот институт необходимо рассматривать как естественное и неотъемлемое право каждой личности. Главным документ в РФ, закрепляющий требование в сфере охраны персональных данных, – это Конституция. Она является основой всей структуры защиты и охраны данных, являющихся персональными. Конституция также обеспечивает законодательную регламентацию данной сферы [1].

Анализ любой современной Конституции демократических государств позволяет сделать вывод о том, что законодатель закрепляет все основные права – право неприкосновенности частной жизни, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и других сообщений и право на неприкосновенность жилища.

Следует подчеркнуть, что в РФ вопрос о том, какое место занимает право на защиту персональных данных в Конституции РФ, еще не решен.

В частности, можно рассмотреть часть 1 статьи 23 Конституции РФ, где находит свое непосредственное закрепление право граждан неприкосновенности частной жизни, а также право семейной и личной тайны. При этом в части 1 статьи 24 Конституции РФ запрещается собирать, хранить, использовать и распространять данные о частной жизни человека, если он не дал на это свое согласие. На приведенных конституционных положениях выстраивается право на неприкосновенность частной жизни и ее охрану.

Указанные нормы следует принимать во внимание, исходя из положений части 3 статьи 55 Конституции РФ, предусматривающей, что федеральное законодательство может ограничивать круг прав и свобод личности лишь в той степени, в которой это требуется для того, чтобы защитить основы конституционного строя, здоровье и нравственность, а также права и законные интересы других людей, обеспечить безопасность и обороноспособность страны [2]. В соответствии с нормами части 3 статьи 56 Конституции РФ, запрещающими ограничивать определенные права и свободы личности, это правило распространяется в том числе и на часть 1 статьи 23 Конституции РФ, в которой устанавливается право на неприкосновенность частной жизни.

Невзирая на то, что Основной закон предусматривает права на неприкосновенность жилища, тайну переписки и неприкосновенность личной жизни, все же на сегодняшний день в нем отсутствуют достаточные конституционно-правовые гарантии, которые смогли бы надлежащим образом защитить персональные данные человека. Изучив положения Конституции РФ, можно заключить, что в настоящее время необходимо сформировать конституционно-правовой механизм, который смог бы обеспечить комплекс гарантий в сфере защиты и охраны персональных данных человека [3].

В настоящее время повсеместно распространяется глобальная сеть Интернет, активно развиваются инновационные информационно-коммуникационные технологии. Все это привело к появлению проблем в сфере защиты определенных категорий прав человека. Следовательно, необходимо исключить любые попытки собрать персональные данные. В случае выявления злоупотреблений следует немедленно реагировать на это при помощи правовых средств, чтобы пресечь незаконные

сбор, обработку и иные действия с данными, являющимися персональными. Так как возможности получения персональных данных и доступа к ним на сегодняшний день изменились, актуализировалась потребность в защите сведений, обладающих конфиденциальным характером [4, 5, 6].

В ст. 24 Конституции в первую очередь закрепляется правовой режим информации, которая относится к частной жизни человека. С правовой точки зрения необходимо также привести дефиницию терминов «частная жизнь» и «информация».

В отечественном законодательстве устанавливается, что информация – это сведения о людях, фактах и явлениях вне зависимости от того, в какую форму они облекаются. В ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [7] говорится также о документированной информации. В частности, она представлена следующими категориями данных: данные, записанные на материальные носители, о людях, персональная информация, отражающая события и обстоятельства жизни человека, позволяющие установить его личность.

Термины, при помощи которых определяется частная жизнь, не находят своего четкого законодательного закрепления. При этом понятно, что жизнь представляет собой объект защиты со стороны конституционно-правовых норм. Но так как законодательная дефиниция частной жизни отсутствует, весьма сложно привести исчерпывающее толкование данного термина. Закономерно встает вопрос о том, что следует подразумевать под понятием «сведения о частной жизни», а также о соотношении данной категории сведений с персональными данными.

В научных источниках представлены разные дефиниции частной жизни. Так, М.Н. Малеина отмечает, что частная жизнь включает в себя данные о конкретной личности. Эти данные не затрагивают его профессиональную деятельность и содержат в себе оценку характера и внешнего вида человека, его финансового положения, здоровья, биографических фактов. Кроме того, эта информация позволяет пролить свет на образ жизни человека, его взаимоотношения с родными, друзьями и пр. [8]. По мнению С.А. Авакьяна, в понятие частной жизни входят следующие компоненты: 1) сама по себе личная жизнь гражданина; 2) семейные правоотношения; 3) профессиональная деятельность; 4) его здоровье; 5) коммуникация с окружающими, в т. ч. при помощи современных коммуникационных технологий [9].

В данном контексте обозначим и позицию высшего органа конституционного контроля. Реализуя официальное толкование положений Основного закона страны, КС РФ указывает на то, что в рамках трудовых отношений между работодателем и работником не затрагивается в рамках трудового договора личная жизнь последнего.

Резюмируя изложенное, нам представляется, что наиболее обоснованным является подход, согласно которому информация о частной жизни является более широким понятием по отношению к персональным данным. Вряд ли можно отграничить персональную информацию о человеке, которая составляет его частную жизнь от иных персональных данных. А это означает, что любые персональные сведения и данные о личности должны быть объектом конституционно-правовой охраны.

Список литературы

1. Гобеев, Л. Т. Основные направления обеспечения информационной безопасности Российской Федерации / Л. Т. Гобеев, А. Л. Гогаева, О. Р. Догужева // Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. Том II. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 399-401.

2. Догужева, О. Р. Конституционно-правовое обеспечение национальной безопасности современной России / О. Р. Догужева // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня окончания Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.), Грозный, 30 апреля 2020 года. – Грозный: Чеченский государственный педагогический университет, «АЛЕФ», 2020. – С. 42-47.

3. Бакланова Н.А., Боков Ю.А. К вопросу о рассмотрении права на защиту персональных данных в рамках права на неприкосновенность частной жизни // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №12-2.

4. Догужева, О. Р. Обеспечение национальной безопасности как основная задача государства / О. Р. Догужева // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 8-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 18–19 апреля 2019 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2019. – С. 342-344.

5. Дзидзоев, Р. М. Конституционно-правовое регулирование института персональных данных / Р. М. Дзидзоев, А. Л. Гогаева // Юридическая наука в современном мире: Материалы Всероссийской

научно-практической конференции, посвященной 25-летию со дня основания юридического факультета Горского государственного аграрного университета, Владикавказ, 17 ноября 2022 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2022. – С. 51-53.

6. Гогаева, А. Л. Персональные данные как объект информационно-правового регулирования / А. Л. Гогаева // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 7-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 12–14 апреля 2017 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 441-444.

7. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.12.2022) // URL: <https://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения 20.01.2023).

8. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2001. 244 с

9. Авакьян С.А. Конституционное право России. М., 2010. 864 с.

УДК 347.97/99

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Габараева Н.В. – ст. преподаватель кафедры гражданского, земельного и трудового права (SPIN - код): 5068-8720
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье показана роль принципа справедливости для вынесения судебных решений по гражданским делам. Подчеркивается, что в условиях цифровизации попытки использования искусственного интеллекта при вынесении судебных решений могут негативно повлиять на справедливость этих решений. Сделан вывод, что содержательно-оценочная деятельность судьи может полноценно осуществляться только судьями - людьми, наделенными правосознанием, поэтому именно принцип справедливости выступает одним из главных препятствий на пути к тому, чтобы робот-судья заменил судью человека.

Ключевые слова: принцип справедливости, судебное решение, цифровизация, робот-судья: искусственный интеллект

На сегодняшний день общественные отношения изменяются под влиянием процессов цифровизации. В связи с этим можно сказать, что цифровизация представляет собой один из основных факторов, которые в большой степени влияют на становление и развитие права и правовой системы. С появлением цифровых технологий изменения произошли в разнообразных значимых областях правотворчества и правоприменения. Речь идет как об исключительно технических, так и о содержательных сторонах данных институтов. В данном случае подразумевается не столько привлечение роботов к работе с юридической документацией, сколько о возможности заменить судью-человека искусственным интеллектом и об изменениях, которые под влиянием цифровизации происходят в правосознании субъекта правоприменительной деятельности [1].

Есть основания говорить о существенных изменениях, которые затронут гражданский процесс. При этом в данный момент направления и результаты таких изменений пока еще не ясны, а значит, нуждаются в глубоком научном исследовании.

Как известно, право основывается на ряде фундаментальных принципов. Эти принципы формируют остов всей системы права в целом. Один из фундаментальных принципов – это принцип справедливости, в отношении которого ученые еще не выработали единое мнение. Анализ всех точек зрения относительно данного принципа позволяет выделить три главных подхода:

- 1) справедливость нельзя рассматривать в качестве принципа права, потому что справедливость – это моральная категория;
- 2) справедливость следует рассматривать и как правовую, и как нравственную категорию. На этом основании соответствующий принцип является общеправовым;
- 3) справедливость является отраслевым принципом в правовой науке.

Мы считаем, что наиболее точным является второй подход. Как нам представляется, право должно основываться на этом принципе, так как именно он несет в себе нравственное содержание, без которого весь правовой механизм стал бы просто бездушным карательным аппаратом, критикуемый обществом. Мы поддерживаем позицию, высказанную О.Э. Лейстом, отмечавшим, что справедливость представляет собой фундаментальную и общую для правовой системы и морали категорию [2].

Принципу справедливости отводится огромное значение, так как он позволяет объединить право и мораль, что в свою очередь способствует созданию единого комплекса социальных регуляторов, влияющих на общественные правоотношения всесторонне и во взаимодействии.

Разные государства и общества воспринимают рассматриваемый принцип по-разному. Исследователи многократно подчеркивали, что он отражает правосознание и менталитет российского народа, который всегда стремился к тому, чтобы найти в праве в первую очередь правду [3]. Однако справедливость по-разному трактуется разными социальными группами в одном и том же социуме. Справедливость включает в себя и классовое, и экономическое, и нравственное начало.

На сегодняшний день становится понятным, что справедливость является субъектной, ситуативной и контекстуальной. Поэтому единое, свойственное всем субъектам и правовым коллизиям толкование данного феномена не представляется возможным. Данная категория в ее практической реализации может отличаться в зависимости от объекта применения – преступника или жертвы, должника или ответчика и пр.

В рамках гражданского процесса судья выносит определение исходя из своего собственного взгляда на справедливость. Для судьи справедливость в первую очередь подразумевает, что он выносит легитимное решение, основываясь на положениях действующего законодательства, с учетом всех установленных обстоятельств по делу, а также личностных характеристик участников процесса. Здесь можно привести высказывание Д. Ллойда, который отмечал, что формальная справедливость в правовой системе обладает тремя основными признаками. В частности, это правила и нормы, их общая направленность, а также объективное и беспристрастное применение [4]. Однако необходимо сказать также и о том, что судья, как бы он ни стремился проявлять объективность и беспристрастность, находится под влиянием многочисленных разнообразных факторов. Об этом свидетельствуют и исследования, которые провели представители социологической юриспруденции в США. В комплексе названные факторы формируют вектор, задающий направление решения, которое выносится по данному делу.

Если рассматривать гражданское процессуальное право, то здесь справедливость как отраслевой принцип, судя по всему, отсутствует. Однако этот принцип общеправовой, а следовательно, он должен применяться в рамках гражданского процесса. Определение, выносимое в суде, подвергается оценке общества и участников процесса с точки зрения соответствия правовым нормам и принципу справедливости. Именно поэтому Аристотель, выделяя уравнивающую и распределяющую справедливость для судьи, говорил о существовании еще одного ее вида – исправляющей справедливости. На это указывал, в том числе, Р. Дворкин. Он подчеркивал, что если законодатель исходит в первую очередь из политических целей, то судья должен основываться на таких принципах, как мораль, добросовестность и справедливость [5].

Доктринальный подход к функции справедливости в системе права обусловлен методическими позициями, занимаемыми конкретным исследователем. В частности, юснатуралист будет рассматривать справедливость в качестве наивысшего, основополагающего принципа, надстоящего над правом обуславливающего саму его суть. Легист будет отмечать, что справедливость – это в первую очередь неукоснительное соблюдение действующих норм права. В условиях отечественной системы права каждый судья – это всегда нормативист. И даже если его взгляды на право отличаются от общепринятых и он излагает их в своих трудах, в рамках судопроизводства он все равно должен функционировать как нормативист. В этом заключается требование системы.

В связи со сказанным, внедрение в судебный процесс цифровых технологий, будучи объективно обусловленным, все равно порождает определенные проблемные вопросы. Сейчас в ряде государств проходят эксперименты по внедрению искусственного интеллекта в систему принятия судебных решений. Известны случаи применения роботов-судей при рассмотрении уголовных дел в Китае и гражданских дел в Латвии. Исследования и эксперименты проводятся в США, некоторых других странах [6]. В отдельных случаях использование искусственного интеллекта в судах уже выходит за рамки экспериментальной деятельности и инициирует принятие соответствующих правовых норм. При этом создаются основанные на существующей судебной практике алгоритмы, которые и должны предоставить роботу основу для вынесения решения. Но судья принимает решения, исходя не

только из норм права и существующего алгоритма их применения. Он также опирается на присущую ему систему ценностей, и одной из этих ценностей является справедливость. Но ценности – это принадлежность человека, его сознания и правосознания. Наличие ценностей предполагает постоянную оценку правоприменителем как применяемых норм, так и конкретных обстоятельств их применения, их соотнесение с имеющимися в правовом пространстве образцами.

Судебная практика, которую использует робот при вынесении решения по конкретному делу, в каждом конкретном случае вполне может оказаться несправедливой и негуманной. Она может устаревать и отставать от темпов развития общественных отношений. Кроме того, в практике изначально могут быть заложены несправедливые и ошибочные с точки зрения принципов права решения, что в случае применения искусственного интеллекта заставит их воспроизводиться постоянно.

По нашему мнению, в сложных делах, где требуется тщательный анализ всех обстоятельств, включая психологические аспекты и мотивы совершения противоправных действий, искусственный интеллект не сможет заменить людей. Ему пока не доступен анализ моральных принципов и нравственной оценки поступков. Ему неизвестны принципы справедливости и гуманизма при назначении наказания. В ряде случаев суд решает дело, применяя аналогию закона и аналогию права, что предполагает оценку общих начал законодательства и права. В силу этого можно согласиться с В. В. Момотовым, что искусственный интеллект никогда не вытеснит судью-человека [7]. В ряде случаев от правоприменителя требуется не совершение рутинных, алгоритмизированных действий, а полноценная юридическая деятельность на грани искусства [8]. В этих случаях искусственный интеллект, не обладающий правосознанием, в первую очередь правовой психологией, может оказаться бессилён. Содержательно-оценочная деятельность судьи может полноценно осуществляться только судьями-людьми, наделёнными правосознанием.

Таким образом, именно принцип справедливости выступает одним из главных препятствий на пути к тому, чтобы робот-судья заменил судью человека.

Список литературы

1. Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11. – № 1. – С. 39-40.
2. Лейст О.Э. Сущность права: Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, – 2002. – С. 169.
3. Иванова С.А. Феномен развития идей о справедливости в России (окончание) // Евразийская адвокатура. – 2015. – № 3. – С. 47-52.
4. Ллойд Д. Идея права / Пер. с англ. – 5-е изд. М., – 2009. – С. 128.
5. Dworkin R. Taking rights seriously. – Cambridge: Harvard univ. press, 1977. – P.22.
6. Закаева П.Р., Новикова К.С. Перспективы и допустимые пределы влияния современных цифровых технологий на развитие и функционирование судебной власти // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху. М.: Инфра-М, – 2019. – С. 141-157.
7. В Верховном Суде считают, что роботы никогда не смогут заменить судью // <https://tass.ru/obschestvo/6296926>
8. Лолаева, А. С. Вопросы электронного правосудия в эпоху цифровизации / А. С. Лолаева // Государство и право в цифровую эпоху: Материалы международной научно-практической конференции Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 г., Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 года / Е. В. Трофимов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – С. 108-113.

УДК 347.97/99

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ПРАВОСУДИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Габараева Н.В. – ст. преподаватель кафедры гражданского, земельного и трудового права
(SPIN - код): 5068-8720
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Проводится анализ применения информационных технологий для доступа к судебной информации в зарубежных странах, с целью использования этого опыта и в России. Отмечается, что применение электронного правосудия в разных странах зависит от государственного устрой-

ства, организации судебной системы, технической реализации электронного судопроизводства, развития информационных технологий.

Ключевые слова: электронное правосудие, судебные информационные системы, электронная подача исков

На сегодняшний день во всем мире активно развиваются информационные технологии. В результате этого процесса разнообразные виды деятельности стали осуществляться в цифровом формате. Это коснулось в том числе правосудия. Следует отметить, что понятие электронного правосудия, которое в других государствах называется e-justice, стало неотъемлемым элементом общественной жизни. Изучив электронное правосудие других государств, электронное правосудие в РФ сможет избежать большого количества неверных решений и имплементировать позитивную практику [1].

В США для получения электронного доступа к судебным данным были разработаны платформы Public Access to Court Electronic Records (PACER) и Case Management / Electronic Case Files (CM/ECF), через которые можно подать документы в суд [2]. Важно подчеркнуть, что, в Америке за получение судебных сведений необходимо платить, в отличие от нашей страны (к примеру, Мой арбитр, ГАС «Правосудие»). Прибыль, получаемая от платежей, позволяет обслуживать и поддерживать информационные системы и возмещать иные затраты в сфере электронного правосудия.

Платформа PACER предлагает перечень заявлений, которые были приняты судом, и дает возможность отслеживания процесса рассмотрения дел и вынесения решений. Также гражданин может узнать, на какой день назначено то или иное заседание.

CM/ECF представляет собой комплексную систему, позволяющую управлять делами Федеральной судебной системы. В частности, она позволяет судам вести электронные дела, принимать заявления и находить документы в онлайн-режиме.

Для того чтобы получить доступ к судебным сведениям, следует пройти регистрацию в PACER. Для того чтобы направить документы в электронном формате, до недавних пор нужно было зарегистрироваться в том числе в ECF. На сегодняшний день можно использовать новую платформу управления делами. Она дает возможность зарегистрироваться единожды и впоследствии через эту учетную запись получить доступ как к судебным материалам и направлять электронные заявления. Однако далеко не все суды стали пользоваться этой системой. Все данные о судах и системах, которые ими применяются, размещаются на сайте. Также предусмотрен бесплатный обучающий сайт, разъясняющий особенности функционирования PACER, он может быть просмотрен перед началом регистрации. Кроме того, можно воспользоваться ссылкой на детальную инструкцию для пользователей. Это позволяет обеспечить более удобный, легкий и быстрый доступ к системе.

Разработка систем осуществлялась на основании законодательства и требований безопасности. В связи с этим процесс управления платформами является децентрализованным. У федеральных судов есть свои персональные серверы, что весьма важно, в том числе, технически.

В государствах Европейского союза (ЕС) уровень развития электронного правосудия разный. Евросоюзом была разработана платформа электронного правосудия [3] и платформа «Электронное правосудие. Автоматическая обработка» [4]. Эти ресурсы содержат актуальные сведения о том, какие информационные технологии применяют государственные суды.

В большинстве государств при применении информационных технологий в судопроизводстве вносятся изменения в законодательство. При этом в некоторых государствах коммуникационные каналы связи, к примеру, Интернет, задействованы во всех видах судебного процесса, а в остальных – только в определенных [5].

В качестве примера можно привести Эстонию, в которой используют информационную систему электронного судопроизводства (e-toimic – e-File proceedings information system). Эта платформа может применяться для начала судебного разбирательства, подачи документации, апелляции в рамках административного или гражданского процесса. При подаче процессуальной документации необходимо использовать электронную подпись. В рамках уголовного процесса может быть предоставлена документация по судебному разбирательству. Подача платежных поручений и претензий в сфере технического обслуживания возможна лишь в интернете. Это указывает на то, что информационные технологии развиты в достаточной степени, а граждане готовы использовать эти технологии.

Для того чтобы подать судебный иск, следует заполнить специальные формы. Это упрощает дело и обеспечивает более свободный доступ к правосудию. Формы могут отличаться в зависимо-

сти от того, к какому виду относится производство и ходатайство. Однако формат остается одинаковым.

Для входа в сервис следует использовать ID-карту либо мобильный идентификатор (Mobile-ID). Доступ можно получить лишь к делам и информации пользователя, который вошел по своему идентификатору. Чтобы обеспечить безопасную передачу информации, разработчики предусмотрели национальную информационную систему X-Road.

Вручение решений и определений суда, повесток может тоже осуществляться в электронном формате или при помощи информационной системы. В этом случае дата их открытия фиксируется в автоматическом режиме или же посредством электронной почты пользователя, которому необходимо оповестить суд о том, что он получил их.

Следует сказать о возможностях подачи исковых заявлений в электронном формате в Чехии. Так, иск должен быть заверен при помощи квалифицированной электронной подписи, после чего он направляется на электронную почту через портал ePodatelna или же непосредственно на электронный адрес соответствующего суда. Также документы могут подаваться посредством специальных электронных хранилищ - сети информационных ящиков данных (data box), имеющиеся во всех судах. Их идентификаторы размещаются на портале Государственного управления. Также иск может быть подан и в почти бумажном формате – через электронную почту, не используя электронную подпись. При этом на протяжении трех дней заявитель обязан предоставить печатную версию или же использовать приведенные ранее способы.

Нельзя обойти вниманием электронную систему судопроизводства в Сингапуре. Эту систему начали разрабатывать еще в конце прошлого века. В 2000 году эта система электронной подачи документов (Electronic Filing System EFS) была внедрена. Она позволяла подавать судебные документы и вести судебное дело в электронном виде посредством сети Интернет, создавать электронное дело, в которое заносятся новые данные, документы, каждый этап судебного процесса, определения суда. Есть возможность поиска открытой информации по рассмотренным делам [6]. Все это можно делать с личного компьютера, при наличии доступа в Интернет. Но она предназначена в большей степени для юристов и адвокатов.

Следующим шагом использования преимуществ информационных технологий была разработка и внедрение интегрированной системы электронных судебных разбирательств (eLitigation) [7]. Ей было уделено внимание в докладе «Ведение бизнеса 2016» [8]. В этой системе с помощью управления информацией и электронных форм судебным пользователям предлагается единая точка доступа для активного участия в деле во время всего судебного процесса. Доступ к системе осуществляется через сайт www.elitigation.sg, авторизоваться можно с помощью пароля для доступа к сайтам государственных услуг (SingPass) или зарегистрироваться как иностранный пользователь. Фактически эта система является переходом от электронной подачи документа к системе электронного судопроизводства, в котором центральное место занимает не документ, а дело.

Судебные документы с 2016 года в Сингапуре могут передаваться ответчику через Facebook, Skype или интернет-форумы, а также мессенджеры, связанные с номерами телефонов (WhatsApp, Viber и др.) [9].

Активно развивается электронное правосудие в Китае. В судах уже созданы онлайн сервисные платформы. Нужно только зайти на сайт соответствующего верховного суда, перейти на страницу создания иска, выбрать суд в нужном административном округе и, следуя подсказкам, заполнить форму, загрузить идентификационные данные и доказательства и отправить в суд. Процесс рассмотрения может отслеживаться заявителем.

В декабре 2019 года появилось сообщение о разрешении Верховным судом КНР проводить онлайн судебные заседания на специальной платформе WeChat с помощью искусственного интеллекта. Но пока таким способом рассматриваются только дела, касающиеся электронной коммерции и авторских прав [10, 11].

На сайте Верховного народного суда КНР (<http://www.court.gov.cn/>) 10 сентября 2020 года появилась новость о создании Национальной платформы по исполнению постановлений и правовому надзору.

Создание такой платформы направлено на совершенствование использования информационных технологий, стандартизацию правового надзора, укрепление сотрудничества и обмен информацией между судебными органами.

Таким образом, развитие электронного правосудия во всех странах – это необратимый процесс, который должен способствовать доступности, открытости, гласности правосудия. Но чтобы инфор-

матизация судебных органов выполнила эти задачи, необходимо развитие информационных технологических инфраструктур, систем связи, повышение информационной грамотности населения. Для более широкого доступа к судебным разбирательствам подача заявлений должна быть организована в виде заполнения интерактивных форм, а в судебных информационных системах должны быть реализованы технологии бесшовной интеграции с современными приложениями для коммуникации пользователей, такими как мессенджеры, соцсети и т.д.

Список литературы

1. Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия // Вестник Поволжского института управления. 2019. Том 19. № 6. С. 36–47.
2. Case Management/Electronic Case Files. URL: <https://www.pacer.gov/cmecf/>
3. Портал электронного правосудия стран Европейского союза. URL: http://ec.europa.eu/justice/criminal/european-e-justice/index_en.htm.
4. European e-Justice Portal. Automatic processing. URL: https://e-justice.europa.eu/content_automatic_processing-280-en.do.
5. Мошков Е.А. Содержание электронного правосудия в России и зарубежных странах // Проблемы права. 2015. № 4 (52). С. 148–152.
6. Гулемин А.Н. На пути к электронному государству: зарубежный и международный опыт электронного правосудия // Право и политика. № 12 (192). 2015. С. 1714–1718. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.12.17059.
7. Integrated Electronic Litigation System. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Integrated_Electronic_Litigation_System.
8. Оффшор Сингапур в 2016 году в очередной раз стал лучшей страной по легкости ведения бизнеса. URL: <https://internationalwealth.info/offshore-jurisdictions/offshore-singapore-in-2016-becomes-bet-country-for-ease-of-doing-business/>
9. Оффшор Сингапур расширяет спектр использования новых технологий в судебном производстве. URL: <https://internationalwealth.info/offshore-legislation-acts/singapore-and-unique-electronic-courts-of-justice/>
10. В Китае узаконили судебные приговоры, выносимые искусственным интеллектом. URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.trud.ru%2Farticle%2F12-12-2019%2F1383981_v_kitae_uzakonili_sudebnye_prigovory_vynosimye_iskusstvennym_intellektom.html.
11. Лолаева, А. С. Вопросы электронного правосудия в эпоху цифровизации / А. С. Лолаева // Государство и право в цифровую эпоху: Материалы международной научно-практической конференции Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 г., Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 года / Е. В. Трофимов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – С. 108-113.

УДК 342.55

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Хугаева Р.Г. – к.ю.н., доцент кафедры публичного права и органов власти
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. Данная статья посвящена информационным технологиям на влияние территориального общественного самоуправления, благодаря которому процессы местного самоуправления стали более эффективными и приближенными к гражданам. Рассмотрены основные проблемы, связанные с цифровой трансформацией местного сектора.

Ключевые слова: демократия, институт территориального общественного самоуправления, проблема развития территориального общественного самоуправления, средства самообложения граждан, информационно-коммуникационные технологии, Интернет

Актуальность темы продиктована сегодняшним состоянием территориального общественного самоуправления, наличием многих проблем в данной сфере, без решения которых эта форма народовластия не раскроет свой потенциал.

В ст. 27 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» установлено, что под территориальным общественным самоуправлением понимается самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, муниципального округа, городского округа, внутригородского района, а также в расположенных на межселенной территории населенных пунктах (либо на части их территории) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения [1, ст.27.п.1].

Эффективность работы органов местного самоуправления в значительной мере зависит от степени активности участия местного сообщества в управлении муниципальным образованием. Важным условием успешного социально-экономического развития муниципальных образований (поселений) становится формирование и деятельность территориального общественного самоуправления (ТОС).

Реализуя свои полномочия, ТОСы при поддержке органов местного самоуправления осуществляют благоустройство территорий, асфальтирование дорог, вырубку аварийных деревьев, ликвидируют несанкционированные свалки. Организуют культурно-массовые, праздничные мероприятия, спортивные соревнования.

Актуальность проблемы связана с такими вопросами как:

1. Низкая активность граждан по инициированию и созданию органов территориального общественного самоуправления. Объясняется нежеланием выполнять общественные функции без материального стимулирования.

2. Низкий уровень информированности жителей о возможности формирования территориального общественного самоуправления, его полномочиях и возможной деятельности.

3. Сложность процедуры регистрации ТОСа. Собрание граждан по вопросам организации и осуществления территориального общественного самоуправления считается правомочным, если в нем принимают участие не менее половины жителей соответствующей территории, достигших шестнадцатилетнего возраста.

Практика проведения таких собраний (конференций) показывает, что весьма непросто обеспечить участие в них более 50 процентов зарегистрированных избирателей, проживающих на данной территории (или 2/3 делегатов, действующих от их имени). Собрания и конференции, проведенные с нарушением этой правовой нормы, неправомочны, а избранный орган – нелегитимен [1, ст.27].

4. Отсутствие финансовых средств на поддержку органов территориального общественного самоуправления в бюджетах муниципальных образований.

В муниципальных нормативных актах не предусмотрены средства, направленные на поддержку и развитие территориального общественного самоуправления. Территориальное общественное самоуправление в соответствии с его уставом может являться юридическим лицом и подлежит государственной регистрации в организационно-правовой форме некоммерческой организации.

Регистрация ТОС в форме некоммерческой организации позволяет принимать участие в различных конкурсах и получать гранты на развитие своей территории, получать государственные субсидии. Кроме того, зарегистрированный ТОС может получать муниципальные заказы на благоустройство, самостоятельно определять исполнителя работ на своей территории. Зарегистрированный ТОС имеет право аккумулировать финансовые средства и направлять их на реализацию своих мероприятий, а также иметь в собственности имущество.

В европейских странах разрабатывают различные проекты в целях активизации участия граждан в местном самоуправлении, в частности в принятии ими политических и хозяйственных решений. С этой целью в работе муниципалитетов широко используются возможности Интернета, в частности различных социальных сетей. Граждане, как считают власти Норвегии, должны активнее вовлекаться в выборный процесс и иные механизмы местного самоуправления. Муниципалитеты Норвегии запустили голосование через интернет, данная процедура позволит привлечь большее число жителей местных сообществ к участию в собраниях, конференциях граждан по вопросам местного значения, а также облегчить процедуру голосования для лиц с ограниченными возможностями [2, стр. 86-90]. В Норвегии создано уникальное агентство, целью которого является усиление использования информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в государственном и местном управлении. Агентство, известное как Агентство государственного управления и электронного правитель-

ства (Difi), стремится повысить эффективность государственного управления. Это агентство предоставляет консультации по цифровому администрированию министерствам, ведомствам и органам местного самоуправления. Местные органы власти (муниципалитеты) в Норвегии применяют цифровое администрирование в разной степени. Только половина муниципалитетов и окружных муниципалитетов Норвегии имеет стратегию в области ИКТ, которая была обновлена за последние два года; среди тех, у кого есть стратегия, чаще всего включается использование ИКТ в школах; инфраструктура и безопасность также включены большинством муниципалитетов. Электронная обработка обращений клиентов и коммуникаций используется в 84% муниципалитетов и 94% уездных муниципалитетов Норвегии.

Швеция имеет давние традиции местного самоуправления. Но в то время как муниципалитеты имеют право предоставлять большие общественные услуги по своему усмотрению, они обязаны по закону и постановлениям предлагать ряд основных услуг. Иммигранты, прожившие в Швеции не менее трех лет, имеют право голосовать и баллотироваться на выборах в местные органы власти. Чтобы город развивался вместе со своими жителями, необходима децентрализованная рабочая модель. Поэтому решения, например, о парковке или уходе за детьми, могут приниматься ближе к жителю – территориальное общественное самоуправление. Во многих случаях жители могут высказать свое мнение через офис своего районного совета или через Интернет. Местные органы власти, Швеции, в последние годы разрабатывают электронное пространство, так как они в первую очередь связывают преимущества ИКТ с предоставлением муниципальных услуг, например, сайты местных органов власти предоставляют информацию об услугах и самообслуживании.

В Турецкой Республике активную роль в работе низовых, традиционных форм местного самоуправления играет Совет старейшин, состоящий из выборных, а также неофициальных членов, таких, например, как учителя, врачи, служители культа (имамы). Совет рассматривает бюджет, представляемый главой администрации, и контролирует его исполнение, разрабатывает программу и определяет приоритеты развития поселения, может налагать санкции на жителей, нарушающих традиции и порядок, или не выполнивших взятых на себя обязательств [3, стр. 18-24].

Муниципалитеты Турции используют услуги электронного муниципалитета в рамках приложений электронного правительства, чтобы предоставлять местные государственные услуги и сообщать о них своим гражданам. Согласно информации, облегчая местные услуги, получаемые из центра, муниципалитет обслуживает своих граждан по многим вопросам с использованием информационных технологий. Эти услуги могут быть перечислены как страховой центр, платежи по налогу на рекламу, инфицированные отходы, налог на регистрацию транспорта, налог на регистрацию такси и подобных такси, лицензия на эксплуатацию служебного транспортного средства, административный штраф, налог на проживание, арендные платежи.

Муниципалитет Измира создал «Коммуникационный центр Freeman, формы спроса», чтобы иметь спрос и предложения по услугам. Доступ к муниципалитету в течение 24 часов предоставляется этой информационной системой свободного человека [4, стр. 47-57].

В префектурах Японии все больше и больше местных сообществ, основанных на гражданах, решают свои социальные проблемы в своих городах, используя преимущества ИКТ (Civic Tech). Эти сообщества и организации укрепляют отношения друг с другом, чтобы обмениваться знаниями и информацией между собой. Кроме того, в последнее время эти местные сообщества стремятся к продолжающемуся сотрудничеству с центральным правительством и местными органами власти посредством ИКТ и данных в соответствии с законодательством.

«5374.jp» (называемый «Gomi-Nashi.jp», что в переводе с японского означает «без мусора») – это веб-приложение, разработанное Code для Канадзавы, одной из организаций Civic Tech, базирующейся в Канадзаве, префектура Исикава. 5374.jp покажет, как и когда правильно выбрасывать мусор, чтобы помочь новым домохозяйствам легко найти нужную информацию на основе данных (часто не открытых данных, распечатанных на бумаге или загруженных в формате PDF), опубликованных местными органами власти, если вы выберете район, в котором вы живете и день недели [5].

Сообщества гражданских технологий как в городе Кобе, так и в городе Кавасаки улучшили открытый исходный код 5374.jp для многоязычия для иностранцев и внесли дополнительные улучшения.

Обычно при разработке такого рода услуг в каждой проектной группе муниципалитета в Японии потребуются затраты на разработку в миллионы иен (тысячи долларов) для каждого муниципалитета. Таким образом, благодаря 5374.jp смогли добиться как улучшения госуслуг, так и сокращения бюджета для граждан.

В международной практике широко используется такой вид местных доходов, как средства самообложения граждан. В нашей стране средства самообложения граждан находят свое закрепление в ст. 56 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Самообложение помогает эффективно решать отдельные вопросы местного значения, наиболее актуальные для конкретных муниципальных образований, в основном связанные с развитием и обустройством территории. Необходимо отметить продолжающийся рост поступлений в местные бюджеты средств самообложения граждан. В 2021 году объем указанных средств вырос на 92,3% относительно показателя 2020 года и составил 582,7 млн. рублей. География введения самообложения включает в себя 36 регионов (в 2020 году механизм самообложения использовался в 34 субъектах Российской Федерации). При этом количество муниципальных образований, на территории которых использовалось самообложение, в 2021 году сократилось с 2413 до 1451. Решение о вводе самообложения было принято в результате референдума в 593 муниципальных образованиях (в 2020 году – в 664), на сходе граждан – в 1650 (в 2020 году – в 1749). Количество сельских поселений, на территории которых введено самообложение, составляет 1290 (в 2020 году это количество составляло 2339), городских поселений – 21 (в предыдущем году – 56), городских округов – 18 (в 2020 г. – 16), муниципальных районов – 1 (так же, как в 2020 году), муниципальных округов – 6 (в 2020 году – 1) [6, стр.28-30].

Таким образом, происходит сокращение числа городских и сельских поселений, использующих механизм самообложения, при одновременном росте числа муниципальных образований других видов, внедряющих данный инструмент, и увеличение общего объема привлеченных средств. В структуре объема собранных средств в рамках самообложения по видам муниципальных образований лидирующее место занимают сельские поселения (537,9 млн. рублей или 92,3% от общей суммы). На долю городских поселений приходится 36,9 млн. рублей (6,3%), муниципальных округов – 7,0 млн. рублей (1,2%), городских округов – 0,8 млн. рублей (0,13%) и муниципальных районов – 0,2 млн. рублей (0,13%). Данная ситуация обусловлена сложностью реализации такого механизма на «крупных» территориях, таких как муниципальный район или городской округ. Вместе с тем, Федеральным законом от 05.12.2017 №389-ФЗ «О внесении изменений в статьи 25.1 и 56 Федерального закона «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации»» предусмотрена возможность введения самообложения не только во всем муниципальном образовании, но и на территории отдельного населенного пункта на сходе граждан. Самообложение введено на части территории 61 муниципального образования, в том числе в 58 сельских поселениях (Республика Башкортостан, Самарская область, Новгородская область), 2 городских поселениях (Республика Башкортостан и Новгородская область) и в 1 муниципальном округе (Новгородская область). В 2020 г. схема с введением самообложения на части территории была реализована в 20 муниципальных образованиях. Ожидается, что данный механизм приобретет еще большее распространение по мере реализации реформы местного самоуправления, предполагающей укрупнение муниципальных образований. Наибольший объем поступлений в 2021 году (97,0%) приходится на следующие девять субъектов Российской Федерации (таблица 1). Как можно увидеть из таблицы, основной объем средств самообложения собирается в двух регионах – Республика Татарстан и Республика Саха (Якутия) [7, стр. 30-32].

Основной прирост к общему объему средств самообложения в 2021 году обеспечила Республика Саха (Якутия) – данный показатель в регионе вырос по сравнению с предыдущим годом с 0,1 до 221,1 млн. рублей. По данным субъектов Российской Федерации, средства самообложения в 2021 году были направлены в основном на решение таких вопросов местного значения, как:

- дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах населенных пунктов поселения;
- организация в границах поселения водоснабжения населения;
- организация благоустройства территории поселения;
- организация ритуальных услуг и содержание мест захоронения;
- создание условий для массового отдыха жителей поселения.

Посредством привлечения средств самообложения граждан территориальное общественное самоуправление может решать вопросы по благоустройству и озеленению территории, организации детских и спортивных мероприятий и досуга детей, строительство детских площадок.

Успешность деятельности ТОС во многом определяется отношением к нему власти и наличием (отсутствием) разных механизмов и форм поддержки. Существуют самые разные институты под-

держки для уже созданных ТОСов и только формирующихся. Среди них, например, отделы ТОС в органах местного самоуправления, грантовая поддержка, которая является важнейшим источником поддержки инициатив жителей [8, 9].

Таблица 1

Субъект Российской Федерации	Объем средств самообложения, млн. рублей	Доля, %
Всего по Российской Федерации	582,3	100%
Республика Татарстан	300,0	51,5
Республика Саха (Якутия)	221,13	7,9%
Удмуртская Республика 9,8–1,7%	9,8	1,7%
Пермский край 8,1–1,4%	8,1	1,4%
Республика Башкортостан 6,8–1,2%	6,8	1,2%
Республика Мордовия 6,1–1,0%	6,1	1,0%
Кировская область 5,4–0,9%	5,4	0,9%
Самарская область 3,6–0,6%	3,6	0,6%
Липецкая область	2,3	0,4%

Основой решения многих проблем является преодоление правовой неграмотности людей, посредством привлечение средств массовой информации для разъяснения федерального, регионального законодательства о местном самоуправлении, разнообразных формах участия населения в решении вопросах местного значения. Организация плановых встреч населения с депутатами представительного органа местного самоуправления, муниципальными служащими. Обучающие семинары для населения по разъяснения ФЗ №131, разъяснительная работа с жителями. Обучение представителей ТОС – председатели территориального общественного самоуправления могут проходить обучение на базе высших учебных заведений по программе «Государственное и муниципальное управление», старшие по домам - повышать свои знания через систему семинаров. Создавать внутри территориального общественного самоуправления клубы по интересам, молодежные объединения, спортивные секции, детские и спортивные площадки. Это сплотит и активизирует местных жителей в решении местных вопросов стоящих перед территориальным общественным самоуправлением.

Одним из способов успешного развития территориального общественного самоуправления заключается в концепции развития умных городов, в первую очередь - современные технологии. Это могут быть умные лампы, которые будут предоставлять информацию жителям о состоянии воздуха или о местах для парковки, умные скамейки, которые обеспечивают подключение к Интернету. Интеллект города также отражается в умных зданиях. Не менее важный аспект развития умных городов связан с процессом их управления, который в первую очередь базируется на законодательстве. Чтобы иметь возможность эффективно выполнять свои задачи, местные органы власти также должны эффективно управляться. При этом необходимо не забывать о правовом регулировании использования информационных систем в государственном и местном управлении, а также соблюдение кибербезопасности населения и органов власти.

Список литературы

1. Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер.закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 23.11.2021).- Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения 02.02.2023).
2. Ракитская И.А. Электронное голосование: опыт Нидерландов и Норвегии / И.А. Ракитская // Право и образование. – 2017. – №4. – С. 83-91.
3. Асламурзаева, М. О. Территориальные органы местного самоуправления: проблемы развития. Зарубежный опыт / М. О. Асламурзаева, Б. Г. Койбаев // Актуальные проблемы права: сборник научных статей магистрантов / Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет). Том Выпуск 2. – Владикавказ: Терек, 2018. – С. 18-24.

4. Международный журнал бизнеса и правительственных исследований Том 4, №2, 2012 г. [Электронный ресурс] <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/257141> (дата обращения 10.02.2023).

5. Новый подход к улучшению нашего общества с помощью Civic Tech и открытых данных [Электронный ресурс] <https://medium.com/code-for-japan/a-new-approach-to-improve-our-society-f6de9c3943d> (дата обращения 02.02.2023).

6. Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2020 год от 28.06.2021 г. [Электронный ресурс]: Результаты мониторинга местных бюджетов. - Режим доступа: https://www.minfin.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/monitoring_local/results/ (дата обращения 02.02.2023).

7. Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2021 год от 29.06.2022 г. [Электронный ресурс]: Результаты мониторинга местных бюджетов. - Режим доступа: https://www.minfin.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/monitoring_local/results/ (дата обращения 02.02.2023).

8. Лолаева, А. С. Принципы организации местного самоуправления / А. С. Лолаева // Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. Том I. Часть II. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 247-249.

9. Лолаева, А. С. Современные подходы к определению принципов местного самоуправления / А. С. Лолаева // Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. Том I. Часть II. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 249-251.

УДК 347.1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В ОБЛАСТИ ПРИЗНАНИЯ ГРАЖДАНИНА НЕДЕЕСПОСОБНЫМ

Айдарова Н.Г. – к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»,
г. Владикавказ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются отдельные теоретические и практические аспекты признания гражданина недееспособным. На примере судебных актов анализируются соответствующие положения гражданского и гражданско-процессуального законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: *признание гражданина недееспособным, судебное разбирательство, орган опеки и попечительства, судебно-психиатрическая экспертиза*

В соответствии с п. 1 ст. 29 ГК РФ гражданин, который вследствие психического расстройства не понимает значения своих действий или не руководит ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством.

Следует отметить, что по данным статистики ежегодно в суд поступает более 45 тыс. заявлений для признания граждан недееспособными, и с каждым годом число заявлений только возрастает, из чего можно сделать вывод, что и показатели распространённости в России всех психических болезней ежегодно растут. Например, за последние 45 лет число психического недоразвития возросло почти в 30 раз. Также, следует указать тот факт, что большинство заявлений о признании граждан недееспособными подлежит удовлетворению (от 90 до 95% в различные периоды) [1].

Согласно п. 2 ст. 281 ГПК РФ заявителями в суде для признания гражданина недееспособным могут быть:

- члены его семьи, близкие родственники (к близким родственникам закон относит только родителей, детей, братьев, сестер) независимо от совместного с ним проживания;

- орган опеки и попечительства;
- медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь;
- стационарное учреждение социального обслуживания для лиц, страдающих психическими расстройствами.

Указанный круг лиц, имеющих право обратиться в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным, является исчерпывающим. Если заявителем является лицо, не названное в приведенной норме ГПК РФ, в удовлетворении его требований должно быть отказано в силу прямого указания закона.

В случаях, когда стороны в рамках судебного разбирательства испытывают взаимную неприязнь, что свидетельствует о наличии конфликта между ними, целесообразно отразить данный факт в заявлении, либо в отзыве (возражении) на поданное заявление. Доказательствами имеющегося конфликта могут быть как зафиксированные фактические обстоятельства (например, переписка или фото, видео конфликта), либо показания свидетелей. Особое внимание следует обратить на документальные доказательства конфликта, в частности, таковыми можно считать заявление в правоохранительные органы (например, Апелляционное определение Московского городского суда от 16.03.2018 г. по делу № 33-10695/2018).

Важную роль в рассмотрении судом споров о признании гражданина недееспособным играет предвзятость или корыстный интерес заявителя. В частности, в случаях, когда заинтересованное лицо является собственником имущества, зачастую присутствует корыстный интерес со стороны лица, заявляющего требование о признании гражданина недееспособным. В таких ситуациях заинтересованному лицу (или его представителю) следует указать на имеющуюся у него собственность, тем самым оградив корыстный интерес со стороны заявителя.

Очевидно, что предметом доказывания в рамках рассмотрения заявления о признании является наличие у лица психического заболевания. В этой ситуации основной защитной линией заинтересованного лица в рамках рассмотрения спора является представление суду доказательств, свидетельствующих об отсутствии у лица такого недуга. Такие доказательства, как правило, представляются в виде медицинских справок, выписок, свидетельствующих о том, что данное лицо не состоит на учете в психиатрических учреждениях. Кроме того, суд также обращает внимание на свидетельские показания. В случаях, когда несколько свидетелей заявляют о том, что лицо не имеет видимых признаков психического заболевания, суд принимает это во внимание.

Вместе с тем, очевидно, что важнейшей составляющей дела о признании гражданина недееспособным является проведение судебно-психиатрической экспертизы. В случае отказа гражданина от прохождения экспертизы ГПК РФ закрепляет право суда на направление лица, в отношении которого возбуждено дело, на проведение такой экспертизы в принудительном порядке (статья 283 ГПК РФ). Вместе с тем, судом не всегда принимается такое решение [2].

Практика рассмотрения дел о признании гражданина недееспособным знает случаи, при которых в ситуациях отказа лица от прохождения судебно-психиатрической экспертизы, суд может не воспользоваться правом, наделенным статьей 283 ГПК РФ. Так, в одном из рассмотренных Московским городским судом дел, суд принудительно не направил отказавшегося от прохождения экспертизы гражданина. Решение суда объясняется тем, что заинтересованное лицо, представило суду справку о прохождении медицинского осмотра врачом психиатром в психоневрологическом диспансере, а также выписку о том, что никогда не состояло на учете в данном учреждении (Апелляционное определение Московского городского суда от 16.03.2018 г. по делу N 33-10695/2018).

На практике может сложиться такая ситуация, когда психически больной является лицом без гражданства или гражданином государства, не имеющего с Россией договора о правовой помощи. Рассматриваемое обстоятельство является основанием к тому, чтобы обратиться к специальным нормам ГК РФ. В отношении их действует принцип территориальности [3]. В соответствии с п. 3 ст. 1197 ГК РФ, признание в Российской Федерации физического лица недееспособным подчиняется российскому праву. Вопрос о возможности признания иностранного гражданина недееспособным в России решается следующим образом. Гражданское законодательство нашей страны оставляет для таких лиц возможность стать гражданином РФ - заявление о приеме в гражданство Российской Федерации недееспособного лица, над которым установлены опека или попечительство, подается соответственно родителем ребенка, опекуном или попечителем, имеющими гражданство Российской Федерации [4].

Можно сделать вывод, что суд вправе признать недееспособными лиц от четырнадцати лет, причем как являющихся гражданами Российской Федерации, так, в некоторых определенных случа-

ях, иностранных граждан и лиц, не имеющих гражданства, а иностранные недееспособные граждане могут быть приняты в гражданство РФ в установленных законом случаях.

Нельзя недооценивать ту важность, которую представляет изучение недееспособности со стороны ее сущности и распространения на различные категории лиц. Суть подобного рассмотрения, изучения состоит в необходимости осветить все сферы, а так же все категории лиц, для которых процедура признания недееспособным может послужить самым лучшим и гарантированным правовыми нормами способом защиты прав.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022 г.) // Российская газета. № 238-239, 08.12.1994 г.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. № 220, 20.11.2002 г.
3. Гражданское право: учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. 1. С. 528.
4. Шутова В.И. Некоторые вопросы применения норм о признании гражданина недееспособным и пути их решения // Отечественная юриспруденция. 2021. № 4. С. 60.

УДК 342.5

ПРОБЛЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Каллагов Т.Э. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного права (SPIN-код 8440-2735)
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Хатагова И.А. – старший преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. В апреле 2020 года в результате пандемии и нехватки государственных ресурсов появилась необходимость более широкого спектра внедрения цифровых технологий в систему государственного управления. В настоящей статье освещены отдельные проблемы электронного предоставления государственных услуг в российской федерации в условиях пандемии.

Ключевые слова: пандемия, услуги, электронные услуги, органы власти, цифровые технологии, информационно-коммуникационные технологии, цифровая связь, блокчейн, Интернет

В апреле 2020 года в результате пандемии и нехватки государственных ресурсов появилась необходимость более широкого спектра внедрения цифровых технологий в систему государственного управления. На основе данной информации можно сделать вывод о высокой актуальности данной темы, так как в сложившейся ситуации распространения коронавирусной инфекции граждане не могли получать необходимые им услуги и вынуждены были обращаться к электронным услугам. Но при этом возникает проблема, что далеко не все граждане могут использовать информационные технологии, поскольку не имеют возможности и не умеют ими пользоваться. По этой причине они не могли пользоваться государственными (муниципальными) услугами в период пандемии [1]. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 7.05.2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» планировалось постепенно внедрять цифровые технологии и платформенные решения в сфере государственного управления и оказания государственных услуг, в том числе в интересах населения и субъектов предпринимательства.

Для того чтобы была возможность расширить спектр цифровых технологий в системе государственного и муниципального управления, а соответственно и расширить количество и качество предоставляемых услуг, необходимо было:

- закупить новое компьютерное оборудование в органы власти, поскольку их первоначальное количество не позволяло в полной мере осуществлять работу сотрудникам;

- помимо закупки оборудования, появилась необходимость провести обучающие лекции для сотрудников, так как не все умели в полной мере осуществлять работу с помощью цифровых технологий;

- для того, чтобы избежать скопления людей около зданий МФЦ, необходимо было развить доставку на дом готовых документов (но осуществлялось это не везде), а также информировать граждан о том, что основная часть услуг будет осуществляться именно с помощью цифровых технологий [2].

Предоставление государственных (муниципальных) услуг в электронной форме осуществляется с помощью использования информационно-телекоммуникационных технологий, включая использование единого портала государственных и муниципальных услуг и (или) региональных порталов государственных и муниципальных услуг. Единый портал государственных и муниципальных услуг - это государственная информационная система, обеспечивающая предоставление государственных (муниципальных) услуг в электронной форме. Она предоставляет доступ заявителей к сведениям о государственных (муниципальных) услугах, предназначенным для распространения с использованием информационно-телекоммуникационной сети интернет и размещенным в государственных и муниципальных информационных системах, обеспечивающих ведение реестров государственных и муниципальных услуг. Единый портал госуслуг был запущен 10 лет назад, но никогда не пользовался таким высоким спросом у жителей, как это было во время пандемии. В настоящее время на портале госуслуг зарегистрировано около 90 миллионов человек, что составляет более половины всех граждан России [3].

Если исключить потенциальные группы населения, не пользующиеся интернетом и, следовательно, порталом, мы можем сделать вывод, что почти все граждане, пользующиеся интернетом, зарегистрированы на этом портале и пользуются услугами, предлагаемыми на нем. Но, несмотря на то, что портал работает так долго, некоторые пользователи все еще сомневаются в безопасности своих личных данных. На этом портале можно получить большое количество услуг, от справки об отсутствии судимости до получения паспорта. Самоизоляция из-за ухудшающейся эпидемиологической ситуации началась 30 марта 2020 года, что было сделано в связи с Указом Президента РФ №206 от 25.03.2020 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней», Указом Президента РФ №239 от 02.04.2020 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», Указом Президента РФ №294 от 28.04.2020 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

Из-за сложившейся ситуации жители не смогли получать большую часть государственных и муниципальных услуг. Изначально были попытки сохранить работу МФЦ, но в них собиралось огромное количество людей, поэтому о соблюдении дистанции не могло быть и речи, поэтому они были вынуждены прекратить работу и принимать и выдавать документы только по предварительной записи [4]. Почему изначально были введены цифровые сервисы? Первоначально основным мотивом внедрения цифровых технологий было повышение эффективности. Государственные учреждения оцифровали свои услуги, чтобы решать новые задачи или выполнять стандартные функции быстрее и дешевле. Но с пандемией появилось еще одно преимущество цифровых технологий - возможность минимизировать физический контакт. Внезапно усилилась еще одна тенденция - снижение приватности и беспрецедентный контроль над гражданином государства.

Также был создан новый вид электронных государственных услуг, сгруппированный по жизненным ситуациям, имеющий название суперсервисы. Они позволяют жителям обойтись без личных посещений организаций. В дальнейшем планируется, что услуги будут предоставляться автоматически при выявлении оснований для их получения, без запроса заявителя. В связи со всем вышесказанным жители всё чаще стали прибегать к использованию специальных сервисов, а также электронной подписи при необходимости подписания документов [5].

Еще до пандемии государство пыталось оцифровать предоставление государственных (муниципальных) услуг, а введение режима самоизоляции, в свою очередь, ускорило этот процесс. Например, на портале Федеральной налоговой службы есть раздел «Поддержка бизнеса», где можно узнать, какие меры принимаются для поддержки налогоплательщиков при снижении деловой и потребительской активности из-за угрозы заражения коронавирусом. Для малого и среднего бизнеса разработан портал «Мойбизнес.рф», содержащий актуальную информацию о мерах по поддержке малого и среднего предпринимательства в условиях пандемии, который действует как на федеральном, так и на региональном уровне. Портал содержит следующие разделы:

- антикризисные меры для бизнеса;
- онлайн-сервисы по организации удаленной работы;
- горячие линии для консультаций с МСБ;
- цифровая платформа - предлагать предпринимателям услуги в электронной форме.

Возвращаясь к единому portalу государственных (муниципальных) услуг, хочется сказать, что директор по коммуникациям АНО «Цифровая экономика» Олег Полетаев указал на тот факт, что за время карантина аудитория portalа госуслуг возросла в 3 раза, а именно до 9 млн. чел в сутки. Самыми востребованными услугами portalа стали: единовременное пособие на детей от 3 до 16 лет; цифровые пропуска для сотрудников различных компаний; оформление выплат и пособий по безработице; дневник наблюдений за здоровьем и сбор сведений о гражданах, нуждающихся в помощи из-за влияния коронавируса. Но всё оказалось не так радужно, ведь порталы не были подготовлены к такому наплыву запросов, поэтому осталось много негативных мнений на этот счёт. Например, очень негативно люди отзывались о системе электронных пропусков, так как их получение не всегда было возможно через портал, поэтому собирались очереди больше сотен человек за ними в кассы метрополитена [6]. Сроки оказания услуг на данном portalе также увеличивались на несколько дней с заявленных на portalе.

Также при объявлении Президентом РФ о денежных выплатах семьям с детьми на портал выросла нагрузка в несколько раз, поэтому зайти на него и воспользоваться какой-либо услугой не предоставлялось возможным около 2-3 дней, ведь в день объявления суточная нагрузка на портал выросла до 17 млн. человек. Но, несмотря на затянутые сроки, качество оказываемой услуги оставалось на высоком уровне.

В связи с введением режима самоизоляции граждан Российской Федерации государству пришлось идти на вынужденные меры связанные с необходимостью массового использования и расширения сферы электронных форм оказания государственных услуг. Применение данной формы взаимодействия с властными органами осуществлялось и ранее, однако использовалось преимущественно молодёжью или людьми среднего возраста, которые в силу особенностей профессиональной деятельности обрели навык работы с электронным документооборотом и взаимодействия с государственными и муниципальными службами посредством сети Интернет.

Ограничительные меры, повсеместно введенные на всей территории Российской Федерации в 2020 году, которые затруднили доступ граждан к получению «живых» государственных услуг, одновременно способствовали их ускоренному переводу на Интернет-платформы, включая пролонгирование льгот для определенных категорий граждан, оформление карт техосмотра транспортных средств и т.д. Благодаря тому, что сегодня персональные компьютеры находятся на столах чиновников всех уровней, удалось в короткое время осуществить перевод государственных услуг в электронную форму, создав работоспособную систему электронного правительства (англ. e-Government).

Последнее представляет собой особую форму взаимодействия государственных органов с гражданами и организациями посредством информационно-коммуникационных технологий, что способствует обеспечению доступа граждан к наиболее востребованным государственным услугам. Е.М. Малитиков отмечает, что «Электронное правительство» позволяет минимизировать личное взаимодействие между государством и заявителем и перевести органы государственного управления на более качественный уровень работы с народом [7]. Особенности и порядок использования информационно-коммуникационных технологий при предоставлении государственных услуг заключаются в следующем. Лицо, желающее получить государственную услугу, должно зарегистрироваться на соответствующем сайте государственного органа. После этого он заполняет соответствующую форму и отправляет электронное заявление в орган власти. Каждому заявлению автоматически присваивается определенный уникальный номер. Данное заявление тут же отображается в рабочем кабинете государственного служащего, ответственного за оказание соответствующей услуги. Согласно законодательству, органы власти и управления обязаны предоставить услугу или направить мотивированный отказ в ее предоставлении в тридцатидневный срок [8]. Этот срок является общим и распространяется на оказание государственных услуг в электронном виде. Услуга либо мотивированный отказ в ее предоставлении оказываются в электронной форме, за исключением случаев необходимости личного присутствия лица на определенном этапе ее предоставления. Например, это получение документа, удостоверяющего личность или фотографирование на удостоверение. Заявление об оказании государственной услуги с использованием информационно-коммуникационных технологий, и ответ на него, подготовленный должностным лицом, сохраняются в единой электронной базе для

обеспечения возможности в дальнейшем установить и проверить обоснованность претензий сторон, проверить корректность данных, достоверность информации и т.д.

Электронное заявление лица, обратившегося за получением государственной услуги, после поступления в соответствующий орган власти обрабатывается; адресату отправляется электронное письмо-уведомление, в котором имеется информация о присвоенном заявлению идентификационном номере, контактные данные должностного лица, в чью обязанность входит оказание государственной услуги либо подготовка ответа об отказе, а также период времени, необходимый для ответа в пределах законодательных границ. Порядок и сроки предоставления ответа на заявление контролируются Единым информационным центром, что позволяет обеспечивать своевременность при предоставлении государственных услуг в электронной форме. При неудовлетворенности гражданина оказанием государственной услуги в электронной форме, его заявление передается вышестоящему должностному лицу для рассмотрения.

При этом в случае несогласия с решениями государственных служащих на различных уровнях процедура рассмотрения заявки повторяется и вновь может перейти на более высокий уровень государственно-административного аппарата. Но и после принятия вышестоящим лицом решения об оказании государственной услуги, не удовлетворяющего заявителя, он может обратиться в суд за обеспечением предоставления ему соответствующей государственной услуги. Такая простота и оперативность передачи заявления лица независимо от внешних условий, таких как совпадение рабочего времени заявителя и режима работы организации, предоставляющей государственную услугу, болезнь и делает государственные услуги с использованием информационно-коммуникационных технологий все более популярными у населения, а деятельность электронного правительства – все более востребованной [9, 10]. Подобного рода система обеспечивает результативность и оперативность работы электронных форм работы с населением.

Информационно-коммуникационные технологии являются универсальными, а процесс их получения все более упрощается по принципу «в два клика». Эти технологии вкупе с действием принципа «одного окна» облегчают поиск, сбор и обработку информации, обеспечивают тесное взаимодействие между населением, организациями и государством, благодаря чему повышается эффективность и результативность работы государственных служащих, снижаются риски коррупционных проявлений и бюрократические препоны. Снижению рисков и повышению эффективности предоставления государственных услуг с использованием информационно-коммуникационных технологий может способствовать повышение профессиональной компетентности в области использования данных технологий государственных служащих путем повышения квалификации, обучения по дополнительным образовательным программам и самообразования.

На сегодняшний день систему оказания государственных услуг с использованием информационно-коммуникационных технологий можно считать сложившейся. В подавляющем большинстве они переведены в электронную форму предоставления. Поэтому сегодня уже не идет речь о необходимости расширения данного перечня государственных услуг (хотя в отношении региональных и муниципальных услуг это продолжает оставаться актуальным), а об уточнении стандартов качества их оказания с точки зрения пользовательского опыта. Благодаря применению современных информационных технологий обеспечивается полный жизненный цикл государственной услуги в электронном виде с момента подачи электронного заявления до гарантированного получения результата услуги или его обжалования.

Однако, важным остается тот факт, что не все возрастные и социальные группы населения готовы перейти к электронной системе оказания государственных услуг. Возникает потребность в повсеместном внедрении технологий и массовом обучении населения работе с современными средствами коммуникации и информационными порталами.

Таким образом, за время самоизоляции органы государственного (муниципального) управления были вынуждены перевести оказываемые ими услуги в электронный формат весьма резко, к чему, конечно, никто не был подготовлен, поэтому возникало некоторое количество проблем. Но при этом количество оказываемых электронных услуг увеличилось в разы, что, несомненно, является плюсом. И первоначальный мотив внедрения цифровых технологий, то есть повышение эффективности, сместился на возможность минимизировать физический контакт.

Список литературы

1. Киселева, Н. В. Принципы предоставления государственных и муниципальных услуг / Н. В. Киселева // Государственная власть и местное самоуправление. – 2017. – № 5. – С. 21-25.

2. Лолаева, А. С. Предоставление государственных и муниципальных услуг посредством информационно-коммуникационных технологий как элемент электронной (цифровой) демократии / А. С. Лолаева // Право и политика. – 2021. – № 12. – С. 89-101.

3. Бурнацева, З. М. Проблемы реализации социальной функции государства / З. М. Бурнацева // Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. Том I. Часть II. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 227-230.

4. Санакоева, Я. И. Человек в поликультурном пространстве современного мира / Я. И. Санакоева, И. С. Ханаев, Д. Т. Лолаева // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Межвузовского научно-практического семинара, Владикавказ, 05–06 декабря 2019 года. – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 5-12.

5. Лолаева, А. С. Формы и методы деятельности региональных органов власти и органов местного самоуправления в рамках правового регулирования предоставления ими услуг в электронной форме / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ во «Горский государственный аграрный университет». Том 57. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2020. – С. 248-250.

6. Дзидзоев, Р. М. Электронные услуги как разновидность государственных услуг / Р. М. Дзидзоев, А. С. Лолаева // Очерки новейшей камералистики. – 2021. – № 4. – С. 2-6.

7. Дрожжинов В.И., Райков А.Н. Веб-технологии, искусственный интеллект и когнитивное правительство // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2017. Т. 13. № 2. С. 153–169.

8. Лолаева, А. С. Взаимодействие федеральных и региональных органов власти и органов местного самоуправления в рамках предоставления услуг в электронной форме в РФ / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ во «Горский государственный аграрный университет». Том 57. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2020. – С. 252-54.

9. Терещенко Л. К., Услуги электронного государства // Электронное государство: правовые аспекты. 2017. С. 192–222.

10. Фарниев, В. В. О тенденциях понимания общественного сознания / В. В. Фарниев, Д. Т. Лолаева // Учитель создает нацию (А-Х.А. Кадыров): Сборник Материалов V международной научно-практической конференции, Грозный, 25 ноября 2020 года. – Махачкала - Грозный: Издательство «АЛЕФ», 2020. – С. 182-185.

УДК 342.5

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОРЯДКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ

Каллагов Т.Э. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Гадзацев А.А., аспирант кафедры философии и социально-гуманитарных технологий
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. В статье приведены некоторые рекомендации по повышению эффективности порядка предоставления государственных услуг в электронном виде. Качественные государственные услуги имеют решающее значение для жизни граждан, и обеспечение их предоставления является основной функцией правительства.

Ключевые слова: электронное правительство, услуги, электронные услуги, органы власти, цифровые технологии, информационно-коммуникационные технологии, цифровая связь, блокчейн, Интернет

Качественные государственные услуги имеют решающее значение для жизни граждан, и обеспечение их предоставления является основной функцией правительства. Опыт и знания, накоплен-

ные за несколько десятилетий, показали, что граждане и гражданское общество также играют важную роль в улучшении и предоставлении государственных услуг, в том числе в электронном виде.

Реформы открытого правительства могут улучшить существующие услуги и разблокировать идеи, знания и возможности для новых достижений и прорывов в области предоставления государственных услуг. Улучшение государственных услуг – меры, направленные на полный спектр услуг для граждан в том числе здравоохранения, образования, уголовного правосудия, водоснабжения, электроснабжения, телекоммуникаций и любой другой соответствующей области обслуживания, способствуя улучшению государственной службы или частного сектора инновации [1].

Задачи по улучшению государственных услуг, способна решить концепция «Открытого правительства». Концепция «Открытого правительства» заключается в том, что все больше правительств становятся более прозрачными, более подотчетными и более «дисциплинированными» для своих граждан, с конечной целью повышения качества управления, а также качества услуг, которые получают граждане. Граждане же хотят оперативное получение, на высоком уровне, государственных услуг. Мы уже не можем представить нашу жизнь без гаджетов, микроволновки, душа, стиральной машины и прочего. Точно также, как не можем представить жизнь без интернета, мобильного банка, социальных сетей [2].

В государственном секторе, представлено большое количество государственных услуг в различных категориях. Большая часть категорий государственных услуг представлено на портале «gosuslugi.ru»: Семья и дети; Паспорта, регистрация, визы; Транспорт и вождение; Образование; Налоги и финансы; Моё здоровье; Пенсия, пособия и льготы; Лицензия, справки, аккредитации; Квартира, строительство и земля; Безопасность и правопорядок; Работа и занятость; Культура, досуг, спорт; Бизнес, предпринимательство, НКО; Производство и торговля; Информация, связь и реклама; Природопользование и экология [3]. Как видно из списка, государственные услуги представлены в достаточно большом количестве категорий, что определенно неплохо для граждан, заявителей и государства. Однако для того, чтобы воспользоваться данными услугами необходимо пройти процесс регистрации, который занимает достаточное время для подтверждения данных, указанных при регистрации. Для оперативного обращения и получения указанных услуг на данном портале, гражданин должен заранее пройти процесс регистрации. Это определенно неудобно, при возникновении срочной необходимости. Как пример можно привести процесс замены водительского удостоверения, который сопровождается обязательной электронной записью и заполнением реквизитов документов на портале [4].

В государственном секторе не только один портал предоставляет государственные услуги, что в свою очередь также неудобно и неэффективно. Как пример, можно привести кабинет налогоплательщика. Для того, чтобы иметь доступ к данному кабинету, необходимо обратиться в территориальный налоговый орган, получить талон на очередь, отстоять ее и подождать пока госслужащий зарегистрирует заявителя в системе. Лишь после этого появится возможность воспользоваться электронными услугами в кабинете налогоплательщика [5].

Исходя из вышеописанного, можно определенно сказать, что государственные услуги представлены не единой платформой и процесс получения данных, сопровождается не упрощенной формой регистрации. Есть смысл в подобных процедурах в XX веке, но в XXI веке это не совсем приемлемо [6].

Идентификация и аутентификация граждан происходит по их часам, встроенных в руку. При таких условиях, гражданину при получении государственных услуг не придется отстаивать очереди, регистрироваться на порталах и ждать подтверждения регистрации. Механизм получения государственных услуг и услуг общего пользования совершенен. Аналогичная тема, представлена в фантастической мелодраме Мортена Тильдума «Пассажиры». В данной картине, автор демонстрирует нам, совершенный механизм получения услуг, аутентификации и идентификации заявителей. У граждан на руке имеется специальный браслет, с помощью которого робот/система с легкостью определяет необходимый перечень данных и возможность предоставления или отказа в получении услуг. Все вышеописанные фантастические идеи описывают механизм получения услуг, как что-то составляющее часть тела гражданина или уникальный браслет, позволяющий не иметь иных документов для получения желаемых услуг [7, 8].

В современном обществе гражданин обременен слишком большим количеством «уникальных» документов, которые в идею должны предоставить ему возможность получать услуги на основе данных документов. И, к сожалению, список этих документов только растет с течением времени.

В настоящее время, к примеру «карантинная неделя», в Москве рассматривается введение «карантинного часа», в связи с чем, можно будет выходить и входить в дом по уникальному QR – коду, присвоенному гражданину ранее после регистрации. Т.е. ни один документ, юридически закреплён-

ный за гражданином – не гарантирует ему право получения тех или иных услуг в условиях «Режима повышенной готовности к ЧС (чрезвычайной ситуации)»; «Режима ЧС»; «Режим ЧП (чрезвычайное происшествие)». Как показывает практика, шагая в ногу со временем, будут требоваться все новые «документы», позволяющие отслеживать, идентифицировать граждан, с целью предоставления безопасности и комфортного проживания, независимо от «режимов» и без таковых. На сегодняшний день в разных городах для отслеживания граждан используется система «безопасный город», которая подразумевает использования камер и механизма идентификации граждан оказывать помощь различным службам в осуществлении безопасности граждан [10].

Так как же можно сегодня и сейчас усовершенствовать механизм предоставления государственных услуг в электронном виде? Необходимо аккумулировать имеющиеся данные из государственных систем в единую, уникальную государственную систему. Распределить права доступа как для государственных сотрудников, так и для граждан нашей страны. С рождения присвоить единственный, уникальный, единый номер, который будет одновременно являться: паспортом, номером счета в Банке, логином в ГИС (государственной информационной системе) и позволяющий заменить любой иной «уникальный» документ для идентификации и получения различных услуг. Что определенно позволит получать любые государственные услуги и не только оперативно быстро без лишних проволочек.

При проведении мероприятий по совершенствованию механизма по предоставления государственных услуг в электронном виде, необходимо совершенствование нормативно-правовой базы в стране. Отмечу, что идея аккумулирования данных в одной системе уже сегодня применяется в рамках модернизации налоговой системы РФ. Организованы ЦОДы в Москве; Городце и Дубне. Создана система АИС «Налог – 3», вбирающая в себя имеющуюся информацию в ФНС и в соответствии с возможными правами доступа, предоставляет необходимые данные для госслужащих, при исполнении ими обязанностей. Определенно одним из механизмов в будущем, который позволит кардинально усовершенствовать систему получения государственных услуг в электронном виде станет процесс «чипирования» граждан на законодательном уровне. Но для этого необходимо кардинальные изменения не только в законодательстве стран, но и изменения международного права.

Предлагаю подготовить проект по совершенствованию всех процессов, указанных выше, путем создания единой государственной системы, способной удовлетворить все потребности заявителей. А так же усовершенствовать нормативно – правовую базу, способствующую совершенствованию механизмов получения государственных услуг в электронном виде [11].

Основным вектором государственного внимания и поддержки на современном этапе является активная деятельность по нормативно-правовому регулированию деятельности многофункциональных центров и функционированию портала «Госуслуги». Многофункциональные центры «Мои документы» по своему правовому статусу не являются органами публичной власти и не обладают государственно-властными и организационно-распорядительными полномочиями. Правовая основа деятельности многофункциональных центров базируется на Правилах организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, утвержденных постановлением Правительства РФ от 22.12.2012 № 1376.

По своему функциональному предназначению многофункциональный центр является посредником между государством и заявителями государственных услуг, а также выполняет представительские функции ведомственных органов исполнительной власти. Принцип работы МФЦ «Мои документы» следующий: автоматизированная информационная система многофункционального центра подключается к единой системе межведомственного электронного взаимодействия в соответствии с постановлением Правительства РФ от 08.09.2010 № 697 «О единой системе межведомственного взаимодействия». Автоматизированная система МФЦ обеспечивает прием запросов заявителей о предоставлении публичных услуг, передает соответствующие запросы в информационные системы ведомственных органов и отправляет заказанную услугу заявителю. Основным государственным информационным ресурсом является на сегодняшний день это портал государственных и муниципальных услуг, который начал свою работу в тестовом режиме в 2010 г.

По состоянию на ноябрь 2022 г. посредством портала можно получить около 500 государственных услуг и их число постоянно растет. Современный формат работы портала «Госуслуги» – это наиболее масштабных и востребованный проект цифрового формата в Российской Федерации. Удобство, быстрота и оперативность получения информации – ключевые принципы функционирования портала «Госуслуги». Например, еще несколько лет назад, для того, чтобы педагогическому работнику получить справку об отсутствии судимости, нужно было заказывать ее лично в соответствующем территориальном подразделении органа внутренних дел по месту регистрации, оформ-

лять соответствующее заявление о руки и ожидать ответа в «бумажном» формате более одного месяца. Теперь всё намного проще: имея подтвержденную запись на портале, гражданин РФ может самостоятельно отправить запрос в Министерство внутренних дел и получить справку с электронной подписью уполномоченного сотрудника [12, 13].

Функционал личного кабинета портала «Госуслуги» позволяет сразу отправить полученный документ в отдел кадров образовательного учреждения. Работа с порталом «Госуслуги» приобрела особую важность и актуальность в связи с пандемией коронавируса, которая началась в марте 2020 г. В этот период портал «Госуслуги» заявил о начале работы программы «Все онлайн», а все ведомственные федеральные и региональные органы исполнительной власти в экстренном порядке переведены в дистанционный формат работы. Количество, качество и разнообразие государственных услуг, которые можно получить дистанционно в формате «онлайн» постоянно увеличивается. Так, 17 сентября 2020 года Министерство цифрового развития РФ запустило на ЕПГМУ специальный сервис, через который гражданин, имеющий подтвержденную учетную запись, теперь может оставить соответствующий отзыв о качестве предоставления бесплатного горячего питания учащимся младших классов российских школ.

Родители учеников 1–4 классов через специальную форму обратной связи теперь имеют функциональную возможность оставить свой отзыв, жалобу или предложение по организации системы горячего питания в школах. Запуск подобного рода сервиса на портале «Госуслуги» – это классический пример формы электронного межведомственного взаимодействия: аппарат Правительства РФ и Министерства просвещения РФ в электронном виде смогут регулярно получать соответствующие отчеты по ситуации со школьным питанием во всех субъектах Российской Федерации. Министерство цифрового развития РФ 06.10.2020 запустило сервис электронных листков нетрудоспособности. Теперь необходимая информация для физического лица Информация сможет поступать на портал «Госуслуги» из Фонда социального страхования.

У работника в дистанционном формате появляется возможность получить данные о своих электронных листках нетрудоспособности и при необходимости сообщить их своему работодателю. Суперсервис «Поступление в ВУЗ онлайн» был запущен в июне 2020 г. Абитуриенты смогли подать заявление на зачисление в 54 российских вуза. Этой возможностью воспользовались почти 70 тыс. чел. По итогам работы данного цифрового сервиса в этом году стало очевидно, что полная автоматизация приемной кампании ВУЗов значительно повысит и упростит процесс обработки документов от поступающих. 02.11.2020 портал «Госуслуги» официально заявил о расширении функционала суперсервиса «Поступление в ВУЗ онлайн» [14].

Функционал данного сервиса сможет обеспечить абитуриентам возможность подачи документов в выбранные учебные заведения высшего образования в удаленном режиме. Уже в 2021 г. таких вузов должно быть не менее 135. На данный момент в Российской Федерации идет разработка нового функционала сервиса, который позволит желающим, в том числе, поступать на очно-заочную форму обучения, а также по договорам о целевом обучении. Для поступающих на платной основе прорабатывается технологическая возможность интеграции инструмента образовательного кредитования с государственной поддержкой. Технологическая и информационная инфраструктура «электронного правительства» в части предоставления государственных услуг развивается достаточно стремительными темпами, тем не менее формат информационного взаимодействия государственных органов находится в стадии перманентного становления, обновления и усовершенствования.

Наиболее актуальной задачей по-прежнему остается вопрос о необходимости более детальной и скрупулезной нормативно-правовой регулировки процессов автоматизированных процедур сбора и обработки информации, необходимой для определения и контроля целевых показателей результативности деятельности органов государственной власти. В предложенном контексте политику «электронного правительства» целесообразно позиционировать и понимать как приоритетное направление государственного управления, которое представляет собой использование информационно – коммуникационных технологий органами исполнительной власти в целях совершенствования системы деятельности органов публичной власти и улучшения общего качества взаимодействия представителей гражданского общества и бизнес-структур и органами власти.

Список литературы

1. Михайлова О.В., Горлова Ю.С. Основные перспективы повышения эффективности государственного управления в РФ // В сборнике: Кластерные инициативы в формировании прогрессивной структуры национальной экономики сборник научных трудов 2-й Международной научно-практической конференции: в 2-х томах. 2016. С. 185- 188.

2. Лолаева, А. С. Предоставление государственных и муниципальных услуг посредством информационно-коммуникационных технологий как элемент электронной (цифровой) демократии / А. С. Лолаева // *Право и политика*. – 2021. – № 12. – С. 89-101.
3. Сударушкина И.В., Стефанова Н.А. Цифровая экономика // *АНИ: экономика и управление*. 2017. Т. 6. № 1(18). С. 182 – 184.
4. Бурнацева, З. М. Проблемы реализации социальной функции государства / З. М. Бурнацева // *Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. Том I. Часть II.* – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 227-230.
5. Санакоева, Я. И. Человек в поликультурном пространстве современного мира / Я. И. Санакоева, И. С. Ханаев, Д. Т. Лолаева // *Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Межвузовского научно-практического семинара, Владикавказ, 05–06 декабря 2019 года.* – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 5-12.
6. Сухов Д.А., Янова Е.А., Уфимцева А.Ю., Михалевский Д.А., Булатова М.А. Развитие государственных электронных услуг как фактор увеличения федерального бюджета России // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 9-3. С. 633-638.
7. Лолаева, А. С. Формы и методы деятельности региональных органов власти и органов местного самоуправления в рамках правового регулирования предоставления ими услуг в электронной форме / А. С. Лолаева // *Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ во «Горский государственный аграрный университет».* Том 57. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2020. – С. 248-250.
8. Дзидзоев, Р. М. Электронные услуги как разновидность государственных услуг / Р. М. Дзидзоев, А. С. Лолаева // *Очерки новейшей камералистики*. – 2021. – № 4. – С. 2-6.
9. Лолаева, А. С. Взаимодействие федеральных и региональных органов власти и органов местного самоуправления в рамках предоставления услуг в электронной форме в РФ / А. С. Лолаева // *Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ во «Горский государственный аграрный университет».* Том 57. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2020. – С. 252-54.
10. Талапина Э. В. Новые институты административного права / Э. В. Талапина // *Государство и право*. – 2016. – № 5. – С. 14-21.
11. Фарниев, В. В. О тенденциях понимания общественного сознания / В. В. Фарниев, Д. Т. Лолаева // *Учитель создает нацию (А-Х.А. Кадыров): Сборник Материалов V Международной научно-практической конференции, Грозный, 25 ноября 2020 года.* – Махачкала - Грозный: Издательство «АЛЕФ», 2020. – С. 182-185.
12. Лолаева, А. С. Цифровая трансформация образования: правовой и философский подходы / А. С. Лолаева, Д. Т. Лолаева // *Образование и право*. – 2021. – № 2. – С. 223-230.
13. Лолаева, Д. Т. Место образования в современном обществе / Д. Т. Лолаева, Н. Ю. Саламова // *Труды СКГМИ (ГТУ)*. – 2012. – № 19. – С. 184-188.
14. Лолаева, Д. Т. Актуальные проблемы гуманитарного образования / Д. Т. Лолаева // *Наука сегодня: вызовы и решения: Материалы Международной научно-практической конференции, Вологда, 27 января 2016 года / Научный центр «Диспут».* – Вологда: ООО «Маркер», 2016. – С. 41-43.

УДК 342.5

РОЛЬ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ УСЛУГ

Каллагов Т.Э. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Гадзацев А.А., аспирант кафедры философии и социально-гуманитарных технологий
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. Определена роль электронного правительства в формировании и развитии государственных электронных услуг. Рассмотрены нормативно-правовые акты, регулирующие данные вопросы. Приведены программы, эффективно показавшие себя в работе в рамках электронного прави-

тельства, а также инфраструктурные элементы, в полной мере позволяющие обеспечить реализацию предоставления гражданам государственных и муниципальных услуг в интерактивной форме.

Ключевые слова: *электронное правительство, услуги, электронные услуги, органы власти, цифровые технологии, информационно-коммуникационные технологии, цифровая связь, блокчейн, Интернет*

Рассмотрим вопрос об особенностях модели «электронного правительства», функционирующего на территории российского государства. Следует отметить, что история его становления началась с принятия в 2002 году федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002–2010 годы)» и продолжается по сей день уже в рамках практической реализации другой федеральной целевой программы, получившей название «Информационное общество (2011–2020 годы)». Центральным и основополагающим направлением данных программ стало получение гражданами государственных и муниципальных услуг в электронной форме посредством использования специально разработанных информационно-коммуникативных технологий.

По состоянию на 2020 год отечественным законодателем был принят ряд нормативных правовых актов, положения которых призваны урегулировать различные вопросы, сопряженные с функционированием электронного правительства в России, включая следующие федеральные и подзаконные акты:

1) ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ;

2) ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ;

3) ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ;

4) ФЗ «Об электронной подписи» от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ;

5) Указ Президента РФ «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» от 12.05.2012 г. № 601;

6) Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» от 15.04.2014 г. № 313;

7) Распоряжение Правительства РФ «О Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде» от 25.12.2013 г. № 2516-р;

8) Постановление Правительства РФ «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг» от 26.03.2016 г. № 236.

Внедрение информационных и цифровых технологий во все сферы деятельности государства способствовало формированию электронного правительства. Данное определение, которое является прямым переводом с английского «electronic government», возникло на Западе в начале 90-х гг. в США. В 1998 г. была принята программа «Электронная Европа» [1]. В России конца 90-х гг. можно наблюдать масштабное введение информационных технологий в государственное управление.

В истории внедрения «электронного правительства» в нашей стране, можно выделить следующие основные этапы:

- 2002–2003 гг. В 2002 г. была утверждена Федеральная целевая программа «Электронная Россия»; Постановление Правительства Российской Федерации № 98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти», принятое 12 февраля 2003 г., дало гражданам Российской Федерации вероятность доступа к информации о деятельности органов власти.

- 2003–2004 гг. В этот период Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1244-р была разработана и принята «Концепция использования информационных технологий в органах государственной власти», что способствовало стандартизации принципов использования ИКТ в государственном управлении.

- 2005–2010 гг. К 2006 г. был запущен сайт госзакупок и сайт федерального реестра государственных контрактов, а в 2008 г. утверждена Стратегия развития информационного общества, в 2010 г. принята Государственная программа «Информационное общество» (2011–2020).

- 2011 г. по настоящее время. В 2011 г. были приняты значимые нормативные правовые акты, способствовавшие развитию области внедрения «электронного правительства» и электронных услуг. Например, один из фундаментальных законов - Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ.

Формирования электронного правительства в Российской Федерации на региональном уровне не

завершен, так как данный процесс не основывается только на внедрении информационных и цифровых технологий [2-4].

Таким образом, в развитии электронного правительства можно рассмотреть следующие аспекты:

- способствует перспективному развитию страны и повышению конкурентных преимуществ;
- представляет собой форму деятельности государства в условиях цифровой экономики;
- является механизмом в формировании единой политики государства;
- выступает как новая управленческо-организационная культура государственных органов власти;
- является средством в продвижении и модернизации системы и элементов государственного и муниципального устройства;

- сводит к минимуму информационное обеспечение между уровнями государственной власти.

Рассмотрев вышеуказанные аспекты можно прийти к следующему выводу, что электронное правительство многогранно и его введение основано на изменениях и инновациях в системе государственного и муниципального управления.

Анализируя инструменты электронного правительства, выделяют следующие характерные признаки:

- снижаются факторы субъективности персонала органов государственной и муниципальной власти в процессе принятия управленческих решений;
- повышается скорость принятия управленческих решений в предоставлении услуг за счет применения информационных и цифровых технологий;
- значительно снижается объем документооборота за счет перехода к электронному, обладающему юридической силой;
- за счет оптимизации по контролю над исполнением административных процедур на юридическом уровне создается механизм привлечения к ответственности должностных лиц, органов государственного аппарата за ненадлежащее исполнение соблюдения требований правовых норм.

Ниже приведены программы, эффективно показавшие себя в работе в рамках электронного правительства.

В данный момент созданы и вполне результативно работают основные элементы национальной инфраструктуры электронного правительства:

- единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ) – платформа, позволяющая зарегистрированным пользователям получать онлайн государственные услуги (учетная запись создается по данным паспорта и СНИЛС);
- единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА) – система проверяет информацию, связанную с учетной записью, для получения доступа к услугам;
- единая система нормативно-справочной информации (ЕНСИ) – перечень основных государственных источников информации, необходимых при СМЭВ;
- единая система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) – система, специализирующаяся на обмене информации по запросам данных, документов без участия гражданина.

Таким образом, информационно-коммуникационные технологии существенно влияют на развитие сферы государственного управления, экономики, безопасности государства, обеспечения правопорядка. Эпидемиологическая ситуация 2020 года выявила недостатки в работе электронного правительства, нуждающегося в модернизации. Сложившееся положение показало, что в России процент населения, пользовавшегося электронными государственными услугами, по-прежнему находится на низком уровне [5].

В нашей стране на муниципальном и региональном уровне показатели уровня цифрового неравенства существенно разнятся. На основе изученных сведений, предоставленных Росстатом можно сделать вывод, что на уровень предоставления государственных электронных услуг влияет то, в каком субъекте РФ он находится. Так показатели оказания услуг варьируются от 3% до 65,2%. В общей сложности всего 10 % органов местного самоуправления РФ предоставляют свои услуги в электронном виде. Показатели региональных значений при этом составляют от 0% до 25%) [6].

В данный момент государственные и муниципальные услуги предоставляются посредством предоставления бумажных документов, но данные условия не всегда удобны потребителю, так как нужно свое личное присутствие при встрече с представителями органов власти, что зачастую отнимает много времени. Минкомсвязью была разработана программа «Цифровая экономика России», инициатором которой являлся Президент российской Федерации В.В. Путин. Раздел «Государственное управление» подвергся изменениям, с целью повышения развития государственных услуг до 2025 года включительно. Были внесены следующие изменения: был создан единый Госреестр на-

селения, автоматизировалось исполнение государственных и муниципальных услуг, произошло введение интернета как средство по сбору информации для обеспечения контроля над исполнением, а также произошло финансирование электронного правительства за счет взыскания денежных средств за предоставление электронных услуг [7].

Промежуточными результатами в достижении эффективности программы «Цифровая экономика» являются следующие целевые показатели в 2020 году:

1. Население, получающее государственные услуги по средствам использования электронных услуг – 70 % (на 2018 год доля составляла 64,3%);
2. Полностью довольное население качеством оказания услуг в электронном виде – 90% (на июнь 2018 года доля составляла 83,3%);
3. Общее число предоставляемых услуг в электронном виде – 45%.

Кроме того, данная программа позволит до 2025 года перейти на дистанционное оказание государственных и муниципальных услуг, некоторые из которых будут предоставляться исходя из согласия заявителя, основываясь на государственные данные. Это обеспечит плавный переход между очным и удаленным предоставлением услуг. Значительно сократит расходы на содержание электронного правительства информация, предоставленная как на бесплатной специализирующейся интернет платформе, так и на платной.

На современном этапе в структурном выражении российская модель электронного правительства представлена следующими инфраструктурными элементами, в полной мере позволяющими обеспечить реализацию предоставления гражданам государственных и муниципальных услуг в интерактивной форме:

1. Каналы электронного доступа к получению государственных и муниципальных услуг. Прежде всего, речь идет о Едином портале государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ, Госуслуги), а также о различных региональных порталах государственных и муниципальных услуг (далее – РПГУ), которые на сегодняшний день действуют практически в каждом субъекте российского государства. Кроме того, к таким каналам относятся и официальные сайты, порталы органов государственной и муниципальной власти, а также их версии в виде приложений для средств телефонной связи, в том числе базирующихся на различных операционных системах (iOS, Android).

2. Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА). Данный элемент обеспечивает реальную возможность использования одного и того же идентификатора личности человека для получения им доступа к электронным государственным и муниципальным услугам, которые оказываются, предоставляются различными поставщиками, в том числе и через различные информационно-телекоммуникационные каналы связи.

3. Единая система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). Обозначенный элемент призван обеспечить граждан эффективным, результативным и своевременным взаимодействием органов государственной и муниципальной власти при оказании государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Другими словами, фактически он создан для быстрого и оперативного обмена важной правовой информацией.

4. Государственная информационная система о государственных и муниципальных платежах. Указанный элемент позволяет как физическим, так и юридическим лицам оперативно, максимально быстро получать необходимую информацию об их обязательствах перед бюджетом российского государства, региональным бюджетом, муниципальным бюджетом при действии такого основополагающего принципа, как «единое окно», а также осуществлять учет платежей, начислений при оказании различных государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

5. Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций) (ФРГУ). Обозначенный элемент призван в течение длительного периода сохранять существующую информацию о всех государственных и муниципальных услугах (в том числе, информацию о списке требуемых документов для их получения, поставщике, сроках оказания, а также о результатах предоставления).

6. Информационно-аналитическая система мониторинга качества государственных услуг. Данный элемент российской модели электронного правительства представляет собой площадку, обеспечивающую доступ к собранной, обработанной и проанализированной информации о качестве предоставления услуг органами государственной власти, а также органами муниципальной власти. Функционирование этой системы позволяет принимать на высшем уровне решения, связанные с усовершенствованием качества оказываемых услуг. Функционирование обозначенного комплекса элементов, в совокупности своей составляющих российскую модель электронного правительства, обеспечено быстрым ростом, иногда его отмечают даже поистине взрывным, числа оказываемых услуг в

электронной форме органами государственной и муниципальной власти. Так, в 2016 году их количество составило более 220 миллионов, а по истечении 2019 года – свыше 350 миллионов [8].

Необходимо обратить внимание, что для обеспечения нормальной работы каждого из названных элементов российского электронного правительства к данной системе подключены всевозможные государственные информационные ресурсы, а также двенадцать тысяч организаций, которые принимают участие в предоставлении и оказании гражданам государственных и муниципальных услуг. Кроме того, на современном этапе ведется грамотная, спланированная работа по использованию системы транзакций в процессах реализации государственных и муниципальных функций (по состоянию на начало 2020 года их число составило около 10 млрд.) [9].

В инфраструктуре российской модели электронного правительства функционирует также информационная система Головного удостоверяющего центра, которая обеспечивает возможность практического применения электронной подписи при получении государственных и муниципальных услуг. Кроме того предоставляет сервисы доверия в части использования электронных документов, мониторинг и оценку качества услуг, оказываемых региональными удостоверяющими центрами, действующими на территории различных субъектов Российской Федерации. Помимо прочего, с этой целью также был реализован механизм кросс-сертификации и выдачи корневых сертификатов для удостоверяющих центров [10].

Повышенное внимание было уделено отечественным законодателем и к обеспечению должного уровня прозрачности и открытости деятельности органов государственного и муниципального управления на базе федеральной целевой концепции «Открытое правительство». Перечень информации, которая подлежит раскрытию на официальных сайтах, в строгом соответствии определен положениями Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ. С 2010 по 2020 год была проведена огромная работа по учреждению и функционированию каналов прямого взаимодействия граждан с руководителями органов государственной власти и органов муниципальной власти.

К числу подобного рода информационно-телекоммуникационных каналов правомерно относить различные блоги, ютуб-каналы, сервисы социальных сетей (например, ВКонтакте, Инстаграм и др.). Реализованы значимые инициативы по вопросам взаимодействия органов государственной власти и органов муниципальной власти с российским населением, а также представителями национального бизнеса. В том числе созданы и по сей день функционируют следующие интерактивные площадки:

1. Портал «Российская общественная инициатива».

2. Портал открытых данных Российской Федерации.

3. Единый портал для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения.

Из проведенного анализа выделим проблемы практической реализации концепции электронного правительства на территории российского государства, сложности в его функционировании и способы их преодоления и разрешения. Несмотря на указанные достижения, Россия постоянно сталкивается с рядом неразрешенных проблем и препятствий, которые в значительной степени осложняют функционирование российской модели электронного правительства и требуют для своего преодоления и устранения принятия ряда стратегических и тактических решений.

Первая проблема связана с разобщенностью органов государственной и муниципальной власти, дублированием вверенных им полномочий. По сути, не всегда понятно, в какой орган надлежит адресовать то или иное заявление.

Невозможно уточнить заблаговременно посредством электронного взаимодействия необходимую информацию, что влечет за собой вынесение огромного числа отказных решений по обращениям граждан и, как следствие, усложняет процедуру взаимодействия гражданского общества с властью.

Вторая проблема заключается в отсутствии четко слаженной нормативной правовой базы, содержание которой в полной мере было бы посвящено урегулированию всевозможных вопросов, связанных с функционированием модели электронного правительства на территории российского государства. Вышеназванные акты во многом противоречат друг другу, отчасти не охватывают своими положениями регулирование всех вопросов, связанных с практической реализацией данной концепции в России.

Третья проблема напрямую вытекает из необходимости использования для реализации концепции электронного правительства на территории российского государства исключительно лицензионного программного оборудования, которое отличается высокой стоимостью и требует достаточно

большого потока финансирования из государственного бюджета, поскольку иное оборудование небезопасно и некорректно в своем практическом использовании.

Четвертая проблема связана с невозможностью обеспечения в полном объеме кибербезопасности при практической реализации модели электронного правительства на территории российского государства, что способствует утечке конфиденциальной информации и нарушению конституционно провозглашенного права человека на частную жизнь.

Пятая из выявленных нами проблем заключается в неправильной организации взаимодействия гражданского общества и властных структур посредством применения электронных технологий. По факту остается достаточно большой процент граждан, которые не понимают и даже боятся применения электронных систем.

Подход к разрешению выявленных проблем, на наш взгляд, должен носить комплексный и всесторонний характер за счет системного и постоянного применения нижеприведенной совокупности мер:

1. Формирование спроса на получение электронных услуг у гражданского общества (в частности, за счет проведения просветительской работы средств массовой информации, а также лекционных занятий на базе предприятия).

2. Создание единых стандартов для органов власти по оказанию услуг в электронной форме с четким разграничением полномочий и функций, о чем потребитель таких услуг может быть проинформирован дистанционно.

3. Внедрение зарубежного опыта по обеспечению кибербезопасности и привлечение для этого дополнительного финансирования.

Список литературы

1. Стрижов С.А. Трансформация государственного управления в условиях новых вызовов: Монография / С.А. Стрижов, Е.А. Богатырева, Т.Г. Богатырева. - М.: Издательство «Проспект», 2018. 156 с.

2. Лолаева, А. С. Особенности регулирования и проблемы развития «электронного правительства» в России / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник статей. Том Выпуск 58. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 445-447.

3. Лолаева, А. С. использование элементов «электронного правительства» в реализации концепции открытой власти / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник статей. Том Выпуск 58. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 444-445.

4. Лолаева, А. С. «Электронное правительство» в повышении эффективности «обратной связи» / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник статей. Том Выпуск 58. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 442-443.

5. Бурнацева, З. М. Проблемы реализации социальной функции государства / З. М. Бурнацева // Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. Том I. Часть II. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 227-230.

6. Лопатова Н. Международный опыт формирования цифрового правительства // Наука и инновации. 2019. № 5. С. 24 – 28.

7. Санакоева, Я. И. Человек в поликультурном пространстве современного мира / Я. И. Санакоева, И. С. Ханаев, Д. Т. Лолаева // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Межвузовского научно-практического семинара, Владикавказ, 05–06 декабря 2019 года. – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 5-12.

8. Киселева Н. В. Принципы предоставления государственных и муниципальных услуг / Н. В. Киселева // Государственная власть и местное самоуправление. – 2017. – № 5. – С. 21-25.

9. Лолаева, А. С. Электронное правительство в России: перспективы дальнейшего развития / А. С. Лолаева // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 10. – С. 19-22.

10. Фарниев, В. В. О тенденциях понимания общественного сознания / В. В. Фарниев, Д. Т. Лолаева // Учитель создает нацию (А-Х.А. Кадыров): Сборник материалов V международной научно-практической конференции, Грозный, 25 ноября 2020 года. – Махачкала - Грозный: Издательство «АЛЕФ», 2020. – С. 182-185.

УДК 342.5

**ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННЫХ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ
В РЕГИОНАХ**

Кучиев А.З. – к.э.н., старший преподаватель кафедры конституционного и административного права

ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Хатагова И.А., старший преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права

ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. Цифровизация, как этап технологической трансформации, – мировой тренд, затрагивающий не только производственную сферу, но и социум в целом и каждого человека в отдельности. Поэтому представляется актуальным рассмотрение особенностей цифровизации электронных государственных и муниципальных услуг в регионах. Именно этим вопросам посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: *электронное правительство, услуги, электронные услуги, органы власти, цифровые технологии, информационно-коммуникационные технологии, цифровая связь, блокчейн, Интернет*

Цифровизация, как этап технологической трансформации, – мировой тренд, затрагивающий не только производственную сферу, но и социум в целом и каждого человека в отдельности. Научная основа цифровых процессов в мире активно формируется, сегодня сложилась индустриальная парадигма (первоначально в Германии) и парадигма в более широком смысле, охватывающая жизнедеятельность всего общества (первоначально в Японии). И, если цель в рамках парадигмы «Индустрия 4.0» – повышение эффективности и конкурентоспособности экономики; то в рамках парадигмы «Общество 5.0» – это использование цифрового потенциала на благо всего общества и отдельного человека. Цифровизация в России развивается в контексте мировых трендов, решая задачи эффективной экономики и достойного уровня жизни своих граждан [1].

Очевидно, что разработка приоритетов социально-экономического развития страны и регионов в условиях усиления цифровизации экономики и социума имеет целью достижение нового, более высокого качества жизни населения за счет традиционных и инновационных факторов. В этом контексте интерес представляет понимание места, роли и в целом жизнедеятельности человека в цифровом пространстве. В связи с технологической трансформацией происходят серьезные изменения в структуре, видах и способах удовлетворения потребностей человека. Речь идет о наличии, наряду с традиционными потребностями, цифровых (электронных) потребностей, которые могут быть удовлетворены с использованием ИКТ, соответствующей цифровой инфраструктуры, а также при наличии цифровых навыков человека [2].

Цифровое пространство России неоднородно: в нем прослеживается значительная дифференциация предложения цифровых услуг населению (по территориальному признаку – регионам и муниципальным образованиям; степени урбанизации территорий – городское и сельское население; объектам инфраструктуры, возрасту и социальному статусу людей и др.) и, следовательно, неравный доступ к цифровым услугам для населения (цифровое неравенство). В то же время наблюдается рост цифровых потребностей населения, в том числе с помощью товаров и услуг социальной сферы. Однако, именно в социальной сфере недостаточно учитывается влияние цифровых трендов, следовательно, нельзя в полной мере рассчитывать на получение положительных цифровых эффектов, улучшающих качество жизни отдельного человека и в целом населения страны, региона [3, 4].

В научном плане представляет интерес исследование глубинных процессов, связанных с цифровой трансформацией структуры и видов потребностей современного человека. Здесь уместны: – эволюционный подход, позволяющий проследить изменения во времени потребностей человека в связи со сменой технологических укладов; – трендовый подход, выявляющий долгосрочные тенденции развития цифрового пространства. При этом важно оценить необходимость (наличие цифровых потребностей населения) и возможность предоставления услуг в электронной форме (на основе оценки

степени цифровизации). Очевидно, что есть люди, которые по разным причинам не используют цифровые возможности для получения услуг и это необходимо учитывать.

Среди причин отказа населения (в возрасте 15–72 лет) от получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме по данным ВШЭ за 12 месяцев 2022 года лидирует «Предпочтение личного визита и персонального контакта». Данная причина не способна легко трансформироваться в готовность к цифровому взаимодействию, а, следовательно, необходимо, кроме непосредственно цифровых преобразований, вести работу - разъяснительную, стимулирующую, направленную на корректировку социального восприятия «неличного» контакта при получении услуг [5].

В РФ актуальными являются вопросы регионального цифрового пространства. Для активизации цифровых процессов в стране принят ряд стратегических документов на национальном и региональных уровнях [6]. Так в 2019 г. в России принят национальный проект по цифровой экономике.

В этом же году к проекту подключились регионы, в частности в Челябинской области утверждена программа «Цифровая экономика», цель которой состоит в улучшении качества жизни населения за счет повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных с использованием цифровых технологий [7]. Это предполагает повышение степени информированности и цифровой грамотности населения, доступности и качества государственных и муниципальных услуг, обеспечение гражданам информационной безопасности [8].

В современном мире все страны стремятся к развитию технологий, а также к информатизации и компьютеризации всех сфер общественной жизни, и функционирование государственной и муниципальной власти Российской Федерации - не исключение. С каждым годом технологическое развитие совершенствуется, и следует учитывать все изменения и улучшения вне зависимости от территориального или национального фактора. В России уже довольно долгое время стоит острая проблема, связанная, во-первых, с развитием и примитивным использованием гражданами электронного портала государственных услуг, во-вторых, с территориальной дифференциацией в функционировании электронных муниципальных услуг из-за недостаточной осведомленности граждан или нехватки компьютерных навыков, причем не только у пожилых людей, но и у молодежи. Следует также отметить, что в некоторых регионах современная система предоставления государственных и муниципальных регионов плохо налажена или отсутствует вовсе [9, 10].

Данный вопрос особо актуален в современном мире из-за нестабильной ситуации с коронавирусной инфекцией, когда многие учреждения социальной сферы закрываются на карантин, и граждане вынуждены в короткие сроки освоить всю систему предоставления электронных услуг самостоятельно.

Преимущества использования государственных и муниципальных электронных услуг огромное множество, но не все население осознаёт данный факт и по привычке продолжает, например, оплачивать коммунальные услуги через банк или записываться к врачу в больницу, в то время, как современный человек экономит время, воспользовавшись персональным компьютером, подключённым к Интернету [11]. К другим положительным сторонам использования электронного портала относятся: круглосуточный доступ к любой предоставляемой услуге, экономия времени и быстрота осуществления государственной услуги, удобство применения из любой точки нахождения, где есть подключение к Интернету, снижение расходов населения на поездку до государственного или муниципального учреждения, возможность бесконтактной оплаты, вариативность предоставляемых услуг. Если рассматривать рейтинг регионов по качеству предоставления электронных государственных и муниципальных услуг за 2022 год, можно отметить, что лидирующие позиции занимает Московский регион, который уже не один год удерживает свои позиции в рейтинге на первом месте. Данная закономерность очевидна, так как выделяемый бюджет на развитие технологической базы предоставления электронных услуг у Московского региона больше, чем в других субъектах Российской Федерации, а также стремление региона поддерживать свой авторитет и показывать пример другим регионам России по качеству предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде является основной прерогативой Москвы и Московской области.

Говоря об использовании электронного портала государственных услуг, можно проследить следящий феномен, связанный скорее с менталитетом жителей той или иной территории их проживания, а также средств, выделяемых из государственного, регионального или муниципального бюджетов. По последним данным Росстата, наиболее массовый спрос электронного портала наблюдался в Приморском крае (15,1 % населения), что скорее всего связано со стремлением властей региона

повысить эффективность своей деятельности, а также упростить доступ и само использование государственных услуг для граждан. Далее в рейтинге стоят Калининградская (10,5%) и Амурская (10,4%) области, а также Ханты-Мансийский АО (10,1%) и Хабаровский край (8,7%). Москва же оказалась на 13 месте (5,7%). Такая тенденция связана с тем, что Московский регион имеет собственный портал по предоставлению государственных услуг, пользующийся большей популярностью среди граждан, проживающих в рассматриваемом субъекте. Аналогичная ситуация прослеживается, например, в республике Татарстан, которая считается лидером по уровню информатизации государственного аппарата, а также является одним из наиболее технологически продвинутых регионов Российской Федерации в целом за последние годы.

Следовательно, можно подчеркнуть особую важность развития государственных и муниципальных электронных услуг в Российской Федерации в эпоху всемирной цифровизации и информатизации, так как именно электронное взаимодействие властей и граждан обеспечивает быстрое реагирование, эффективность и ясность деятельности государственных структур, а также удовлетворенность населения и рациональность использования их личного времени.

Список литературы

1. Михайлова О.В., Горлова Ю.С. Основные перспективы повышения эффективности государственного управления в РФ // В сборнике: Кластерные инициативы в формировании прогрессивной структуры национальной экономики сборник научных трудов 2-й Международной научно-практической конференции: в 2-х томах. 2016. С. 185-188.
2. Лолаева, А. С. Предоставление государственных и муниципальных услуг посредством информационно-коммуникационных технологий как элемент электронной (цифровой) демократии / А. С. Лолаева // Право и политика. – 2021. – № 12. – С. 89-101.
3. Сударушкина И.В., Стефанова Н.А. Цифровая экономика // АНИ: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 1(18). С. 182–184.
4. Бурнацева, З. М. Проблемы реализации социальной функции государства / З. М. Бурнацева // Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. Том I. Часть II. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 227-230.
5. Нечаева Н.А. Цифровой суперсервис «Инвестирование в реальный сектор экономики онлайн» // Modern science. 2020. № 2-1. С. 72–82.
6. Санакоева, Я. И. Человек в поликультурном пространстве современного мира / Я. И. Санакоева, И. С. Ханаев, Д. Т. Лолаева // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Межвузовского научно-практического семинара, Владикавказ, 05–06 декабря 2019 года. – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 5-12.
7. Лолаева, А. С. Формы и методы деятельности региональных органов власти и органов местного самоуправления в рамках правового регулирования предоставления ими услуг в электронной форме / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ во «Горский государственный аграрный университет». Том 57. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2020. – С. 248-250.
8. Дзидзоев, Р. М. Электронные услуги как разновидность государственных услуг / Р. М. Дзидзоев, А. С. Лолаева // Очерки новейшей камералистики. – 2021. – № 4. – С. 2-6.
9. Лолаева, А. С. Взаимодействие федеральных и региональных органов власти и органов местного самоуправления в рамках предоставления услуг в электронной форме в РФ / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет». Том 57. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2020. – С. 252-54.
10. Талапина Э. В. Новые институты административного права / Э. В. Талапина // Государство и право. – 2016. – № 5. – С. 14-21.
11. Фарниев, В. В. О тенденциях понимания общественного сознания / В. В. Фарниев, Д. Т. Лолаева // Учитель создает нацию (А-Х.А. Кадыров): Сборник Материалов V Международной научно-практической конференции, Грозный, 25 ноября 2020 года. – Махачкала - Грозный: Издательство «АЛЕФ», 2020. – С. 182-185.

УДК 342.5

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ

Кучиев А.З. – к.э.н., старший преподаватель кафедры конституционного и административного права

ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Гадзацева А.А. – аспирант кафедры философии и социально-гуманитарных технологий

ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. В статье анализируется понятие и сущность государственных услуг в электронной форме. Сделан вывод о том, что оказание государственных и муниципальных услуг в электронной форме – это следующий шаг развития информационного общества. Благодаря информатизации процесса оказания государственных и муниципальных услуг, гражданам и организациям удастся легко и быстро получать услуги для реализации своих прав и свобод.

Ключевые слова: *электронное правительство, услуги, электронные услуги, органы власти, цифровые технологии, информационно-коммуникационные технологии, цифровая связь, блокчейн, Интернет*

В XXI веке научно-технический прогресс, начавшийся еще в XX веке, не остановился, благодаря чему во многих отраслях деятельности общества получили широкое распространение разного рода информационные технологии. Они позволили в значительной степени облегчить жизнь человека, предоставив, например, возможность совершать сделки и осуществлять иные юридически значимые действия, не выходя за пределы собственного дома. Результаты технического прогресса существенно изменили привычный уклад жизни общества.

Сегодня наибольший оборот получает автоматизация технологических процессов, создаются автоматизированные информационные системы, обеспечивающие возможность быстрого поиска необходимой информации, происходит компьютеризация образования, некоторые учебные заведения переходят в режим дистанционного обучения, реализуемый при помощи компьютерных средств и т.д. Научно-технический прогресс не обошел стороной и сферу деятельности органов государственной власти. Органы исполнительной власти реализуют функции государственного управления в совершенно различных отраслях экономики государства, в том числе связанных с созданием благоприятных условий жизни, труда, отдыха, защитой прав граждан от преступных посягательств и т.д. Сегодня одной из наиболее востребованных гражданами функций государства является оказание государственных и муниципальных услуг. Более детально остановимся на данных понятиях.

Главным нормативным актом, регулирующим общественные отношения, возникающие в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг уполномоченными органами, является Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Согласно статье 2 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» государственная услуга – это «деятельность по реализации функций соответственно федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий органов, предоставляющих государственные услуги» [1].

В той же статье приведено определение муниципальной услуги. Муниципальная услуга – это «деятельность, по реализации функций органа местного самоуправления, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах полномочий органа, предоставляющего муниципальные услуги, по решению вопросов местного значения, установленных в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и уставами муниципальных образований»...».

Таким образом, исходя из рассмотренных выше определений, оказание государственных и муниципальных услуг соответствующими органами власти представляет собой вид деятельности. И как свойственно любому виду данного процесса, у него есть свои особенности и признаки. Определим характерные черты государственных и муниципальных услуг.

К ним относятся:

- в качестве исполнителя выступает орган исполнительной власти;
- услуга оказывается конкретному физическому лицу или организации;
- услуга является способом реализации прав или обязанностей заявителя (физического или юридического лица);
- для реализации услуги необходимо взаимодействие между заявителем и ее исполнителем.

Подчеркнем, что услуга, как правило, влечет наступление тех либо иных позитивных последствий для лица, в отношении которого оказывается услуга. Как отмечалось ранее, одной из тенденций развития общества в 21 веке стала информатизация процессов человеческой деятельности. Работа, направленная на реализацию функций и задач государства, в значительной степени упрощаются благодаря внедрению информационных технологий в жизнь людей [2, 3].

Сами термины «государственные услуги» и «муниципальные услуги» на сегодняшний день относительно новые, и люди еще не успели до конца осознать, что же это такое. Сейчас только формируется так называемое сервисное государство, основной целью которого и является реализация функций федеральных органов исполнительной власти через предоставление государственных услуг гражданам [4]. Следует обратить внимание на такие понятия, как «публичные услуги» и «социальные услуги». Очень часто эти термины прямо соотносят с рассматриваемыми нами электронными услугами, хотя они не имеют между собой ничего общего. Под публичными услугами понимают услуги, «предоставляемые органами исполнительной власти и их учреждениями при непосредственном взаимодействии с гражданами».

Отметим, что само определение государственных и муниципальных услуг впервые появилось лишь в законе, о котором было упомянуто выше. До этого момента понятие существовало как таковое, но нигде не было закреплено, отчего создавалась путаница при взаимодействии органов государственной и муниципальной власти с физическими и юридическими лицами. В 2008–2010 гг. была реализована Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года, по которой был внедрен «Портал государственных услуг Российской Федерации». Данный интернет-ресурс позволяет гражданам Российской Федерации пользоваться государственными услугами в Интернете, что во многом упрощает весь процесс получения услуги. В последние годы данный сервис перешел от стадии бета-тестирования к полноценному функционированию [5].

Сам сервис позволяет органам государственной и муниципальной власти наиболее эффективно распределять собственные ресурсы, обеспечивать предоставление услуг населению и информировать граждан о любых изменениях. Подобная система исключает прохождение лишних инстанций, способных задержать или исказить предоставляемую органом исполнительной власти услугу. Отдельно стоит сказать о создании многофункциональных центров. Их деятельность регулируется Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Услуги представляет многофункциональный центр. Это организация, которая независимо от организационно-правовой формы отвечает установленным требованиям и имеет полномочия в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе в электронной форме, по принципу «одного окна» [6]. В настоящее время МФЦ все еще формируются, хотя и прошло 15 лет с момента их создания и только сейчас мы можем сказать о том, что они начали полноценную деятельность. Однако это не избавляет МФЦ от существующих проблем. Начинается все с правового регулирования деятельности МФЦ, потому что услуги, предоставляемые центрами, зачастую перекликаются с услугами, осуществляемыми органами государственной и муниципальной власти.

Например, выдача паспорта гражданина Российской Федерации может одновременно осуществляться и в МФЦ, и в паспортном столе. Это негативно влияет не только на мнение граждан о предоставляемых государственных услугах, но и на всю структуру деятельности органов государственной власти [7].

С помощью выхода в глобальную телекоммуникационную сеть Интернет уже сегодня граждане Российской Федерации могут получать некоторые государственные услуги, не выходя за пределы своего дома. Государство, стремясь к повышению качества предоставления государственных услуг гражданам и преследуя цель качественного совершенствования исполнения государственных функций, принимает меры различной направленности для информатизации данных процессов. Пер-

вым успешно работающим элементом, так называемого электронного правительства, в Российской Федерации стал Единый портал государственных и муниципальных услуг (далее - ЕПГУ), запущенный 15 декабря 2009 г. ЕПГУ позволяет получать сведения о предоставляемых государственных и муниципальных услугах, получать государственные и муниципальные услуги в электронной форме, осуществлять запись на прием в различные ведомства, оценивать качество государственных и муниципальных услуг, оказанных в электронной форме, а также осуществлять оплату задолженностей, госпошлин, штрафов и т.д. [8].

Оператором ЕПГУ является Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (создано 15 мая 2018 года). Выделим следующие положительные аспекты, связанные с возможностью получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме:

- отпадает необходимость личного посещения многофункционального центра или непосредственно ведомства для подачи документов с целью получения государственной услуги;
- можно получить государственную и муниципальную услугу вне зависимости от местонахождения и времени суток. Единственным условием является наличие доступа в сеть Интернет;
- за счет организации межведомственного взаимодействия сокращается количество документов, требуемых для получения государственной или муниципальной услуги.
- лицо, обратившееся за получением государственной или муниципальной услуги, в режиме реального времени может отслеживать, на какой стадии рассмотрения находится его заявление.
- снижается вероятность совершения коррупционных правонарушений вследствие отсутствия непосредственного контакта между заявителем и должностными лицами органа власти;
- возможность оценки качества предоставления государственных и муниципальных услуг приводит к налаживанию обратной связи с населением.

Заметим, что в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 устранение необходимости личного общения с должностными лицами, а также необходимости стоять в очередях в помещениях государственных органов и многофункциональных центров, позволяет снизить риск заражения как заявителя, так и должностных лиц [10-12].

Среди минусов, связанных с возможностью получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, можно отметить следующее:

1. Несмотря на достаточно активное развитие ЕПГУ, на сегодняшний день процент государственных и муниципальных услуг, которые можно получить непосредственно в электронной форме, от общего числа услуг достаточно низок.

2. Возможно возникновение ошибок в работе ЕПГУ, что приводит к временной невозможности получения государственной или муниципальной услуги.

3. Могут возникнуть трудности с уяснением содержания информации, представленной на сайте (но это очень субъективный фактор, и на помощь в его преодолении приходят специалисты из службы поддержки, которые в короткое время доступно разъяснят непонятные для гражданина сведения).

4. Возможность утечки конфиденциальных данных пользователей в результате кибер-атак.

Это основные отрицательные моменты, которые можно выделить. На наш взгляд плюсы перевешивают всевозможные минусы, которые, в свою очередь, можно нивелировать.

Подводя итог, можно сказать, что оказание государственных и муниципальных услуг в электронной форме – это следующий шаг развития информационного общества. Благодаря информатизации процесса оказания государственных и муниципальных услуг, гражданам и организациям удастся легко и быстро получать услуги для реализации своих прав и свобод.

Список литературы

1. Климовских Н.В., Ратова А.А., Агаркова Е.С. Особенности организации предоставления государственных и муниципальных услуг в многофункциональных центрах // *Journal of Economy and Business*. 2017. vol.11-1. С. 137–140.

2. Лолаева, А. С. Предоставление государственных и муниципальных услуг посредством информационно-коммуникационных технологий как элемент электронной (цифровой) демократии / А. С. Лолаева // *Право и политика*. – 2021. – № 12. – С. 89-101.

3. Бурнацева, З. М. Проблемы реализации социальной функции государства / З. М. Бурнацева // *Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. Том I. Часть II. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 227-230.*

4. Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г., Воробьев Ю.Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10, №3. С. 9–25.
5. Лавров В.А. Развитие электронного правительства в России и зарубежных странах // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. №4. С. 71–78.
6. Санакоева, Я. И. Человек в поликультурном пространстве современного мира / Я. И. Санакоева, И. С. Ханаев, Д. Т. Лолаева // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Межвузовского научно-практического семинара, Владикавказ, 05–06 декабря 2019 года. – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 5-12.
7. Лолаева, А. С. Формы и методы деятельности региональных органов власти и органов местного самоуправления в рамках правового регулирования предоставления ими услуг в электронной форме / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ во «Горский государственный аграрный университет». Том 57. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2020. – С. 248-250.
8. Лопатова Н. Международный опыт формирования цифрового правительства // Наука и инновации. 2019. № 5. С. 24 – 28.
9. Дзидзоев, Р. М. Электронные услуги как разновидность государственных услуг / Р. М. Дзидзоев, А. С. Лолаева // Очерки новейшей камералистики. – 2021. – № 4. – С. 2-6.
10. Лолаева, А. С. Взаимодействие федеральных и региональных органов власти и органов местного самоуправления в рамках предоставления услуг в электронной форме в РФ / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ во «Горский государственный аграрный университет». Том 57. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2020. – С. 252-54.
11. Талапина Э. В. Новые институты административного права / Э. В. Талапина // Государство и право. – 2016. – № 5. – С. 14-21.
12. Фарниев, В. В. О тенденциях понимания общественного сознания / В. В. Фарниев, Д. Т. Лолаева // Учитель создает нацию (А-Х.А. Кадыров): Сборник материалов V международной научно-практической конференции, Грозный, 25 ноября 2020 года. – Махачкала - Грозный: Издательство «АЛЕФ», 2020. – С. 182-185.

УДК 342.5

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ФОРМАТА ОКАЗАНИЯ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Кучиев А.З. – к.э.н., старший преподаватель кафедры конституционного и административного права

ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Гадзацева А.А. – аспирант кафедры философии и социально-гуманитарных технологий
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. Вопросы применения электронного формата оказания услуг населению являются одним из факторов развития государственных услуг. По этой причине тема исследования является актуальной. В статье анализируется данное понятие в современных условиях. Подчеркнута особая важность развития государственных и муниципальных электронных услуг в Российской Федерации в эпоху всемирной цифровизации и информатизации, так как именно электронное взаимодействие властей и граждан обеспечивает быстрое реагирование, эффективность и ясность деятельности государственных структур, а также удовлетворенность населения и рациональность использования их личного времени.

Ключевые слова: электронное правительство, услуги, электронные услуги, органы власти, цифровые технологии, информационно-коммуникационные технологии, цифровая связь, блокчейн, Интернет

В современном мире все страны стремятся к развитию технологий, а также к информатизации и компьютеризации всех сфер общественной жизни, и функционирование государственной и муниципальной власти Российской Федерации - не исключение. С каждым годом технологическое развитие совершенствуется, и следует учитывать все изменения и улучшения вне зависимости от территориального или национального фактора. В России уже довольно долгое время стоит острая проблема, связанная, во-первых, с развитием и примитивным использованием гражданами электронного портала государственных услуг, во-вторых, с территориальной дифференциацией в функционировании электронных муниципальных услуг из-за недостаточной осведомленности граждан или нехватки компьютерных навыков, причем не только у пожилых людей, но и у молодежи [1].

Следует также отметить, что в некоторых регионах современная система предоставления государственных и муниципальных регионов плохо налажена или отсутствует вовсе [2]. На наш взгляд, данный вопрос особо актуален в современном мире из-за нестабильной ситуации с коронавирусной инфекцией, когда многие учреждения социальной сферы закрываются на карантин, и граждане вынуждены в короткие сроки освоить всю систему предоставления электронных услуг самостоятельно. Таким образом, в моей работе главными задачами являются сравнение функционирования электронных порталов государственных и муниципальных услуг в Москве и Московской области, как наиболее прогрессирующим в данном плане регионах, по сравнению с другими более отдаленными субъектах Российской Федерации, где пока развитие и использование электронных услуг не находится на должном уровне [3]. А также осветить значимость перехода к информатизации административной системы России.

Преимущества использования государственных и муниципальных электронных услуг огромное множество, но не все население осознаёт данный факт и по привычке продолжает, например, оплачивать коммунальные услуги через банк или записываться к врачу в больнице, в то время, как современный человек экономит время, воспользовавшись персональным компьютером, подключённым к Интернету. К другим положительным сторонам использования электронного портала относятся: круглосуточный доступ к любой предоставляемой услуге, экономия времени и быстрота осуществления государственной услуги, удобство применения из любой точки нахождения, где есть подключение к Интернету, снижение расходов населения на поездку до государственного или муниципального учреждения, возможность бесконтактной оплаты, вариативность предоставляемых услуг [4]. Если рассматривать рейтинг регионов по качеству предоставления электронных государственных и муниципальных услуг за 2020 год, можно отметить, что лидирующие позиции занимает Московский регион, который уже не один год удерживает свои позиции в рейтинге на первом месте. Данная закономерность очевидна, так как выделяемый бюджет на развитие технологической базы предоставления электронных услуг у Московского региона больше, чем в других субъектах Российской Федерации. Кроме того стремление региона поддерживать свой авторитет и показывать пример другим регионам России по качеству предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде является основной прерогативой Москвы и Московской области [5].

Выделим еще один аспект. Говоря об использовании электронного портала государственных услуг, можно проследить следующий феномен, связанный скорее с менталитетом жителей той или иной территории их проживания. По последним данным Росстата, наиболее массовый спрос электронного портала наблюдался в Приморском крае (15,1 % населения), что скорее всего связано со стремлением властей региона повысить эффективность своей деятельности, а также упростить доступ и само использование государственных услуг для граждан [6].

Далее в рейтинге стоят Калининградская (10,5%) и Амурская (10,4%) области, а также Ханты-Мансийский АО (10,1%) и Хабаровский край (8,7%). Москва же оказалась на 13 месте (5,7%). Такая тенденция связана с тем, что Московский регион имеет собственный портал по предоставлению государственных услуг, пользующийся большей популярностью среди граждан, проживающих в рассматриваемом субъекте. Аналогичная ситуация прослеживается, например, в республике Татарстан, которая считается лидером по уровню информатизации государственного аппарата, а также является одним из наиболее технологически продвинутых регионов Российской Федерации в целом за последние годы [7-10].

Таким образом, можно подчеркнуть особую важность развития государственных и муниципальных электронных услуг в Российской Федерации в эпоху всемирной цифровизации и информатизации, так как именно электронное взаимодействие властей и граждан обеспечивает быстрое реагирование, эффективность и ясность деятельности государственных структур, а также удовлетворенность населения и рациональность использования их личного времени.

Список литературы

1. Терещенко Л. К., Услуги электронного государства // Электронное государство: правовые аспекты. 2017. С. 192–222.
2. Лолаева, А. С. Предоставление государственных и муниципальных услуг посредством информационно-коммуникационных технологий как элемент электронной (цифровой) демократии / А. С. Лолаева // Право и политика. – 2021. – № 12. – С. 89-101.
3. Сударушкина И.В., Стефанова Н.А. Цифровая экономика // АНИ: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 1(18). С. 182 – 184.
4. Бурнацева, З. М. Проблемы реализации социальной функции государства / З. М. Бурнацева // Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. Том I. Часть II. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 227-230.
5. Санакоева, Я. И. Человек в поликультурном пространстве современного мира / Я. И. Санакоева, И. С. Ханаев, Д. Т. Лолаева // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Межвузовского научно-практического семинара, Владикавказ, 05–06 декабря 2019 года. – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 5-12.
6. Сухов Д.А., Янова Е.А., Уфимцева А.Ю., Михалевский Д.А., Булатова М.А. Развитие государственных электронных услуг как фактор увеличения федерального бюджета России // Фундаментальные исследования. 2016. № 9-3. С. 633-638.
7. Лолаева, А. С. Формы и методы деятельности региональных органов власти и органов местного самоуправления в рамках правового регулирования предоставления ими услуг в электронной форме / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет». Том 57. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2020. – С. 248-250.
8. Дзидзоев, Р. М. Электронные услуги как разновидность государственных услуг / Р. М. Дзидзоев, А. С. Лолаева // Очерки новейшей камералистики. – 2021. – № 4. – С. 2-6.
9. Лолаева, А. С. Взаимодействие федеральных и региональных органов власти и органов местного самоуправления в рамках предоставления услуг в электронной форме в РФ / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет». Том 57. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2020. – С. 252-54.
10. Фарниев, В. В. О тенденциях понимания общественного сознания / В. В. Фарниев, Д. Т. Лолаева // Учитель создает нацию (А-Х.А. Кадыров): Сборник Материалов V Международной научно-практической конференции, Грозный, 25 ноября 2020 года. – Махачкала - Грозный: Издательство «АЛЕФ», 2020. – С. 182-185.

УДК 342.7

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Лолаева З.С. – преподаватель аграрного колледжа
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Исследуются вопросы использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве. С развитием информационных технологий, стремительным распространением электронной информации, способной устанавливать обстоятельства совершенного преступления, назрела необходимость в использовании в уголовном судопроизводстве электронных доказательств. Сделан вывод о том, что сегодня достаточно остро стоит вопрос о целесообразности внесения изменений в уголовно-процессуальное доказательство, прежде всего связанных с «легализацией» цифровых доказательств. Подзаконные нормативные акты и судебная практика не должны решать возникшую проблему, связанную с применением цифровых доказательств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, электронное правосудие, электронный документооборот, информационно-коммуникационные технологии, цифровая среда, цифрови-

зация, системы электронного участия, видео-конференцсвязь, электронная повестка, СМС-уведомление, электронная копия материалов дела

С развитием информационных технологий, стремительным распространением электронной информации, способной устанавливать обстоятельства совершенного преступления, назрела необходимость в использовании в уголовном судопроизводстве электронных доказательств.

Размышляя о перспективах цифровизации правовой сферы председатель Конституционного суда РФ В. Зорькин отмечает, что применение «цифровых технологий» «может существенно повысить качество правоприменения в органах власти». А «искусственный интеллект может значительно ускорить и упростить выполнение возложенных на них публичных правомочий, в том числе связанных с правоприменительной деятельностью и судопроизводством». «Специалисты прогнозируют революцию в познавательной-доказательственной базе (цифровые следы как электронные доказательства; новые виды судебных экспертиз); электронные средства организации работы суда (электронный документооборот, электронное дело, интеллектуальные системы анализа материалов дел, правового регулирования); системы электронного участия в процессе (видео-конференц-связь, электронные повестки и СМС-уведомления, электронные копии материалов дел)» [1].

Сегодня, вопрос о внедрении электронных доказательств является одним из наиболее обсуждаемых среди ученых-процессуалистов и правоприменителей. Сложившаяся ситуация обусловлена прежде всего тем, что в настоящее время доказательствами в уголовном деле все чаще становятся электронные записи, сообщения, файлы, находящиеся на электронных носителях. Фактически любой объект может быть представлен в цифровой форме. Тем не менее, вопрос о цифровых доказательствах остается открытым [2].

В соответствии с ч. 1 ст. 74 УПК Российской Федерации «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель ... устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Существующее, законодательное определение доказательств подвергается критике как со стороны ученых-теоретиков, так и правоприменителей. Все замечания можно объединить в следующие группы. Первая группа замечаний связана с тем, что данное понятие устарело и не содержит требований к форме получения и закрепления доказательств. Вторая группа замечаний - «определение включает в круг субъектов, имеющих право собирать доказательства, прокурора, который не обладает правом производства предварительного расследования, а значит, и правом собирать доказательства на досудебных стадиях, а в суде обладает теми же правами по собиранию, проверке и оценке доказательств, что и защитник, у которого, исходя из определения, закрепленного в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, права собирать доказательства все-таки нет». Третья группа замечаний - «доказательствами не могут быть любые сведения, поскольку собранные сведения должны иметь отношения к расследуемому и рассматриваемому уголовному делу» [3].

Далее ч. 2 ст. 74 УПК Российской Федерации перечисляет, что относится к доказательствам. К ним относятся:

- 1) «показания подозреваемого, обвиняемого»;
- 2) «показания потерпевшего, свидетеля»;
- 3) «заключение и показания эксперта»;
- 4) «заклучение и показания специалиста»;
- 5) «вещественные доказательства»;
- 6) «протоколы следственных и судебных действий»;
- 7) «иные документы».

В качестве критериев оценки ч. 1 ст. 88 УПК РФ определяет такие свойства доказательств, как относимость, допустимость, достоверность и достаточность.

Ст. 85 УПК РФ перечисляет элементы процесса доказывания, к которым относятся собирание, проверка и оценка доказательств. Тем не менее, в теории уголовного процесса выделяют и иные элементы. Доказывание состоит, по крайней мере, из пяти элементов, считает С.Б. Россинский, а именно:

- а) «собираания (формирования) доказательств»;
- б) исследования доказательств»;
- в) проверки доказательств»;
- г) оценки доказательств»;
- д) использования доказательств» [4].

Обоснованной представляется позиция О.А. Зайцева, согласно которой «цифровые технологии в уголовном процессе» подразумевают «определенную совокупность средств, приемов и методов собирания (поиска, обнаружения, фиксации, изъятия), обработки (в том числе с использованием искусственного интеллекта), передачи и представления информации о расследуемом событии для получения уголовно-процессуальных доказательств».

«Данные доказательства позволяют в ходе производства по уголовному делу устанавливать наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для расследования конкретного преступления» [5].

Именно признание цифровых доказательств на законодательном уровне, позволит не только качественным образом изменить процесс сбора доказательств, но и повысить эффективность выявления, раскрытия и расследования преступлений [6].

В настоящее время, мы можем встретить лишь упоминание об использовании документов в электронном виде. В соответствии с п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» «документ в электронном виде - электронный образ документа или электронный документ». При этом «электронный образ документа (электронная копия документа, изготовленного на бумажном носителе) представляет собой «переведенную в электронную форму с помощью средств сканирования копию документа, изготовленного на бумажном носителе, заверенную электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации». А «электронный документ - документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации» [7].

Исходя из вышеуказанного, говорить о том, что в отечественном судопроизводстве используются цифровые доказательства в форме электронного документа, не представляется возможным. Нельзя ставить знак равенства между цифровыми доказательствами и электронным документом.

Законодательное определение понятия «электронного доказательства» в настоящее время отсутствует в УПК РФ. Данный термин пока используется только в научной литературе.

В этой связи наиболее перспективным направлением научных исследований представляется попытка формирования нового понятия в отечественном доказательственном праве - «электронное доказательство». Данный термин, обладая необходимой универсальностью, помог бы объединить все те проблемы, с которыми на практике сталкиваются российские юристы при проведении следственных действий по поиску и сбору цифровых данных в качестве доказательств.

П.С. Пастухов отмечает, что «продолжающиеся бурные дискуссии внедрения электронных доказательств в уголовный процесс вызваны более сложным с технической точки зрения обращением с электронной информацией по сравнению с традиционным пониманием доказательственной информации, находящейся в традиционных источниках». Кроме этого, в научной литературе не сложилось единого подхода к внедрению электронных доказательств в уголовно-процессуальную деятельность.

Среди ученых сложилось несколько вариантов использования электронной доказательственной информации посредством:

- 1) получения электронных носителей информации с зафиксированной на них доказательственной информацией;
- 2) конвертация (сканирование) процессуальных бумажных документов (протоколов следственных действий и процессуальных решений) в электронный формат;
- 3) производство следственных и судебных действий удаленным способом (видеосвязь-конференция);
- 4) электронный способ фиксации доказательственной информации при проведении следственных действий;
- 5) получение доказательственной информации в электронном виде через запросы, истребование и предоставление разрушают традиционные способы собирания по уголовным делам» [8].

К.В. Обидин указывает на то, что «электронное доказательство, требует глубокой теоретической разработки и переосмысления процессуальной формы. Критерии электронного доказательства, бесспорно, еще только предстоит сформировать, но уже сейчас очевидно формирование «реперных точек», от которых необходимо будет отталкиваться в дальнейшем: аутентификация данных; обязательное привлечение на отдельных этапах лиц, обладающих специальными знаниями; введение особой системы санкционирования судом доступа к личной информации о гражданах, подлежащей защите и т.д.

Другим аргументом в пользу необходимости признать самостоятельность «электронного доказательства» является незаменимость сведений, содержащихся в электронной форме, в случаях, когда следы преступления, оставленные в материальном мире, нерелевантны либо низкоинформативны.

Наконец, дополнительным аргументом в пользу выделения электронной информации в самостоятельный вид (источник) доказательств является ее потенциальная информативность, которая не только проявляется в различных аспектах, но и требует учета в процессе доказывания.

Электронное доказательство - это не только сами сведения, но и иная значимая информация об этих сведениях (дата создания файла; дата последних изменений; информация об авторе; используемый формат файла; его размер и многое другое).

Более того, познавательный потенциал сведений в электронной форме неизбежно растет с развитием технологий, позволяя обнаруживать ранее недоступные следы преступления: информация с кардиостимуляторов, фитнес-браслетов уже используется в других государствах для установления события преступления» [9].

А.В. Журкина сформулировала следующее определение понятия «электронное доказательство», под которыми понимает «сведения, выраженные в электронно-цифровом виде, содержащиеся на цифровых носителях, для представления которых необходимо программное обеспечение, хранящиеся в компьютерной сети и (или) передаваемые через нее». Указанный выше автор рассматривает электронные доказательства в двух аспектах. «В первом случае электронное доказательство рассматривается как цифровой носитель информации, который существует вовне и имеет материальную форму выражения».

«К такого рода доказательствам А.В. Журкина относит «отсканированную или иным образом оцифрованную копию письменного документа, и в данном случае электронная форма не является оригинальным доказательством, а представляет собой лишь копию на цифровом носителе и может быть в любой момент проверена ее аутентичность, подлинность, достоверность и допустимость. «Во втором случае речь идет именно об информации, существующей исключительно в электронном виде и полученной путем использования информационно-телекоммуникационных технологий» [10].

Электронные доказательства, являясь разновидностью доказательств в целом, при этом обладают определенной спецификой, которая характеризуется способами их фиксации на определенных носителях. Электронные доказательства создаются, обрабатываются и хранятся исключительно на магнитных (машинных) носителях информации. Как правило, к ним могут относиться различного рода магнитные диски (жесткие и гибкие магнитные диски-накопители, магнитооптические диски), серверы, флеш-карты и др. [11].

С.В. Зуев справедливо указывает на то, что «электронное доказательство на сегодня - это условное обозначение доказательства, содержание которого представлено в электронном виде». «Чтобы перевести электронную информацию в электронные доказательства, требуется надлежащее правовое регулирование и конкретные юридические нормы. Это во многом объясняет, почему электронное доказывание сейчас находится на стадии осмысления и теоретического обоснования» [12].

По мнению указанного автора, целесообразно применять категорию «электронные средства доказывания», а не термин «электронные доказательства». Под электронными средствами доказывания он понимает «любые правовые информационные технологии, закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве и используемые в доказывании по уголовным делам для получения и проверки цифровой информации». К ним можно отнести «электронную информацию, ее носители, электронные доказательства, а также правила их фиксации, копирования, изъятия, хранения и использования в производстве по уголовным делам».

В качестве способа доказывания в последнее время все чаще стали применять скриншоты. В уголовном судопроизводстве, судебная практика, стала относить скриншот к такому виду доказательств, как иные документы. В соответствии с ч. 2 ст. 84 УПК РФ документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации. Примером рассмотренного скриншота в виде доказательства может служить следующее уголовное дело [13].

Основной проблемой использования скриншотов в качестве доказательств в суде является отсутствие нормативного регулирования, которое бы закрепляло определение скриншота и требования, предъявляемые к таким доказательствам. Последствиями законодательного пробела является отсутствие специальных критериев оценки обсуждаемого типа доказательств. Отсутствие легаль-

ного определения, зачастую, вынуждает суды, в судебных решениях самостоятельно формулировать те или иные определения.

Однако подзаконные нормативные акты и судебная практика способствуют установлению единообразного регулирования. Скриншоты, признаются доказательствами, если в них содержится: во-первых, информация о дате и времени получения распечатанного скриншота, наименование электронно-вычислительного центра (интернет-сайта); во-вторых, данные о лице, которое произвело выведение скриншота на экран и дальнейшую распечатку, программном обеспечении и использованной компьютерной технике. В уголовном процессе такие документы будут признаны надлежащими доказательствами, если они получены, истребованы или представлены в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать ряд выводов. Сегодня достаточно остро стоит вопрос о целесообразности внесения изменений в уголовно-процессуальное доказательство, прежде всего связанных с «легализацией» цифровых доказательств. Подзаконные нормативные акты и судебная практика не должны решать возникшую проблему, связанную с применением цифровых доказательств.

Список литературы

1. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Рос. газета. 2018. 29 мая.
2. Лолаева, А. С. Вопросы цифровизации в новой редакции Конституции Российской Федерации / А. С. Лолаева // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2021. – № 1. – С. 110-113.
3. Барыгина А.А. Доказывание в уголовном процессе: оценка отдельных видов доказательств: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. С. 11.
4. Россинский С.Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 50.
5. Лолаева, А. С. Вопросы электронного правосудия в эпоху цифровизации / А. С. Лолаева // Государство и право в цифровую эпоху: Материалы международной научно-практической конференции Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 г., Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 года / Е. В. Трофимов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – С. 108-113.
6. Лолаева, Д. Т. Механизмы и средства воздействия на массовое сознание подрастающего поколения / Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев // Защита детства: проблемы, поиски, решения: Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции, Железноводск, 18–19 июня 2021 года / Под редакцией И.В. Иванченко. – Москва: Издательство «Знание-М», 2021. – С. 87-91.
7. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 // Рос. газета. 2017. 29 дек.
8. Пастухов П.С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах. 2019. № 1. С. 700.
9. Обидин К.В. Электронное доказательство: необходимый этап развития уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 206.
10. Журкина О.В. Электронные доказательства: понятие и признаки // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 46.
11. Лолаева, Д. Т. Исследование проблемы человека в современной философской мысли / Д. Т. Лолаева, Я. И. Санагоева, М. Д. Марзаева // Актуальные проблемы современной науки: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-методической конференции, Владикавказ, 24–25 мая 2019 года. – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 22-25.
12. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов / отв. ред. С. В. Зуев. М.: Юрайт, 2020. С. 12.
13. Бурнацева, З. М. Патриотизм как конституционная ценность современного российского общества / З. М. Бурнацева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник статей. Том Выпуск 58. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 491-493.

УДК 342.7

ПРИМЕНЕНИЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦСВЯЗИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Лолаева З.С. – преподаватель аграрного колледжа
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Исследуются вопросы применения видео-конференцсвязи в уголовном судопроизводстве. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что ее применение в уголовном судопроизводстве позволяет оптимизировать процессуальные издержки, избежать излишних расходов на обеспечение явки участников судебного заседания, способствует обеспечению безопасности участников судебного заседания, позволяя рассматривать ряд возникающих в уголовном судопроизводстве вопросов, не доставляя обвиняемых, представляющих потенциальную опасность, из мест предварительного заключения в помещения судов. Сделан вывод о том, что темпы и масштабы правового внедрения средств видео-конференцсвязи в уголовный процесс, которые можно было наблюдать до настоящего времени, нельзя назвать достаточными для полномасштабного разрешения требующих того процессуальных моментов, когда и технически, и административно уже допустимо применение рассматриваемой технологии удаленной связи.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, электронное правосудие, электронный документооборот, информационно-коммуникационные технологии, цифровая среда, цифровизация, системы электронного участия, видео-конференцсвязь, электронная повестка, СМС-уведомление, электронная копия материалов дела

Видео-конференцсвязь в настоящее время активно используется судами. Ее применение в уголовном судопроизводстве позволяет оптимизировать процессуальные издержки, избежать излишних расходов на обеспечение явки участников судебного заседания, способствует обеспечению безопасности участников судебного заседания, позволяя рассматривать ряд возникающих в уголовном судопроизводстве вопросов, не доставляя обвиняемых, представляющих потенциальную опасность, из мест предварительного заключения в помещения судов.

С каждым годом, возрастает применение видео-конференцсвязи при рассмотрении уголовных дел в суде. Следует подчеркнуть, что применение видео-конференцсвязи в уголовном судопроизводстве, имеет конституционно-правовую основу. Ст. 52 Конституции РФ устанавливает обязанность государства обеспечить доступ к правосудию. Конституционное требование об обеспечении государством потерпевшему доступа к правосудию предполагает наличие особого уголовно-процессуального механизма, позволяющего эффективно защитить интересы потерпевшего посредством возбуждения уголовного дела, производства его расследования и передачи в суд. Следовательно, одним из способов обеспечения потерпевшему доступа к правосудию является применение видео-конференцсвязи в процессе рассмотрения уголовного дела в суде. Таким образом, лица, задействованные в процессе видео-конференцсвязи, могут видеть и слышать все происходящее.

Одним из важнейших аспектов применения видео-конференцсвязи является взаимосвязь технических условий ее проведения со свойствами достоверности и допустимости доказательств, полученных таким путем, и возможности их использования при производстве по уголовному делу. Другой аспект, на который обращают внимание В.И. Качалов, О.В. Качалова это «достоверность и допустимость полученных посредством видеоконференцсвязи доказательств», которая «может быть обеспечена только при условии надлежащего качества изображения и звука и защищенности от внешнего вмешательства информационного канала связи».

«Помехи и сбои в видео-конференцсвязи, подключение третьей стороны к каналу связи и т.д. не позволяют признать доказательства, полученные таким путем, допустимыми» [1].

К сожалению, в российском уголовном судопроизводстве не определено понятие «видео-конференцсвязь». Отдельные статьи УПК РФ указывают на возможность ее применения в уголовном судопроизводстве. Тем не менее, юридическая характеристика понятия «видео-конференцсвязь (ВКС) дана Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 г. № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видеоконференцсвязи в федеральных судах об-

щей юрисдикции». Согласно п. 1.5 «Регламента организации применения видеоконференцсвязи в федеральных судах общей юрисдикции» «видео-конференцсвязь» это «способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеoinформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами» [2].

В УПК РФ упоминается возможность применения видео-конференцсвязи в следующих случаях:

1) ч. 6 ст. 35 УПК РФ - «по решению суда обвиняемый участвует в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи»;

2) ч. 4 ст. 240 УПК РФ - «свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования система видеоконференцсвязи»;

3) ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ - «в исключительных случаях в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства суд вправе при рассмотрении уголовных дел по ходатайству любой из сторон принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем видеоконференцсвязи»;

4) ст. 278.1 УПК РФ - «особенности допроса свидетеля путем использования систем видеоконференцсвязи»;

5) ч. 1 ст. 293 УПК РФ - «после окончания прений сторон председательствующий предоставляет подсудимому последнее слово, в том числе с использованием систем видеоконференцсвязи»;

6) ч. 2 ст. 389.12. УПК РФ - «осужденному, содержащемуся под стражей и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении апелляционных жалобы, представления, по решению суда обеспечивается право участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференцсвязи»;

7) ч. 8 ст. 389.13. УПК РФ - «суд апелляционной инстанции вправе исследовать доказательства с использованием систем видеоконференцсвязи»;

8) ч. 2 ст. 399 УПК РФ - «при наличии ходатайства осужденного об участии в судебном заседании суд обязан обеспечить его непосредственное участие в судебном заседании либо предоставить возможность изложить свою позицию путем использования систем видеоконференцсвязи»;

9) ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ - «потерпевший, его законный представитель, представитель могут участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференцсвязи»;

10) ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ - «лицо, содержащееся под стражей, или осужденный, отбывающий наказание в виде лишения свободы, вправе участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференцсвязи при условии заявления ими ходатайства об этом»;

11) ч. 3 ст. 473.4 УПК РФ - «лицу, в отношении имущества которого приговором, постановлением суда иностранного государства принято решение о конфискации, содержащемуся под стражей и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении запроса компетентного органа иностранного государства, по решению суда обеспечивается право участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видео-конференцсвязи, а также довести до сведения суда свою позицию через приглашенного им или по его поручению представителя либо в письменном виде» [3].

В случае решения судом вопроса об участии в судебном заседании участников уголовного судопроизводства, в том числе лица, содержащегося под стражей, осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы, путем использования систем видео-конференцсвязи, общий порядок организации обеспечения их участия определяется регламентом организации применения систем видео-конференцсвязи, утвержденным Судебным департаментом [4].

При рассмотрении уголовного дела в апелляционном или кассационном порядке, а также при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, «осужденному, содержащемуся под стражей и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении жалобы, представления либо при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, по решению суда обеспечивается право участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференцсвязи». «Форма такого участия определяется судом» [5].

Вопрос об участии в судебном заседании суда апелляционной или кассационной инстанции путем использования систем видеоконференцсвязи потерпевшего, его законного представителя, представителя решается судом при наличии соответствующего ходатайства, заявленного в течение 10 суток со дня получения извещения о проведении судебного заседания.

Цифровые технологии могут и должны служить вспомогательным инструментарием, обеспечивающим оптимально действенную организацию судебной деятельности, оперативный обмен информацией. Эти технологии должны использоваться исключительно в интересах правосудия, сокращая объем бумажной документации, сроки прохождения документов по инстанциям, облегчая процедуры подачи жалоб, упрощая этап подготовки жалоб к судебному заседанию и обеспечивая участие в рассмотрении жалоб лиц, удаленно проживающих (пребывающих) или по иным причинам не имеющих возможности явиться в суд. Иными словами, цифровые технологии должны оптимизировать судебный контроль для защиты конституционных прав граждан, в том числе на доступ к правосудию, не подменяя собой процедуры отправления правосудия с решающей в нем ролью человеческого фактора.

Вопрос о дальнейшем расширении возможностей применения цифровых технологий уголовного судопроизводства остро встал в период применения ограничительных мер в связи с распространением коронавирусной инфекции.

В своем обзоре, «посвященном применению законов в период пандемии, Верховный суд разъяснил: во время действия ограничительных мер, связанных с противодействием распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19), возможно рассмотрение судами уголовных дел и материалов с использованием систем видео-конференцсвязи. Речь о том, что абсолютно все заседания по уголовному делу могут пройти в режиме видеосвязи».

«Сегодня с помощью систем видеоконференцсвязи проходят лишь отдельные заседания, например, рассмотрение апелляционных жалоб на решение об аресте, рассмотрение кассационных жалоб осужденного на приговор и т.п. Но если дело слушается по существу в первой инстанции, то все-таки подсудимый присутствует в зале. Если человек находится под арестом, то из СИЗО его доставляет конвой» [7].

Именно в период ограничительных мер в Верховном суде России впервые была использована в ходе судебного заседания система веб-связи. Данная процедура заключалась в следующем: гражданин проходил регистрацию через портал госуслуг и получил возможность участвовать в судебном заседании через интернет».

Председатель Верховного суда РФ указал на необходимость юридического закрепления порядка применения системы веб-конференции, которая позволяет гражданам дистанционно участвовать в судебных заседаниях с помощью личного компьютера». Также следует законодательно ответить на ряд вопросов. Например, как обеспечить конфиденциальное общение защитника и подзащитного.

Тем не менее, В. Лебедев подчеркнул, что «онлайн-заседания станут дополнением, но никак не заменят обычные судебные процессы, когда все стороны процесса лично встречаются в зале заседания». Электронные процедуры могут стать спасением, когда возникают экстренные обстоятельства (кто-то из сторон процесса или нужных свидетелей находится в другом городе и не может приехать). Необходимость соблюдения санитарных норм тоже веский довод в пользу онлайн-процедур [8].

Таким образом, сегодня существует настоятельная потребность в информатизации и цифровизации правосудия. Этот общий тренд диктуется одинаковыми вызовами и преследует сходные цели. Электронная юстиция является эффективным средством повышения доступности, прозрачности и эффективности правосудия, дополнительной гарантией права на доступ к суду и судебной защите.

М.М. Трефилов считает целесообразным разработать проект федерального закона, регламентирующего применение средств видеоконференцсвязи в судах общей юрисдикции, а также устанавливать в более полном объеме права и обязанности участников судебного разбирательства.

В научной литературе высказывается мнение о необходимости дополнить УПК РФ новой статьей, которая устанавливала основания и порядок применения видеоконференцсвязи при производстве следственных и судебных действий. Мы полностью поддерживаем данную инициативу, поскольку внедрение видеоконференцсвязи в предварительное расследование позволит экономить время и оптимизировать работу следователя, обеспечит возможность проведения следственных действий в труднодоступных и отдаленных районах, а также безопасность участников процесса. В связи с этим, отмечает Н.Г. Шурухнов, «видео-конференцсвязь позволит и оптимизировать процедуру привлечения защитника, переводчика, специалиста при производстве неотложных следственных действий». «Присутствие указанных участников уголовного судопроизводства должно решаться при взаимодействии с соответствующим руководителем следственного органа». Далее подчеркивается, что указанное предложение нуждается в законодательном закреплении, в том числе следует регламентировать «осуществление допроса, очной ставки через посредство видео-конференцсвязи». Кроме

того, «актуальность реализации видеоконференцсвязи значительно возрастает в период распространения какой-либо инфекционной болезни на целые страны и материка (пандемии), как это происходит на современном этапе» [1].

Следует согласиться Т.Ю. Вилковой, которая обосновывает необходимость внедрения цифровых технологий на всех этапах уголовного судопроизводства. В связи с этим необходимо выделить следующие основные векторы цифровизации. Во-первых, «цифровое взаимодействие государственных органов и населения через единую защищенную цифровую онлайн-платформу, что позволит добиться более высокого качества уголовного судопроизводства» [10]. Во-вторых, «возможность подачи заявлений и сообщений о преступлении через специальный онлайн-сервис, интегрированный в указанную цифровую платформу». В-третьих, «внедрение автоматической регистрации таких сообщений и определение направления их движения с использованием возможностей искусственного интеллекта». В-четвертых, «замена традиционного уголовного дела на электронное». В-пятых, «использование в уголовном процессе недоступных при классическом подходе средств анализа материалов, зарекомендовавших себя в других отраслях промышленности (применение семантических нейронных сетей, компьютерного зрения, кластеризации данных и др.). В-шестых, «использование цифровых технологий при производстве следственных и иных процессуальных действий (в том числе видеоконференцсвязи, программ распознавания речи участников процессуального действия» [11].

Интересным также представляется предложение Е.Н. Калачевой «о разработке общероссийской информационной системы автоматизированного распределения поручений о назначении адвоката». «Главной ее частью будет личный кабинет адвоката как окно доступа к автоматизированному распределению дел, а впоследствии и как полноценное рабочее пространство адвоката, позволяющее подписывать любой электронный документ, обратиться к суду в электронном виде, участвовать в судебных заседаниях посредством видео-конференцсвязи, подавать заявления на оплату за участие в делах по назначению в уголовном, гражданском, административном судопроизводстве» [12].

Очевидно, что «использование средств видео-конференцсвязи в производстве целого ряда процессуальных действий могло бы сделать их не только более результативными, но и менее протяженными во времени, повысив в известных пределах общий организационный уровень отечественного уголовного процесса» [13].

В заключении хотелось бы отметить, что темпы и масштабы правового внедрения средств видео-конференцсвязи в уголовный процесс, которые можно было наблюдать до настоящего времени, нельзя назвать достаточными для полномасштабного разрешения требующих того процессуальных моментов, когда и технически, и административно уже допустимо применение рассматриваемой технологии удаленной связи.

Список литературы

1. Качалов В.И., Качалова О.В. Об использовании видео-конференц-связи в судебном производстве по уголовным делам // Российский судья. 2017. № 12. С. 38.
2. Об утверждении Регламента организации применения видео-конференцсвязи в федеральных судах общей юрисдикции [Электронный ресурс]: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации от 28 декабря 2015 г. № 401 (в ред. от 7 августа 2019 г.) // Справочно-правовая система «Консультант». URL: <http://base.consultant.ru/cons> (дата обращения: 17.02.2023).
3. Лолаева, А. С. Вопросы цифровизации в новой редакции Конституции Российской Федерации / А. С. Лолаева // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2021. – № 1. – С. 110-113.
4. Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде [Электронный ресурс]: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации от 29 апреля 2003 г. № 36 (в ред. от 21 октября 2019 г.) // Справочно-правовая система «Консультант». URL: <http://base.consultant.ru/cons> (дата обращения: 17.02.2023).
5. Лолаева, А. С. Вопросы электронного правосудия в эпоху цифровизации / А. С. Лолаева // Государство и право в цифровую эпоху: Материалы международной научно-практической конференции Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 г., Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 года / Е. В. Трофимов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – С. 108-113.
6. Лолаева, Д. Т. Механизмы и средства воздействия на массовое сознание подрастающего поколения / Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев // Защита детства: проблемы, поиски, решения: Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции, Железноводск, 18–19 июня 2021 года / Под редакцией И.В. Иванченко. – Москва: Издательство «Знание-М», 2021. – С. 87-91.

7. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 [Электронный ресурс] Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации URL: <http://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 17.02.2023).

8. Куликов В. Рассудят по телефону. Глава Верховного суда: Будут прописаны правила онлайн-заседаний // Рос. газета. 2020. 7 июля.

9. Шурухнов Н.Г. Качество неотложных следственных действий как необходимое условие эффективности расследования: к проблеме использования информационных технологий // Российский следователь. 2020. № 8. С. 22.

10. Вилкова Т.Ю. Реализация конституционной обязанности государства обеспечить доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 163.

11. Лолаева, Д. Т. Исследование проблемы человека в современной философской мысли / Д. Т. Лолаева, Я. И. Санагоева, М. Д. Марзаева // Актуальные проблемы современной науки: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-методической конференции, Владикавказ, 24–25 мая 2019 года. – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 22-25.

12. Калачева Е.Н. Цифровизация системы назначения адвоката в различных видах судопроизводства: концептуальный подход // Адвокатская практика. 2020. № 4. С. 8.

13. Бурнацева, З. М. Патриотизм как конституционная ценность современного российского общества / З. М. Бурнацева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник статей. Том Выпуск 58. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 491-493.

УДК 342.7

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лолаева З.С. – преподаватель аграрного колледжа
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Исследуются роль и значение цифровизации уголовно-процессуальной деятельности. Цифровизация в уголовном судопроизводстве обусловлена стремлением повысить эффективность уголовного судопроизводства и гарантировать защиту прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Таким образом, вопросы, связанные с цифровизацией уголовно-процессуальной деятельности, приобрели особую актуальность и представляют интерес, как с позиции теории, так и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, электронное правосудие, электронный документооборот, информационно-коммуникационные технологии, цифровая среда, цифровизация, системы электронного участия, видео-конференцсвязь, электронная повестка, СМС-уведомление, электронная копия материалов дела

Четвертая промышленная революция привела к внедрению инноваций и кардинальной технологической трансформации различных сфер жизни общества. В большей степени они затронули экономику, производство, медицину, образование и др. Кроме того повлекла смену социальной парадигмы и преобразованию нормативно-правовой базы.

Цифровизация была обусловлена стремительным развитием информационных технологий, микроэлектроники и коммуникаций в большинстве стран мира. Сегодня она приобрела глобальный характер и затронула каждое государство планеты [1].

Отправной точкой в развитии информационного общества и внедрения цифровых технологий было подписание 22 июня 2000 г. главами «Группы восьми» Окинавской Хартии глобального информационного общества. В данном документе подчеркивалось, что «информационно-коммуникационные

технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества». «Информационные технологии становятся жизненно важным стимулом развития мировой экономики, дают возможность более эффективно и творчески решать экономические и социальные проблемы».

В качестве одного из направлений развития информационно-коммуникационных технологий и информационного общества предполагалось «формирование политического, нормативного и сетевого обеспечения» [2]. Многие положения Окинавской Хартии послужили основой для развития российского законодательства в области внедрения цифровых технологий. Таким образом, фактически с 2000 года началось формирование многоуровневой системы нормативно-правового регулирования цифровизации в России.

Президент РФ В.В. Путин неоднократно обращал внимание в своих посланиях Федеральному Собранию на необходимость внедрения новых технологий и цифровизации различных сфер [3].

В «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» определены основные направления «формирования информационного общества, национальной цифровой экономики, обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов» [4].

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [5] определил развитие цифровой экономики как одного из государственных приоритетов. Развитие цифровой экономики предполагает решение ряда стратегических задач, среди которых: «создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в каждой сфере; обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики; внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, и др.». Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» «цифровая трансформация» была определена как одна из целей прорывного развития Российской Федерации». В рамках достижения указанной цели предполагается:

- 1) «достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления»;
- 2) «увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 процентов»;
- 3) «рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», до 97 процентов»;
- 4) «увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в четыре раза по сравнению с показателем 2019 года» [6].

А.А. Саурин констатирует, что «цифровизация представляет собой глобальное явление, обладающее трансформационным потенциалом, которому уже подвергаются ключевые сферы общественной жизни». «Право как регулятор отношений продолжит испытывать на себе ее воздействие, и важно, какой путь будет выбран - следования или отказа от догм?» «Изменения - процесс неизбежный и постоянный, но цифровизация способна радикально увеличить его скорость» [7].

Активное внедрение цифровых технологий закономерно приводит и к трансформации непосредственно самого права. Именно через правовую форму осуществляется легализация цифровых технологий. В связи с чем, следует согласиться с мнением О.В. Танимова, который указывает на то, что цифровая трансформация оказывает серьезное влияние на отечественную систему права. Стали «появляться новые отрасли (информационное право), подотрасли (киберправо, право цифровой администрации, интернет-право, компьютерное право и др.), институты (электронная подпись, телеработа, электронное правосудие, цифровая медицина, электронный договор (трудовой) и др.), а также нормы (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ)»¹.

Следует отметить, что среди нормативно-правовых актов, регулирующих различные аспекты цифровой трансформации, преобладают не законы, а подзаконные правовые акты. Такой подход, на наш взгляд, не позволяет сформировать целостную и слаженную систему нормативно-правового регулирования цифровой трансформации в различных сферах. Существующая в настоящее время правовая база лишь фрагментарно решает задачи, связанные с указанными выше процессами [8].

В настоящее время, законодательство активно оперирует следующими терминами «цифровизация», «цифровая экономика», «цифровая трансформация», «цифровые технологии» и др.

Тем не менее, на законодательном уровне отсутствует ряд определений содержательного объема основополагающих терминов, связанных с цифровой трансформацией. Так, не понятно, что подразумевает законодатель, активно используя в различных нормативно-правовых актах такое понятие как «цифровизация».

Понятие «цифровая экономика» раскрывается в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [9], под которой понимается «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг».

Термин «цифровая трансформация» определен в Постановлении Правительства Российской Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами». Согласно данному правовому акту «цифровая трансформация» это «совокупность действий, осуществляемых государственным органом, направленных на изменение (трансформацию) государственного управления и деятельности государственного органа по предоставлению им государственных услуг и исполнению государственных функций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в свою деятельность» [10].

При этом, цифровая трансформация должна соответствовать показателям результативности, которые должны быть сформированы с учетом следующих целей цифровой трансформации:

- а) «повышение удовлетворенности граждан государственными услугами, в том числе цифровыми, и снижение издержек бизнеса при взаимодействии с государством»;
- б) «снижение издержек государственного управления, отраслей экономики и социальной сферы»;
- в) «создание условий для повышения собираемости доходов и сокращения теневой экономики за счет цифровой трансформации»;
- г) «повышение уровня надежности и безопасности информационных систем, технологической независимости информационно-технологической инфраструктуры от оборудования и программного обеспечения, происходящих из иностранных государств»;
- д) «обеспечение уровня надежности и безопасности информационных систем, информационно-телекоммуникационной инфраструктуры».

Вместе с тем цифровая трансформация характеризуется не только качественными изменениями в жизни общества, но и вызывает многочисленные деструктивные явления, риски и угрозы различного уровня. Прежде всего, распространение преступности в киберпространстве, кража «данных» и персональной информации, конфликты между различными социальными группами, рост безработицы, миграция, тотальный контроль над личностью человека [11].

Перечисленные выше и многие другие проблемы ставят перед российским государством ряд задач, которые требуют быстрого и адекватного решения. Следует исходить из того, что активное внедрение искусственного интеллекта и применение информационных технологий в различных сферах деятельности человека является не только необходимым, но и неизбежным процессом.

Одной из наиболее значимых является деятельность, связанная с обеспечением безопасности личности, общества и государства. Особая роль здесь принадлежит правоохранительным органам, которые в силу своих полномочий, осуществляют комплексное противодействие различным видам противоправных и деструктивных явлений. Новые вызовы и угрозы, требуют от правоохранительных органов, прежде всего осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, оперативного и равнозначного ответа.

П.П. Ищенко, анализируя уголовно-процессуальное законодательство, обращает внимание на то, «что в нем получили закрепление лишь некоторые из информационных и цифровые технологии», «преимущественно те, которые сложно игнорировать по причине распространенности в повседневном обиходе» [12]. Далее, указанный выше автор, к такого рода «технологиям» относит следующие.

Во-первых, «признание законодателем электронных носителей информации вещественными доказательствами, к определению порядка их изъятия и хранения (ч. 4 ст. 81, ст. 81.1, ч. 2.1 ст. 82, ст. 164.1 УПК РФ).

Во-вторых, «признание документами материалов, содержащих сведения, как в письменном, так и в ином виде (фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иных носителей информации - ч. 2 ст. 84 УПК РФ).

В-третьих, «признание доказательственного значения материалов контроля и записи переговоров, а также информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и получаемых в результате этого документов и фонограмм (ст. ст. 186, 186.1 УПК РФ).

В-четвертых, «признание возможности производства по решению суда осмотра и выемки электронных сообщений или иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи (ч. 7 ст. 185 УПК РФ).

В-пятых, «признание процессуальной значимости результатов применения технических средств в процессе производства следственных действий (ч. ч. 5, 8 ст. 166, ч. 3 ст. 180, ч. 4 ст. 189 УПК РФ), среди которых упоминаются и электронные носители информации».

В-шестых, «возможность изготовления процессуальных документов электронным способом (ч. 2 ст. 474, ст. 474.1 УПК РФ)».

В-седьмых, «производство допроса в суде при помощи видео-конференц-связи».

Н.А. Колоколов также утверждает, что «цифра в уголовном процессе разрешит все проблемы, свойственно забегание вперед». «В то же время правы те, кто возмещает, что искусственный интеллект вытеснит широкий пласт юристов» [13].

Г.Я. Борисевич, напротив, весьма оптимистично смотрит на возможность цифровизации уголовного судопроизводства, которая «существенно скажется на эффективности деятельности правоохранительных органов и судов, обусловит их техническое оснащение, юридическую грамотность должностных лиц государственных органов в сфере компьютеризации, будет способствовать защите прав и законных интересов граждан, укреплению законности в нашем государстве». «Это обеспечит существенную экономию ресурсов; упрощение процесса совершения отдельных процессуальных действий в производстве по уголовным делам; позволит преодолеть трудности следователям в раскрытии и расследовании преступлений при наличии электронных следов; будет способствовать доступу граждан к правоохранительным органам и правосудию» [14].

Современные российские юристы видят следующие направления цифровизации уголовно-процессуальной деятельности.

Первое направление - интеграция компьютерного моделирования в процесс выявления, расследования и раскрытия преступлений. «Цифровизация создает уникальные возможности для моделирования интересующих следствие ситуаций, моделирования физической, психической и интеллектуальной активности подозреваемых, потерпевших и свидетелей.

Возможности компьютерной технологии big data позволяют строить все более сложные модели и рассчитывать все большее количество возможных случаев» [15].

Второе направление - внедрение в уголовное судопроизводство «электронных доказательств».

Третье направление - внедрение цифровых сервисов в деятельность правоохранительных органов и суда. В рамках оптимизации межведомственного взаимодействия правоохранительных и судебных органов предлагается создать государственную цифровую платформу, которая позволит наладить электронный документооборот в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Четвертое направление - параллельно с бумажным уголовным делом вести электронное уголовное дело.

Несмотря на наличие в юридической литературе различных подходов к пониманию цифровизации, следует исходить из того, что данные процессы нуждаются в правовом оформлении.

Цифровизация в уголовном судопроизводстве обусловлена стремлением повысить эффективность уголовного судопроизводства и гарантировать защиту прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Таким образом, вопросы, связанные с цифровизацией уголовно-процессуальной деятельности, приобрели особую актуальность и представляют интерес как с позиции теории, так и правоприменительной деятельности.

Список литературы

1. Лолаева, А. С. Вопросы цифровизации в новой редакции Конституции Российской Федерации / А. С. Лолаева // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2021. – № 1. – С. 110-113.

2. Окинавская хартия глобального информационного общества [Электронный ресурс]: принята на о. Окинава 22 июля 2000 г.// Справочно-правовая система «Консультант». URL: <http://base.consultant.ru/cons>. (дата обращения: 17.12.2020).

3. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]: послание Президента Рос. Федерации Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. // Справочно-правовая система «Консультант». URL: <http://base.consultant.ru/cons>. (дата обращения: 17.12.2020); Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]: послание Президента Рос. Федерации Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. Официальный сайт Российской газеты URL: <http://rg.ru> (дата обращения: 19.12.2020).

4. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2018 № 204 (в ред. от 21 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817.

6. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Рос. Федерации от 21 июля 2020 г. № 474// Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 30. Ст. 4884.

7. Саурин А.А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 31.

8. Лолаева, А. С. Вопросы электронного правосудия в эпоху цифровизации / А. С. Лолаева // Государство и право в цифровую эпоху: Материалы международной научно-практической конференции Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 г., Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 года / Е. В. Трофимов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – С. 108-113.

9. О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203// Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

10. О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами (вместе с «Положением о ведомственных программах цифровой трансформации»): постановление Правительства Рос. Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646// Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 42. Ч. III. Ст. 661.

11. Лолаева, Д. Т. Механизмы и средства воздействия на массовое сознание подрастающего поколения / Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев // Защита детства: проблемы, поиски, решения: Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции, Железноводск, 18–19 июня 2021 года / Под редакцией И.В. Иванченко. – Москва: Издательство «Знание-М», 2021. – С. 87-91.

12. Ищенко П.П. Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex russica. 2019. № 12. С. 79.

13. Колоколов Н.А. Компьютер вместо судьи - арифметика вместо души // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 3 - 7.

14. Борисевич Г.Я. О развитии межотраслевого института, регулирующего применение электронно-информационных технологий в уголовном судопроизводстве России // Пермский юридический альманах. 2019. № 1. С. 617.

15. Лолаева, Д. Т. Исследование проблемы человека в современной философской мысли / Д. Т. Лолаева, Я. И. Санакоева, М. Д. Марзаева // Актуальные проблемы современной науки: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-методической конференции, Владикавказ, 24–25 мая 2019 года. – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 22-25.

16. Бурнацева, З. М. Патриотизм как конституционная ценность современного российского общества / З. М. Бурнацева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник статей. Том Выпуск 58. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 491-493.

¹ Шурухнов Н.Г. Качество неотложных следственных действий как необходимое условие эффективности расследования: к проблеме использования информационных технологий // Российский следователь. 2020. № 8. С. 22.

УДК 34

**ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ
В КОНТЕКСТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИИ)**

Багаева А.А. – к.и.н., старший преподаватель кафедры публичного права и органов власти
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы нормативно-правового регулирования защиты персональных данных в Грузии. Автором анализируются положения Европейской конвенции о защите прав и основных и свободах человека 1950 г., Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г., а также законодательство Грузии в сфере защиты персональных данных в Грузии. На основании общего анализа данных вопросов сделаны выводы о перспективах развития системы защиты персональных данных в Грузии.

Ключевые слова: права человека, гарантии прав человека, персональные данные, защита персональных данных, Грузия

Проблемы защиты персональных данных в контексте современной теории и практики права, особенно в условиях бурного развития информационных технологий, являются относительно новыми для грузинского права, как с точки зрения его академического исследования, так и с точки зрения практического применения. Защита персональных данных в настоящее время является одной из наиболее быстро и динамично развивающихся областей права, которая интенсивно развивается как внутри отдельных стран, так и на региональном уровне. Можно утверждать, что динамика развития законодательства о персональных данных практически отражает неумолимый рост вовлечения коммуникационных технологий в личную жизнь людей.

Актуальность настоящего исследования определяется несколькими факторами. Грузия является участницей Конвенции 1981 года «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» [1] и, как ее государство-член, обязана полностью имплементировать положения Конвенции в национальное законодательство. Кроме того, защита персональных данных является темой переговоров «Европейской политики соседства (ЕПС) между Грузией и Европейским союзом, что связано с стремлением Грузии интеграции в ЕС. Многие решения и услуги электронного правительства внедряются как в государственном, так и в частном секторах Грузии, большинство из которых все больше полагаются на обработку персональных данных и обмен ими между различными информационными системами.

Конвенция о защите прав и основных свобод человека 1950 года [2] не содержит отдельного права, регулирующего защиту персональных данных. Обязательство государств-участников Конвенции защищать персональные данные от вмешательства, в контексте статьи 8 Конвенции (неприкосновенность частной жизни), было признано Европейским судом по правам человека в конце 70-х годов прошлого века.

Статья 15 Конституции Грузии 1995 года гарантирует неприкосновенность личной и семейной жизни каждого человека, личного пространства и коммуникации. Конституция допускает ограничение этих прав в случае решения суда или настоятельной необходимости, предусмотренной законом [3]. В связи с этим конституционную норму можно рассматривать только как общую гарантию права на неприкосновенность частной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В то же время отметим, что в статье 18 Конституции Грузии содержится норма о запрете доступа к информации, содержащейся в официальных записях органов публичной власти, связанной со здоровьем человека, его финансами или другими личными вопросами, без согласия самого этого человека. Исключения составляют предусмотренные законом случаи, когда это необходимо для обеспечения государственной или общественной безопасности, охраны публичных интересов, здоровья или прав других лиц.

Учитывая, что в законодательные акты Грузии, принятые в конце 90-х годов прошлого века, были внесены лишь минимальные изменения, на протяжении длительного времени отсутствовала практика работы с персональными данными. Только в 2006 году Правительство Грузии начало раз-

работку специального законопроекта о защите персональных данных. Работа над законопроектом велась при координации Министерства юстиции Грузии и непосредственном участии представителей неправительственного сектора. Европейский союз также принимал участие в разработке законопроекта, в основном посредством организации экспертной помощи и ознакомительных визитов. Работа над законопроектом продолжалась в течение нескольких лет, и только в декабре 2011 года Парламент Грузии принял Закон «О защите персональных данных» [4].

Принятие Закона позволило исправить многие недостатки грузинского законодательства. В первую очередь обращает на себя внимание структура и логика самого закона, в силу чего он отводит субъекту персональных данных центральное место и рассматривает гарантии защиты персональных данных как права субъекта. Этот перечень прав отражает основные требования Конвенции 1981 г.

Закон Грузии «О защите персональных данных» содержит подробные определения, которые в отношении понятий общего и общего характера (таких как персональные данные, специальные (конфиденциальные) данные, обработка данных, согласие, обезличивание и т.п.) содержат определения других, с точки зрения более специального использования, которые указывают на технологическую сторону обработки данных (файловая система, реестр, каталог). Хотя наличие определений само по себе имеет существенное значение для стандартов законодательства о защите персональных данных, наличие определений терминов особенно актуально для Грузии, как страны, в которой нет устоявшейся практики судебного обеспечения соблюдения персональных данных и, следовательно, требует единого подхода к проблемным вопросам будущей практики. Закон также признает такие важные принципы обработки данных, как качество данных, законность и необходимость, а также ограничения сроков обработки. Подробно разъясняются основания и ограничения обработки данных особой категории (деликатных), а также обработка таких данных, как: данные об умерших лицах, обработка биометрических данных, видеонаблюдение на улице, видеонаблюдение за зданиями государственных и частных учреждений и т.д.

Центральным и наиболее объемным нововведением являлось учреждение национального надзорного органа по защите данных – Института инспектора по защите данных. В 2013 году сформировался аппарат инспектора персональных данных, полномочия которого в течение последующих лет все больше и больше расширялись и включали такие направления, как помощь и консультации, оперативно-розыскная деятельность (проверка), рассмотрение и разрешение жалоб, просветительская деятельность, публичная отчетность и др. Учитывая специфику полномочий инспектора, большое внимание уделялось правилам назначения и увольнения инспектора по защите информации, а также гарантиям его независимости, что сближало его статус со статусом общественного защитника (омбудсмена), предусмотренного Конституцией Грузии.

В июне 2018 года Парламент Грузии принял Закон «О Службе Государственного инспектора» [5], на основании которого была упразднена должность инспектора защиты персональных данных, а полномочия аппарата были переданы Службе государственного инспектора, которая начала функционировать с 2019 года. Основными задачами Службы является осуществление контроля за законностью обработки персональных данных; контроля активностей, осуществляемых в центральном банке данных, идентифицирующих тайные следственные действия и электронные коммуникации; беспристрастное и эффективное расследование преступлений в данной сфере.

В 2020 году был подготовлен новый законопроект «О персональных данных», направленный на усиление прав граждан в этой сфере. Также согласно законопроекту, компании, учреждения и все лица, отвечающие за обработку персональных данных, обязаны назначить соответствующих офицеров, которые будут взаимодействовать со Службой госинспектора. Однако данный законопроект остался на стадии рассмотрения.

Общий административный кодекс Грузии содержит лишь правила, устанавливающие запрет на разглашение публичным учреждением персональных данных лица без его согласия, за исключением предусмотренных законом случаев, когда это необходимо для обеспечения государственной или общественной безопасности, защиты публичных интересов, здоровья или прав других людей. В то же время персональные данные должностных лиц, а также выдвинутых на должность кандидатов являются публичными (ст. 44). [6].

В других законодательных актах Грузии защита персональных данных встречается только в двух разных случаях. В контексте конфиденциальной информации статья 21 Закона Грузии «О пра-

вах пациента» гласит, что дееспособный пациент имеет право решать о состоянии его здоровья, вопрос о предоставлении информации и указании конкретного лица, которому эта информация должна быть предоставлена [7]. Это положение также устанавливает в общей форме обязанность фиксировать предоставление этих сведений в медицинской документации.

Согласно статье 8 Закона «Об электронных коммуникациях» [8] сведения о пользователе сетей электронной связи, а также информация, передаваемая пользователем посредством этой связи, являются секретными. Поставщик электронных коммуникаций обязан защищать конфиденциальность этой информации, за исключением случаев, специально разрешенных законом для целей оперативной деятельности.

Важным отличием этих двух не связанных между собой положений от общих положений о защите персональных данных являются вытекающие из них обязательства для физических лиц и организаций, в то время как Общий административный кодекс Грузии устанавливает обязательства, направленные только на публичные учреждения. Само существование такого подхода, когда центральный правовой акт о персональных данных не является основанием для закрепления норм в других законах, не соответствует норме имплементационного законодательства, установленной Конвенцией 1981 г.

Даже при поверхностном анализе законодательства Грузии, можно прийти к выводу о том, что защита персональных данных в республике не в полной мере является составной частью гарантий прав человека: закон в основном регулирует обязанности публичных учреждений, а не права субъекта персональных данных в части разрешения на получение данных, их обработки, получения и управления информацией.

Внедрение совершенной правовой системы защиты персональных данных в Грузии требует концептуального пересмотра и модернизации прошлых и нынешних общественных ценностей. Грузии предстоит быстро пройти путь развития правосознания, который европейские страны проходят последние десятилетия. В связи с этим введение гарантий защиты персональных данных в систему правовых ценностей Грузии проще всего осуществить путем признания права человека на защиту персональных данных в качестве отдельной гарантии. У Грузии есть все средства для внедрения совершенной правовой базы для защиты персональных данных и создания своих правоприменительных механизмов, используя богатый опыт зарубежных стран с целенаправленным использованием быстрых реформ и политической воли. Признав право на защиту персональных данных неотъемлемой частью гарантий права прав человека, применимых в Грузии, Грузия сделает важный шаг, чтобы присоединиться к глобальному развитию этой динамичной и интересной области права.

Список литературы

1. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) // СЗ РФ от 03.02.2014. №5. Ст. 419.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // СЗ РФ от 18.05.1998 г. №20. Ст. 2143.
3. Конституция Грузии. Принята 24.08.1995 г. (ред. от 23.03.2018) // Ведомости Парламента Грузии от 24.08.1995 г. №31-33.
4. Закон Грузии от 28.12.2011 г. №5669 «О защите персональных данных» (ред. от 30.11.2022). [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:<https://matsne.gov.ge/ru/document/view/1561437?publication=24> (Дата обращения 15.02.2023)
5. Закон Грузии от 21.07.2018 №3273 «О Службе Государственного инспектора» (ред. от 20.09.2019). [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:<https://matsne.gov.ge/ru/document/view/4276790?publication=5> (Дата обращения 15.02.2023).
6. Общий административный кодекс Грузии от 25.06.1999 № 2181 (ред. от 30.11.2022 г.). [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:<https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16270?publication=41> (Дата обращения 15.02.2023).
7. Закон Грузии от 05.05.2000 г. №283 «О правах пациента» (ред. от 15.12.2022 г.). [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:<https://matsne.gov.ge/ka/document/view/16978?publication=12> (Дата обращения 15.02.2023).
8. Закон Грузии от 02.06.2005 г. №1514 «Об электронных коммуникациях» (ред. от 24.05.2022 г.). [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/29620?publication=44> (Дата обращения 15.02.2023).

УДК 347.961.4

СТАНОВЛЕНИЕ ЧАСТНОГО НОТАРИАТА В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ–АЛАНИЯ

Хутинаева З.В. – старший преподаватель кафедры гражданского, уголовного права и процесса ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматриваются эволюция нотариальной деятельности, в том числе становление института частного нотариата Республики Северная Осетия–Алания.

Ключевые слова: *нотариат, нотариальная деятельность нотариальные услуги, частнопрактикующий нотариус, нотариальная палата*

История нотариата Северной Осетии неразрывно связана с историей нотариата Российской империи, которая берет свое начало с деятельности площадных подьячих XIV века, подтверждающих совершение сделок за вознаграждение (пошлина).

Судебная реформа 1864 года трансформировала нотариальные услуги в профессиональную деятельность специально уполномоченных лиц. В этом качестве нотариат был унаследован молодым советским государством, которое в 1922 году юридически закрепило новый статус нотариуса [3]. Функции его по осуществлению ряда нотариальных действий в первые годы советской власти были возложены на отделы юстиции, органы загса, судей, причем, преимущественно на последних, так, нотариат стал частью советской юстиции.

Впоследствии подчиненность нотариата неоднократно менялась: она переходила от Министерства юстиции к судам. В п. 4 Положения о государственном нотариате РСФСР, утвержденного постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1930 г. нашло подтверждение, а в дальнейшем в ст. 9 Положения о государственном нотариате РСФСР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 сентября 1965 г., Верховный Суд РСФСР закреплял сеть государственных нотариальных контор. Председатель Верховного Суда РСФСР назначал и освобождал от должности старших нотариусов первых нотариальных контор. Нотариальные конторы содержались за счет республиканского бюджета по смете Верховного Суда РСФСР.

Вплоть до 1973 года, благодаря вышеуказанному, можно констатировать, что институт растворился в системе судоустройства.

Значительные перемены данного института связаны с принятием Закона СССР от 19 июля 1973 года «О государственном нотариате», в котором руководство государственным нотариатом передано органам юстиции. В этот период на должности государственных нотариусов назначались только граждане СССР, имеющие высшее юридическое образование. Но с учетом того, что значительное число нотариусов не имели такого образования, было предусмотрено исключение: «В отдельных случаях, предусмотренных законодательством союзных республик, на должности государственных нотариусов могут назначаться лица, не имеющие высшего юридического образования» (ст. 5 Закона о государственном нотариате).

Сама профессия нотариуса в юридической среде в указанный период не была особо авторитетной. В умах обывателей образ советского нотариуса был сформирован не совсем лестным: «...мужчины 35 лет с начальным образованием, без юридической подготовки, со стажем работы в органах юстиции в два года... на нотариусов смотрят как на дом инвалидов» [4].

Немудрено, что при таком кадровом составе и низкой заработной плате была неизбежна бесконечная текучка. Да, и необходимость, в принципе, в тот период в высокопрофессиональных нотариусах в виду слабой развитости гражданского оборота отсутствовала. При этом нельзя не отметить абсолютное доверие граждан к представителям этой профессии, что связано с невысоким уровнем юридической грамотности населения и возможностью получения бесплатной правовой помощи.

В тот период никому не могло прийти в голову, что нотариальные услуги станут жизненно важны и каждодневно востребованы обществом буквально через несколько десятилетий, и нотариус превратится в орган превентивного правосудия, стоящий на защите прав и законных интересов обратившихся к нему граждан и юридических лиц.

Переход от командной экономики к рыночной, закрепление института частной собственности,

легализация предпринимательства побудили государство трансформировать нотариальную деятельность. Можно говорить о полной «перезагрузке» нотариата, полученной им в 1993 году, что выразилось в появлении нового субъекта правоотношений - частнопрактикующего нотариуса [6], расширилась область применения услуг нотариуса, прекращении административного контроля со стороны государства [7]. Как и государственный нотариус, последний совершает действия от имени государства, но находится, при этом в особом правовом режиме: не является государственным служащим, должен быть членом корпорации - нотариальной палаты, взимаемая пошлины обращается им в свою собственность.

Все эти изменения нашли отражение в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате [1], которые сформировали принципиально иную нормативную основу и заложили возможность возрождения института нотариата в его классическом явлении (латинский тип).

Так и нотариат Северной Осетии прошел весь путь развития в составе российского нотариата.

В дореволюционной Осетии услуги нотариуса не были востребованы в связи с тем, что имущественные отношения регулировались осетинским обычным правом (агъдау) [5]. Специфика края даже Владикавказским горским словесным судам диктовала необходимость решения дел на основании местных обычаев, и «только по таким делам, для которых обычай не сложился» руководствовались общими законами Империи [8].

В 1871 г Государственный совет ввел во Владикавказском округе действие судебных уставов России после упразднения Владикавказского горского словесного суда. С этого времени наряду с открытием Владикавказского окружного суда с прокурорским надзором, судебных мировых участков открывались нотариальные архивы и конторы.

Советский период нотариата Северной Осетии связан с Терским революционным комитетом, приступившим к восстановлению советской судебной системы, разрушенной в период белогвардейского владычества, и введению нотариата в подчинение судебным органам [2]. Лишь 6 июля 1937 года был создан Народный комиссариат юстиции Северо-Осетинской АССР, на который возлагалось решение многих задач, одной из которых была организация нотариальных контор и руководство их деятельностью.

У самых истоков зарождения нотариата в нашей республике на плечи которых легла нелегкая ноша по организации нотариальной деятельности стояли замечательные женщины - высококвалифицированные специалисты, профессионалы и одними из первых нотариусов Северной Осетии, - Республики - государственные нотариусы: Хоруева Валентина Михайловна, Гагиева Анна Сафроновна, Галазова Дзиба Михайловна, Трубникова Мария Сергеевна, Моргоева Наталия Амурхановна, Полякова Лилия Дмитриевна.

16 ноября 1993 года выдана первая лицензия на право осуществления нотариальной деятельности в нашей республике. Ее обладателем и первым нотариусом, занимающимся частной практикой стала - Бэлла Петровна Губаева.

В настоящее время - общая численность нотариального корпуса нашей республики, включающая в себя частнопрактикующих нотариусов на сегодня - 56 человек.

1999 год является знаковым для анализируемого института созданием в Республике Нотариальной палаты РСО-Алания, и избранием на пост её первого президента Таисии Александровны Кайтуковой, которая возглавила Палату в самые трудные годы становления.

Нотариальная палата РСО-Алания существует уже 24 года и данный период прошел довольно плодотворно. За указанное время многое достигнуто. Приобретено, отремонтировано и обустроено помещение Палаты, приобретается движимое имущество, сформирован штат сотрудников Палаты.

Палата ежегодно организует прохождение стажировки лицами, желающими сдать квалифицированный экзамен, выезды нотариусов на курсы повышения квалификации, проведение семинарских занятий для нотариусов, с приглашением ученых из ведущих вузов страны, оказывает помощь в оснащении нотариусов едиными электронными системами, оказывает юридическим и физическим лицам помощь при осуществлении ими своих прав и защите законных интересов, в том числе организуя в помещении Палаты проведение дней бесплатной юридической консультации населения нотариусами, в рамках государственной программы «Бесплатная юридическая помощь населению».

Многое сделано, но еще больше предстоит сделать нотариальному сообществу для обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариальных действий, используя весь потенциал современных технологий.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Закон от 11.02.1993 года № 4462-1 с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023: [утвержден Верховным Советом РФ 11 февраля 1993г.] - Текст: электронный. - URL: [http:// Consultant.ru>document](http://Consultant.ru/document).
2. Постановление ЦИК СССР от 14 мая 1926 года «Об общих принципах организации государственного нотариата». - Текст: электронный. - URL: [http:// Consultant.ru>document](http://Consultant.ru/document).
3. Положение о государственном нотариате РСФСР от 4 октября 1922 г. [утверждено Декретом СНК РСФСР 4 октября 1922г.] - Текст: электронный. - URL: [http:// Consultant.ru>document](http://Consultant.ru/document).
4. Кодинцев, А.Я. Управление системой нотариата накануне Великой Отечественной войны // Нотариус. - 2007. - № 2. - С. 46.
5. Бурнацева, З.М. Действие обычно - правовых норм в современных северокавказских социумах/ З.М. Бурнацева // Аграрное и земельное право. -2019. - № 10 (178). - С. 21-22.
6. Хутинаева, З.В., Бурнацева, З.М., Габараева, Н.В., Качмазова, А.В. Развитие института бесплатного оказания юридической помощи/ З.В. Хутинаева, З.М. Бурнацева, Н.В. Габараева, А.В. Качмазова // Вестник научных трудов молодых ученых, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет». - Владикавказ: изд. Горский ГАУ, 2015. - С. 279-282.
7. Хутинаева, З. В., Габараева, Н. В. Уголовно-правовая регламентация злоупотреблений полномочиями частными нотариусами/ З. В. Хутинаева, Н. В. Габараева // Инновационные технологии производства и переработки сельскохозяйственной продукции. Материалы Всероссийской научно-практической конференции в честь 90-летия факультета технологического менеджмента. – Владикавказ: изд. Горский ГАУ, 2019. - С. 400-403.
8. Нотариальная палата РСО–Алания: официальный сайт. - Владикавказ. - Обновляется в течение суток. - Текст: электронный. - URL: <http://www.gibdd.ru>(дата обращения 05.02.2023).

УДК 347

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Джикаева Ф.З. – к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ

Качмазова Д.М. – к.ю.н., заведующая кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Габараева М.Т. – старший преподаватель кафедры конституционного права ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматривается роль государства в развитии цифровой экономики. Определены свойства цифровых технологий. Сделан вывод о том, что цифровые технологии являются основой экономики всех развитых стран, понятийный аппарат цифровой экономики требует значительных доработок, кроме того, многие теоретические разработки в данном направлении уже теряют свою актуальность. В частности, в современных условиях цифровизацию отраслей экономики сменяет цифровая трансформация, так как технологии не просто встраиваются в существующие бизнес-процессы, а коренным образом их меняют, становятся их неотъемлемой, образующей частью.

Ключевые слова: *цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые данные*

Повсеместное распространение информационных технологий, применение их во всех сферах человеческой деятельности в последние десятилетия привело к появлению таких понятий как «цифровая экономика», «цифровая трансформация», «цифровизация». В настоящее время цифровизация является мировым трендом, вместе с тем, общепринятого определения данного понятия не существует: определения «цифровизации» либо не учитывают все существенные аспекты, либо теряют свою актуальность. Не определены границы между понятиями «цифровизация экономики» и «цифровая трансформация экономики». Несмотря на то, что цифровая экономика является одним из приоритетов

государственного развития (реализуется национальный проект «Цифровая экономика», в ведущих вузах страны преподаются курсы с аналогичным названием), теоретическая база в рамках данного понятия требует значительных доработок [1].

В целях раскрытия понятия «цифровая экономика» раскроем такие понятия, как «цифровые технологии» и «цифровые данные».

Цифровые данные - это вид информации, который представляет собой некие сведения, сообщения, данные, закодированные в цифровой форме (в виде числового кода, который обеспечивает возможность их обработки) [2].

Цифровые технологии - это технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления цифровых данных. Данные технологии обеспечивают мгновенный поиск необходимой информации по разнообразным критериям, а также возможность доступа к данным из любой точки мира, в любое время неограниченному количеству пользователей [3].

Цифровые технологии обладают следующими свойствами:

- высокое качество, скорость и надежность передачи, хранения и обработки цифровых сигналов (точность, безошибочность, сохранность, высокое качество изображения);
- гибкость – широкий диапазон типов информации, с которой работают цифровые технологии (тексты, цифры, фото-, аудио-, видеоматериалы);
- возможность бесконечного воспроизведения сигнала (информации) без ущерба для качества (например, воспроизведение страницы в Интернете);
- нулевые (минимальные) предельные издержки передачи сигнала в рамках сетевой структуры;
- простота использования, дружелюбность, гибкость и удобство интерфейсов, развитие множества сервисов для потребителей (например, различные форматы экрана, разрешения, размер картинки и т.д.);
- интегрируемость разных систем, так как в цифровых технологиях используется обмен между устройствами на основе стандартизированных протоколов. Это позволяет строить гибкие многоуровневые интегрированные системы [4].

Понятие «цифровая экономика» введено в употребление американским ученым Николасом Негропonte в 1995 году, его статья «Биты и атомы» гласила о скором переходе к цифровому будущему, где информация будет более ценной, чем физическая материя. В это же время концепцию развивали канадский бизнесмен Дон Тапскотт, выпустивший в 1995 году книгу «Цифровая экономика: перспективы и опасность в эпоху сетевого интеллекта», и американский экономист Томас Мезенбург, выделивший основные компоненты цифровой экономики (электронная инфраструктура, электронная коммерция, электронный бизнес).

В России термин «цифровая экономика» получил широкое распространение в 2017 году, когда Правительством Российской Федерации была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

В Распоряжении Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» под цифровой экономикой понимается «хозяйственная деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, которая способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы». Ссылка на источник в Списке источников или подстрочная?

Также определение данному понятию дали несколько российских ученых в монографиях, статьях и учебных пособиях. В частности, доктор экономических наук Сергеев Л.И. под цифровой экономикой понимает «хозяйственную деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом формате, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [5].

Вместе с тем, в настоящее время данные определения теряют свою актуальность, в цифровой экономике цифровые данные и цифровые технологии не просто являются одним из факторов производства, они являются его неотъемлемой частью [6]. Без цифровых технологий невозможно осуществление процессов производства, распределения, обмена и потребления, они интегрированы во все сферы деятельности. Считаем, что данные особенности отражает определение доктора экономи-

ческих наук Марковой В.Д., которая определяет цифровую экономику как «новый этап развития экономики, в основе которого лежит интеграция физических и цифровых объектов в сфере производства и потребления, в экономике и обществе» [7].

Дискуссионным является вопрос о различии между понятиями «цифровизация экономики» и «цифровая трансформация экономики», для ряда авторов они являются синонимичными [8]. Вместе с тем, в большинстве научных трудов данные термины имеют существенные различия [8].

Под цифровизацией экономики понимаются более простые процессы, начавшиеся около полувека назад. Цифровизация – это любое внедрение цифровых технологий в отдельные сферы деятельности, перевод отдельных операций в «цифровое русло», то есть встраивание новых технологий в существующие бизнес-процессы для повышения их эффективности [9].

Цифровая трансформация же является более масштабным процессом. Это полная перестройка бизнес-процессов с использованием цифровых технологий, внедрение «цифры» во все сферы деятельности, требующее внесения коренных изменений в технологии, культуру, операции и принципы создания новых продуктов и услуг. Отметим, что близким синонимом к данному понятию является термин «диджитализация» [10].

На основе проанализированных источников предлагается следующее определение цифровой трансформации – процесс, направленный на улучшение системы, в рамках которого вносятся существенные изменения в ее структуру путем объединения информации, информационных технологий, коммуникаций и технологий связи.

Таким образом, несмотря на то, что цифровые технологии являются основой экономики всех развитых стран, понятийный аппарат цифровой экономики требует значительных доработок, кроме того, многие теоретические разработки в данном направлении уже теряют свою актуальность. В частности, в современных условиях цифровизацию отраслей экономики сменяет цифровая трансформация, так как технологии не просто встраиваются в существующие бизнес-процессы, а коренным образом их меняют, становятся их неотъемлемой, образующей частью.

Список литературы

1. Обеспечение законности в сфере цифровой экономики: учебное пособие для вузов / А. О. Баукин [и др.]; под редакцией Н. Д. Бут, Ю. А. Тихомирова. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – С. 15.
2. Лолаева, А. С. Информационная безопасность в свете развития цифровой экономики в Российской Федерации / А. С. Лолаева // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Мельбурн, 20 февраля 2021 года / МЦНИР «Научный взгляд». – Мельбурн: МЦНИР «Научный взгляд», 2021. – С. 90-98.
3. Джикаева, Ф. З. Цифровые права как новый вид обязательств / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 8(188). – С. 19-21.
4. Лолаева, А. С. Имущественный оборот цифровых данных / А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 7(175). – С. 27-29.
5. Сергеев, Л. И. Цифровая экономика: учебник для вузов / Л. И. Сергеев, А. Л. Юданова; под редакцией Л. И. Сергеева. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – С. 12.
6. Джикаева, Ф. З. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 9(189). – С. 14-18.
7. Маркова, В. Д. Цифровая экономика: учебник / В.Д. Маркова. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – С. 10.
8. Амбалова, С. А. Социально-педагогические основы этики и психологии семейной жизни / С. А. Амбалова, Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев. – Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2021. – 97 с.
9. Лолаева, Д. Т. Диаспоральные и религиозные группы и практика толерантности / Д. Т. Лолаева, Е. И. Цакоева // НТК-2016: Научно-техническая конференция обучающихся и молодых ученых СКГМИ (ГТУ), Владикавказ, 05 июля 2016 года. – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (Государственный технологический университет), 2016. – С. 162-163.
10. Бурнацева, З. М. Обычное право в современном обществе / З. М. Бурнацева // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 8-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 18–19 апреля 2019 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2019. – С. 364-366.

УДК 347

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЭКОНОМИКИ**

Качмазова Д.М. – к.ю.н., заведующая кафедрой гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Джикаева Ф.З. – к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»,
г. Владикавказ

Габараева М.Т. – старший преподаватель кафедры конституционного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматривается международный опыт цифровой трансформации экономики. Наибольших успехов в цифровой трансформации экономики добились азиатские страны: Сингапур, Южная Корея, Китай. Сделан вывод о том, азиатские страны, о которых шла речь, имеют более чем 20-летнюю историю всеохватывающего внедрения цифровых технологий, с помощью цифровой трансформации экономики решают не только экономические, но и социальные проблемы, кроме того, готовы к активному сотрудничеству по передаче опыта и распространению цифровых технологий.

Ключевые слова: *цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые данные*

Несмотря на то, что Российская Федерация достигла больших успехов во внедрении цифровых технологий во многих отраслях экономики (в 2018 году Москва заняла 1 место среди городов по развитию электронного правительства в рейтинге ООН9 [1], Россия входит в список «перспективных» стран с высоким темпом цифрового развития по версии Harvard Business Review[2]F), использование зарубежного опыта цифровой трансформации экономики и применение наилучших практик будут способствовать выходу России в абсолютные лидеры по диджитализации.

Наибольших успехов в цифровой трансформации экономики добились азиатские страны: Сингапур, Южная Корея, Китай, приоритетами которых являются:

1. Развитие кадрового потенциала (обучение и привлечение IT-кадров).
2. Поддержка цифровых стартапов.
3. Развитие цифровых потребительских инструментов (онлайн-торговля, интернет-платежи и другое).
4. Специализация на экспорте IT-продукции и IT-услуг.

Рассмотрим наиболее успешные цифровые практики, внедряемые этими странами.

В 2019 году в Китае добавленная стоимость цифровой экономики составила 40% ВВП страны, при этом планом национального экономического и социального развития предусмотрено дальнейшее увеличение этой доли. В настоящее время Китай занимает лидирующие позиции по стандартизации технологии блокчейн, 5G, интернета вещей (IoT), интернета транспортных средств (IoV), по использованию облачных технологий. Кроме того, в Китае ведется работа по следующим направлениям:

1. Цифровые технологии внедряются в хозяйственную деятельность не только в современных и хорошо восприимчивых к этому отраслях, но и в традиционных: План развития «Интернет плюс» принят в 2015 году и направлен на интеграцию новейших технологий во все ключевые секторы (сельское хозяйство, энергетика, финансы, общественные услуги, логистика, торговля, транспорт и т.д.) и стимулирование экономического роста.

Правительство Китая поощряет предприятия за создание платформ для инноваций, им сформулированы стандарты для интеграции цифровых технологий и промышленности, защищены права интеллектуальной собственности, оказывается финансовая поддержка и предусмотрены налоговые преференции для ключевых проектов плана развития «Интернет-плюс», активно вовлечены в исполнение плана местные органы власти [3].

Уже сейчас цифровые технологии активно используются в строительстве. В частности, строительная компания из Пекина Huayuan Property Co Ltd в сотрудничестве с поставщиком интернет-технологий Qihoo 360 Technology Co Ltd создает «умные дома», имеющие автоматизированный центр

управления, который предлагает информационные и коммуникационные услуги, собирает коммунальные платежи и управляет системами безопасности [4].

2. Особое внимание уделяется обеспечению безопасности данных, кибербезопасности, защите прав потребителя, развитию конкуренции и противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма [5].

Один из главных приоритетов Китая - разработка нормативных правовых актов в сфере цифровых технологий. В 2015–2016 годах Народным Банком Китая и 9 Министерствами заложена правовая основа для деятельности финтех-кредитных платформ: кредитные платформы выступают посредниками финансовой информации, то есть выступают в качестве финансовых посредников и несут непосредственную ответственность за управление рисками. Также создана всеобъемлющая система правовых сдержек и противовесов, определяющая порядок регулирования всех видов деятельности в сфере интернет-финансов, в частности устанавливающая порядок подотчетности и порядок регулирования схем финансирования и защиты прав потребителей.

Созданы также специальные органы: Комитет по надзору в финтех-сфере, который будет координировать связи между надзорными органами и представителями бизнеса, и центральное клиринговое агентство Wanglian, осуществляющее надзор над всеми платежными системами (Wanglian препятствует установлению непосредственных связей между платежными системами и банками, благодаря которым первые избегают контроля над назначением осуществляемых платежей и источниками средств со стороны надзорных органов) [6].

Кроме того, отметим, что Китай нацелен на активное международное сотрудничество в целях распространения цифровых технологий и изучения успешного опыта: Центр Китая и глобализации (CCG) и Палата электронной коммерции КНР (СЕСС) выступили с инициативой учреждения ассоциации по цифровой экономике с участием компаний из 50 стран мира (D50), цель этой организации заключается в создании в сфере мировой цифровой экономики сообщества единой судьбы; также ССГ предлагается создать международную ассоциацию по вопросам цифровой экономики, например, Digital 20 по модели организаций «Большой двадцатки», чтобы в рамках данной организации эксперты из промышленных и академических кругов, а также представители научно-производственных объединений смогли работать вместе над созданием всемирных практик в области цифровой экономики [7].

Всемирный лидер по цифровизации - Сингапур (что в очередной раз было подтверждено осенью 2020 года, когда страна возглавила рейтинг Asian Digital Transformation Index), являющийся технологическим и финансовым хабом для международных компаний и центром продаж инновационных технологий в регионе – облачных решений, искусственного интеллекта, решений в области анализа данных – для различных отраслей, среди которых здравоохранение, энергетика, авиация, образование и другие [8].

Всеобъемлющее внедрение современных технологий стало главным приоритетом для Сингапура более 20 лет назад: в 1998 году была запущена массовая программа подключения к высокоскоростному интернету, спустя пять лет 65% жилых домов и рабочих мест было подключено к сети. Уже в начале XXI века в государстве была сформирована IT-инфраструктура, с тех пор Сингапур сконцентрировался на IT-технологиях, активно привлекая международный инновационный бизнес и развивая собственный [9].

В 2014 году в стране была запущена программа «Умная нация», нацеленная на цифровую трансформацию экономики страны: в рамках программы приняты 23 дорожные карты цифровой трансформации 80 отраслей экономики. При этом Правительство активно участвует в реализации данной программы, выполняя ее опережающими темпами: выделяет миллиарды долларов на поддержку и закупку государством услуг у технологических стартапов, постоянно собирает данные о возникающих проблемах и генерирует способы их решения и упрощения жизни граждан с помощью цифровых технологий, активно изучает и внедряет успешный международный опыт цифровой трансформации (например, Сингапуром использовался опыт России по реализации стратегии развития «Умный город» в городе Москве; опыт компании General Electric при внедрении системы рейтингов для госслужащих; структура полиции была позаимствована у Японии). Также в Сингапуре успешно выстроен процесс подготовки государственных служащих и развития кадров в сфере «цифры», при этом особое внимание уделяется борьбе с коррупцией (в стране действует жесткая антикоррупционная политика, по результатам осуществления которой государство входит в первую десятку стран в рейтинге Transparency International «Индекс восприятия коррупции»), что также способствует эффективному выполнению государственных программ.

В Сингапуре запущено несколько успешных проектов с использованием цифровых технологий:

1. Система наблюдения за пожилыми гражданами. Сингапур – страна, где большое значение имеют традиции и обычаи, а также принято относиться с почтением к старшим. По причине этого многие трудоспособные граждане отказываются от карьеры в пользу ухода за пожилыми родственниками. Чтобы решить эту проблему, Правительством внедрена система наблюдения за здоровьем пожилых людей: в квартиры и на двери помещений устанавливаются специальные датчики, отслеживающие перемещение пожилых людей. Когда система обнаруживает что-то подозрительное (необычное движение или, наоборот, длительное отсутствие передвижений по квартире), она предупреждает об этом родственников и медицинских специалистов. Также в области здравоохранения внедрена такая технология, как телемедицина, которая стала особенно актуальной в период пандемии коронавируса: это практика, когда пациент получает помощь, не выходя из дома, связываясь с врачом удаленно.

2. «Умная» транспортная инфраструктура. В Сингапуре запущены беспилотные автомобили и автобусы, на дорогах через каждые 500 метров установлены детекторы транспорта, на трассах – видеокамеры через каждый километр, а все светофоры и автобусы оборудованы системой видеонаблюдения. Вся информация передается в единый центр управления дорожного движения.

Отметим, что все эти инициативы внедрены в единую экосистему Virtual Singapore, в которую поступают данные со всех датчиков: движение автомобилей, текущий расход воды и электричества, измерения качества воздуха, плотность пешеходного потока, уровень шума и т.д., причем данные совершенно точные (например, о размерах квартир вплоть до сантиметра, положении окон в ней и основных строительных материалов).

Южная Корея использует достижения в области «цифры» для улучшения экологической ситуации.

По распоряжению исполнительных органов власти был «оцифрован» город Чонджу: первый этап – съемка с космических спутников и дронов, затем на их основе созданы трехмерные модели местности и зданий; второй этап – используя данные земельного кадастра и архитектурные чертежи, эксперты воссоздали внутреннюю планировку строений, а также схемы всех коммуникаций. Полученные данные были загружены в специальную программу, в которую на постоянной основе поступают с многочисленных датчиков данные о погоде, скорости и направлении ветра, температуре воздуха.

В 2018 году в Чонджу была начата кампания по посадке в городе 10 миллионов деревьев (президентом Мун Чжэ Ином поставлена цель к 2050 году достичь в Южной Корее углеродной нейтральности), успех реализации которой обусловлен наличием «цифровой копии» города: с ее помощью удалось найти наиболее проблемные районы, в которых возникал эффект «теплового острова», и подобрать растения, идеально решающие эту проблему: дающие густую тень, снижающие уровень шума, способные расти в оживленном центре города и максимально поглощающие углекислый газ и выделяющие кислород.

Также во время пандемии коронавируса Южная Корея стала лидером по цифровой медицине (Digital medicine).

Впервые пилотную программу телемедицины в Южной Корее представили в 2015 году – для предоставления медицинской помощи тем, кто проживает в труднодоступных районах, и пожилым людям, но тогда Корейская медицинская ассоциация, которая представляет интересы около 100 000 врачей по всей стране, выразила несогласие с телемедициной, сославшись на потенциальный риск ошибочного диагноза.

В 2020 году многие медицинские центры были вынуждены перестроиться на работу с «ковидными больными», вследствие чего помощь людям с другими заболеваниями оказывалась в меньшем объеме (также это было обусловлено необходимостью снижения контактов у пожилых людей, в связи с чем они не могли с обычной периодичностью посещать медицинские учреждения). Одним из первых внедрил в свои процессы телемедицину Центр по уходу за деменцией, одно из главных учреждений этого профиля в стране, которое ведет сотрудничество с государством и частными институтами и проводит пилотные отраслевые проекты. Телемедицинская служба помогла не только сохранить объем оказываемых медицинских услуг во время первых вспышек коронавируса, когда центр был закрыт, но и решила проблему неравного доступа к медобслуживанию в городском округе. Кроме дистанционного клинического обследования, были открыты телефоны доверия – расширена доступность консультационных услуг через интернет и по телефону для потенциально уязвимых групп: одиноких пожилых людей и семей пациентов с деменцией. Были подготовлены домашние наборы для когнитивной стимуляции, а также онлайн-классы по профилактике и борьбе с демен-

цией. Практика Центра была отмечена корейским Министерством здравоохранения и социального обеспечения как передовая в деле преодоления слабоумия и принята на вооружение другими медицинскими организациями.

В 2020 году активно стали развиваться медицинские стартапы: девятилетний стартап Life Semantics со штатом 60 человек в марте 2021 года привлек \$2,4 млрд инвестиций в ходе IPO. Компания продвигает в числе прочего платформу удаленного медицинского обслуживания Dr.Call, позволяющую пациентам «посещать» врача через видеоконференцию на личном смартфоне. Данная организация также получила правительственное разрешение на платформу телемедицины для корейских граждан, проживающих за границей.

Отдельные технологии из вышеуказанных уже внедряются и в России, в частности активно развивается телемедицина, толчком чему послужила пандемия коронавируса: в Москве ввели практику отслеживания состояния больных коронавирусом через мобильное приложение, в котором есть возможность в любой момент связаться с медицинским специалистом, в Республике Татарстан, Нижегородской, Ивановской, Ульяновской и Сахалинской области дистанционные медицинские консультации с терапевтами и врачами узких специальностей стали доступны бесплатно в рамках системы ОМС. Отдельные технологии могли бы быть заимствованы: опыт Чонджу может быть применен в городах с неблагоприятной экологической ситуацией, опыт Сингапура по «умной транспортной системе» возможно применить в нашей стране, так как одной из проблем города являются частые транспортные коллапсы.

Таким образом, по причине того, что в России цифровая трансформация экономики является государственным приоритетом менее одного десятилетия (кроме того, во многих отраслях еще не пройден этап цифровизации процессов), использование зарубежного опыта необходимо для успешного достижения целей в рамках этого направления. Азиатские страны, о которых шла речь, имеют более чем 20-летнюю историю всеохватывающего внедрения цифровых технологий, с помощью цифровой трансформации экономики решают не только экономические, но и социальные проблемы, кроме того, готовы к активному сотрудничеству по передаче опыта и распространению цифровых технологий.

Список литературы

1. Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2018/12/11/reg-cfo/sobianin-v-rejtingeoon-moskva-zaniata-1-mesto-sredi-gorodov-po-razvitiu-elektronnogo-pravitelstva.html> (дата обращения – 08.02.2023).
2. Официальный сайт Сетевого издания «Harvard Business Review». URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/853688> (дата обращения – 08.02.2023).
3. Лолаева, А. С. Информационная безопасность в свете развития цифровой экономики в Российской Федерации / А. С. Лолаева // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Мельбурн, 20 февраля 2021 года / МЦНИР «Научный взгляд». – Мельбурн: МЦНИР «Научный взгляд», 2021. – С. 90-98.
4. Джикаева, Ф. З. Цифровые права как новый вид обязательств / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 8(188). – С. 19-21.
5. Лолаева, А. С. Имущественный оборот цифровых данных / А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 7(175). – С. 27-29.
6. Джикаева, Ф. З. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 9(189). – С. 14-18.
7. Амбалова, С. А. Социально-педагогические основы этики и психологии семейной жизни / С. А. Амбалова, Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев. – Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2021. – 97 с.
8. Лолаева, Д. Т. Диаспоральные и религиозные группы и практика толерантности / Д. Т. Лолаева, Е. И. Цакоева // НТК-2016: Научно-техническая конференция обучающихся и молодых ученых СКГМИ (ГТУ), Владикавказ, 05 июля 2016 года. – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (Государственный технологический университет), 2016. – С. 162-163.
9. Бурнацева, З. М. Обычное право в современном обществе / З. М. Бурнацева // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 8-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 18–19 апреля 2019 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2019. – С. 364-366.

УДК 342.5

**ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЩИХ СОБРАНИЙ
СОБСТВЕННИКОВ ПОМЕЩЕНИЙ В МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМАХ
В ТОВАРИЩЕСТВЕ СОБСТВЕННИКОВ НЕДВИЖИМОСТИ,
ЖИЛИЩНО-СТРОИТЕЛЬНОМ И СТРОИТЕЛЬНОМ КООПЕРАТИВАХ**

Каболов В.В. – к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Габараева М.Т. – старший преподаватель кафедры конституционного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности проведения общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах в товариществе собственников недвижимости, жилищно-строительном и строительном кооперативах. Обоснован вывод о том, что неурегулированность обозначенных выше вопросов влечет невозможность своевременного принятия необходимых решений и создает почву для злоупотреблений со стороны правления и управляющего персонала ТСЖ.

Ключевые слова: *общее собрание, товарищество собственников жилья, управление, публичное управление, орган местного самоуправления, жилищно-строительный кооператив, строительный кооператив*

Общие требования к проведению общих собраний собственников помещений и к оформлению его результатов предусмотрены статьями 45-48 ЖК РФ. Вместе с тем, с учетом особенностей правового положения членов товариществ собственников жилья, жилищно-строительных и иных специализированных потребительских кооперативов также и в процедуре проведения общих собраний имеется свои детали, которые необходимо учесть. Так, ранее уже отмечено, что общее собрание собственников помещений является органом управления (ст. 44 ЖК РФ), однако в случае ТСЖ, ЖСК органом управления этих организаций является общее собрание членов ТСЖ, ЖСК (как высший орган управления) и правление.

Здесь следовало бы обратить внимание, что применяемый для общего собрания собственников помещений термин – «орган управления» [1], не совсем точный, поскольку понятие «орган управления» подразумевает принадлежность его к той или иной организации и формируется он для осуществления ее правосубъектности, что соответствовало бы положениям статьи 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ). Но общее собрание собственников не является органом управляющей компании, а в случае ТСЖ или ЖСК высшим органом управления признается общее собрание членов ТСЖ или ЖСК [2].

При этом здесь усматривается основное отличие между полномочиями общего собрания собственников и членов ТСЖ. Так, члены ТСЖ на своем собрании принимают решения по управлению общим имуществом, в то время как собственники, не входящие в члены ТСЖ (а таких собственников может быть до 49 % от общего числа собственников помещений в многоквартирном доме) обязаны подчиниться принятому членами ТСЖ решению. «В данном случае законодатель применил конструкцию ТСЖ к бездоговорному управлению чужим имуществом, не наделяя субъекта управления - юридическое лицо какими-либо вещными правомочиями, дал ему право управлять данным имуществом как своим, т.е. ТСЖ практически забирает правомочия у собственников общего имущества, не являющихся его членами» [3].

Статьей 145 ЖК РФ определены вопросы, относящиеся к компетенции общего собрания членов ТСЖ, такие как:

- 1) внесение изменений в устав товарищества или утверждение устава товарищества в новой редакции;
- 2) избрание членов правления товарищества, членов ревизионной комиссии (ревизора) товарищества и в случаях, предусмотренных уставом товарищества, также председателя правления товарищества из числа членов правления товарищества, досрочное прекращение их полномочий;
- 3) установление размера обязательных платежей и взносов членов товарищества;
- 4) утверждение порядка образования резервного фонда товарищества, иных специальных фондов товарищества (в том числе фондов на проведение текущего и капитального ремонта общего

имущества в многоквартирном доме) и их использования, а также утверждение отчетов об использовании таких фондов;

5) утверждение годового плана содержания и ремонта общего имущества в многоквартирном доме, отчета о выполнении такого плана;

6) утверждение смет доходов и расходов товарищества на год, отчетов об исполнении таких смет, аудиторских заключений (в случае проведения аудиторских проверок);

7) определение размера вознаграждения членов правления товарищества, в том числе председателя правления товарищества [4].

Таким образом, к компетенции общего собрания членов ТСЖ относятся вопросы хозяйственного ведения самого ТСЖ, а верхнеуровневые вопросы также остались на усмотрение общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме. Однако кроме собрания членов ТСЖ к органам управления отнесено и правление ТСЖ, которое, по сути, осуществляет повседневное управление товариществом [5].

Председатель правления товарищества, являясь руководителем ТСЖ, вправе действовать без доверенности от имени товарищества, подписывает платежные документы и совершает сделки, которые не требуют обязательного одобрения правлением товарищества или общим собранием членов товарищества. Также председатель дает обязательные для выполнения поручения работникам, в обязанности которых входят содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме, утверждает положение об оплате их труда. Как видим от должной квалификации председателя зависит весь план содержания общего имущества в многоквартирном доме и его реализация [6].

В связи с чем, в случае если председатель не может здраво оценивать свои возможности, управляя домом без привлечения специалистов, возможны крайне негативные последствия для жителей всего дома. Для своевременной реакции на такие ситуации имеется такой орган как ревизионная комиссия (ревизор), которая также состоит из членов данного товарищества и обязана ежегодно проводить аудит всей деятельности ТСЖ, отчитываясь по результатам перед общим собранием членов.

Помимо наличия нескольких органов управления, в собраниях членов ТСЖ есть и иные отличия. Так, в случае проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме инициатором проведения такого собрания может быть любой собственник помещения в таком многоквартирном доме, управляющая компания, орган местного самоуправления (ч.ч. 4, 6, 7 ст. 45 ЖК РФ), а в случае собрания членов ТСЖ перечень инициаторов может быть утвержден Уставом (ч. 1 ст. 116 ЖК РФ) и это могут быть правление кооператива, председатель правления и/или члены кооператива.

Также имеются особенности и при подсчете голосов на собрании, поскольку кворум собрания членов зависит не от общего количества голосов всех собственников, а только от голосов членов ТСЖ. При этом, поскольку ТСЖ вправе осуществлять деятельность при наличии в собственности его членов более 50% площади помещений в многоквартирном доме, а кворум определяется при более 50% голосов членов ТСЖ (ч. 3 ст. 146 ЖК РФ), то зачастую решения о содержании многоквартирным домом принимает всего четверть собственников дома.

И даже подход к подсчёту результатов голосования на общих собраниях ТСЖ и ЖСК будет различаться. Так, на общем собрании членов ТСЖ голоса подсчитываются аналогично проведению общего собрания собственников помещений - в зависимости от площади помещения, находящегося в собственности у члена ТСЖ, в то время как на общем собрании членов ЖСК в основу подсчёта ложится количество человек, по отношению к общему количеству членов ЖСК, участвующих в собрании.

Если рассматривать практику осуществления деятельности ТСЖ в Мурманской области, то можно отметить, что качество содержания данных домов напрямую зависит от профессиональных качеств председателей ТСЖ, их навыков и готовности к обучению. Без методологической поддержки, своевременной юридической консультации и систематических обучающих семинаров председатели ТСЖ не смогут надлежащим образом управлять вверенными им домами, в связи с чем, в регионах создаются общественные объединения по решению этих вопросов [7].

В иных случаях, поскольку квалификационная пригодность председателя ТСЖ никем не проверяется при отсутствии должного контроля со стороны собственников, попустительству членов правления или того хуже - преступного сговора с ними, указанное лицо может нецелевым образом использовать бюджет ТСЖ и причинить серьезный ущерб. Данная ситуация может серьезно усугубиться при наличии в управлении ТСЖ сразу нескольких многоквартирных домов [8].

Жилищное законодательство не содержит ограничений по количеству помещений, собственники которых могут входить в одно ТСЖ. Таким образом, в одно ТСЖ может входить несколько многоквартирных домов, даже с очень значительным числом квартир. «Товарищество собственников жилья может быть создано:

- собственниками помещений в нескольких многоквартирных домах, если данные дома расположены на земельных участках, имеющих общую границу и в пределах которых имеются сети инженерно-технического обеспечения, другие элементы инфраструктуры, которые предназначены для совместного использования собственниками помещений в данных домах;

- собственниками нескольких расположенных близко жилых домов, если данные дома расположены на земельных участках, которые имеют общую границу и в пределах которых имеются сети инженерно-технического обеспечения, другие элементы инфраструктуры, которые предназначены для обслуживания более чем одного жилого дома» [9].

Однако, особенностей проведения процедуры проведения общего собрания членом ТСЖ в нескольких домах в жилищном законодательстве не обозначено. В первую очередь, это касается вопросов возможности проведения голосования отдельно по каждому дому, соотношения прав домов с различной площадью (недопущения ущемления прав собственников домов со значительно меньшей площади нежели иные дома в ТСЖ), а также установления в одном ТСЖ членских взносов разного размера в зависимости от степени благоустройства, этажности, площади и перечня необходимого к выполнению работ и услуг по каждому многоквартирному дому в отдельности. Здесь следует упомянуть, что положения жилищного законодательства по регулированию прав членом ТСЖ в нескольких домах на практике транслируются на взаимоотношения членом коттеджных поселков при малоэтажном строительстве.

Таким образом, неурегулированность обозначенных выше вопросов влечет невозможность своевременного принятия необходимых решений и создает почву для злоупотреблений со стороны правления и управляющего персонала ТСЖ.

Список литературы

1. Бобров Е. В. Проблемы проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме / Е.В. Бобров, Л.С. Колпакова // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* - 2013. - №4 (30). - С. 138.
2. Лолаева, А. С. Принципы организации местного самоуправления / А. С. Лолаева // *Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. Том I. Часть II.* – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 247-249.
3. Бажина М.А. Собственники помещений - заложники собственного ТСЖ / М.А. Бажина, Т.М. Звездина // *Семейное и жилищное право.* - 2020. - № 5. - С. 28.
4. Лолаева, А. С. Современные подходы к определению принципов местного самоуправления / А. С. Лолаева // *Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. Том I. Часть II.* – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 249-251.
5. Лолаева Д.Т. Информатизация как необходимое условие современного образования / Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев, Я. И. Санакоева, А. В. Кесаева // *Труды СКГМИ (ГТУ).* – 2021. – № 28. – С. 78-84.
6. Санакоева, Я. И. Человек в поликультурном пространстве современного мира / Я. И. Санакоева, И. С. Ханаев, Д. Т. Лолаева // *Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Межвузовского научно-практического семинара, Владикавказ, 05–06 декабря 2019 года.* – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 5-12.
7. Лолаева Д.Т. Информатизация как необходимое условие современного образования / Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев, Я. И. Санакоева, А. В. Кесаева // *Труды СКГМИ (ГТУ).* – 2021. – № 28. – С. 78-84.
8. Тихомиров М.Ю. Товарищество собственников жилья: новые требования законодательства. - М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2014. - С.37.
9. Кириченко О.В. Права и обязанности граждан - собственников жилых помещений в многоквартирных домах: учебное пособие / О.В. Кириченко, Е.В. Накушнова. - М.: Юстицинформ, 2019. - С. 239.

УДК 342.5

ПОЛНОМОЧИЯ И СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ СОБСТВЕННИКОВ ПОМЕЩЕНИЙ В МНОГОКВАРТИРНОМ ДОМЕ

Каболов В.В. – к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Габараева М.Т. – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассмотрены полномочия и способы организации общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме. Обоснован вывод о том, что развитие данных отношений и механизмов их контроля, регулирования оставляют желать лучшего. Но, с другой стороны, данная проблематика создает большой потенциал базиса для развития российского права, особенно в рамках отношений между обществом и государством.

Ключевые слова: *общее собрание, многоквартирный дом, товарищество собственников жилья, управление, публичное управление, орган местного самоуправления, жилищно-строительный кооператив, строительный кооператив*

Управление общим имуществом многоквартирного дома в настоящее время реализуется всегда через принятие решения общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме (к исключению можно отнести принятие некоторых оперативных решений по управлению домом через правление товарищества собственников жилья, жилищно-строительного, строительного или иного специализированного потребительского кооператива (далее - ТСЖ) или принятие советом многоквартирного дома отдельных решений о текущем ремонте общего имущества).

Механизм проведения общего собрания собственников помещения регламентирован положениями статей 45-48 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее - ЖК РФ) и постоянно совершенствуется. Так, с 2014 года введена возможность голосования с применением информационной системы [1].

Логика легитимности решений общего собрания собственников помещений в МКД была подкреплена поправками, внесенными в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее - ГК РФ), принятыми в 2013 году (в части дополнения ГК РФ главой 9.1 «Решения собраний») [2].

Согласно пункту 2 статьи 181.1 ГК РФ «решение собрания, с которым закон связывает гражданско-правовые последствия, порождает правовые последствия, на которые решение собрания направлено, для всех лиц, имевших право участвовать в данном собрании (участников юридического лица, собственников, кредиторов при банкротстве и других участников гражданско-правового сообщества), а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений» [3].

Несмотря на то, что порядок проведения общего собрания постоянно совершенствуется, на практике эти меры пока не достигли необходимого уровня эффективности [4].

Для установления взаимосвязи между жильем помещением и протоколом общего собрания собственников нам необходимо ответить на следующие вопросы:

- что такое квартира в рамках многоквартирного дома и какое еще имущество приобретает собственником квартиры при ее приобретении;
- какие обязанности возникают у собственников помещений в многоквартирном доме по управлению общедомовым имуществом;
- какие действия необходимо осуществить для изъявления воли отдельного собственника помещений в многоквартирном доме и его вес в общей воле всех собственников помещений в многоквартирном доме [5].

Понятие «квартира» закреплено в части 2 статьи 16 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее - ЖК РФ), и включает в себя такие отдельные признаки квартиры как:

- обособление помещения в многоквартирном доме;
- имеет прямой доступ к помещениям общего пользования;
- состоит из одной или нескольких комнат и помещений вспомогательного использования. Совокупностью всех этих признаков и будет квартира.

Одним из признаков квартиры является прямой доступ к помещениям общего пользования, перечень которых не является закрытым и предполагает, также, как и квартира, наличие перечня признаков:

1. Не являются частями квартир.

2. Предназначены для обслуживания более одного жилого и (или) нежилого помещения в многоквартирном доме.

Также, подпункт «а» пункта 2 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.2006 № 491 (ред. от 29.06.2020) «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность» приводит несколько примеров помещений общего пользования – «межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, колясочные, чердаки, технические этажи (включая построенные за счет средств собственников помещений встроенные гаражи и площадки для автомобильного транспорта, мастерские, технические чердаки) и технические подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, мусороприемные камеры, мусоропроводы, иное обслуживающее более одного жилого и (или) нежилого помещения в многоквартирном доме оборудование (включая котельные, бойлерные, элеваторные узлы и другое инженерное оборудование) [6]».

С учетом изложенного необходимо указать, что помимо помещений общего пользования имеется и иное имущество, относящееся к общему пользованию, такое как крыша, фундамент, несущие стены, балконные плиты, окна и двери помещений общего пользования, перила, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование, находящееся в многоквартирном доме за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного жилого и (или) нежилого помещения (квартиры), земельный участок, на котором расположен многоквартирный дом и иные объекты, предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства многоквартирного дома, включая трансформаторные подстанции, тепловые пункты, предназначенные для обслуживания одного многоквартирного дома, коллективные автостоянки, гаражи, детские и спортивные площадки, расположенные в границах земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом.

Согласно статьи 37 ЖК РФ общее имущество в многоквартирном доме находится в общей долевой собственности всех собственников помещений (жилых и нежилых) в многоквартирном доме, при этом доля в праве на общее имущество не выделяется в натуре и не может быть отчуждена. Таким образом, закрепление за отдельным собственником квартиры, к примеру, конкретным парковочным местом, частью тамбура, частью лестничной площадки запрещено, поскольку не позволяет в этом случае соблюдать один из принципов общего имущества – «предназначены для обслуживания более одного жилого и (или) нежилого помещения в многоквартирном доме».

Однако собственники помещений в многоквартирном доме вправе определить использование общего имущества – то есть принять решение о способах, режиме и порядке использования общим имуществом. Наиболее часто на практике определяют порядок использования земельного участка – разграничение зон на парковочное пространство и режим использования парковок, на детские и спортивные зоны, рекреационные зоны. Данное волеизъявление собственников является определяющим при реализации федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» [7].

Для определения размера общего имущества у конкретного собственника помещения в многоквартирном доме необходимо вычислить его долю в праве общей собственности, которая пропорциональна размеру общей площади указанного помещения. То есть при общей площади всех квартир в многоквартирном доме - 10 тыс. кв.м и площади квартиры конкретного собственника - 50 кв.м, доля в общем имуществе такого собственника будет 0,005. Определение данной доли является важным аспектом при подсчете голосов собственников помещений в многоквартирном доме на общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме [8].

Таким образом, приобретая жилье в многоквартирном жилом доме, гражданин Российской Федерации становится владельцем не только конкретной квартиры, но и части общедомовой собственности.

Однако вместе с правом использования общего имущества у собственников помещений в многоквартирном доме возникает и ряд обязанностей, основная из которых – надлежащее содержание общедомового имущества. Данный вид коллективной ответственности необходим для обеспечения

благоприятных и безопасных условий проживания граждан в многоквартирном доме. При этом это относится как к личному имуществу, так и к общедомовому [9].

Так можно выделить несколько наиболее типичных нарушений по содержанию:

- использование жилых помещений не по назначению, когда в квартирах организуют офисы или промышленные цеха в квартирах;
- перепланировка или переоборудование помещений, когда изменяют архитектурный облик, нарушают границы помещений, изменяют параметры и расположение инженерных сетей внутри помещений;
- неуплата жилищно-коммунальных платежей, а также взносов за капитальный ремонт;
- отсутствие регулярного обслуживания и ремонта.

Органом управления многоквартирным домом является общее собрание собственников помещений в таком доме.

Полномочия общего собрания собственников помещений закреплены в статье 44 ЖК РФ и включают в себя такие вопросы, как:

- решение о реконструкции многоквартирного дома (в том числе с его расширением или надстройкой), строительстве хозяйственных построек и других зданий, строений, сооружений, капитальном ремонте общего имущества в многоквартирном доме, об использовании фонда капитального ремонта, о переустройстве и (или) перепланировке помещения, входящего в состав общего имущества в многоквартирном доме;
- решение о выборе способа формирования фонда капитального ремонта, и его размере;
- решение о получении кредита или займа на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме;
- решение о пределах использования земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, и о благоустройстве такого земельного участка;
- решение о пользовании общим имуществом собственников помещений в многоквартирном доме иными лицами,
- решение об использовании при проведении общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме в форме заочного голосования системы или созданной на основании решения высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации региональной информационной системы, используемой для проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме в форме заочного голосования;
- выбор способа управления многоквартирным домом.

Проведение общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме должно быть организовано ежегодно, а внеплановые общие собрания могут быть организованы в любое время. При этом к порядку проведения общего собрания предъявляются требования:

- по способу и срокам уведомления о проведении собрания;
- по способам участия собственников помещений в многоквартирном доме;
- по сроку и способу приема голосов собственников;
- по оформлению результатов голосования и доведению их до собственников;
- по опубликованию протокола общего собрания и направления его в контрольно-надзорные органы.

Полный перечень установлен статьями 45-48 ЖК РФ.

Более подробно хотелось бы рассмотреть способы организации общих собраний, а именно формы их проведения:

- очная (все присутствующие на собрании собственники помещений голосуют одновременно по вопросам повестки дня без возможности учета голосов собственников, не присутствующих на собрании);
- очно-заочная (есть возможность проголосовать непосредственно на собрании, а также учесть голоса собственников не присутствующих на собрании);
- заочная (учет голосов осуществляется в соответствии с заполненными бюллетенями без очного присутствия на общем собрании).

Наиболее часто применяемая на практике форма управления – очно-заочная. К преимуществам данной формы относятся:

- отсутствие необходимости проведения предварительно очного собрания (данное условие необходимо для реализации проведения заочного голосования);

- возможность сбора заполненных бюллетеней собственников помещений в многоквартирном доме после завершения очной части собрания (данная опция недоступна при очной форме проведения собрания, но крайне востребована для набора необходимого кворума) [10, 11].

Развитие различных форм проведения общих собраний собственников помещений в многоквартирном доме призвано достичь необходимого кворума собрания, поскольку жилищным законодательством установлен достаточно высокий порог в 50 и более процентов от общего числа собственников помещений в многоквартирном доме. При этом голоса, воздержавшихся от голосования собственников помещений, не учитываются ни «за» ни «против».

Список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»: Федеральный закон от 21 июля 2014 № 263-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4264.

2. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 19. Ст. 2327.

3. Лолаева, А. С. Принципы организации местного самоуправления / А. С. Лолаева // Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. Том I. Часть II. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 247-249.

4. Генцлер И.В. Концептуальные предложения по дальнейшему развитию института управления общим имуществом в многоквартирном доме сособственниками такого имущества / И.В. Генцлер, В.Ю. Прокофьев // Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2018. - № 3. - С. 20.

5. Лолаева, А. С. Современные подходы к определению принципов местного самоуправления / А. С. Лолаева // Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. Том I. Часть II. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 249-251.

6. Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность: Постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 2006 №491 (ред. от 29.06.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 34. Ст. 3680.

7. Лолаева Д.Т. Информатизация как необходимое условие современного образования / Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев, Я. И. Санакоева, А. В. Кесаева // Труды СКГМИ (ГТУ). – 2021. – № 28. – С. 78-84.

8. Санакоева, Я. И. Человек в поликультурном пространстве современного мира / Я. И. Санакоева, И. С. Ханаев, Д. Т. Лолаева // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Межвузовского научно-практического семинара, Владикавказ, 05–06 декабря 2019 года. – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 5-12.

9. Лолаева, А. С. Право как инструмент перехода к информационному обществу / А. С. Лолаева // Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Краснодар, 19 июня 2021 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 133-136.

10. Тихомиров М.Ю. Товарищество собственников жилья: новые требования законодательства. - М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2014. - С.37.

11. Бурнацева, З. М. Двусторонняя сущность юридической ответственности / З. М. Бурнацева, З. В. Хутинаева // Научное обеспечение устойчивого развития агропромышленного комплекса горных и предгорных территорий: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Горского ГАУ, Владикавказ, 29–30 ноября 2018 года. Том 2. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2018. – С. 243-247.

УДК 342.5

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ
ОБЩЕГО СОБРАНИЯ СОБСТВЕННИКОВ ПОМЕЩЕНИЙ
В МНОГОКВАРТИРНОМ ДОМЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Каболов В.В. – к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Габараева М.Т. – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы правового регулирования проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме и пути их решения. Проведение общего собрания собственников является неотъемлемой частью процесса управления многоквартирного дома – с него начинается управление (выбор способа управления и утверждение условий договора управления многоквартирным домом). Выявлено, что рассматриваемые в данной статье проблемы проведения общих собраний собственников помещений в многоквартирном доме являются также основными причинами обжалований решений общих собраний собственников.

Ключевые слова: *общее собрание, многоквартирный дом, товарищество собственников жилья, управление, публичное управление, орган местного самоуправления, жилищно-строительный кооператив, строительный кооператив*

Проведение общего собрания собственников является неотъемлемой частью процесса управления многоквартирного дома – с него начинается управление (выбор способа управления и утверждение условий договора управления многоквартирным домом), ежегодно оно им корректируется (обязанность ежегодно проводить общие собрания собственников установлена статьей 46 ЖК РФ и предполагает рассмотрение отчета об управлении многоквартирным домом за прошедший год, утверждение плана на следующий год, определение источников и объемов финансирования проведения таких работ) и им же заканчивается (расторжение договора управления с управляющей организацией в случае неудовлетворительного выполнения последней своих обязанностей и выбор новой управляющей компании осуществляется общим собранием собственников).

Вместе с тем, проведение собрания - это еще и ряд организационных и финансовых моментов, без соблюдения которых невозможно его положительное разрешение. При этом, часть вопросов несмотря на достаточно подробное описание порядка проведения собраний собственников в многоквартирном доме в статьях 45-48 ЖК РФ не урегулирована законодательно, а часть труднореализуема.

К таким вопросам относятся:

- финансирование организации общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме [1];
- обеспечение необходимого для принятия решения кворума;
- надлежащее уведомление о проведении собрания всех собственников помещений в многоквартирном доме;
- наличие актуальных данных о собственниках помещений и площади принадлежащих им помещений в многоквартирном доме;
- обеспечение подлинности подписей собственников помещений в многоквартирном доме и привлечение к ответственности за подделку документов;
- реализация решения, принятого на общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме, по выбору управляющей организации.

Далее хотелось более подробно разобрать указанные проблемные моменты [2].

Что касается вопроса финансирования, то необходимо разобрать какие обязательные платежи осуществляют собственники жилых помещений. Итак, согласно части 2 статьи 154 ЖК РФ «плата за жилое помещение и коммунальные услуги для собственника помещения в многоквартирном доме включает в себя:

- 1) плату за содержание жилого помещения, включающую в себя плату за услуги, работы по управлению многоквартирным домом, за содержание и текущий ремонт общего имущества в мно-

гоквартирном доме, за коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме;

- 2) взнос на капитальный ремонт;
- 3) плату за коммунальные услуги» [3].

Что касается платы за капитальный ремонт, то данные средства перечисляются региональный фонд капитального ремонта либо на специальный счет, открытый управляющей компанией или ТСЖ для целей проведения капитального ремонта. Перечень видов капитального ремонта обозначен в статье 166 ЖК РФ, а все цели использования средств капитального ремонта установлены в статье 174 ЖК РФ, которая гласит, что «средства фонда капитального ремонта могут использоваться для оплаты услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме, разработки проектной документации, оплаты услуг по строительному контролю, погашения кредитов, займов, полученных и использованных в целях оплаты указанных услуг, работ, а также для уплаты процентов за пользование такими кредитами, займами, оплаты расходов на получение гарантий и поручительств по таким кредитам, займам».

Плата за коммунальные услуги также имеет целевое назначение по оплате за предоставляемые собственникам горячее и холодное водоснабжение, отопление, электроснабжение и газоснабжение и регулируется Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 06.05.2011 № 354 [4].

Таким образом, единственным возможным вариантом оплаты расходов на проведение и организацию проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме остается плата за содержание жилого помещения. Однако понятие, что такое - содержание жилого помещения и какие работы к нему относятся урегулированы жилищным законодательством.

Так, в соответствии с частью 2 статьи 154 ЖК РФ плата за содержание жилого помещения включает в себя «плату за услуги, работы по управлению многоквартирным домом, за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, а также за холодную воду, горячую воду, электрическую энергию, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме, за отведение сточных вод в целях содержания общего имущества в многоквартирном доме».

Перечень услуг и работ по управлению многоквартирным домом определен Правилами осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 15.05.2013 № 416 [5], пунктом 3 которых закреплено, что управление многоквартирным домом обеспечивается выполнением стандарта по организации собственниками помещений в многоквартирном доме или управляющей организацией рассмотрения общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме, вопросов, связанных с управлением многоквартирным домом, в том числе:

- уведомление о проведении собрания;
- обеспечение ознакомления собственников помещений в многоквартирном доме с информацией и (или) материалами, которые будут рассматриваться на собрании;
- подготовка форм документов, необходимых для регистрации участников собрания;
- подготовка помещений для проведения собрания, регистрация участников собрания;
- документальное оформление решений, принятых собранием;
- доведение до сведения собственников помещений в многоквартирном доме, принятых на собрании.

Однако помимо ежегодных общих собраний наиболее сложной является организация собрания по выбору новой управляющей организации либо выбору иного способа управления. И в этом случае вопрос - кто именно и на какие средства организует собрание собственников - остается открытым [6]. Так, в большинстве случаев на практике эти расходы осуществляет новая управляющая компания, однако при выборе способа управления – товарищество собственников жилья, такой вариант не применим. В этом варианте расходы ложатся на инициативную группу жильцов, которые предварительно обсудив возможность смены способа управления, проведя разъяснительные беседы, собрав в разных источниках информацию о проведении собрания и не имея никаких возможностей к возмещению понесенных затрат из других источников, вынуждены самостоятельно оплачивать все расходы [7].

Особо остро вопрос финансирования встает в случае отсутствия информации о собственниках помещений в многоквартирном доме, поскольку в соответствии со статьей 46 ЖК РФ уведомление

о проведении общего собрания должно быть доставлено каждому собственнику (даже в том случае, если собственник не проживает по данному адресу), а источником достоверных и актуальных сведений является Росреестр, заказ выписки по помещениям у которого стоит в среднем от 200 руб. за 1 помещение. Таким образом, для получения из Росреестра сведений, например, по 5-ти этажному 5-ти подъездному многоквартирному дому (100 квартир) необходимо более 20 тыс. рублей на выписки о собственниках. В некоторых случаях такая сумма (при этом она увеличится с учетом необходимости уведомить всех собственников о проведении собрания почтовым отправлением) является препятствием для собственников провести их общее собрание, что отражено в данной работе также как проблемы с надлежащим уведомлением собственников помещений и актуальными данными о собственниках помещений и площади принадлежащих им помещений в многоквартирном доме.

Актуальные списки собственников помещений необходимы и по следующему проблемному вопросу – необходимости обеспечения надлежащего кворума собрания [8]. Помимо того, что всех собственников необходимо уведомить о проведении собрания, зарегистрировать присутствующих (при очном голосовании), обеспечить прием заполненных бюллетеней (при заочном голосовании) и провести подсчет голосов, зачастую данных мер недостаточно для обеспечения кворума (50% от числа собственников, а по некоторым вопросам 75% и более). К причинам отсутствия кворума можно отнести следующие:

- отсутствие собственника по месту нахождения собственности (отдых, командировка, наличие иных жилых помещений);
- отсутствие возможности проголосовать в отведенное для собрания время (критично для очной формы проведения собрания);
- отсутствие у собственника мотивации для голосования;
- недоверие собственников как в целом к процедуре голосования, так и к его инициаторам.

И если последние две причины могут быть устранены информационно-разъяснительными путями, то первые две не могут быть решены без изменения формы и порядка голосования [9].

Со следующим проблемным моментом собственники сталкиваются уже при оформлении протокола общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, а именно при проверке и подсчете голосов. Так, например, при заочном голосовании определяется период времени и место сбора заполненных от собственников бюллетеней (часто это офис управляющей компании или почтовый ящик, расположенный в общедоступном месте) и все полученные в указанное время в указанное место бюллетени должны быть учтены. Даже если у счетной комиссии возникнет вопрос о подлинности подписи в бюллетене, то не полномочий ни возможностей выбраковки либо проверки такой подписи у счетной комиссии нет. Более того, нет такой возможности и у контрольно-надзорных органов и единственным вариантом остается проверка подлинности правоохранительными органами и отмена впоследствии протокола общего собрания в судебном порядке [10]. Однако данный вариант носит исключительно длительный характер, что не обеспечивает оперативности реализации решений собственников. На практике зачастую проводится несколько собраний собственников по одному же дому, которые обжалуются, отменяются и заново проводятся. Сталкиваясь с такими ситуациями, собственники перестают принимать участие в голосовании, ссылаясь на то, что их подписи все равно каждый раз подделывают, а эффективного механизма защиты их прав не разработано [11].

Оперативность процедур, связанных с выявлением поддельных протоколов общих собраний, напрямую связана со следующей проблемой – с реализацией решения, принятого на общем собрании. Согласно части 1 статьи 46 ЖК РФ «Подлинники решений и протокола общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме подлежат обязательному представлению лицом, по инициативе которого было созвано общее собрание, в управляющую организацию, правление товарищества собственников жилья, жилищного или жилищно-строительного кооператива, иного специализированного потребительского кооператива, а при непосредственном способе управления многоквартирным домом в орган государственного жилищного надзора не позднее чем через десять дней после проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме», а уже управляющая организацией, ТСЖ или ЖСК направляют решения и протокол в государственную жилищную инспекцию на хранение. И как уже выше отмечалось, при поступлении в инспекцию в течение 3-х месяцев протоколов с одинаковыми вопросами, инспекцией проводится проверка таких протоколов.

Далее при поступлении необходимого пакета документов для внесения изменений в реестр ли-

цензий, инспекцией в порядке, установленном приказом Министра России от 25.12.2015 № 938/пр «Об утверждении Порядка и сроков внесения изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации» [11] осуществляется внесение изменения в реестр лицензий – закрепление многоквартирного дома за конкретной управляющей организацией. Но данное решение инспекции не означает, что завтра при поступлении нового протокола общего собрания (возможно полностью легального, а возможно и с наличием поддельных подписей, но не отмененного судебным решением) не будет внесено обратное решение о закреплении многоквартирного дома за предыдущей управляющей компанией. Поскольку ограничений о количестве проводимых общих собраний собственников, либо о временном ограничении общих собраний по одному и тому же вопросу повестки не установлено, то указанная «карусель» управляющих компаний теоретически может происходить каждый месяц. Необходимо отметить, что инспекцией вносятся изменения в реестр с 1-го числа месяца следующего за месяцем принятия решения, что позволяет изменять запись по одному дому не чаще чем 1 раз в месяц [13].

Неоднократно обсуждаемые проекты нормативных правовых актов, ограничивающих количество проводимых собраний в целях стабилизации сроков управления многоквартирным домом каждой управляющей компанией (рассматривался вариант ограничения в 1 год, позволяющий оценить эффективность работы управляющей компании для принятия в последующем взвешенного решения о смене управляющей организации) были отклонены как несоответствующие принципу свободы волеизъявления собственников, предусмотренных частью 3 статьи 161 ЖК РФ и частью 8.2 статьи 162 ЖК РФ.

Рассматриваемые в данной статье проблемы проведения общих собраний собственников помещений в многоквартирном доме являются также основными причинами обжалований решений общих собраний собственников.

Список литературы

1. Бобров Е. В. Проблемы проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме / Е. В. Бобров, Л. С. Колпакова // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. - 2013. - №4 (30). - С. 141.
2. Лолаева, А. С. Принципы организации местного самоуправления / А. С. Лолаева // *Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. Том I. Часть II*. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 247-249.
3. Лолаева, А. С. Современные подходы к определению принципов местного самоуправления / А. С. Лолаева // *Достижения науки - сельскому хозяйству: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной), Владикавказ, 02–03 октября 2017 года. Том I. Часть II*. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2017. – С. 249-251.
4. О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов: Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 № 354 (ред. от 29.06.2020) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2011. № 22. Ст. 3168.
5. О порядке осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2013 № 416 (ред. от 13.09.2018) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2013. № 21. Ст. 2652.
6. Лолаева Д. Т. Информатизация как необходимое условие современного образования / Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев, Я. И. Санакоева, А. В. Кесаева // *Труды СКГМИ (ГТУ)*. – 2021. – № 28. – С. 78-84.
7. Бобров Е. В. Проблемы проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме / Е. В. Бобров, Л. С. Колпакова // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. - 2013. - №4 (30). - С. 141.
8. Маслей С. А. Отсутствие кворума как основание для признания недействительным решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. - 2018. - № 1 (54). - С. 97.
9. Санакоева, Я. И. Человек в поликультурном пространстве современного мира / Я. И. Санакоева, И. С. Ханаев, Д. Т. Лолаева // *Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Межвузовского научно-практического семинара, Владикавказ, 05–06 декабря 2019 года*. – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 5-12.

10. Правовое обеспечение системы государственного жилищного надзора в Российской Федерации: монография / под ред. В. А. Баранова, О. Н. Петюковой. - М.: Проспект, 2015. - С. 46.

11. Об утверждении Порядка и сроков внесения изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации: Приказ Министра России от 25 декабря 2015 № 938/пр (ред. от 30.10.2020) // <http://www.pravo.gov.ru/>.2016.

12. Лолаева, А. С. Право как инструмент перехода к информационному обществу / А. С. Лолаева // Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Краснодар, 19 июня 2021 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 133-136.

13. Бурнацева, З. М. Двусторонняя сущность юридической ответственности / З. М. Бурнацева, З. В. Хутинаева // Научное обеспечение устойчивого развития агропромышленного комплекса горных и предгорных территорий: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Горского ГАУ, Владикавказ, 29–30 ноября 2018 года. Том 2. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2018. – С. 243-247.

УДК 347

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Качмазова А.В. – старший преподаватель кафедры гражданского, уголовного права и процесса ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Короева С.С. – преподаватель многопрофильного профессионального колледжа ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы цифровой трансформации банковской системы Российской Федерации. Предложены определенные меры для решения существующих проблем цифровой трансформации банковского сектора в Российской Федерации. Сделан вывод о том, что цифровая трансформация влечет за собой появление новых рисков для кредитных организаций: риски финансовых потерь из-за технологических сбоев, утечки данных, недобросовестности поставщиков финансовых услуг, хакерских атак, реализация данных событий риска может привести к прекращению функционирования кредитной организации. Вместе с тем, цифровая трансформация является необходимостью, только при переходе «к цифре» банк может оставаться конкурентоспособным.

Ключевые слова: *банковская система, цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые данные*

Для решения существующих проблем цифровой трансформации банковского сектора в Российской Федерации можно предложить следующие меры:

1. Недостаточная зрелость процессов/низкий уровень автоматизации: при осуществлении цифровой трансформации этот процесс должен рассматриваться кредитными организациями как инвестиция, а не как разовая покупка, то есть банкам следует руководствоваться принципом «скупой платит дважды». Недопустимо «накладывание» передовых технологий на «сломанные» и устаревшие бизнес-процессы, совмещение устаревших технологий в одних подразделениях и инновационных в других, цифровая трансформация должна охватывать деятельность всей кредитной организации [1].

2. Отсутствие компетенций (управленческого персонала) и низкий уровень ИТ-грамотности сотрудников: ответственные за осуществление цифровой трансформации лица должны быть готовы к глобальным изменениям, а также уметь координировать работу всех подразделений банка в рамках данного направления, сотрудники подразделений должны четко понимать как, что и зачем они делают, как должны работать нововведения, каким будет конечный результат. Решением проблемы может стать только организация постоянного обучения сотрудников, привлечение на работу специалистов из организаций, которые успешно прошли через цифровую трансформацию и осуществление мероприятий по обмену опытом.

3. Отсутствие достаточного бюджета: решение данной проблемы в рамках технологий информационной безопасности уже предложено Ассоциацией Банков России [2]. Ассоциация прорабатывает вопрос о возможности создания единого инфраструктурного решения, которое будет обеспечивать требуемый регуляторами уровень информационной безопасности, легко интегрироваться с существующими банковскими автоматизированными системами, а также за счет простого тиражирования станет доступно в финансовом плане. Небольшие Банки не нуждаются в масштабных цифровых системах, но разработка с нуля инновационного программного обеспечения, соответствующего их нуждам, а также параллельная перестройка бизнес-процессов требуют значительных ресурсов. Создание под руководством Банка России типовых решений для небольших Банков в части цифровой трансформации с возможностью настройки под специфику их деятельности могло бы облегчить процесс цифровой трансформации для всей банковской системы. В качестве возможного решения можно предложить сервисную модель по типу Bank-as-a-Service, разработанную Банком России, включающую новейшие персонализированные решения для небольших Банков.

4. Отсутствие системы мониторинга прогресса в достижении намеченных результатов: для успешной цифровой трансформации кредитной организации необходимо разрабатывать порядок оценки эффективности реализации инициатив в области цифровой трансформации, в частности включающий систему ключевых показателей эффективности цифровой трансформации (показатели изменения миграции клиентов, операционной эффективности, роста производительности), ответственные подразделения за проведения мониторинга, периодичность мониторинга (желательно отслеживание прогресса на каждом этапе) [3].

5. Недостатки в нормативно-правовом регулировании: проблема правового регулирования финансовых технологий является, пожалуй, самой сложно решаемой. В России в настоящее время информационное право не является сложившейся проработанной отраслью, скорее оно представляет собой совокупность разрозненных в рамках других отраслей норм права, в той или иной степени регулирующих информационную безопасность. Лишь комплексный подход, который должен начаться с подготовки высококвалифицированных специалистов (в российских вузах единицы образовательных программ готовят специалистов по информационному праву, кроме того, дисциплина «информационное право» на большинстве юридических факультетах отсутствует), с привлечения иностранных экспертов, с проработки данной отрасли с основ, может помочь в решении такой частной проблемы, как «правовое регулирование финансовых технологий» [4].

6. Пробелы в финансовой грамотности: в настоящее время активно реализуются меры для решения данной проблемы, в частности, Банком России создан портал «fincult.info» в целях формирования финансовой культуры граждан, содержащий материалы для взрослых и детей, в федеральных государственных образовательных стандартах начального и основного общего образования закреплено обязательное преподавание финансовой грамотности, распространяется социальная реклама (например, в общественном транспорте), обучающая, в частности, как не стать жертвами мошенников. Вместе с тем, особый упор в рамках повышения финансовой грамотности следует сделать на старшее поколение, которое менее восприимчиво к финансовым технологиям (что особенно актуально в условиях пандемии, данная группа населения имеет больший риск тяжелого течения болезни). В крупных регионах Банком России уже реализуются курсы финансовой грамотности для пенсионеров, ведь именно они чаще всего становятся жертвами мошенников. Эту практику стоит распространить на все регионы и категории населения, разработать систему поощрений за пользование финансовыми технологиями [5].

Необходимо отметить, что большая часть из вышеуказанных проблем уже выявлена субъектами банковской системы и находятся на стадии решения. Их решение также возможно в рамках тенденций, которые, вероятно, будут иметь место при цифровой трансформации банковского сектора в ближайшие 5-10 лет:

1. Переход к повсеместному использованию искусственного интеллекта и машинного обучения: кредитными организация в рамках кредитного скоринга уже используется искусственный интеллект, имеется тенденция к его использованию для управления всеми кредитными рисками в целом. Искусственный интеллект также будет широко применяться для выявления мошенничества в банках, для чего разрабатываются программы для обнаружения аномалий в поведении клиентов и сотрудников, на фондовом и валютном рынках (для обнаружения недобросовестных практик). По прогнозам Ассоциации банков России, на горизонте ближайших 3–5 лет искусственный интеллект станет незаменимым помощником не только в области решения текущих и прикладных задач, но и при принятии стратегических решений [6].

2. Широкое использование цифровой формы национальной валюты.

В целях развития цифровой экономики и достижения бесшовного взаимодействия цифровых сервисов бизнеса и государства и цифровизации платежной инфраструктуры Банком России принято решение о запуске проекта «цифровой рубль», цифровой рубль будет иметь форму уникального цифрового кода, который будет храниться на специальном электронном кошельке, при этом сочетая в себе свойства наличных и безналичных денег [7].

В первом квартале 2022 года планируется запуск тестирования прототипа платформы цифрового рубля, на данном этапе 12 кредитных организаций (В частности, в данный перечень входят АО «АЛЬФА-БАНК», Банк ВТБ (ПАО), Тинькофф Банк (АО «Тинькофф Банк»), ПАО «Сбербанк») и Федеральное казначейство будут подключены к системе, и банки смогут реализовывать такие операции, как C2C, C2B, B2C, B2B, G2B, B2G, C2G, G2C. В дальнейшем планируется осуществить подключение финансовых посредников, внедрение офлайн-режима, обеспечение обмена цифрового рубля на иностранную валюту и возможности открытия кошельков клиентам-нерезидентам.

Реализация данного проекта принесет преимущества как гражданам и бизнесу (доступ к кошельку через любую финансовую организацию онлайн и офлайн, низкие издержки проведения операций, высокий уровень безопасности), так и для государства (снижение издержек на администрирование бюджетных платежей, потенциал для упрощения проведения трансграничных платежей).

Особенного внимания заслуживает то, что при развитии платформы цифрового рубля особое внимание в части информационной безопасности будет уделено обеспечению операционной надежности и киберустойчивости на всех стадиях жизненного цикла цифрового рубля.

3. Увеличение количества и значения экосистем. Развитие экосистем на основе технологических компаний и финансовых организаций является международным трендом, имеет место и в России. По мнению консалтинговой компании Accenture [8], банковский сектор наиболее открыт для создания экосистем: 88% руководителей банков в мире считают, что создание экосистемы повысит уровень взаимодействия с пользователями, а 89% – что экосистемы, ориентированные на клиентов, являются основным фактором создания стоимости в банковском секторе [9]. При этом клиенты банков также стали более требовательными: 68% пользователей финансовых услуг в мире отметили, что COVID-19 повысил их ожидания от цифровых возможностей компаний [10], клиентов интересует возможность дистанционного получения широкого спектра услуг, охватывающих все сферы жизнедеятельности. С целью удовлетворить изменившиеся потребности клиентов компании создают экосистемы, и, по оценке экспертов McKinsey, к 2025 году на экосистемы придется приблизительно 30% от глобального ВВП (60 трлн. долл. США [11].

Банк России, принимая во внимание сложившуюся тенденцию, совместно с Правительством Российской Федерации разрабатывает систему регулирования экосистем в целях минимизации негативных последствий и рисков от развития платформ и экосистем на финансовом рынке и в экономике в целом, направление «регулирование экосистем» входит в Основные направления цифровизации финансового рынка на период 2022-2024 годов [12, 13].

Резюмируя вышеизложенное, цифровая трансформация влечет за собой появление новых рисков для кредитных организаций: риски финансовых потерь из-за технологических сбоев, утечки данных, недобросовестности поставщиков финансовых услуг, хакерских атак, реализация данных событий риска может привести к прекращению функционирования кредитной организации. Вместе с тем, цифровая трансформация является необходимостью, только при переходе «к цифре» банк может оставаться конкурентоспособным. Банковский сектор экономики в настоящее время испытывает существенные проблемы в процессе цифровой трансформации, к которым в частности относятся незрелость бизнес-процессов, нежелание персонала банков адаптироваться под постоянные изменения и некомпетентность в области ИТ-технологий, отсутствие достаточного бюджета у кредитных организаций, недостатки в правовом регулировании, финансовая неграмотность населения. Решение указанных проблем позволит закрепить России статус одной из лидирующих стран в области цифровой трансформации, а также повысить качество услуг, предоставляемых клиентам, безопасность банковских операций.

Список литературы

1. Лолаева, А. С. Информационная безопасность в свете развития цифровой экономики в Российской Федерации / А. С. Лолаева // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Мельбурн, 20 февраля 2021 года / МЦНИР «Научный взгляд». – Мельбурн: МЦНИР «Научный взгляд», 2021. – С. 90-98.

2. Информационно-аналитическое обозрение Ассоциации Банков России за сентябрь 2021 года «Финансовая индустрия в условиях глобальной нестабильности: Россия и международная практика». URL: https://asros.ru/upload/iblock/daa/hoxwanofwqq709wkyjfgzt1jot8x72lf/Broshyura-_rus_nasai_t.pdf (дата обращения: 09.02.2023).

3. Джикаева, Ф. З. Цифровые права как новый вид обязательств / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // *Аграрное и земельное право*. – 2020. – № 8(188). – С. 19-21.

4. Лолаева, А. С. Имущественный оборот цифровых данных / А. С. Лолаева // *Аграрное и земельное право*. – 2019. – № 7(175). – С. 27-29.

5. Джикаева, Ф. З. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // *Аграрное и земельное право*. – 2020. – № 9(189). – С. 14-18.

6. Амбалова, С. А. Социально-педагогические основы этики и психологии семейной жизни / С. А. Амбалова, Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев. – Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2021. – 97 с.

7. Источник: Доклад Банка России для общественных обсуждений за октябрь 2020 года «Цифровой рубль». URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 09.02.2023).

8. Исследование международной консалтинговой компании Accenture «Corner stone of future growth. Ecosystems». URL: https://www.accenture.com/_acnmedia/pdf-77/accenture-strategy-ecosystems-exec-summary-may2018-pov.pdf (дата обращения: 09.02.2023).

9. Исследование международной консалтинговой компании Accenture «COMPETING WITH BANKING ECOSYSTEMS». URL: https://www.accenture.com/_acnmedia/pdf-102/accenture-banking-ecosystem.pdf (дата обращения: 09.02.2023).

10. Исследование разработчика программного обеспечения Salesforce «Trends in Financial services». URL: <https://www.salesforce.com/form/conf/industries/financial-services/trends-in-financial-services-report/> (дата обращения: 09.02.2023).

11. Исследование международной консалтинговой компании McKinsey & Company «Reimagining customer engagement for the AI bank of the future». URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/reimagining-customer-engagement-for-the-ai-bank-of-the-future> (дата обращения: 09.02.2023).

12. Лолаева, Д. Т. Диаспоральные и религиозные группы и практика толерантности / Д. Т. Лолаева, Е. И. Цакоева // НТК-2016: Научно-техническая конференция обучающихся и молодых ученых СКГМИ (ГТУ), Владикавказ, 05 июля 2016 года. – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (Государственный технологический университет), 2016. – С. 162-163.

13. Бурнацева, З. М. Обычное право в современном обществе / З. М. Бурнацева // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 8-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 18–19 апреля 2019 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2019. – С. 364-366.

УДК 347

РИСКИ И ПРЕИМУЩЕСТВА ТРАНСФОРМАЦИИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Качмазова А.В. – старший преподаватель кафедры гражданского, уголовного права и процесса ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Короева С.С. – преподаватель многопрофильного профессионального колледжа ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматриваются риски и преимущества трансформации банковской системы Российской Федерации в условиях цифровой экономики. Выявлено, что цифровая трансформации большинства кредитных организаций идет полным ходом: применяются новые технологии, в том числе интернет вещей, искусственный интеллект, облачные технологии, прогнозная аналитика, блокчейн, что очень быстро меняет структуру организаций и способы управления ими. Сделан вы-

вод о том, что преимущества цифровой трансформации в банковской сфере многочисленны и варьируются в зависимости от задач и целей организации. Тем не менее, есть некоторые общие преимущества, которые большинство банков увидят, когда решат пойти по пути цифровизации.

Ключевые слова: *банковская система, цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые данные*

Цифровая трансформация для всех участников банковской системы Российской Федерации является не просто трендом, который открывает большие возможности, но также и вынужденной необходимостью (в целях поддержания конкурентоспособности), несущей повышенные риски [1].

Цифровая трансформация большинства кредитных организаций идет полным ходом: применяются новые технологии, в том числе интернет вещей, искусственный интеллект, облачные технологии, прогнозная аналитика, блокчейн, что очень быстро меняет структуру организаций и способы управления ими. Менеджмент финансовых организаций вынужден оперативно принимать стратегические решения относительно объема инвестиций, технологий, кадров, иных ресурсов, необходимых для эффективного функционирования бизнеса в условиях «цифры», данные решения неизбежно содержат элемент стратегического риска. При этом в процессе цифровой трансформации растет влияние и внешних угроз: когда активы становятся цифровыми увеличивается риск стать жертвами киберпреступности, растет риск потери конфиденциальности данных [2].

В любой цифровой экосистеме можно выделить 10 областей риска, возникающих в процессе цифровой трансформации [3]:

1. Область «технологии»: риск потенциальных потерь из-за технологических сбоев, устаревших технологий, проблем внедрения новых технологий. Используемые технологии влияют на работу всей системы, всего персонала, на течение всех процессов. Ключевыми рисками в рамках данной области являются невозможность масштабирования технологии в условиях деятельности компании, вероятность несовместимости технологии исходя из специфики бизнеса и вероятность ограниченности и неточности функциональности внедренной компанией технологии.

2. Область «кибербезопасность»: риск невозможности защиты цифровой среды от несанкционированного доступа, необеспечения конфиденциальности и целостности технологической системы по причине незащищенности технологических систем и невозможности противостоять кибератакам.

3. Область «стратегические решения»: данный риск вытекает из целей и приоритетов организаций в области цифровой трансформации. Неверные решения способны негативно повлиять на качество обслуживания клиентов, ценность бренда, репутацию компании, ее конкурентоспособность и преимущества на рынке [4].

4. Область «бизнес-процессы»: риск недостижения целей организации из-за неверно выстроенных бизнес-процессов в условиях цифровой трансформации: из-за бесконтрольных процессов, неэффективной автоматизации процессов, дублирующих процессов, несоответствия требований к бизнес-процессам внедренным ИТ-системам, неэффективного разделения полномочий. Кроме того, в рамках данной области также существует риск невозможности подобрать необходимый персонал: цифровые технологии нуждаются в высококвалифицированных специалистах для их наиболее эффективного внедрения.

5. Область «Утечка данных»: риск необеспечения защиты данных на различных этапах жизненного цикла данных: данные в использовании, данные в пути, данные на хранении. Конфиденциальность и защита данных приобретают первостепенное значение на фоне роста мошенничества с платежами и случаев кражи, имитации поведения или биометрических данных человека для получения доступа к его банковской информации. По данным экспертно-аналитического центра ГК InfoWatch [5], за 2022 год в мире обнаружено 202 утечки конфиденциальной информации из банков, финансовых и страховых компаний, что привело к компрометации 486 млн. записей персональных данных и платежной информации.

6. Область «третьи лица»: риски, возникающие из-за ненадлежащего контроля в области информационной безопасности у контрагентов, с которыми сотрудничает организация. Для кредитных организаций значимыми рисками в данной области являются риски, возникающие в рамках взаимодействия со сторонними поставщиками ИТ-услуг. Так как для таких поставщиков регуляторные требования менее жесткие, чем для кредитных организаций, к ним не применяются требования по операционной устойчивости и бесперебойности функционирования. Кроме того, если возникнет зависимость ряда участников рынка от одного и того же стороннего поставщика услуг, то его операцион-

ный сбой, киберинцидент или неплатежеспособность могут нарушить деятельность сразу нескольких финансовых организаций, что повлечет за собой возможность возникновения системных рисков [6].

7. Область «конфиденциальность»: риск, возникающий из-за ненадлежащего обращения с личными и конфиденциальными персональными данными клиента/сотрудника, несоблюдения принципов конфиденциальности. В условиях цифровой трансформации все больше информации о человеке «оцифровывается» и хранится на сетевых ресурсах, и все больше пользователей могут иметь доступ к такой информации, особенно при наличии уязвимостей в технологических системах [7].

8. Область «юридические санкции» (со стороны клиентов): в условиях цифровой информации велик риск стать жертвой взлома, мошенничества, что повлечет за собой утерю данных, разглашение конфиденциальных данных, в связи с чем, есть высокая вероятность подачи иска в отношении компании, проведения судебного расследования, наложения юридических санкций.

9. Область «правовое регулирование» (со стороны государства): в условиях цифровой трансформации с высокой скоростью внедряются новые стандарты деятельности и изменяются существующие, в связи с чем организациям необходимо оперативно вносить изменения в собственные внутренние нормативные документы, а также перестраивать существующие процессы, модернизировать используемые технологии. В случае неисполнения требований (особенно в рамках информационной безопасности) могут последовать санкции вплоть до прекращения деятельности финансовой организации.

10. Область «устойчивость деятельности»: в условиях цифровой трансформации повышается риск несоблюдения непрерывности деятельности, последствия от наступления событий операционного риска могут повлечь критичное нарушение работы или полную неработоспособность системы на длительный период (технические сбои, удаление данных, взлом системы) [8].

Таким образом, цифровая трансформация влечет за собой принятие совершенно новых рисков, подходы к управлению которыми требуют постоянной доработки и совершенствования. Вместе с тем, нельзя упускать возможности перехода на «цифру», в связи с тем, что он приносит неоспоримые значительные преимущества.

Преимущества цифровой трансформации в банковской сфере многочисленны и варьируются в зависимости от задач и целей организации. Тем не менее, есть некоторые общие преимущества, которые большинство банков увидят, когда решат пойти по пути цифровизации. Ниже приведены некоторые из самых больших преимуществ, которые банки могут получить в результате цифровой трансформации.

1. Консолидация данных, приложений и процессов: цифровая трансформация позволяет банкам перейти от своих различных устаревших систем, которые часто представляют собой набор различных инструментов, объединенных воедино и плохо обменивающихся данными, к централизованной системе. Это дает несколько преимуществ: общий технологический стек банка уменьшается по размеру и сложности, что упрощает и удешевляет его обслуживание, данные стандартизированы по всей организации в глобальном масштабе, повышается точность данных и устраняется необходимость в трудоемких процессах.

2. Упрощение процессов составления и использования отчетности: благодаря цифровым технологиям данные не только консолидируются, но и становятся доступными в режиме реального времени, что значительно меняет подход банков к отчетности. Банки могут отслеживать и быстро реагировать на изменения, раньше выявлять проблемы. Цифровые технологии позволяют составлять отчетность в понятной и удобной форме для высшего руководства, например, при помощи мгновенной фильтрации и вычленения только необходимых данных, что ранее традиционно требовало больших затрат времени. Кроме того, поскольку на составление отчетов тратится меньше времени, больше времени можно посвятить анализу и стратегии. Это дает банкам возможность перевести сотрудников, чьи роли в основном сосредоточены на составлении отчетов, на роли, в большей степени основанные на анализе, которые могут принести большие преимущества бизнесу [9].

3. Обеспечение соответствия деятельности требованиям нормативных актов: цифровая трансформация облегчает банкам соблюдение нормативных требований. Современные функции, такие как автоматический аудит, позволяют сотрудникам тратить меньше времени на аудит. Данные могут быть стандартизированы и автоматически загружены в систему управления финансами из других приложений, что снижает вероятность человеческой ошибки. Программы бухгалтерского учета, расчета заработной платы, расчета обязательных резервов возможно в максимально короткие сроки обновить в соответствии с изменениями требований нормативных актов (отдельные программы получают автоматические обновления, в связи с чем, сотрудникам Банка не нужно беспокоиться об отслеживании изменений в законодательстве).

4. Улучшение аспектов найма и управления персоналом: Банки могут легко находить новые таланты, используя мобильные технологии, автоматизировать аспекты процесса собеседования и быстрее нанимать новых сотрудников. Современные HR-системы также дают более четкое представление о производительности сотрудников и помогают планировать преемственность, а также позволяют сотрудникам банка самостоятельно решать многие основные HR-задачи и вопросы, экономя время сотрудников HR. Возможно, самым большим преимуществом цифровой трансформации HR является то, что современные HR-системы позволяют отделам кадров банков лучше согласовывать потребности в кадрах с общими организационными целями. Это более активный подход к найму и управлению талантами, который может сэкономить банкам время и деньги, одновременно повышая их конкурентоспособность.

5. Расширение аналитических возможностей. Современные системы обработки больших массивов данных позволяют с большей достоверностью предсказывать будущие тенденции и разрабатывать наиболее реалистичные прогнозы развития, а также проводить более достоверные стресстесты в различных возможных сценариях, от незначительных потрясений до глобального экономического кризиса.

6. Более быстрая работа и меньшее время ожидания. Системы обработки больших данных с микросервисной архитектурой обеспечивают быструю и безопасную обработку транзакций, благодаря современным технологиям проведение многих операций требует не несколько дней, как еще несколько лет назад, а считанные секунды.

7. Повышенная безопасность: хотя утечка данных и подверженность кибератакам одни из самых больших рисков цифровой трансформации, в настоящее время они неизбежны для всех банков, особенно для тех, кто сопротивляется переходу к «цифре». Если бизнес выделяет достаточно ресурсов на обеспечение информационной безопасности и заключает соглашение с передовыми поставщиками технологий в данной сфере, то используемые новейшие технологии шифрования и передачи данных позволят финансовой организации обеспечить как никогда высокий уровень безопасности.

8. Персонализированные предложения: цифровая трансформация банковских и финансовых услуг позволила банкам предлагать именно то, что нужно клиентам. Вместо догадок финансовые учреждения начали формулировать свои продукты и предложения в соответствии с ежедневными расходами клиентов, и это, безусловно, одно из самых больших преимуществ цифрового банкинга для его пользователей.

Список литературы

1. Лолаева, А. С. Информационная безопасность в свете развития цифровой экономики в Российской Федерации / А. С. Лолаева // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Мельбурн, 20 февраля 2021 года / МЦНИР «Научный взгляд». – Мельбурн: МЦНИР «Научный взгляд», 2021. – С. 90-98.

2. Джикаева, Ф. З. Цифровые права как новый вид обязательств / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 8(188). – С. 19-21.

3. Исследование международной аудиторской компании Deloitte «Managing Risk in Digital Transformation». URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/za/Documents/risk/za_managing_risk_in_digital_transformation_112018.pdf (дата обращения: 21.02.2023).

4. Лолаева, А. С. Имущественный оборот цифровых данных / А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 7(175). – С. 27-29.

5. Официальный сайт компании - разработчика решений для обеспечения информационной безопасности организаций InfoWatch. URL: HYPERLINK <<https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/32896>> <https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/32896> (дата обращения: 21.02.2023).

6. Джикаева, Ф. З. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 9(189). – С. 14-18.

7. Амбалова, С. А. Социально-педагогические основы этики и психологии семейной жизни / С. А. Амбалова, Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев. – Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2021. – 97 с.

8. Лолаева, Д. Т. Диаспоральные и религиозные группы и практика толерантности / Д. Т. Лолаева, Е. И. Цакоева // НТК-2016: Научно-техническая конференция обучающихся и молодых ученых СКГМИ (ГТУ), Владикавказ, 05 июля 2016 года. – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (Государственный технологический университет), 2016. – С. 162-163.

9. Бурнацева, З. М. Обычное право в современном обществе / З. М. Бурнацева // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 8-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 18–19 апреля 2019 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2019. – С. 364–366.

УДК 342.7

АНАЛИЗ ПОДХОДА БАНКА РОССИИ К ВНЕДРЕНИЮ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Макиев С.А. – к.ю.н., заведующий кафедрой гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»,
г. Владикавказ

Лолаева А.С. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Проведен анализ подхода Банка России к внедрению цифровой валюты в российских условиях. Перспектива выпуска цифровых валют основывается на возможности создания формы денежных средств на основе новых информационных технологий. Банк России, следуя общемировым тенденциям, также разработал концепцию цифровой валюты, которая изложена в Концепции цифрового рубля. Сделан вывод о том, что деятельность банков при осуществлении операций с цифровым рублем имеет признаки банковского платежного агента, а не банковской деятельности.

Ключевые слова: *цифровая валюта, банковская система, цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые данные*

Центральные банки многих государств стали разрабатывать проекты выпуска национальных денежных средств в цифровой форме (евро, доллар, юань и др.). Перспектива выпуска цифровых валют основывается на возможности создания формы денежных средств на основе новых информационных технологий. Банк России следуя общемировым тенденциям также разработал концепцию цифровой валюты, которая изложена в Концепции цифрового рубля и опубликована Банком России в апреле 2021 года [1] (далее - Концепция цифрового рубля).

15 февраля 2022 года стартовал первый этап тестирования цифрового рубля, который заключался в тестировании:

- открытия кошельков;
- обмена наличных рублей на цифровые рубли;
- осуществление переводов цифровых рублей с использованием мобильного приложения.

При этом на первом этапе тестирования цифрового рубля остаток на кошельках будет лимитирован.

Осенью 2022 года начался второй этап тестирования цифрового рубля, в течение которого будет протестированы следующие операции:

- оплата товаров и услуг;
- оплата государственных платежей.

Кроме того, во время второго этапа будет протестировано взаимодействие цифровой платформы с федеральным казначейством, а также внедрены смарт-контракты.

На третьем этапе Банком России будет протестировано открытие кошельков нерезидентам и проведение офлайн-операций с цифровым рублем.

В проекте «Стратегии развития финансового рынка», разработанной Министерством финансов и Банком России, определено, что цифровой рубль будет внедрен до 2030 года.

Банк России заботится о том, чтобы сохранить участников финансового рынка.

Однако, участники финансового рынка возникли с целью удовлетворения потребностей экономического оборота: обеспечения денежного оборота (ведение счетов, осуществления переводов безналичных денежных средств, кассовые операции, обмен иностранных валют) и предоставления сервисных финансовых услуг (привлечение депозитов и размещение кредитов, выдача банковских гарантий, доверительное управление денежными средствами и прочее) [2].

Денежный оборот обеспечивает экономический оборот (обмен товаров, работ, услуг, прав интеллектуальной собственности) [3].

Первичен экономический оборот. Для обмена товара были установлены меры обмена (монеты, а потом денежные знаки), для обмена разных монет, а также для выдачи расписок о принятом драгоценном металле были созданы специализированные экономические субъекты.

В связи с этим участники финансового рынка должны существовать постольку, поскольку они будут полезными для обеспечения экономического оборота.

Изменения технологий всегда приводят к исчезновению субъектов экономической деятельности, которые не соответствовали требованиям рынка.

В связи с этим, наличие цели сохранить роль участников финансового рынка независимо от изменения конъюнктуры спроса на их услуги, свидетельствует о применении нерыночных методов регулирования финансового рынка.

В научных публикациях, в представленных концепция центральных банков, в том числе в Концепции цифрового рубля, одним из преимуществ цифровой валюты выделено то, что она является обязательством центрального банка перед держателем этой валюты.

На основании этого делается вывод о том, что цифровая валюта центрального банка является безрисковым активом.

Однако, обязательством центрального банка не является обязательством в гражданском праве, а именно в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие.

Ни одним нормативным правовым актом на центральный банк не возложены какие-либо обязательства перед держателями денежных средств, эмитированных таким Центральным банком.

Некоторые исследователи отмечают, что цифровая валюта центрального банка является денежным обязательством центрального банка [4]. Денежным обязательством в гражданском праве является обязательство, содержанием которого является право требования кредитора, и корреспондирующая с ним юридическая обязанность должника передать определенную (определимую) сумму денег (валюты).

Учитывая, что цифровая валюта является третьей формой денежных средств и у центрального банка есть обязательства осуществлять обмен наличной и безналичной валюты на цифровую валюту, а также в обратном порядке, в данном обязательстве участвуют денежные средства. Однако, учитывая, что встречным обязательством являются также денежные средства в другой форме, данная операция имеет признаки кассовой операции, а не денежного обязательства.

Обязательства центрального банка по отношению к эмитируемой им валюте заключается только в обязательстве обеспечить принятие такой валюты на территории всей страны и обеспечить покупательную способность такой валюты [5].

В связи с этим, у центрального банка отсутствуют прямые реальные обязательства (например, имущественные обязательства) перед держателем валюты, которые, например, гарантировали бы ценность такой валюты реальными активами (имуществом) Банка России.

В концепции принятой многими центральными банками государств, в том числе Банком России, цифровая валюта центрального банка является третьей формой денежных средств наряду с наличной и безналичными денежными средствами. В этом случае цифровая валюта подвержена инфляции как наличные и безналичные денежные средства [6].

В связи с тем, что цифровой рубль, как третья форма рубля имеет инфляционный риск, его нельзя рассматривать в качестве безрискового актива.

В Концепции цифрового рубля, отмечается, что введение цифрового рубля обеспечит 6 преимуществ для граждан и бизнеса.

Словарь Ожегова определяет значение слова «Преимущество», как «выгода, превосходство (в сравнении с кем-чем другим)» [7].

Преимуществом цифрового рубля является его превосходство над существующими формами денег: наличными и безналичными. Как справедливо отметил Заместитель председателя Центрального банка Российской Федерации Алексей Заботкин, цифровой рубль «позволит реализовать тот функционал, который невозможен в рамках двух существующих форм денег» [8].

Первым преимуществом в Концепции цифрового рубля определен «доступ к кошельку через любую финансовую организацию, в которой обслуживается клиент. Клиент может получить доступ

к своему кошельку на платформе цифрового рубля через инфраструктуру любой финансовой организации, в которой у него открыт счет» [9].

Однако, способ доступа к кошельку через финансовую организацию, в которой обслуживается клиент, не дает выгод или превосходства в сравнении с другими формами рубля. В связи с этим данный тезис нельзя отнести к преимуществам [10].

Вторым преимуществом определено снижение затрат на проведение операций с цифровым рублем, которые будут тарифицироваться по единым правилам.

Снижение затрат на проведение операций при осуществлении расчетов гражданами и бизнесом безусловно является преимуществом. Однако преимуществом его можно считать в случае значимого сокращения затрат для граждан и бизнеса при разумных затратах на внедрение цифрового рубля со стороны государства [11].

Третьим преимуществом определено «повышение доступности финансовых услуг на отдаленных и малонаселенных территориях за счет наличия возможности расчетов между физическими лицами и оплаты товаров и услуг без доступа к сети Интернет (офлайн-режим)».

В разделе «Офлайн-переводы» Концепции цифрового рубля определено, что «офлайн-переводы - платежи в цифровых рублях, осуществляемые клиентами без доступа к сети Интернет посредством специальных цифровых кошельков, размещенных на мобильных устройствах. Пополнение офлайн-кошелька будет осуществляться клиентом путем перевода цифровых рублей с его онлайн-кошелька при наличии доступа к сети Интернет. Офлайн-перевод может выполняться с использованием технологии беспроводной передачи данных малого радиуса действия (например, Bluetooth, NFC)».

Таким образом, офлайн-перевод может выполняться только между расположенными в непосредственной близости устройствами и при этом данный режим не позволяет осуществлять расчеты, если получатель денежных средств не находится в непосредственной близости от плательщика.

Исходя из этого, офлайн-перевод предоставляет возможность осуществлять всего одну операцию - расчеты между двумя рядом находящимися людьми. Однако наличные денежные средства предоставляют такую же возможность.

В связи с этим, цифровой рубль не имеет преимуществ перед наличными денежными средствами. Соответственно, тезис о «доступности финансовых услуг на отдаленных и малонаселенных территориях за счет наличия возможности расчетов между физическими лицами и оплаты товаров и услуг без доступа к сети Интернет», нельзя отнести к преимуществам.

Четвертым преимуществом определено высокий уровень сохранности средств.

Банк России при описании данного преимущества не определил, чем обусловлен высокий уровень сохранности средств. Можно предположить, что сохранность денежных средств обусловлена тем, что с цифровым рублем, который находится в кошельке Банком России, не осуществляются рискованные операции, вследствие чего невозможна ситуация, при которой денежные средства, которые учитываются на цифровом кошельке, могут оказаться недоступными для владельца таких денежных средств.

Однако, в случае значительного объема конвертации безналичных рублей в цифровой рубль, угроза сохранности возникнет у владельцев денежных средств, которые хранят свои денежные средства в безналичной форме на счетах в банках.

Пятым преимуществом определено «расширение линейки инновационных сервисов и продуктов и улучшение условий клиентского обслуживания вследствие усиления конкуренции на финансовом рынке».

Банк России при описании данного преимущества не определил, какие именно инновационные сервисы могут быть внедрены в связи с внедрением цифрового рубля и вследствие чего усилятся конкуренции на финансовом рынке. В связи с этим, данное утверждение не свидетельствует об очевидных преимуществах введения цифрового рубля.

Шестым преимуществом определено «повышение уровня безопасности за счет наличия уникальных номеров цифровых рублей, позволяющих отследить их движение и упростить восстановление нарушенных прав владельца в случае их утраты или хищения».

Внедрение такого сервиса, безусловно, является преимуществом, поскольку в случае кражи наличных денежных средств, отследить их движение и восстановить права на эти денежные средства является крайне сложной и не всегда выполнимой задачей. Похищенные денежные средства со счетов также не всегда можно отследить и вернуть владельцу. Так, перевод денежных средств за

пределы государства затрудняет его отслеживание или делает отслеживание и вовсе невозможным, как и снятие похищенных денежных средств со счета в наличной форме. Утрата наличных денежных средств в большинстве случаев влечет за собой невозможность восстановления нарушенных прав их владельца.

Исходя из перечисленных преимуществ, реальным преимуществом для граждан и бизнеса является высокий уровень сохранности средств в форме цифрового рубля и упрощение восстановления нарушенных прав владельца цифрового рубля в случае его утраты или хищения.

Для финансового рынка Банком России определены следующие преимущества цифрового рубля.

Первым преимуществом определено повышение конкуренции на финансовом рынке. Банк России при описании данного преимущества уточнил, что «возможность доступа клиентов к своим кошелькам через любую финансовую организацию будет способствовать усилению конкуренции между высокотехнологичными сервисами на финансовом рынке».

При этом взаимосвязь между доступом клиентов к своим кошелькам через любую финансовую организацию и усилением конкуренции между высокотехнологичными сервисами на финансовом рынке не является очевидной. Появление новой формы денежных средств в виде цифрового рубля безусловно повлияет на развитие высокотехнологичных сервисов и может создать между ними конкуренцию. Однако это возникнет вне зависимости от порядка доступа клиентов к своим кошелькам. Более того, конкуренция между участниками финансового рынка не может усилиться с появлением еще одного финансового сервиса.

В связи с этим, тезис об «усилении конкуренции между высокотехнологичными сервисами на финансовом рынке» является необоснованным.

Вторым преимуществом определено «создание инновационных финансовых сервисов. Применение технологии распределенных реестров позволит участникам рынка создавать и предлагать клиентам новые технологичные сервисы (смарт-контракты, маркирование платежей)». Применение смарт-контрактов и маркирование платежей возможно при реализации цифрового рубля с применением только технологии распределенного реестра. Вопрос технологии реализации цифрового рубля на данный момент является открытым. В Докладе для общественных консультаций «Цифровой рубль», опубликованного Банком России в октябре 2020 года, указано, что цифровой рубль может быть реализован как в виде токенов, так и на счета в Центральном банке или оператора ЦВЦБ48. В Концепции цифрового рубля отмечено, что Банк России предполагает, что наиболее предпочтительным на данном этапе является использование гибридной архитектуры - комбинации распределенных реестров и централизованных компонентов.

В связи с этим, в случае внедрения цифрового рубля с применением технологии распределенного реестра будут создаваться новые технологичные сервисы: смарт-контракты и маркирование платежей.

Третьим преимуществом определено «развитие новой платежной инфраструктуры для участников финансового рынка». Однако, развитие новой платежной инфраструктуры само по себе не дает выгод и превосходства над иными формами денег как для субъектов рынка, так и для их клиентов.

Наряду с этим, необходимо отметить, что появление дополнительной платежной инфраструктуры приведет в целом к повышению устойчивости функционирования национальной платежной системы, что является преимуществом для государства.

Исходя из перечисленных преимуществ, реальным преимуществом цифрового рубля является создание новых высокотехнологичных сервисов (смарт-контракты, маркирование платежей), которые до появления цифровой валюты были невозможны. Однако, это является преимуществом прежде всего для граждан и бизнеса, а не для финансового рынка, поскольку каждый субъект финансового рынка и совокупность таких субъектов не получают превосходства или выгод от внедрения новых технологичных сервисов.

В Концепции цифрового рубля для государства определяется три преимущества.

В качестве первого преимущества указан контроль за расходованием бюджетных средств. Детализируется, что преимущество заключается в том, что «платформа цифрового рубля обеспечит гарантированную адресную доставку целевых выплат гражданам и бизнесу».

Данная функция не может быть реализована при помощи только цифрового рубля. Для ее реализации необходимы соответствующие программные комплексы. Однако, при наличии программных комплексов, которые обеспечивают централизованное администрирование движения и использова-

ния бюджетных средств, эта функция может быть реализована и при использовании безналичных денежных средств, без использования цифрового рубля.

В качестве второго преимущества указано, что «снижение издержек на администрирование бюджетных платежей, а именно, применение смарт-контрактов позволит автоматизировать и значительно упростить процессы администрирования бюджетных средств, повысить их эффективность и минимизировать операционные риски».

Однако возможность использования смарт-контрактов уже была упомянута в качестве преимущества. Использование смарт-контрактов для операций с бюджетными средствами не свидетельствует о появлении дополнительного преимущества перед уже упомянутым ранее.

Третьим преимуществом определен потенциал для упрощения проведения трансграничных платежей. Банк России уточнил, что «запуск платформы цифрового рубля может стать первым шагом на пути к повышению эффективности трансграничных платежей и расчетов посредством ее дальнейшей интеграции с аналогичными платформами цифровой валюты центральных банков других стран».

Таким образом, деятельность банков при осуществлении операций с цифровым рублем имеет признаки банковского платежного агента, а не банковской деятельности.

Лицензированию подлежит деятельность, которая может повлечь за собой нанесение ущерба правам, законным интересам, здоровью граждан, обороне и безопасности государства, культурному наследию народов Российской Федерации.

В связи с тем, что при осуществлении операций с цифровым рублем банки не хранят денежные средства у себя на балансе, такая деятельность не может повлечь за собой нанесение ущерба правам и законным интересам граждан, а также безопасности государства. Следовательно, такая деятельность не требует получения банковской лицензии.

Список литературы

1. Концепция цифрового рубля // Центральный банк Рос. Федерации: [офиц. сайт]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 02.02.2023).
2. Лолаева, А. С. Информационная безопасность в свете развития цифровой экономики в Российской Федерации / А. С. Лолаева // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Мельбурн, 20 февраля 2021 года / МЦНИР «Научный взгляд». – Мельбурн: МЦНИР «Научный взгляд», 2021. – С. 90-98.
3. Джикаева, Ф. З. Цифровые права как новый вид обязательств / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 8(188). – С. 19-21.
4. Кочергин, Д. А. Современные модели систем цифровых валют центральных банков / Д. А. Кочергин // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2021. т. 37. Вып. 2. – С. 205-240.
5. Рябинина, Л.Н. Деньги и кредит: Учебник / Л.Н. Рябинина. - К.: Центр учебной литературы, 2014. - 608 с.
6. Лолаева, А. С. Имущественный оборот цифровых данных / А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 7(175). – С. 27-29.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд. перераб. – М.: АСТ. - 2020. – 1376 с. -
8. Емелин, И.А. Цифровые валюты и стратегия цифровой трансформации / И.А. Емелин // Государственная служба. -2021. - №1 (129).
9. Джикаева, Ф. З. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 9(189). – С. 14-18.
10. Лолаева, Д. Т. Методологические аспекты рассмотрения проблемы человека в современной философии / Д. Т. Лолаева, Я. И. Санакоева // Современные научно-технические и социально-гуманитарные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник докладов I Всероссийской научно-практической конференции, Владикавказ, 03–05 июня 2019 года. – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2019. – С. 308-310.
11. Бурнацева, З. М. Аттестация государственных служащих как институт административного права / З. М. Бурнацева // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 11-й международной научно-практической конференции, Владикавказ, 12–13 мая 2022 года. Том Часть II. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2022. – С. 205-208.

УДК 342.7

КОНЦЕПЦИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКЕ

Макиев С.А. – к.ю.н., заведующий кафедрой гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»,
г. Владикавказ

Лолаева А.С. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Исследуется Концепция цифровой валюты центрального банка в международной практике. Сделан вывод о том, что использовать цифровые деньги в международных расчетах в настоящее время без наличия цифровых платформ, которые осуществляют обмен одной цифровой валюты на другую, возможно только при условии возможности их конвертации в иностранную валюту в форме цифровых денежных средств центрального банка или в форме безналичных денежных средств на счетах в банках, находящихся в стране нахождения получателя перевода цифровых денег.

Ключевые слова: *цифровая валюта, банковская система, цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые данные*

В настоящее время центральные банки рассматривают две формы учета цифровой валюты Центрального банка (далее – ЦВЦБ):

- на токенах (англ. - token-based);
- на счетах (англ. - account-based).

Главное различие между ЦВЦБ, основанными на токенах и счетах, это способы верификации при совершении операций.

При проведении операций с ЦВЦБ, которые учитываются в виде токенов необходимо проверить (верифицировать) подлинность токена, для установления факта его наличия и предотвращения его многократной отправки различным пользователям. При этом, как правило, отсутствует необходимость верифицировать владельца ЦВЦБ.

Проведение операций с ЦВЦБ, которые учитываются в виде токенов могут осуществляться без наличия банка непосредственно между пользователями. Это обеспечивает конфиденциальность проводимых операций.

При проведении операций с ЦВЦБ, которые учитываются на счетах, необходимо идентифицировать их владельцев с целью предотвращения перевода денежных средств без распоряжения владельца счета, а также сопоставить отправителя и получателя платежа.

Поскольку международные документы по финансовому мониторингу использующиеся развитыми странами, одной из важнейших задач определяют проведение идентификации клиента, центральными банками этих стран будет применяться технология цифровой валюты, которая базируется на счетах.

Концепция применения цифровых валют центральных банков предполагает их использование как их при наличии Интернет связи, так и при ее отсутствии.

Примером такой концепции является DubaiCoin, который планирует цифровую валюту для оплаты товаров и услуг как при наличии доступа к интернету, так и при его отсутствии.

Приложение DCEP для осуществления операций с цифровым юанем уже предусматривает возможность осуществления операций между мобильными телефонами без доступа к интернету [1].

Концепция использования цифровых валют центральных банков должна обеспечить им популярность, аналогичную популярности криптовалюты [2].

Как было указано выше, интерес со стороны центральных банков государств к цифровым валютам возник, прежде всего, благодаря популярности криптовалют [3].

Популярность криптовалют обусловлена следующими преимуществами по сравнению с фиатными денежными средствами, эмитируемыми центральными банками государств:

1. Ограничения по эмиссии, являющееся правилом, заложенным на программном уровне платформы криптовалюты. Невозможна быстрая и неконтролируемая эмиссия, которая ведет к обесце-

ниванию криптовалюты в отличие от фиатных денежных средств, которые в случае принятия такого решения эмиссионным центром государства, могут (и практика показывает, что реально осуществляется) эмитировать в короткий срок неограниченное количество валюты, чем обесценить ее [4].

2. Отсутствие посредников при осуществлении операций по переводу криптовалюты. Безналичные денежные средства учитываются на счетах коммерческого банка, устойчивость которого зависит от профессионализма и деловых качеств руководства этого банка, а также от политических и экономических событий в государстве и мире, которые не зависят от руководства банка, но тем не менее влияют на банк. Так, на банк могут быть наложены санкции, центральным банком может быть принято решение о его ликвидации и прочее. Криптовалюты хранятся децентрализованно - на множестве компьютеров одновременно. Плохой менеджмент не может привести к потере криптовалюты на кошельке. На платформу криптовалюты невозможно наложить санкции по политическим мотивам, запретить ее или надавить на нее другими силовыми методами [5].

Нахождение денежных средств под контролем государственных органов снижает доверие к цифровой валюте центрального банка со стороны пользователей. Так, по мнению управляющего партнера Primitive Ventures Дови Ван с запуском цифрового юаня властям Китая для изъятия цифровых денежных средств достаточно будет всего лишь изменить «пару строчек кода». При внедрении цифрового юаня граждане могут утратить свою независимость, заменить которую будут призваны «центральные серверы цифрового юаня» [6].

По мнению некоторых российских ученых, повышенный интерес к криптовалютам в России появился после введения Соединенными Штатами Америки персональных санкций ряда топ-менеджеров России, а также санкций против отдельных российских предприятий, в большей степени против предприятий военно-промышленного комплекса. Самым серьезным из введенных санкций стал арест денежных средств на счетах российских резидентов в западных банках. Криптовалюта позволила анонимно переводить денежные средства за рубеж, без участия западных банков, которые в соответствии с введенными санкциями должны быть там арестованы при попытке перевести через них средства [7].

В связи с этим криптовалюта независима от решений, принятых лицами, которые могут влиять на возможность ее использования.

3. Невозможность предъявления требований к криптовалюте со стороны налоговых и правоохранительных органов, судов. Это является следствием того, что счет в криптовалюте анонимен, поскольку не содержит информацию о собственнике счета. В связи с этим, сложно связать счет в криптовалюте с конкретным человеком. Таким образом, правоохранительные органы, суды или налоговая не может ни арестовать счет с криптовалютой, ни списать с него криптовалюту без распоряжения собственника такого счета [8].

4. Отсутствие финансового мониторинга и валютного контроля за операциями с криптовалютой [9].

5. Информация о проведенных операциях с криптовалютой публична - все желающие могут проследить движение криптовалюты. Это связано, прежде всего, с тем, что криптовалюта не связана с конкретным лицом. Операции осуществляются между цифровыми кошельками. Поэтому видя движение криптовалюты, невозможно проследить кто проводит эту операцию и установить цель ее проведения. Такая открытость делает прозрачной систему движения средств в криптовалюте не нарушая конфиденциальность проводимых операций и обеспечивает доверие со стороны пользователей криптовалюты [10].

6. Относительно высокая скорость осуществления операций по переводу криптовалюты.

7. Возможность осуществления операций с криптовалютой круглосуточно и ежедневно.

8. Возможность осуществлять операции по переводу криптовалюты бесплатно. Так, есть альтернатива осуществить перевод быстро с уплатой комиссии или провести операцию с задержкой, возможно в несколько дней, но бесплатно.

9. Возможность осуществлять операции с криптовалютой во всем мире. Условием для осуществления операций является наличие Интернета.

10. Возможность осуществлять операции с использованием смарт-контрактов.

При этом необходимо отметить, что преимущество в виде возможности осуществлять операции во всем мире и невозможности наложить ограничения со стороны государственных органов и иных лиц на обладаемую криптовалюту ограничивается возможностью ограничить обмен криптовалюты на фиатные денежные средства. Так, криптовалюта не является универсальным эквивалентом обмена, и соответственно принимается не всеми участниками расчетов. В связи с этим, возникает необходимость обмена криптовалюты на фиатные денежные средства.

Осуществление таких расчетов могут быть запрещено государством, что ставит под сомнение преимущества криптовалюты для осуществления расчетов.

Таким образом, использовать цифровые деньги в международных расчетах в настоящее время без наличия цифровых платформ, которые осуществляют обмен одной цифровой валюты на другую, возможно только при условии возможности их конвертации в иностранную валюту в форме цифровых денежных средств центрального банка или в форме безналичных денежных средств на счетах в банках, находящихся в стране нахождения получателя перевода цифровых денег.

Список литературы

1. PBoC official says «completely anonymous CBDC is not an option». – URL: <https://www.theblockcrypto.com/linked/98925/pboc-anonymous-cbdc-not-option> (дата обращения: 06.02.2023).

2. Лолаева, А. С. Информационная безопасность в свете развития цифровой экономики в Российской Федерации / А. С. Лолаева // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Мельбурн, 20 февраля 2021 года / МЦНИР «Научный взгляд». – Мельбурн: МЦНИР «Научный взгляд», 2021. – С. 90-98.

3. Синельникова-Мурылева Е. В. Цифровые валюты центральных банков: потенциальные риски и выгоды / Е. В. Синельникова-Мурылева // Вопросы экономики. - 2020. - № 4. - С. 147–159.

4. Джикаева, Ф. З. Цифровые права как новый вид обязательств / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 8(188). – С. 19-21.

5. Лолаева, А. С. Имущественный оборот цифровых данных / А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 7(175). – С. 27-29.

6. Мнение: DCEP на базе цифрового юаня – всего лишь еще одно платежное приложение. – URL: <https://forklog.com/mnenie-dcep-na-baze-tsifrovogo-yuanya-vsego-lish-eshhe-odno-platezhnoe-prilozhenie/> (дата обращения: 06.02.2023).

7. О бесперспективности внедрения криптовалют в России / Г.А. Шаламов, М.Г. Игумнов // Международный научно-исследовательский журнал. - 2021. - №1-4 (103).

8. Джикаева, Ф. З. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 9(189). – С. 14-18.

9. Лолаева, Д. Т. Методологические аспекты рассмотрения проблемы человека в современной философии / Д. Т. Лолаева, Я. И. Санагоева // Современные научно-технические и социально-гуманитарные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник докладов I Всероссийской научно-практической конференции, Владикавказ, 03–05 июня 2019 года. – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2019. – С. 308-310.

10. Бурнацева, З. М. Аттестация государственных служащих как институт административного права / З. М. Бурнацева // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 11-й международной научно-практической конференции, Владикавказ, 12–13 мая 2022 года. Том Часть II. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2022. – С. 205-208.

УДК 342.7

О ПОНЯТИЯХ «ВИРТУАЛЬНАЯ ВАЛЮТА» И «ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА»

Макиев С.А. – к.ю.н., заведующий кафедрой гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»,
г. Владикавказ

Лолаева А.С. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Исследуются понятия «виртуальная валюта» и «цифровая валюта». Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что широкое распространение криптовалют привело к тому, что монетарные власти стран начали обсуждать перспективы эмиссии собственных цифровых валют. Сделан вывод о том, что цифровые валюты будут являться не новой валютой, а новой формой уже существующей национальной валюты государства наряду с наличной и безналичной.

Ключевые слова: *цифровая валюта, банковская система, цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые данные*

Широкое распространение криптовалют привело к тому, что монетарные власти стран начали обсуждать перспективы эмиссии собственных цифровых валют. В настоящее время вопрос создания цифровой валюты в разных странах находится в различной степени реализации.

Мотивом, побудившим монетарные органы обсуждать вопрос о выпуске собственной цифровой валюты явилось опасение, что криптовалюта будет доминировать в денежном обращении, платежных системах оптовых и розничных расчетов, а также вытеснит из обращения значительную часть резервов и это негативно повлияет на обеспечение выполнения функций центральным банком государства [1].

Учитывая, что введение национальных цифровых валют является новым этапом развития денежного обращения, последовавшим за этапом появления и использования криптовалют, необходимо рассмотреть их общие и отличительные свойства. С этой целью необходимо, прежде всего, провести разграничение между понятиями «виртуальная валюта» и «цифровая валюта» [2].

В отчёте ФАТФ «Виртуальные валюты. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОДУФТ» от июня 2014 виртуальная валюта (virtual currency) определяется как цифровое выражение стоимости, которым можно торговать в цифровой форме и которое функционирует в качестве средства обмена; и (или) расчетной денежной единицы; и (или) средства хранения стоимости, но без законного статуса ни в одной юрисдикции [3].

В руководстве по применению риск-ориентированного подхода «Виртуальные активы и провайдеры услуг виртуальных активов» FATF дало определение виртуальным активам, рассматривая их как средство цифрового выражения стоимости, которое может торговаться или переводиться цифровым образом и может быть использовано для целей платежей или инвестиций». При этом виртуальные активы не включают в себя средства цифрового выражения фиатных валют, ценных бумаг и других финансовых активов, уже охваченных требованиями в других разделах Рекомендаций ФАТФ [4, 5].

Европейский центральный банк (ЕЦБ) в 2012 году дал следующее определение термину «виртуальная валюта» - это тип нерегулируемых цифровых денег, которые выпускаются и, как правило, контролируются их разработчиками и используются среди членов определенного виртуального сообщества [6, 7].

В феврале 2015 г. ЕЦБ уточнил термин «виртуальная валюта» и определил ее как цифровое представление стоимости, не выданных центральным банком, кредитной организацией или учреждением электронных денег (emoney institution), которая в некоторых случаях может быть использована как альтернатива деньгам.

Отличие виртуальной валюты от фиатной заключается в том, что виртуальная валюта:

- не имеет статуса официального предложения;
- отличается нерегулируемостью;
- выпускается нефинансовыми частными компаниями;
- признается, как правило, только специфическими виртуальными компаниями;
- по ней отсутствуют фиксация предложения и гарантии возврата средств;
- осуществляется недостаточный надзор за операциями.

Таким образом, определение «виртуальная валюта» содержится в ряде документов международных организаций.

В настоящее время не существует единого общепринятого определения термина «цифровая валюта центрального банка». Ни законодательство, ни научные исследования не дают определения термина ЦВЦБ.

При обсуждении цифровых валют, которые могли быть выпущены в обращение центральным банком государства, такие валюты именовались «криптовалюты центральных банков» (КВЦБ). Это свидетельствовало о родстве с «криптовалютами» и отграничивало их от уже выпускавшихся криптовалют по субъекту, который эмитирует ее - центральный банк [8].

Банк международных расчетов (далее - БМР) в своем докладе определил КВЦБ как электронную форму денег центрального банка, которая может обмениваться децентрализованным образом, известным как пиринговый (также одноранговый), когда сделки проходят напрямую между плательщиком и получателем платежа без привлечения центрального посредника [9]. В последствии БМР

это определение было дополнено еще одной характеристикой - простота в получении криптовалюты центрального банка и использовании ее для совершения платежей.

В отчете BIS, 2018b 2018 года БМР заменил в использовании термин «криптовалюты центральных банков» на «цифровые валюты центральных банков» (ЦВЦБ) [10].

БМР при этом утверждает, что ЦВЦБ является новым видом денег ЦБ, которые являются средством платежа и сохранения стоимости.

В том же отчете отмечается отсутствие определения ЦВЦБ. В связи с этим БМР в отчете BIS, 2018b дает следующее определение ЦВЦБ: «ЦВЦБ – это цифровая форма денег центрального банка, отличная от кассовых остатков на традиционных резервных и расчетных счетах».

Позиция МВФ заключается в том, что ЦВЦБ «будут представлять собой широко принимаемую цифровую форму фиатных денег и станут законным платежным средством. Придет день, и они смогут целиком вытеснить наличность, имеющую физическое представление. По-видимому, ЦВЦБ – естественный этап в процессе эволюции официальной эмиссии (от металлических денег до денег, обеспеченных драгоценными металлами, и до фиатных денег, имеющих физическое представление)» [11].

Необходимо отметить, что цифровые валюты планируют выпускать не только центральные банки государств, но и отдельные города (например, Дубай), а также отдельные частные компании [12].

При этом, интерес частных компаний к выпуску собственных цифровых валют заключается в получении дохода от сеньоража, характерного для Центробанков, а также в росте лояльности клиентов, сборе данных и снижении расчетных рисков [13].

При появлении у частных компаний собственных цифровых валют у них появляется возможность взимать комиссию за проведение с ней операций.

Однако обращение цифровых валют частных компаний создает конкуренцию фиатной валюте центральных банков, поскольку они способны уменьшить сеньораж Центробанков, а в случае их широкого распространения – подвергнуть финансовую систему рискам массового набега вкладчиков банков.

Вместе с тем, законодательство многих стран запрещает использование в качестве средства платежа денежные суррогаты, которыми и являются криптовалюты, а также частные цифровые валюты.

Все эти факторы подтолкнули центральные банки многих государств к изучению возможности создания собственных цифровых валют. Подчеркивается, что такие цифровые валюты будут являться не новой валютой, а новой формой уже существующей национальной валюты государства наряду с наличной и безналичной.

При этом проводятся не только технические эксперименты, но и научные и политические исследования.

Список литературы

1. Андрюшин С. А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства / С. А. Андрюшин // Актуальные проблемы экономики и права. - 2021. - №1.

2. Лолаева, А. С. Информационная безопасность в свете развития цифровой экономики в Российской Федерации / А. С. Лолаева // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Мельбурн, 20 февраля 2021 года / МЦНИР «Научный взгляд». – Мельбурн: МЦНИР «Научный взгляд», 2021. – С. 90-98.

3. Отчёт ФАТФ «Виртуальные валюты. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ» // Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма: [офиц. сайт]. URL: https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valyuty_FATF_2014.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

4. Синельникова-Мурылева Е. В. Цифровые валюты центральных банков: потенциальные риски и выгоды / Е. В. Синельникова-Мурылева // Вопросы экономики. - 2020. - № 4. - С. 147–159.

5. Джикаева, Ф. З. Цифровые права как новый вид обязательств / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 8(188). – С. 19-21.

6. Лолаева, А. С. Имущественный оборот цифровых данных / А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 7(175). – С. 27-29.

7. Джикаева, Ф. З. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 9(189). – С. 14-18.

8. Лолаева, Д. Т. Методологические аспекты рассмотрения проблемы человека в современной философии / Д. Т. Лолаева, Я. И. Санагоева // Современные научно-технические и социально-гуманитарные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник докладов I Всероссийской научно-практической конференции, Владикавказ, 03–05 июня 2019 года. – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2019. – С. 308-310.

9. Central bank cryptocurrencies // Банк международных расчетов: [официальный сайт]. URL: <https://www.bis.org/publ/qtrpdf/rqt1709f.htm> (дата обращения: 06.02.2023).

10. BIS Annual Economic Report // Банк международных расчетов: [официальный сайт]. URL: <https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2018e5.htm> (дата обращения: 06.02.2023).

11. Mancini-Griffoli T. Casting light on central bank digital currency / Mancini-Griffoli T., Martinez M. S. // IMF Staff Discussion Notes. - № 2018/08.

12. Should Central Banks Worry About Facebook's Diem and Alibaba's Alipay?: Интернет-портал PaySpace Magazine: [сайт]. URL: https://www.richmondfed.org/publications/research/economic_brief/2021/eb_21-17 (дата обращения: 06.02.2023).

13. Бурнацева, З. М. Аттестация государственных служащих как институт административного права / З. М. Бурнацева // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 11-й международной научно-практической конференции, Владикавказ, 12–13 мая 2022 года. Том Часть II. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2022. – С. 205-208.

УДК 347

РАЗРАБОТКА И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

Джиоева Л.Г. – доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»,
г. Владикавказ

Бугаева Э.С. – к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Габараева М.Т. – старший преподаватель кафедры конституционного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы разработки и усовершенствования технологий информационной безопасности как приоритетного направления цифровой трансформации банковской системы. Определены общие правила уступки требованиям, которые не могут применяться к переводам денежных средств, в том числе инициированным с помощью платежной карты. Сделан вывод о том, что если владелец карты, несмотря на наличие правильно установленного порядка перевода денежных средств обязан повторно исполнить денежное обязательство.

Ключевые слова: банковская система, цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые данные

Развитие цифровых технологий влечет за собой и появление новых рисков - киберрисков. В докладе Всемирного экономического форума (ВЭФ) «Global Risks Report 2021» (Глобальные риски 2021) киберриски включены в число основных угроз. Киберугрозы не только приводят к финансовым потерям, но и сдерживают потенциал практического применения цифровых технологий. Длительность трансформации банковской деятельности в цифровой банкинг будет зависеть именно от уровня защиты финансовых активов от несанкционированного доступа и утечки данных, то есть от уровня кибербезопасности.

Особую актуальность проблема управления киберрисками приобрела в 2020 году, когда из-за пандемии COVID-19 произошел технологический прорыв: в цифру перешли коммерция, образование

и человеческие взаимоотношения в целом. Информационной безопасности стали уделять особое внимание, как государство, так и бизнес из-за многократно возросшего количества кибератак. По результатам исследования «Актуальные киберугрозы: итоги 2020 года», проведенного компанией Positive Technologies, компании финансового сектора относятся к наиболее часто атакуемым категориям организаций [1]23F. В связи с этим все большая доля расходов банков отведена на обеспечение информационной безопасности, возрастает потребность в передовых технологиях в данной области, появляются новые задачи перед регулирующими банковскую систему органами [2].

Согласно статистическим данным, опубликованным Банком России, количество уведомлений от клиентов операторов по переводу денежных средств (которыми преимущественно являются Банки) об использовании электронных средств платежа без их согласия возрастает с каждым кварталом. По данным аналитического отчета «Актуальные киберугрозы: итоги 2020 года», составленного международной компанией, специализирующейся на разработке программного обеспечения в области информационной безопасности, Positive Technologies, финансовые организации в России наиболее подвержены таким методам кибератак, как использование вредоносного программного обеспечения и социальная инженерия [3].

Если социальная инженерия - это метод, направленный исключительно на клиентов кредитной организации, так как заключается в манипуляции их действиями посредством выявления слабостей человеческого фактора, то использование вредоносного программного обеспечения чаще направлено на сами банки, заключается в поиске уязвимостей в приложениях банков, в процессах проведения банковских операций. Поэтому в связи с внедрением информационных технологий во все процессы банки обязаны обеспечивать безопасность проведения операций и защиту информации [4].

Содействие развитию технологий кибербезопасности оказывают оба уровня банковской системы, как мегарегулятор Банк России, так и коммерческие банки и небанковские организации. Рассмотрим каждый из этих уровней [5].

Банк России занимается разработкой обязательных к исполнению всеми кредитными организациями нормативных актов и стандартов Банка России в области обеспечения кибербезопасности. Охарактеризуем основные из них.

В соответствии с требованиями Положения Банка России от 04.06.2020 № 719-П «О требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств и о порядке осуществления Банком России контроля за соблюдением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств» кредитные организации обязаны обеспечивать многоуровневую систему защиты информации на всех этапах осуществления переводов денежных средств (при идентификации, аутентификации и авторизации клиентов, при приеме и передаче сообщений об осуществлении перевода, при осуществлении перевода, при хранении информации о переводах), проводить ежегодное тестирование и анализ уязвимостей информационной безопасности, осуществлять внешнюю независимую оценку соответствия системы информационной безопасности требованиям указанного Положения Банка России [6].

Согласно Положению Банка России от 17.04.2019 № 683-П «Об установлении обязательных для кредитных организаций требований к обеспечению защиты информации при осуществлении банковской деятельности в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента», кредитные организации обязаны использовать программное обеспечение, сертифицированное Федеральной службой по техническому и экспортному контролю, проводить анализ уязвимостей данного программного обеспечения, осуществлять защиту информации с использованием средств криптографической защиты информации.

Также кредитные организации обязаны предусмотреть порядок обеспечения информационной безопасности в планах действий, направленных на обеспечение непрерывности деятельности и (или) восстановление деятельности кредитной организации в случае возникновения нестандартных и чрезвычайных ситуаций в соответствии с Положением Банка России от 16.12.2003 № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах» и следовать многочисленным стандартам, таким как Стандарт № 822-СТ «Безопасность финансовых (банковских) операций. Защита информации финансовых организаций. Базовый состав организационных и технических мер», Стандарт № СТО БР ФАПИ.СЕК-1.6-2020 «Безопасность финансовых (банковских) операций. Прикладные программные интерфейсы обеспечения безопасности финансовых сервисов на основе протокола OpenID. Требования».

В случае, если кредитная организация не может обеспечить выполнение требований к информационной безопасности, к ней со стороны регулирующих органов применяются меры воздействия,

например, установление повышенной дополнительной ставки страховых взносов для уплаты Агентству по страхованию вкладов, штрафы, запрет на осуществление отдельных банковских операций, отзыв лицензии [7].

Так, представителями Банка России в 2021 году сообщено, что по результатам проверок 17 кредитных организаций оштрафованы за несоблюдение требований информационной безопасности [8], также невыполнение требований к информационной безопасности стало одной из причин отзыва лицензии у банка «Кредитинвест».

Помимо «карательного» надзора, Банк России осуществляет также «превентивный» надзор, определяет основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы и разрабатывает безопасные решения для всего финансового сектора.

Согласно Основным направлениям развития технологий Suptech и Regtech на период 2021-2023 годов, «основными направлениями деятельности Банка России в области информационной безопасности являются:

1. Обеспечение киберустойчивости (сохранение финансовой стабильности и надежности при реализации кибератак, управление риском реализации информационных угроз, контроль уровня операция, совершаемых без согласия клиента, предотвращение компьютерных атак на финансовые организации).

2. Защита прав потребителей финансовых услуг посредством мониторинга уровня финансовых потерь и недопущение увеличения их объема.

3. Содействие развитию инновационных технологий в области информационной безопасности.

В качестве примеров разработок безопасной и устойчивой финансовой инфраструктуры можно привести платформу «Маркетплейс», «Цифровой профиль», платформу для регистрации финансовых сделок, платформу на основе технологии распределенных реестров, систему быстрых платежей. Платформу облачных платежей и другие.

В рамках «превентивного» надзора Банком России разработаны Основные направления развития технологий Suptech и Regtech на период 2021-2023 годов, одной из основных сфер применения которых является обеспечение информационной безопасности. В рамках данного направления планируется внедрение таких инициатив, как «Совершенствование системы внешнего аудита информационной безопасности» и «Проведение стресс-тестирования (киберучений) деятельности организаций кредитно-финансовой сферы». В рамках первой инициативы планируется проведение независимой оценки защищенности инфраструктуры и приложений в соответствии с комплексом национальных стандартов аудиторами, прошедшими специальную аккредитацию, а также разработка концепции системы добровольной сертификации для контроля выполнения финансовыми организациями требований национальных стандартов информационной безопасности» [9].

В рамках второй инициативы будет обеспечена возможность проведения комплексной оценки киберустойчивости кредитно-финансовой сферы в определенный момент времени по заданным сценариям. Проведение стресс-тестирования киберрисков в деятельности финансовых организаций позволит снизить уровень потерь финансовых организаций и их клиентов от кибератак.

Также механизмы взаимодействия и инструменты, направленные на противодействие киберугрозам и мошенничеству на финансовом рынке, разработаны в рамках Основных направлений цифровизации финансового рынка на период 2022–2024 годов, в частности, «планируется проведение работы в рамках следующих направлений:

- обеспечение возможности использования сервиса облачной усиленной квалифицированной электронной подписи (далее - УКЭП) участниками финансового рынка (в рамках данного направления планируется создать для банков совместно с ФСБ России правовую, технологическую и методологическую основу дистанционного использования электронной подписи, а также создать механизмы сбора Банком России информации о надлежащем выполнении кредитными организациями требований информационной безопасности при использовании УКЭП);

- обеспечение всех поднадзорных организаций УКЭП (в рамках данного направления создается аккредитованный удостоверяющий центр Банка России (АУЦ БР) для осуществления контроля за процессом выдачи и оперативного аннулирования квалифицированных сертификатов ключей проверки электронной подписи поднадзорных организаций, что исключит возможность осуществления неправомерных действий с использованием квалифицированных сертификатов сторонних удостоверяющих центров);

- формирование среды доверия при удаленном предоставлении финансовых услуг и сервисов (в рамках данного направления планируется разработать и стандартизировать методологию обеспе-

чения информационной безопасности удаленной аутентификации, а также разработать и согласовать технические спецификации и создать технические средства, реализующие эти спецификации);

– снижение уровня потерь по операциям, совершаемым с использованием дистанционных каналов обслуживания, включая социальную инженерию (планируется проведение комплекса правовых, организационных и информационно-просветительских мероприятий, в частности трансляция социальной рекламы, развитие страхования рисков и потерь клиентов кредитных организаций);

– внедрение института киберучений как основного механизма стресс-тестирования при осуществлении надзора в части оценки киберрисков (данное направление совпадает с направлением работы, указанным в Основных направлениях развития технологий Suptech и Regtech на период 2021-2023 годов);

– развитие информационного обмена ФинЦЕРТ с участниками кредитно-финансовой сферы в части противодействия компьютерным атакам (в рамках данного направления предусмотрены проведение практических киберучений с организациями кредитно-финансовой сферы и доработка технической инфраструктуры ФинЦЕРТ Банка России, используемой для информирования участников кредитно-финансовой сферы о выявленных компьютерных атаках, для повышения скорости взаимодействия и своевременного (в том числе превентивного) реагирования на них)».

Таким образом, верхний уровень банковской системы Российской Федерации реагирует на возникновение новых рисков - киберрисков посредством определения основных направлений развития всего финансового рынка в области информационной безопасности, совершенствования регулирования в данной области, принятия нормативных актов и стандартов в сфере информационной безопасности [10, 11].

В целях недопущения возрастания уровня потерь в результате реализации киберрисков кредитные организации также уделяют особое внимание вопросам информационной безопасности. По результатам исследований Deloitte и FS-ISAC, в среднем на информационную безопасность уходит 10% ИТ-бюджетов банков, инвестиционных и страховых компаний. Совершенствование по направлению информационной безопасности является одним из стратегических приоритетов большинства кредитных организаций.

Таким образом, крупные банки успешно реализуют внедрение новейших технологий информационной безопасности в свои процессы. Вместе с тем, проблемы в данном направлении наблюдаются у небольших банков, особенно у Банков с базовой лицензией, что, например, отмечено в докладе Ассоциации Банков России «Финансовая индустрия в условиях глобальной нестабильности: Россия и международная практика. Сентябрь 2021». Для таких Банков выполнение требований Банка России в области информационной безопасности являются невыполнимыми в силу специфики их бизнес-моделей и операционных показателей деятельности, так как требуют существенных затрат. В связи с изложенным необходимо дальнейшее проведение работы по указанному вопросу, о чем подробнее будет рассказано в 3 главе настоящего исследования.

Резюмируя вышеизложенное, стремительное внедрение технологических инноваций в финансовом секторе является важнейшим феноменом последних лет, определяющим его развитие, как в России, так и в мире, в связи с чем информационная безопасность и защита данных клиентов являются одной из главных задач банковского сектора. Ведущую роль в обеспечении информационной безопасности кредитных организаций играет Банк России, разрабатывающий правовые акты и стандарты, устанавливающие требования к информационной безопасности, внедряющий передовые технологии и определяющий направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы в целях финансовой стабильности каждой организации финансового рынка. Крупные банки активно внедряют современные решения в области информационной безопасности, снижая количество успешных инцидентов кибератак и объем финансовых потерь (за исключением социальной инженерии), вместе с тем, для большинства некрупных региональных банков, банков с базовой лицензией самостоятельное выполнение требований по информационной безопасности в полном объеме является невыполнимой задачей, в связи с чем требуется разработка доступных решений для внедрения всеми кредитными организациями.

Список литературы

1. Исследование разработчика решений в области информационной безопасности Positive Technologies «Актуальные киберугрозы. Итоги 2020 года». URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2020/> (дата обращения – 20.02.2023).

2. Лолаева, А. С. Информационная безопасность в свете развития цифровой экономики в Российской Федерации / А. С. Лолаева // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности

настоящего, стратегии будущего: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Мельбурн, 20 февраля 2021 года / МЦНИР «Научный взгляд». – Мельбурн: МЦНИР «Научный взгляд», 2021. – С. 90-98.

3. Исследование разработчика решений в области информационной безопасности Positive Technologies «Актуальные киберугрозы. Итоги 2020 года». URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2020/> (дата обращения – 20.02.2023).

4. Джикаева, Ф. З. Цифровые права как новый вид обязательств / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // *Аграрное и земельное право*. – 2020. – № 8(188). – С. 19-21.

5. Лолаева, А. С. Имущественный оборот цифровых данных / А. С. Лолаева // *Аграрное и земельное право*. – 2019. – № 7(175). – С. 27-29.

6. Джикаева, Ф. З. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // *Аграрное и земельное право*. – 2020. – № 9(189). – С. 14-18.

7. Амбалова, С. А. Социально-педагогические основы этики и психологии семейной жизни / С. А. Амбалова, Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев. – Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2021. – 97 с.

8. Официальный сайт Издательского дома «Коммерсант». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4682142> (дата обращения: 20.02.2023).

9. Основные направления развития технологий Suptech и Regtech на период 2021-2023 годов. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120709/SupTech_RegTech_2021-2023.pdf.

10. Лолаева, Д. Т. Диаспоральные и религиозные группы и практика толерантности / Д. Т. Лолаева, Е. И. Цакоева // *НТК-2016: Научно-техническая конференция обучающихся и молодых ученых СКГМИ (ГТУ), Владикавказ, 05 июля 2016 года*. – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (Государственный технологический университет), 2016. – С. 162-163.

11. Бурнацева, З. М. Обычное право в современном обществе / З. М. Бурнацева // *Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 8-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 18–19 апреля 2019 года*. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2019. – С. 364-366.

УДК 347

DIGITAL BANKING КАК ОСНОВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННЫХ БАНКОВСКИХ СИСТЕМ

Бутаева Э.С. – к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Джиоева Л.Г. – доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»,
г. Владикавказ

Габараева М.Т. – старший преподаватель кафедры конституционного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматривается Digital banking как основная составляющая современных банковских систем. Банки вынуждены адаптировать свои бизнес-модели и изменять подходы к взаимодействию с клиентами, управлению операциями, в связи с усилением конкуренции со стороны небанковских организаций, предлагающих продукты и услуги, аналогичные банковским (например, Alіpaу, Раural). Сделан вывод о том, что технологии Digital banking успешно апробируются многими государствами, в том числе и Россией, но самыми востребованными технологиями являются технологии кибербезопасности.

Ключевые слова: банковская система, цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые данные

В связи с непрерывным развитием технологической среды все секторы экономики вынуждены проходить через цифровую трансформацию, которая определяется как «процесс, направленный на

улучшение системы, в рамках которого вносятся существенные изменения в ее структуру путем объединения информации, информационных технологий, коммуникаций и технологий связи».

Одним из лидеров цифровой трансформации является банковский сектор, так как данный процесс открывает новые возможности для банков: банковские организации предлагают новые каналы обслуживания через новые электронные платформы (электронный банкинг, виртуальный банкинг) и точки обслуживания (электронные отделения, POS), а также позволяет банкам снизить свои операционные расходы за счет ограничения количества физических точек обслуживания и уменьшения количества персонала, который они используют. Также Банки вынуждены адаптировать свои бизнес-модели и изменять подходы к взаимодействию с клиентами, управлению операциями, в связи с усилением конкуренции со стороны небанковских организаций, предлагающих продукты и услуги, аналогичные банковским (например, Alipay, PayPal). Данные утверждения подтверждаются исследованиями: согласно исследованию ИСИЭЗ [1] F «Новые финансовые технологии», объем венчурных инвестиций в финансовые технологии увеличился в 10 раз (до \$20 млрд. в год) за последние 5 лет, спрос на передовые цифровые технологии в 2020 году оценивался на уровне 55,5 млрд. рублей с перспективой роста в 25 раз к 2030 году, что доказывает беспрецедентный рост интереса к технологическим инновациям в данной сфере.

Успеху цифровой трансформации банковского сектора экономики способствует повышение уровня восприимчивости населения к цифровым технологиям. Значительное количество банковских операций в настоящее время осуществляется большинством людей через компьютер или мобильный телефон, причиной этому, по результатам опросов, являются экономия времени и средств при наличии того же множества возможностей, как и при использовании обычных банковских каналов (отделений банков) [2]. Также цифровой банкинг позволяет жителям слаборазвитых районов, в которых отсутствует необходимая инфраструктура, иметь доступ к банковским услугам. Кроме того, клиенты отмечают такие преимущества, как более высокое качество предоставления услуг по сравнению с традиционными способами взаимодействия (исключается человеческий фактор со стороны сотрудников банка), высокая скорость осуществления операций, безопасность транзакций [3].

Аудиторско-консалтинговой компанией Ernst & Young Global Limited в 2022 году проведено исследование уровня использования финансовых технологий при совершении финансовых операций. Индекс проникновения финансовых технологий рассчитывался на основе обработки результатов опроса более чем 27 тысяч потребителей финансовых услуг в 27 странах мира. Опрос проводился по пяти сегментам оказания финансовых услуг: денежные переводы и платежи; бюджетирование и финансовое планирование; сбережения и инвестиции; кредитование; страхование [4]. По результатам данного исследования выявлено, что уровень использования финансовых технологий при совершении финансовых операций в исследуемых странах является высоким и растет очень быстрыми темпами, также отметим, что Россия повторно вошла в тройку лидеров по уровню принятия потребителями финансовых технологий (подобный опрос проводился также в 2017 году).

По данным Банка России, 93,7% взрослого населения пользовались в июне 2021 - июне 2022 банковским счетом (рост на 6,2 п.п. по сравнению с предыдущим периодом), при этом 74,8% пользовались счетом интенсивно. Дистанционный доступ к банковским счетам для перевода денежных средств за аналогичные 12 месяцев использовали 75,4% взрослого населения, из них 71,4% имели возможность мгновенно (в течение 15 минут) совершить перевод с помощью мобильной, спутниковой связи или Интернета.

Таким образом, Банки активно внедряют цифровые технологии, этому особенно способствует повышенный интерес со стороны потребителей [5].

Рассмотрим, что включает в себя digital-banking и опишем основные мировые тенденции.

Digital-banking (или цифровой банкинг) означает доступ к банковским функциям и услугам через веб-сайт банка (онлайн-банкинг) и через мобильные приложения на смартфонах и планшетах (мобильный банкинг): к проверке баланса, оплате счетов, осуществлению переводов, оформлению заявки на кредит и т.д. То есть весь спектр банковских операций переводится в цифровое пространство [6].

Таблица 1 отражает ключевые отличия «цифрового банкинга» от «традиционного банкинга»: отсутствие необходимости в физических отделениях обслуживания, персонализация оказываемых услуг.

Стоит также отметить, что в настоящее время цифровой банкинг не ограничивается традиционными банковскими услугами, наиболее успешными являются компании, которые выходят за рамки банковского дела на примере таких компаний, как Amazon, Apple, Google, Netflix и Spotify, которые преобразовали существующие сервисы в цифровой опыт, встроенный в повседневную жизнь клиен-

тов. Ведущие финтех-компании, специалисты и банки копируют эту модель в сфере финансовых услуг, превращая продукты в функции для удовлетворения потребностей клиентов и поддержания их вовлеченности: существующие базовые элементы по-прежнему присутствуют – расчетный счет, персональный кредит или POS-терминал, – но они менее заметны, являясь неотъемлемой частью цифрового опыта, выходящего за рамки традиционных банковских услуг.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика традиционного и цифрового банкинга [7]

Традиционный банкинг	Цифровой банкинг
Весь опыт и знания о клиенте сконцентрированы в определенной точке обслуживания – банковском отделении	Центром сосредоточения знаний о клиенте и клиентского опыта является сам клиент
Банковское отделение является точкой начала взаимодействия с клиентом	Клиент сам выбирает канал взаимодействия с банком, чтобы начать общение, не обязательно приходить в отделение
Расстояние до отделения имеет значение, клиент должен иметь возможность физически туда добраться	Клиент может находиться физически где угодно, так как он обслуживается дистанционно
Цифровые сервисы являются дополнением сервисов отделения, где обслуживается клиент	Цифровые сервисы находятся в центре модели обслуживания клиента, независимо от сети отделений
Продукты и сервисы стандартизированы, а не «заточены» под клиента	Продукты и сервисы персонализируются исходя из потребностей клиента
Знания о клиенте и опыт обслуживания может быть разным в зависимости от выбора канала обслуживания	Оmnikanальность, опыт и знания о клиенте аккумулируются в одной точке, независимо от выбранного канала обслуживания»

Успешные поставщики финансовых услуг предпринимают три шага, чтобы подготовить свой бизнес к этому сдвигу. Во-первых, они привлекают клиентов, решая очень специфические, но актуальные потребности. Например, Alipay и Klarna, которые делают покупки и управление денежными средствами проще и удобнее для малого бизнеса благодаря быстрой и простой регистрации, прозрачному ценообразованию, новым функциям POS-терминала и решениям «купи сейчас – плати позже».

Во-вторых, лучшие исполнители привлекают клиентов в экосистему, связывая их с другими услугами и создавая динамичный и уникальный клиентский опыт. Например, основным предложением компании Square является платежный сервис, но на его основе были разработаны комплексные дополнительные услуги для таких секторов, как рестораны.

Третий шаг – предоставление клиентам персонализированной аналитической информации. Это увеличивает вовлеченность клиентов и, в конечном итоге, защиту интересов через сарафанное радио и социальные сети. И в благотворном цикле он сообщает банку или финтеху больше о поведении и потребностях клиентов. Приложение финансового помощника NOMI канадского банка RBC на базе искусственного интеллекта предоставляет пользователям прогнозы денежных потоков, которые учитывают платежи по кредиту и услуги подписки, а также применяет методы глубокого обучения к поведению клиентов при транзакциях.

В связи с изложенным, по итогам 2022 года наиболее востребованными цифровыми технологиями финансового сектора являются блокчейн-технологии, технологии платформизации, технологии монетизации персональных данных, цифровые валюты и другие.

Опишем отдельные наиболее перспективные технологии, развитие которых в том числе является приоритетным направлением деятельности крупнейших финансовых организаций и регулирующих органов.

Блокчейн-технологии - это технологии распределенного реестра, где каждый блок содержит набор подтвержденных транзакций. Блокчейн-технологии используются в целях повышения безопасности проведения банковских операций, исключения посредников при их выполнении, снижения зат-

рат. Например, кредитные организации применяют блокчейн при осуществлении трансграничных денежных переводов и микроплатежей, что позволяет экономить на комиссиях и повышать скорость платежей (блокчейн-технология рассматривается как возможная альтернатива системе межбанковских переводов SWIFT). Также блокчейн-технологии позволяют обеспечить прозрачность банковских операций по причине невозможности внесения изменений в информацию об операциях «задним числом» без уведомления всех пользователей [8].

Интенсивно развивается «платформизация» – перевод финансовых технологий на комплексные онлайн- и экосистемные решения, чтобы упростить, ускорить и удешевить доступ потребителей к товарам и услугам. Платформенные решения позволяют банкам осуществлять сбор и анализ информации о клиентах для осуществления кредитного скоринга и осуществления предложения клиентам разнообразных персонализированных продуктов и услуг [9].

Широкое распространение среди банков, работающих с крупными корпоративными клиентами, получила сервисная модель Bank-as-a-Service (BaaS), которая позволяет встраивать инфраструктуру банка в инфраструктуру компании: клиент кредитной организации встраивает в свои бизнес-процессы все нужные ему финансовые инструменты, полностью настраивая под себя банк [10, 11].

Активно внедрены кредитными организациями по всему миру биометрические технологии (технологии удаленной идентификации). Удаленная идентификация – это механизм, позволяющий физическим лицам получать финансовые услуги дистанционно в разных банках, подтвердив свою личность с помощью биометрических персональных данных (изображение лица и голос). Использование биометрических данных позволяет кредитным организациям повысить безопасность, удобство и скорость обслуживания клиентов. В условиях кризиса COVID-19 мировой рынок биометрии, оцениваемый в 19,5 млрд. долларов США в 2020 году, по прогнозам, достигнет пересмотренного размера в 44,1 млрд. долларов США к 2026 году, увеличиваясь в среднем на 14,8% ежегодно за анализируемый период. Усовершенствованные многофакторные и мультимодальные биометрические платформы приобретают все большую актуальность из-за их точности аутентификации и соответствия рекомендациям по социальному дистанцированию для COVID-19. Последние правила, установленные различными правительствами, требуют от предприятий избегать использования считывателей отпечатков ладоней, отпечатков пальцев и ручных ключей для предотвращения физического контакта и распространения вируса.

Применение перечисленных технологий успешно апробируется многими государствами, в том числе и Россией, но самыми востребованными технологиями являются технологии кибербезопасности.

Список литературы

1. Трендлеттер «Новые финансовые технологии» Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/trendletter/news/197551098.html> (дата обращения - 20.02.2023).
2. Kitsios, F.; Giatsidis, I.; Kamariotou, M. Digital Transformation and Strategy in the Banking Sector: Evaluating the Acceptance Rate of E-Services. *J. Open Innov. Technol. Mark. Complex.* 2021, 7, 204. URL: <https://doi.org/10.3390/joitmc7030204> (дата обращения - 20.02.2023).
3. Лолаева, А. С. Информационная безопасность в свете развития цифровой экономики в Российской Федерации / А. С. Лолаева // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Мельбурн, 20 февраля 2021 года / МЦНИР «Научный взгляд». – Мельбурн: МЦНИР «Научный взгляд», 2021. – С. 90-98.
4. Джикаева, Ф. З. Цифровые права как новый вид обязательств / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // *Аграрное и земельное право.* – 2020. – № 8(188). – С. 19-21.
5. Лолаева, А. С. Имущественный оборот цифровых данных / А. С. Лолаева // *Аграрное и земельное право.* – 2019. – № 7(175). – С. 27-29.
6. Джикаева, Ф. З. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // *Аграрное и земельное право.* – 2020. – № 9(189). – С. 14-18.
7. Источник: Информационно-аналитическое обозрение Ассоциации Банков России за сентябрь 2021 года «Финансовая индустрия в условиях глобальной нестабильности: Россия и международная практика». URL: https://asros.ru/upload/iblock/daa/hoxwanofwqq709wkyjfgzt1jot8x72lf/Broschyura-_rus_nasai_t.pdf (дата обращения 20.02.2023).
8. Официальный сайт Журнала VK Cloud Solutions об IT-бизнесе, технологиях и цифровой трансформации. URL: <https://mcs.mail.ru/blog/blokcheyn-dlya-bankov-otlozhennaya-revolyutsiya-ili-pereotsenennaya-tekhnologiya> (дата обращения: 20.02.2023).

9. Амбалова, С. А. Социально-педагогические основы этики и психологии семейной жизни / С. А. Амбалова, Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев. – Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2021. – 97 с.

10. Лолаева, Д. Т. Диаспоральные и религиозные группы и практика толерантности / Д. Т. Лолаева, Е. И. Цакоева // НТК-2016: Научно-техническая конференция обучающихся и молодых ученых СКГМИ (ГТУ), Владикавказ, 05 июля 2016 года. – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (Государственный технологический университет), 2016. – С. 162-163.

11. Бурнацева, З. М. Обычное право в современном обществе / З. М. Бурнацева // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 8-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 18–19 апреля 2019 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2019. – С. 364-366.

УДК 342.5

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Габарасва М.Т. – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассмотрены ключевые механизмы взаимодействия органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления с институтами гражданского общества. Обоснован вывод о том, что развитие данных отношений и механизмов их контроля, регулирования оставляют желать лучшего. Но, с другой стороны, данная проблематика создает большой потенциал базиса для развития российского права, особенно в рамках отношений между обществом и государством.

Ключевые слова: *электронное правительство, информационное общество, электронная демократия, гражданское общество, управление, публичное управление, государственное управление, государственная власть, орган государственной власти*

Цифровые технологии и современное общество это два неотъемлемых компонента развитого государства. С точки зрения государственного управления развитие цифровых технологий значительно повлияло, как на предоставление государственных услуг, так и на государственное управление в целом. В этой связи развитые страны, такие как США, Канада, Великобритания, Германия и ряд других, делают ставку на эффективные системы электронного правительства [1].

В данном ключе претерпевает изменение сама модель государственного управления. Несмотря на то, что идеи использования информационных технологий в государственном управлении обсуждались уже около тридцати лет назад, само понятие электронного правительства возникло в 1997 году благодаря Национальному научному фонду США. По их мнению, электронное правительство - это способ взаимодействия граждан и бизнеса с правительством для получения информации и ряда государственных услуг при помощи информационных технологий, а также взаимодействия органов государственной власти между собой, позволяющий достичь максимальной эффективности и оперативности государственного управления [2]. Существует определенный паттерн эволюционного развития электронного правительства в странах по географической принадлежности [3].

Как правило, выделяют следующие модели развития электронного правительства:

- восточная («азиатская»);
- англо-американская («западная»);
- европейская;
- российская.

Азиатская многоуровневая иерархия системы управления повлияла соответствующим образом на модель электронного правительства. Так, например, в Южной Корее проявилась такая особенность, что фундамент электронной демократии начал развиваться снизу-вверх. Внедрение технологий электронного правительства, в первую очередь, началось в образовании и культуре. Тем самым,

прививая гражданам чувство возможности влиять на эти элементы государственного управления. Для быстрого распространения технологий электронного правительства устанавливались в общественных местах различные терминалы и т.п. Кроме того, необходимо отметить, что в настоящее время Южная Корея в рамках формата G2G (взаимодействие государства с самим собой) введен абсолютный электронный документооборот [4].

Если рассматривать азиатскую модель электронного правительства на примере Сингапура, то необходимо отметить особое стремление создать благоприятные условия для электронной торговли, сферы интеллектуальной собственности и ее защиты. В платформу «Электронный гражданин» входит множество разрозненных государственных структур, интегрированных в единую систему, предоставляющую услуги доступные онлайн [5]. Правительство Сингапура при совершенствовании модели электронного правительства преследует следующие цели:

- создание экономики знаний;
- перевод всех, технически возможных для перевода, в цифровой вид, услуг на платформы электронного правительства;
- повышение эффективности работы, адаптивная и сильная инфраструктура технологий;
- постоянное проведение не крупных технологических экспериментов, что помогает избегать неверного вложения средств [6];
- образование населения в сфере информационных технологий [7].

Что касается англо-американской модели, то она преобладает в таких странах как Канада, Великобритания, США. Данной модели, как и населению этих стран, свойственен прагматизм. Он проявляется в стремлении исключить чрезмерные функции государства, сфокусироваться на скорости и оперативности финансовых транзакций через сеть Интернет. В ее модели гражданин рассматривается не как равноправный партнер, а как потребитель той или иной государственной услуги [8].

В рамках проекта развития электронного правительства Канада стала одной из первых стран доказавшей, что наличие больших территорий с относительно малой плотностью населения, никак не мешает вопросу передачи информации от государства к гражданам. В настоящее время электронным правительством Канады оказывается порядка 1000 услуг (в том числе гражданам и бизнесу не находящимся на территории страны). Данный факт позволил правительству Канады сэкономить около 10 млрд. \$ бюджетных средств [9]. Электронное правительство Канады объединяет в себе более пятисот сайтов.

Электронный портал правительства Соединенных Штатов насчитывает миллионы страниц: как федерального, так и муниципального уровня. Взаимодействие здесь реализуется по трем областям: с гражданами - G2C, с юридическими лицами - G2B, между собой - G2G. Многие услуги ориентированы на сферу финансов: электронная торговля, тендеры, постоянно идет процесс устранения дублирующих или устаревших функций, фокусировка на важности оцифровки экономики, что опять же сохраняет бюджетные средства. Система e-government в США подчеркивает положение гражданина как потребителя услуг. В среднем, снижение стоимости одного платежа составляет более чем 50%. Однако, это все не означает исключение личных контактов напротив, акцентируется значимость личностного подхода.

В Великобритании модель электронного правительства также ориентировано на потребителей - граждан и бизнес. Особое внимание уделяется широте предоставляемых услуг, обеспечению технических и образовательных условий, направленных на повышение эффективности информатизации, доступности государственных услуг для каждого гражданина. Привлечение потребителей - граждан и бизнеса в информационное пространство государственных услуг ведется через различные системы скидок. В настоящее время в системе электронного правительства для потребителей стали доступными порядка 80% услуг, от всего объема оказываемого государством [10].

В свою очередь европейская модель выделяется по следующим признакам: ориентация на гражданина; стремление к стандартизации процессов; сильное правовое регулирование отношений в сфере информационных технологий [11].

Именно поэтому, инвестиции в сфере информационных технологий рассматриваются как инвестиции в общество. Данная модель считается достаточно успешной и способной удовлетворять запросам большей части населения Европейского союза. С 2000 года своеобразным наднациональным электронным правительством является - «Электронная Европа» [12].

Одной из передовых стран по разработке рассматриваемой модели является Германия. В своей модели электронного правительства она применила следующие принципы:

- взаимосвязи распределения обязанностей и эффективности предоставляемой услуги;

- диверсифицированное развитие в рамках повышения системы государственного управления;
- правовое равенство государства и гражданина;
- кадровая политика, направленная на удержание служащих, в первую очередь, ориентированных на результат [13].

В соответствии с единым стандартом в рамках Deutschland Online Германия на единой платформе предоставляет услуги федерального и муниципального уровня [14]. Платформа позволяет получать такие услуги как подача заявок, подача деклараций, участие в электронных государственных закупках, получение выписок из реестров и т.д.

Таким образом, перспективы цифровизации системы государственного и муниципального управления довольно очевидны для большинства развитых стран. Практика показывает, что развитые страны, такие как США, Канада, Великобритания, Германия и ряд других, делают ставку на эффективные системы электронного правительства. Так как, это способ, позволяющий достичь максимальной эффективности и оперативности государственного управления. Кроме того, установлено, что мировыми тенденциями в развитии электронного правительства являются:

- абсолютный электронный документооборот в рамках формата G2G (например, Южная Корея);
- перевод всех, технически возможных для перевода, в цифровой вид, услуг на платформы электронного правительства (например, Сингапур);
- прагматизм стремление исключить чрезмерные функции государства, сфокусироваться на скорости и оперативности финансовых транзакций через сеть Интернет (например, США);
- повышение эффективности информатизации, доступности государственных услуг для каждого гражданина, а также стимулирование вовлечения граждан и бизнеса в информационное пространство государственных услуг через различные системы скидок (например, Великобритания);
- ориентация на гражданина и стремление к стандартизации процессов (например, Германия).

По мнению экспертов уже созданы предпосылки для перехода на «модель умного правительства» - открытые данные, облачные вычисления, самообучаемые компьютеры, нейронные сети, большие данные и Интернет вещей. Однако, в нашей стране, этому препятствует отсутствие необходимого количества квалифицированных кадров, в области цифровой трансформации, на местах, а также отсутствие необходимой инфраструктуры.

Список литературы

1. Грибанов Ю.И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции: дис. докт. эконом. наук: 08.00.05 / Грибанов Юрий Иванович. - Санкт-Петербург, 2019. 355 с.
2. Камолов С.Г., Артемова П.В. Информационные технологии для государственных служащих: учеб. пособие. - М.: Фонд поддержки международных программ. 2017. - 215 с.
3. Лолаева, А. С. Особенности регулирования и проблемы развития «электронного правительства» в России / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник статей. Том Выпуск 58. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 445-447.
4. Лолаева, А. С. использование элементов «электронного правительства» в реализации концепции открытой власти / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник статей. Том Выпуск 58. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 444-445.
5. Правительство Сингапура // «Официальный сайт правительства в Сингапуре» - [Электронный ресурс]. - URL: - <http://www.gov.sg/> (дата обращения: 19.02.2023).
6. Камолов С.Г., Артемова П.В. Информационные технологии для государственных служащих: учеб. пособие. - М.: Фонд поддержки международных программ. 2017. - 215 с.
7. Станкевич Л.Т., Новоженина Н.О. Электронное правительство: теоретические модели и реальная практика // Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: тр. VI Всерос. объединенной конф., Санкт-Петербург, 3-6 ноября 2003 г. СПб.: Изд-во Филол. фак. СПбГУ, 2003. С. 128-129.
8. Лолаева, А. С. «Электронное правительство» в повышении эффективности «обратной связи» / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник статей. Том Выпуск 58. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 442-443.

9. Гутри И.С. Основные стратегии формирования электронного правительства // Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: тр. VI Всерос. объединенной конф., Санкт-Петербург, 3-6 ноября 2003 г. СПб.: Изд-во Филол. фак. СПбГУ, 2003. С. 118-120.

10. Ефимов А.А. Цифровая демократия в Великобритании: теория и практика государственного управления и предоставления государственных услуг населению / А.А. Ефимов // Экономические и социально-гуманитарные исследования № 1 (5) 2015. - С. 126133.

11. Лолаева Д.Т. Информатизация как необходимое условие современного образования / Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев, Я. И. Санакоева, А. В. Кесаева // Труды СКГМИ (ГТУ). – 2021. – № 28. – С. 78-84.

12. Санакоева, Я. И. Человек в поликультурном пространстве современного мира / Я. И. Санакоева, И. С. Ханаев, Д. Т. Лолаева // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Межвузовского научно-практического семинара, Владикавказ, 05–06 декабря 2019 года. – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 5-12.

13. Бурнацева, З. М. Двусторонняя сущность юридической ответственности / З. М. Бурнацева, З. В. Хугинаева // Научное обеспечение устойчивого развития агропромышленного комплекса горных и предгорных территорий: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Горского ГАУ, Владикавказ, 29–30 ноября 2018 года. Том 2. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2018. – С. 243-247.

14. Behordenfinder Deutschland// «Официальный сайт поисковой системы государственных услуг Германии» - [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.behordenfinder.de/opencms/searchjs.do/> (дата обращения: 21.02.2023).

УДК 342.5

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Габараева М.Т. – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассмотрены цифровые компетенции муниципальных служащих. Определены четыре блока компетенций: базовые цифровые компетенции; личностные компетенции; профессиональные компетенции; цифровая культура.

Ключевые слова: электронное правительство, информационное общество, электронная демократия, гражданское общество, управление, публичное управление, государственное управление, государственная власть, орган государственной власти

В соответствии с протоколом заседания президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий от 25 февраля 2021 г. № 4 утвержден План мероприятий по обеспечению подбора управленческих кадров субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, в том числе с учетом необходимости их подготовки (переподготовки), повышения квалификации и присоединений к информационному ресурсу «База знаний руководителей цифровой трансформации Российской Федерации», создаваемому в рамках цифровой трансформации государственного управления [1].

Исходя из плана мероприятий, разработаны методические рекомендации по организации оценки личностных и профессиональных компетенций управленческих кадров субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Основой разработанных методических рекомендаций является модель компетенций команды цифровой трансформации [2]. Модель компетенций включает в себя четыре блока:

- базовые цифровые компетенции;
- личностные компетенции;
- профессиональные компетенции;
- цифровая культура.

Из данной модели следует, что базовые цифровые компетенции - это минимально необходимый уровень знаний и навыков использования информационно-коммуникационных технологий в повседневной и профессиональной деятельности.

Согласно ежегодно проводимого Региональным общественным центром интернет-технологий и Национальным исследовательским университетом Высшая школа экономики исследования «Индекс цифровой грамотности граждан Российской Федерации» [3] установлено, что базовые цифровые компетенции включающие знания и умения распределены по трем основным группам, а именно:

- цифровое потребление;
- цифровые компетенции;
- цифровая безопасность.

Под цифровым потреблением понимается использование (потребление) различных цифровых ресурсов (интернет, социальные сети, госуслуги, телемедицина и прочие) в силу различных жизненных ситуаций [4].

В свою очередь цифровые компетенции представляются как способность уверенно, эффективно и безопасно искать, выбирать и применять инфокоммуникационные технологии в разных сферах жизни (поиск информации, использование цифровых устройств, использование функционала социальных сетей, финансовые операции, онлайн-покупки, критическое восприятие информации, производство мультимедийного контента, синхронизация устройств и прочее) [5].

Что касается понятия цифровая безопасность, то оно вкачает сочетание инструментов, мер предосторожности и привычек, которые необходимы пользователям для гарантирования их безопасности в цифровом мире (защита персональных данных, легальный контент, культура поведения, репутация, этика, хранение информации, создание резервных копий и прочее) [6, 7].

В целом анализ методических рекомендации по организации оценки личностных и профессиональных компетенций управленческих кадров субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, результатов исследования «Цифровая грамотность россиян» проводимого НАФИ, а также, предлагаемой ВШГУ РАНХиГС модели компетенций команды цифровой трансформации, позволил установить следующую трактовку понятий:

- Компетенция - набор знаний, умений, навыков способов деятельности, которые являются основой для качественного решения профессиональных задач [8].

- Личностные компетенции в сфере цифрового развития - группа компетенций, отражающих индивидуальные особенности личности, позволяющие успешно участвовать в реализации стратегии цифровой трансформации и проектах цифрового развития [9].

- Профессиональные компетенции в сфере цифрового развития - группа компетенций связанных с функциональным использованием методов и инструментов управления процессами, проектами, продуктами цифровой трансформации и регулярным решением сложных профессиональных задач в цифровой сфере [10].

Также необходимо отметить, что в рамках проводимого исследования «Повышение эффективности формирования цифровых компетенций муниципальных служащих (на примере администрации городского округа город Воронеж)» требует обратить особое внимание на составляющие или компоненты профессиональных компетенций, а именно:

- ПК 4. Управление и использование данных - знание и применение методов и технологий сбора, структурирования, анализа данных для построение новых организационных и управленческих моделей, продуктов и сервисов;

- ПК 5. Применение цифровых технологий - знание и использование методов проектирования, построения и управления корпоративной архитектурой, управления ИТ-системами, применения сквозных технологий, а также средств и методов информационной кибербезопасности;

- ПК 6. Развитие ИТ-инфраструктуры - знание и применение технической документации, выстраивание технологических стеков, применение инфраструктурных технологий и развитие систем хранения данных [11].

Таким образом, рамках данного подраздела определена нормативноправовая база, регулирующая вопросы организации оценки личностных и профессиональных компетенций управленческих кадров. На основе анализа модели компетенций команды цифровой трансформации и индекса цифровой грамотности сформировано категориально-понятийное представление цифровых компетенций. Установлено, что базовые цифровые компетенции включающие знания и умения распределены по трем основным группам: цифровое потребление; цифровые компетенции; цифровая безопасность. Выделены основные составляющие или компоненты профессиональных компетенций, такие как: управление и использование данных; применение цифровых технологий; развитие ИТ-инфраструктуры.

Список литературы

1. Методические рекомендации по организации оценки личностных и профессиональных компетенций управленческих кадров субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, обеспечивающих цифровую трансформацию, с использованием информационно-коммуникационных технологий: Методическое пособие / РАНХиГС. - Москва, 2021. - 45 с.
2. Лолаева, А. С. Особенности регулирования и проблемы развития «электронного правительства» в России / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник статей. Том Выпуск 58. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 445-447.
3. Индекс цифровой грамотности 2017// «Официальный сайт Региональной общественной организации «Центр Интернет-технологий» (РОЦИТ)» - [Электронный ресурс]. - URL: - <https://rocit.ru/uploads/769c4df4bc6f0bd6ab0fbc57a056e769b8be6bcf.pdf> (дата обращения: 15.10.2022).
4. Лолаева, А. С. использование элементов «электронного правительства» в реализации концепции открытой власти / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник статей. Том Выпуск 58. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 444-445.
5. Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления// «Официальный сайт Центра подготовки руководителей и команд цифровой трансформации» - [Электронный ресурс]. - URL: <https://hr.cdto.ranepa.ru/cm> (дата обращения: 15.02.2023).
6. Станкевич Л.Т., Новоженина Н.О. Электронное правительство: теоретические модели и реальная практика// Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: тр. VI Всерос. объединенной конф., Санкт-Петербург, 3-6 ноября 2003 г. СПб.: Изд-во Филол. фак. СПбГУ, 2003. С. 128-129.
7. Лолаева, А. С. «Электронное правительство» в повышении эффективности «обратной связи» / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник статей. Том Выпуск 58. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 442-443.
8. Гутри И.С. Основные стратегии формирования электронного правительства// Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: тр. VI Всерос. объединенной конф., Санкт-Петербург, 3-6 ноября 2003 г. СПб.: Изд-во Филол. фак. СПбГУ, 2003. С. 118-120.
9. Лолаева Д.Т. Информатизация как необходимое условие современного образования / Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев, Я. И. Санакоева, А. В. Кесаева // Труды СКГМИ (ГТУ). – 2021. – № 28. – С. 78-84.
10. Санакоева, Я. И. Человек в поликультурном пространстве современного мира / Я. И. Санакоева, И. С. Ханаев, Д. Т. Лолаева // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Межвузовского научно-практического семинара, Владикавказ, 05–06 декабря 2019 года. – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 5-12.
11. Бурнацева, З. М. Двусторонняя сущность юридической ответственности / З. М. Бурнацева, З. В. Хутинаева // Научное обеспечение устойчивого развития агропромышленного комплекса горных и предгорных территорий: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Горского ГАУ, Владикавказ, 29–30 ноября 2018 года. Том 2. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2018. – С. 243-247.

УДК 342.5

АНАЛИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В ТРЕНДЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Габараева М.Т. – старший преподаватель кафедры конституционного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье проведен анализ перспективных информационных технологий, находящихся в тренде цифровизации. Повсеместное внедрение информационных технологий в различные сферы нашей жизни стало обыденным процессом. Государственные системы в этом смысле не

остаются в стороне. Взаимосвязь, между эффективностью управления и его технологическим уровнем реализации, стала достаточно наглядной и это отражено в настоящем исследовании.

Ключевые слова: *электронное правительство, информационное общество, электронная демократия, гражданское общество, управление, публичное управление, государственное управление, государственная власть, орган государственной власти*

Повсеместное внедрение информационных технологий в различные сферы нашей жизни стало обыденным процессом. Государственные системы в этом смысле не остаются в стороне. Взаимосвязь, между эффективностью управления и его технологическим уровнем реализации, стала достаточно наглядной. Информационные технологии в государственном управлении призваны улучшить качество жизни граждан, защитить их данные от киберугроз и т.п. В этой связи информационные технологии выступают уже не как цель, а как средство достижения благополучия каждого гражданина нашей страны. Таким образом, современному государственному (муниципальному) служащему необходимо знание, умение и владение перспективными средствами государственного управления в сфере информационных технологий. Ряд таких развивающихся и перспективных технологий предлагается рассмотреть более подробно в последующем материале.

Существует два основных определения, отражающих сущность, термина Blockchain - это реплицированная распределенная база данных или непрерывная последовательная цепочка блоков, содержащих информацию [1]. Для более глубокого понимания данной технологии необходимо вспомнить архитектуры компьютерных сетей, доминирующие на рынке информационно-технологических систем. Их существует также две, а именно клиент-серверная сеть и одноранговая (пиринговая) сеть [2].

Наибольшее распространение получила первая архитектура, так как обладает рядом преимуществ:

- централизованный контроль: приложений, данных, доступа;
- системная логика и информация скрыты внутри сервера;
- сниженная требовательность к производительности клиентских устройств;
- высокая скорость обработки данных [3].

Что касается одноранговой (пиринговой) или децентрализованной сети, то она, напротив, не имеет главного устройства, ее участники равны в правах и являются одновременно как поставщиками, так и потребителями. Ярким представителем децентрализованной сети является BitTorrent. Несомненным преимуществом таких систем является отсутствие единой точки отказа, как в случае с данными, расположенными на одном сервере [4].

В системе государственного управления технология Blockchain чаще всего понимается как распределенная база данных, устройства хранения которой не имеют подключения к общему серверу [5]. В ней существуют блоки или списки информации и ссылки на предыдущие списки (блоки) с пометкой даты и времени. Пользователь имеет доступ к списку (блоку) только в части касающейся его и посредством специального закрытого ключа. Таким образом, реализуется конфиденциальность и защита информации. При этом копии сохраняются у всех участников, тем самым сохраняя базу от внешних атак [6].

Примером такой работы являются некоторые банковские системы, где происходит идентификация участника сделки и регистрация транзакции в автоматическом режиме. Переход финансовых отношений на такого рода платформу позволит повысить эффективность и скорость оказания соответствующих услуг.

Кроме того, необходимо отметить набирающую обороты форму договоров на основе Blockchain называемую «умные контракты» («smart contracts»). Другими словами, есть возможность запрограммировать часть информации таким образом, что договор будет заключаться автоматически между двумя сторонами после ввода обоих специального закрытого ключа. Данный способ может автоматизировать множество операций от покупки акций до оплаты коммунальных платежей.

В целом, как в России, так и за рубежом необходимо отметить активный рост интереса к технологии Blockchain. В первую очередь это, конечно, связано с тем, что технология действительно способна изменить привычный уклад вещей и стать хорошим помощником в сфере финансов и юриспруденции. Эти сферы тем или иным образом связаны с системой государственного управления. В этом смысле государственным и муниципальным служащим, для работы на такого рода уровне цифровых коммуникаций, необходимо обладать соответствующими компетенциями [7].

Следующей перспективной технологией является обработка больших данных или другими сло-

вами Big data. Единого определения Big data ввиду достаточной новизны нет. Однако, на современном языке, в широком смысле, Big data – это различные инструменты, подходы и методы обработки как структурированных, так и неструктурированных данных для дальнейшего использования в государственных и бизнес целях.

Анализ больших данных приобрел свою актуальность в первую очередь в тех организациях, где имеются соответствующие объемы цифровой информации, а также есть желание и возможность по проведению своего рода научно-исследовательской работы. Связано это в первую очередь с тем, что анализ больших данных неразрывно связан выдвижением гипотез и их проверкой.

Так, например, компания «Билайна» имеет огромное количество данных по своим абонентам. Эти данные используются не только для работы с самими пользователями, но и для создания аналитических продуктов, вроде внешнего консалтинга или IPTV-аналитики. В «Билайне» для обработки данных в основном применяются Rapidminer и Python [8].

Если говорить о банковском секторе, то здесь необходимо отметить ряд банков активно использующих Big data, таких как «Сбербанк», «ВТБ24», «Альфа-Банк», «Тинькофф-банк».

Ещё в 2014 году «Сбербанк» применил систему, которая анализировала фотографии для идентификации клиента банка, что позволило снизить в 10 раз уровень мошенничества. Помимо этого, «Сбербанк» анализирует большие данные для управления рисками и оптимизации затрат, сегментации и оценки кредитоспособности клиентов, управления персоналом, прогнозирования очередей в отделениях и т.д. С 2016 года на базе современных цифровых технологий, в том числе и Big data «Сбербанк» приступил к разработке экосистемы, как новой бизнес-модели [9].

«ВТБ24» применяет следующие Big data решения: Teradata, SAS Visual Analytics и SAS Marketing Optimizer. Это все помогает ему формировать финансовые отчёты, анализировать отзывы в соцсетях, на форумах, сегментировать и управлять оттоком клиентов [10].

«Альфа-Банк» работает с платформами Oracle Exadata, Oracle Big data Appliance и фреймворком Hadoop, что позволяет ему анализировать поведение пользователей соцсетей, оценивать их кредитоспособность, персонализировать контент и вторичные продажи [11].

«Тинькофф-банк» управляет рисками, анализирует потребности клиентов, проводит скоринг, маркетинг и продажи с помощью EMC Greenplum, SAS Visual Analytics и Hadoop [12].

Однако, применение Big data в банковском секторе не является единственным местом в России. Так, например, на крупнейшем мировом производителе стали «Магнитогорском металлургическом комбинате» внедрена Big data для оптимизации расходов ферросплавов и других материалов при производстве. Сервис по оптимизации назвали «Снайпер». Он обрабатывает данные и выдаёт рекомендации по экономии денег на производстве стали [13].

В свою очередь на предприятии «Сургутнефтегаз» воспользовались платформой под названием SAP HANA, включающей данные и приложения «in-memory», которая позволила в реальном времени автоматизировать учёт продукции, расчёт цен. Кроме того, SAP HANA экономит аппаратные ресурсы [14].

Информационные технологии выступают широким фронтом давая понять обществу, что спрятаться от них не удастся. Они меняют мир, проникая в наши гаджеты, дома и квартиры. Задача государства - скорейшее освоение этих технологий, преломление их с целью оказания помощи и поддержки обществу. Однако, для освоения этих современных технологий по-прежнему нужен квалифицированный, коммуникабельный и обладающий соответствующими компетенциями человек.

В продолжение предыдущей темы необходимо отметить, что одним из методов и средством работы с большими данными является машинное обучение. Machine learning – это метод искусственного интеллекта, который обучает компьютер самостоятельно анализировать информацию и принимать решения.

Так, если дать возможность компьютеру, например, играть в шашки с самим собой, то через некоторое время, при этом, конечно же, прописав правила игры, вы получите обученный компьютер, играющий не хуже человека. В конечном итоге, человек играя с компьютером начнет проигрывать, так как машина не просто делает ходы, а «думает» и решения принимаются на основе стратегии «победителя», выработанной в результате множества циклов самообучения.

В отдельный вид выделился Deep learning в ходе которого разрабатываются новые программы, способные к самостоятельному обучению. При таком подходе используются искусственные нейронные сети, чем-то напоминающие нейронные сети человеческого мозга. Работа таких компьютеров осуществляется на неструктурированных данных, машины анализируют их, делают выводы, ошибаются.

Так, например, машинное обучение, нейронные сети помогают энергетической компании Shell автоматически выявлять угрозы безопасности, оповещая сотрудников. То есть предпринимаются соответствующие решения до того, как произойдет катастрофа. Кроме того, машинное обучение применяется компанией Shell при оптимизации производства и добыче полезных ископаемых.

Компания Caterpillar тоже применила машинное обучение и установила, что их корабли эффективнее в плане расходования электрической энергии, если установить большее количество генераторов на меньшей мощности. Годовая экономия от такого решения составила порядка 650 тысяч долларов.

Amazon применяет искусственный интеллект и машинное обучение для прогноза товара, который потребуется тому или иному потенциальному покупателю. Похожим образом пытается работать Google подбирая релевантную рекламу свои пользователям.

Если говорить о российском присутствии в этих областях, то необходимо отметить флагманов IT-индустрии таких как «Яндекс», «Mail.ru Group». Они также как зарубежные коллеги занимаются вопросами сегментации, изучения потребителя в различных аспектах от того какую ему рекламу показать и заканчивая его кредитным потенциалом. Базируются эти исследования, в основном, на платформах социальных сетей таких как Twitter, Instagram, Facebook, «ВКонтакте» и их аналоги.

По открытым источникам установлено, что применение искусственного интеллекта и машинного обучения в государственных структурах, а также коммерческих организациях Российской Федерации, пока только набирает обороты.

Таким образом, установлена неоспоримая эффективность внедрения новых информационных технологий, подтвержденная рядом конкретных примеров как в нашей стране, так и за рубежом. Отмечается соревновательный характер по внедрению этих технологий в ряде стран. Анализ перспективных информационных технологий в сфере прогнозирования, оптимизации, управления и т.д., дает возможность определить наиболее актуальные цифровые компетенции необходимые современному государственному и муниципальному служащему.

Список источников

1. Архипов А.В. Почему крипто - не валюта. Расцвет и закат цифровой «тюльпановой лихорадки». *Journal of Economic Regulation*. - 2019. Т. 10. № 2. С. 41-56.
2. Лолаева, А. С. Право граждан на информацию в условиях развития институтов электронной демократии / А. С. Лолаева. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2022. – 136 с.
3. Бурнацева, З. М. Демографическая функция государства / З. М. Бурнацева // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 9-й Грибанов Ю.И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции: дис. докт. эконом. наук: 08.00.05/ Грибанов Юрий Иванович. - Санкт-Петербург, 2019. 355 с.
4. Лолаева, А. С. Особенности регулирования и проблемы развития «электронного правительства» в России / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник статей. Том Выпуск 58. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 445-447.
5. Камолов С.Г., Артемова П.В. Информационные технологии для государственных служащих: учеб. пособие. - М.: Фонд поддержки международных программ. 2017. - 215 с.
6. Лолаева, А. С. использование элементов «электронного правительства» в реализации концепции открытой власти / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник статей. Том Выпуск 58. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 444-445.
7. Лолаева, А. С. «Электронное правительство» в повышении эффективности «обратной связи» / А. С. Лолаева // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»: Сборник статей. Том Выпуск 58. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2021. – С. 442-443.
8. Курочкина Д.М., Тесля Н.Б. Цифровые технологии как ключевой фактор развития новых экосистем / Д.М. Курочкина, Н.Б. Тесля // Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ч. 2: АНОО ВО Центросоюза РФ «СибУПК». - Новосибирск, 2020. - С. 129-133.
9. Дмитриева Е.О. Инструменты ВІ для поддержки принятия решения для руководителей высшего и среднего уровня с помощью решения SAS (Опыт ВТБ24) / Е.О. Дмитриева // Вестник университета № 6, 2017. - С. 10-14.

10. Лолаева Д.Т. Информатизация как необходимое условие современного образования / Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев, Я. И. Санакоева, А. В. Кесаева // Труды СКГМИ (ГТУ). – 2021. – № 28. – С. 78-84.

11. Михайлова К.Н., Русова А.М. Опыт использования BIGDATA в России и за рубежом / К.Н. Михайлова, А.М. Русова // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика: материалы 1-й Международной научно-практической конференции. Вып. 3. – М.: Издательский дом ГУУ, 2017. – С. 272-274.

12. Санакоева, Я. И. Человек в поликультурном пространстве современного мира / Я. И. Санакоева, И. С. Ханаев, Д. Т. Лолаева // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам Межвузовского научно-практического семинара, Владикавказ, 05–06 декабря 2019 года. – Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр», 2019. – С. 5-12.

13. Бурнацева, З. М. Двусторонняя сущность юридической ответственности / З. М. Бурнацева, З. В. Хутинаева // Научное обеспечение устойчивого развития агропромышленного комплекса горных и предгорных территорий: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Горского ГАУ, Владикавказ, 29–30 ноября 2018 года. Том 2. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2018. – С. 243-247.

14. Тесленко И.Б. Развитие цифровой экономики: big data/ И.Б. Тесленко, Н.Л. Аванесян// Экономика и управление: проблемы, решения. – М., 2018. – №4, т.2. – С.140-148.

УДК 342.7

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Галачиева М.М. – к.ю.н., доцент кафедры правовых дисциплин

ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Лолаева З.С. – преподаватель аграрного колледжа

ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Исследуются вопросы совершенствования законодательства в условиях внедрения цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что Эффективное противодействие преступности требует внедрения новых алгоритмов и методов в деятельность правоохранительных органов, а также совершенствование уголовно-процессуального законодательства. Сформулированы некоторые предложения по совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, электронное правосудие, электронный документооборот, информационно-коммуникационные технологии, цифровая среда, цифровизация, системы электронного участия, видео-конференцсвязь, электронная повестка, СМС-уведомление, электронная копия материалов дела*

Эффективное противодействие преступности требует внедрения новых алгоритмов и методов в деятельность правоохранительных органов, а также совершенствование уголовно-процессуального законодательства.

Необходимо выработать комплексную стратегию, направленную на поэтапную модернизацию уголовно-процессуальной и судебной деятельности.

Действующие в настоящее время документы лишь упоминают о таких угрозах как увеличение масштабов компьютерных преступлений; внедрения механизмов информационного воздействия на общественное сознание в целях совершения террористических актов; посягательств, связанных с кражей персональных данных человека.

Значительное внимание со стороны государства уделяется цифровой трансформации государственного управления в рамках национального проекта «Кадры для цифровой экономики». Выделяются деньги для внедрения цифровых платформ и сервисов в деятельность государственных орга-

нов экономического блока, повышения «цифровых навыков» государственных служащих. К сожалению, правоохранительные органы в данных процессах не задействованы. В связи с чем возникает резонный вопрос о дальнейших перспективах организации противодействия преступности в условиях повсеместной цифровизации различных сфер. Правоохранительные органы здесь играют центральную роль. Отсутствие современного материально-технического оснащения (прежде всего цифровых инструментов) и необходимых цифровых знаний и навыков у сотрудников правоохранительных органов не позволят организовать действенную борьбу с преступностью.

Следующей проблемой, которая требует безотлагательного решения, совершенствование уголовно-процессуального законодательства. Прежде всего, внедрение цифровых инструментов на досудебные и судебные стадии уголовного судопроизводства. В настоящее время элементы цифровизации в основном затрагивают судебную деятельность.

В этой связи представляется необходимым изучить предложения, направленные на совершенствование уголовно процессуальной деятельности.

Л.Н. Масленникова и Т.Е. Сушина считают, что цифровизация уголовного судопроизводства должна осуществляться по нескольким направлениям [1].

Во-первых, «цифровизация уголовного судопроизводства требует стабильной и согласованной законодательной базы». «Этот процесс нуждается в глубоком научном осмыслении. Чтобы сделать цифровизацию сознательной и планомерной, необходимо в переходный период сохранить традиционные средства, методы и формы уголовно-процессуальной деятельности и использовать, наряду с ними, цифровые технологии».

Во-вторых, «при установлении сроков цифровизации следует учитывать уровни цифрового развития субъектов Российской Федерации» [2].

В-третьих, «для сглаживания цифрового неравенства субъектов Российской Федерации необходимо провести надлежащий социальноэкономический мониторинг, позволяющий выделить отстающие регионы, после чего, разработать собственный механизм государственной поддержки».

В-четвертых, «цифровые технологии следует вводить в повседневный оборот поэтапно, так как они не сразу воспринимаются правоприменителями. Российская судебная система пока требует длительной структурной перестройки. Тем более представляется ошибочным обязывать правоприменителей проводить следственные и судебные действия исключительно в цифровом формате» [3].

В-пятых, «правоохранительные и судебные органы России нуждаются в единой платформе электронной коммуникации». Но в эту платформу должны быть включены в качестве пользователей и лица, чьи права и законные интересы затронуты в связи с осуществлением уголовно- процессуальной деятельности».

В-шестых, «для минимизации перекосов целесообразно правильно оценить все риски, сопряженные с цифровизацией». Здесь очень важно чувство меры, поскольку цифровые технологии не должны отделить уголовное судопроизводство от населения и от таких этических начал, как нравственность, духовность, чувство долга, справедливость. Необходимо адаптировать уголовный процесс к изменившимся условиям».

Е.Е. Иванов констатирует тот факт, что «более широкое использование информационных технологий в уголовном судопроизводстве неизбежно». В связи с чем, он выделяет четыре наиболее перспективных направления технологической модернизации. Первое направление - «создание технических возможностей информирования участников судопроизводства и сохранения информации о ходе и результатах такого информирования». Второе направление - «внедрение в уголовно-процессуальную форму технологии удостоверения документа, свидетельствующего о состоявшемся информировании». Третье - «применение дистанционных форм производства действий, состоящих в процессуальном информировании в рамках предварительного расследования и проверки сообщения о преступлении». Четвертое - «предоставление потерпевшему возможности отслеживать движение уголовного судопроизводства от подачи заявления до окончания предварительного расследования (с элементами обозначения предстоящих процессуальных действий с учетом обеспечения сохранения тайны предварительного расследования)» [4].

В рамках досудебного производства, высказывается мнение Е.П. Гришиной о целесообразности легализации электронных доказательств. Первым шагом в решении данной задачи должно стать «включение в УПК РФ дефинитивной нормы, раскрывающей содержание «электронное доказательство». Указанным выше автором приводится следующая формулировка понятия. «Электронными доказательствами по уголовному делу признаются закрепленные в электронной или цифровой фор-

ме сведения, при помощи которых в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства уголовного дела устанавливаются обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК РФ».

Далее Е.П. Гришиной отмечается, что придание электронным доказательствам официального значения, помимо совершенствования отечественного уголовного судопроизводства, способно сыграть роль фактора, сближающего Россию с европейскими стандартами международного сотрудничества в противодействии особо опасным формам преступного посягательства, поскольку обмен необходимой информацией по телекоммуникационным каналам позволяет оперативно разрешать вопросы трансюрисдикционного характера» [5].

О.А. Капустин считает, что результатом обращения законодателя к вопросу использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве может стать дополнение УПК РФ отдельной главой с предполагаемым наименованием «Производство по уголовному делу в электронной форме» или «Электронное производство по уголовному делу». «Главное, чтобы уголовный процесс оказался в состоянии воспринять подобные инновации без ущерба для уголовно-процессуальной формы, прежде всего ее требований, касающихся правового положения участников уголовного судопроизводства и обеспечения законности при производстве по уголовным делам» [6].

«Деятельность судебной организации в цифровую эпоху не может осуществляться автономно, напротив, эта деятельность неразрывно связана с внешними организованными системами.

Создание судебной сети предопределяет осуществление мероприятий, направленных на взаимодействие судов не только между собой (электронный документооборот), но и с внешним окружением, включая смежные к суду органы и организации (межведомственное электронное взаимодействие) [7].

Государственная цифровая платформа позволяет осуществлять эффективный обмен готовыми цифровыми решениями между различными органами власти, обеспечить им равный доступ к проектам цифровой трансформации. Единая технологическая основа органов власти позволяет интегрировать в судебную деятельность передовые, перспективные и дорогостоящие технологии, в том числе в отношении идентификации личности (например, цифровой профиль гражданина в рамках единой системы идентификации и аутентификации, биометрическая система, облачная квалифицированная электронная подпись). То есть значение данной единой технологической основы для организации судебной деятельности состоит в возможности решения актуальных задач организации судебной деятельности: формирование электронного судебного дела, обеспечение возможности дистанционного участия граждан в судебном заседании».

Ю.Г. Торбин, А.А. Усачев, Л.П. Плеснева высказываются за внедрение в российское уголовное судопроизводство электронного документооборота. «Электронный документооборот, осуществляемый на основе автоматизированной базы данных, устраняя избыточный бумажный документооборот, может позитивно повлиять на оперативность уголовно-процессуальной деятельности на начальном этапе досудебного производства, а значит, и на оперативность реализации форм взаимодействия следователя с органами дознания».

Электронный оборот документов, по мнению данных авторов, «будет способствовать совершенствованию организационных аспектов взаимодействия следователя и органов дознания на начальном этапе досудебного производства в форме совместного планирования, позволяя оперативно составлять, корректировать и дополнять план проведения мероприятий (причем инициатива может исходить как от следователя, так и от оперативного работника), быстро обмениваться полученной информацией, координировать совместные действия, направленные на установление обстоятельств исследуемого события, обнаружение и сбор доказательств» [8].

Среди перспективных механизмов, обеспечивающим доступ к правосудию, следует особо выделить цифровизацию уголовного судопроизводства, включающую в качестве одного из приоритетных направлений внедрение к 2021 г. суперсервиса - комплекса цифровых госуслуг для подачи заявлений в правоохранительные органы онлайн.

В настоящее время в Государственной Думе РФ на обсуждении находится проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», направленный на расширение возможностей применения видео-конференцсвязи в рамках досудебного производства.

Предлагается дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 8.1 следующего содержания: «допрос посредством видео-конференцсвязи - это допрос, который проводится с использованием технических средств и программного обеспечения для персонального компьютера, мобильных устройств и браузера, обеспечивающих передачу звука и изображения в реальном времени».

Проект, помимо прочего, вносит в главу 26 УПК РФ новую статью: 189.1, которая перечисляет условия и особенности проведения допроса посредством видеоконференцсвязи.

Предполагается что ст. 189.1. УПК РФ «Особенности допроса свидетеля посредством видеоконференцсвязи» будет включать семь частей.

Согласно ч. 1 ст. ст. 189.1. УПК РФ предусматривается положение, согласно которому «следователь вправе допросить свидетеля посредством видеоконференцсвязи при невозможности личного участия свидетеля в производстве по уголовному делу».

Ч. 1 ст. ст. 189.1. УПК РФ устанавливает, что «допрос посредством видео-конференцсвязи производится на основании постановления следователя, которое направляется в следственный орган или орган дознания по месту нахождения допрашиваемого свидетеля».

Ч. 3 ст. ст. 189.1. УПК РФ определяет, что «следственный орган или орган дознания по месту нахождения допрашиваемого свидетеля организывает проведение допроса свидетеля посредством видео-конференцсвязи на основании постановления следователя».

Ч. 4 ст. 189.1. УПК РФ - «допрос посредством видеоконференц-связи проводится по правилам статьи 189 настоящего Кодекса с особенностями, установленными настоящей статьей. Допрос несовершеннолетнего свидетеля посредством видеоконференц-связи проводится по правилам статьи 189 настоящего Кодекса с особенностями, установленными настоящей статьей, и с учетом требований, установленных статьями 191 настоящего Кодекса. Перед началом допроса орган следствия или дознания по месту нахождения свидетеля удостоверяет личность свидетеля, а следователь, в производстве которого находится уголовное дело, производит допрос свидетеля».

Ч. 5 ст. 189.1. УПК РФ - «протокол допроса посредством видео-конференцсвязи составляется с соблюдением требований настоящей статьи, статей 166, 167, 190 настоящего Кодекса. Протокол допроса составляет и оглашает должностное лицо следственного органа или органа дознания по месту нахождения допрашиваемого лица».

Ч. 6 ст. 189.1. УПК РФ «протокол допроса, представленные свидетелем документы, ордер адвоката, если свидетель явился на допрос с адвокатом, должностное лицо следственного органа или органа дознания по месту нахождения свидетеля направляет следователю, в производстве которого находится уголовное дело».

Ч. 7 ст. 189.1. УПК РФ - «следователь, в производстве которого находится уголовное дело, получив протокол допроса свидетеля посредством видеоконференцсвязи, подписывает его».

Таким образом, проведенный анализ позволил сформулировать следующие предложения по совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности:

1. Сформулировано авторское определение понятия «электронное доказательство», под которым необходимо понимать «файл, содержащий текстовую, графическую информацию, аудио-, видеoinформацию и (или) их сочетание».

2. Автором обосновывается предложение о необходимости внесения изменения в ч. 2 ст. 74 УПК и дополнить пунктом б.1 «электронные доказательства».

3. Автором обосновывается возможность подачи заявлений и сообщений о преступлении в электронной форме. Считаю целесообразным:

ч. 1 ст. 141 УПК РФ изложить в новой редакции:

«Заявление о преступлении может быть сделано в устном или письменном виде, а также в электронной форме»;

дополнить ст. 141 УПК РФ частью 3.1: «Заявление о преступлении может быть подано в электронной форме, через онлайн-сервис «Преступление», которое подписывается простой электронной подписью».

4. Автором предлагается внести изменение в УПК РФ и предусмотреть возможность применения видео-конференцсвязи при производстве допроса. В связи с чем представляется целесообразным дополнить главу 26 УПК РФ статьей 189.1 «Особенности допроса свидетеля, потерпевшего путем видео-конференцсвязи». Допрос с использованием видео-конференцсвязи может проводиться уполномоченным лицом, если непосредственный допрос свидетеля, потерпевшего затруднен, либо может повлечь за собой чрезмерные затраты, а также для защиты их интересов.

5. В рамках оптимизации межведомственного взаимодействия правоохранительных и судебных органов предлагается создать государственную цифровую платформу, которая позволит наладить электронный документооборот в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Список литературы

1. Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 214.
2. Лолаева, А. С. Вопросы цифровизации в новой редакции Конституции Российской Федерации / А. С. Лолаева // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2021. – № 1. – С. 110-113.
3. Лолаева, А. С. Вопросы электронного правосудия в эпоху цифровизации / А. С. Лолаева // Государство и право в цифровую эпоху: Материалы международной научно-практической конференции Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 г., Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 года / Е. В. Трофимов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – С. 108-113.
4. Иванов Е.Е. Уведомление участников судопроизводства на досудебных стадиях: усилить гарантии // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 4. С. 109.
5. Гришина Е.П. К вопросу об использовании электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. 2020. № 3. С. 34.
6. Капустин О.А. Приоритетные направления организации судебной деятельности на современном этапе // Администратор суда. 2020. № 2. С. 9.
7. Бурнацева, З. М. Нравственное воспитание современных трудных подростков: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Бурнацева Залина Мурзабековна. – Владикавказ, 2005. – 189 с.
8. Торбин Ю.Г., Усачев А.А., Плеснева Л.П. Формы взаимодействия следователя с органами дознания на начальном этапе досудебного производства // Lex russica. 2020. № 3. С. 70.

УДК 342.7

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Галачиева М.М. – к.ю.н., доцент кафедры правовых дисциплин

ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Лолаева З.С. – преподаватель аграрного колледжа

ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Исследуются проблемы внедрения цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что цифровая трансформация и активное внедрение цифровых технологий в жизнь человека, трудовую деятельность привносит определенный комфорт и практичность. В то же время данные технологии, могут быть использованы не только на пользу человечеству, но и в деструктивных, криминальных целях. Сделан вывод о том, что правоохранительные органы, фактически «не успевают» за преступниками, которые активно используют цифровые технологии в деструктивных целях.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, электронное правосудие, электронный документооборот, информационно-коммуникационные технологии, цифровая среда, цифровизация, системы электронного участия, видео-конференцсвязь, электронная повестка, СМС-уведомление, электронная копия материалов дела

Цифровая трансформация и активное внедрение цифровых технологий в жизнь человека, трудовую деятельность привносит определенный комфорт и практичность. В то же время данные технологии, могут быть использованы не только на пользу человечеству, но и в деструктивных, криминальных целях.

Оценивая перспективы развития цифровых технологий и их влияния на деятельность правоохранительных органов, генеральный директор компании по IT-безопасности Zecurion Алексей Раевский перечисляет с этим связанные риски. «Новые технологии приведут к тому, что пресекать преступ-

ления или накладывать арест на денежные средства будет значительно сложнее. Кроме того, привычный юридический язык перестает работать в киберпространстве - трудности при определении потерпевших и квалификации преступлений возникают уже сегодня. Но главная проблема лежит в плоскости кибербезопасности: в будущем для убийства смогут использовать не обычное оружие, а, например, взломанный беспилотный автомобиль. А сеть из ста таких автомобилей сможет вызвать в городе транспортный коллапс и привести к фатальным последствиям.

Далее А. Раевский говорит об угрозе элементов «цифровой личности» людей - «аккаунты в соцсетях, банковские карточки, сервисы электронной почты». По его прогнозам, «к 2020 году к интернету будет подключено около 50 млрд. девайсов, что неизбежно повлечет за собой появление новых способов мошенничества». «Экономический ущерб от киберпреступлений к этому времени вырастет до триллиона долларов в год, а количество «утекших» записей персональных данных из коммерческих компаний и госорганов исчисляется в миллиардах штук».

В заключении А. Раевский констатирует что, «для того, чтобы справиться с этими вызовами, полиции будущего нужно будет перейти на новый уровень, где информационные технологии станут обязательной частью повседневной деятельности» [1].

Анализ уголовно-процессуального законодательства, позволяет нам констатировать, что оно нуждается в серьезной корректировке, поскольку не отвечает современному уровню технологий. Дисбаланс между «правовыми возможностями» сотрудников правоохранительных органов и «технологическими навыками» правонарушителей велик. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не позволяет следователям активно применять цифровые технологии в процессе раскрытия и расследования преступлений [2].

Не только ученые-процессуалисты, но правоприменители отмечают, что уголовно-процессуальное законодательство не отвечает современным реалиям и угрозам. Вместе тем, повсеместная цифровизация уголовно-процессуальной деятельности, связана с определенными проблемами и рисками. В юридической литературе, в связи с этим, сложилось три группы мнений, определяющих перспективы внедрения цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность. Первая группа авторов считает, что цифровизация уголовного судопроизводства это неизбежный процесс, который уже невозможно откладывать. Вторая группа авторов, не отрицает возможности цифровизации уголовно-процессуальной деятельности, но указывает на необходимость поэтапной работы в данном направлении, с учетом определенных рисков. Третья группа авторов видит больше угроз, связанных с внедрением цифровых технологий в уголовное судопроизводство, нежели положительные моменты, связанные с повышением эффективности деятельности правоохранительных и судебных органов, в рамках реализации их правоохранительной функции [3].

Остановимся подробнее на рисках и проблемах, связанных с внедрением цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность, выделяемых различными учеными-процессуалистами.

Например, Н.А. Колоколов акцентирует внимание на общих «процессуально-информационных проблемах» институтов процессуального права. К ним он относит:

- 1) «проблему «новых «информационных» способов идентификации личности во всем правовом обороте, а следовательно, во всех видах юридических процессов и процедур»;
- 2) «проблему правового определения надлежащего единообразного статуса и национального, и международного уровня права электронного документа и электронного документооборота»;
- 3) «не ограниченная лишь вариантами судебного или позитивного правоприменения «проблема упорядочения электронных процедур», с тем, чтобы этот их вид не лишил соответствующие системе свойства придавать ситуации упорядоченность и обеспечивать соблюдение установленных правом прав всех его участников» [4].

Внедрение электронных технологий в уголовное судопроизводство, по мнению Гриценко Е.В., Ялунер Ю.А., следующими рисками. «Во-первых, потенциальный конфликт электронного правосудия с принципом доступности правосудия в случаях недостаточного уровня информационной подготовки пользователей, отсутствия необходимых технических условий и возможностей, чрезмерного усложнения электронного доступа к системам подачи документов в суд и банкам данных». Во-вторых, «конфликт с принципами состязательности процесса и справедливого судебного разбирательства при переходе на электронные дистанционные способы рассмотрения дел, сбора и оценки доказательств». В-третьих, это «проблема обеспечения безопасности информационных систем и обеспечения защищенности каналов электронной связи участников процесса с судом». Наконец, «в-четвертых, это конфликты между возрастающей открытостью и прозрачностью правосудия в условиях использования ИКТ, с одной стороны, и защитой неприкосновенности частной жизни, иных ох-

раняемых законом тайн - с другой». В то же время имеются и специфические проблемы, связанные с внедрением электронного правосудия, которые обусловлены особенностями государственного и судебного устройства, разделением полномочий по вертикали и по горизонтали в сфере правового регулирования и организации использования ИКТ в правосудии [5].

Т.Е. Сушина и А.А. Собенин, изучая опыт использования искусственного интеллекта в уголовном процессе ряда зарубежных государств говорят о возможных угрозах его применения в уголовно-процессуальной деятельности. «С одной стороны, он предоставляет широкие возможности для обеспечения прозрачности, предсказуемости и стандартизации правовой системы» [6]. «С другой стороны, искусственный интеллект сопряжен с реальными рисками ввиду ограниченности и предвзятости аргументации программного обеспечения на рынке IT-услуг». «Поэтому государственные органы и иные участники уголовно-процессуальных правоотношений должны играть активную роль в развитии этих технологий, а также проводить на постоянной основе мониторинг определения реальной эффективности и действенности искусственного интеллекта» [7].

И.П. Попова рассуждая об автоматизации деятельности суда, достаточно осторожно относится к таким перспективам. Не отрицая того, что цифровые технологии важны и нужны в целях приведения в порядок разрозненного и противоречивого нормативного массива», отрицательно относится к внедрению искусственного интеллекта в его деятельность. «Автоматизация и цифровизация не могут заменить судью и исключить его из числа правоприменителей, заменив выполняемые им функции искусственным интеллектом». «Опасность шаблонизации мышления правоприменителей подтверждается уже сложившейся порочной практикой упрощенчества при метаморфозах сокращенных процедур» [8].

Х.И. Гаджиев также обращает внимание не только на положительные, но и на отрицательные моменты, связанные с цифровизацией уголовно-процессуальной деятельности. «Эволюция в сфере цифровых технологий может не только облегчить работу органов правопорядка, особенно в области доказывания, но и сопровождаться нарушениями прав личности при отсутствии своевременной и адекватной реакции законодателя и судебной практики». «Судьи не должны допускать умаления действия конституционного права под давлением интенсивности электронных доказательств». «Аутентификация таких доказательств в новой реальности является, пожалуй, одной из сложнейших задач, поскольку именно судьям приходится определять их приемлемость. Современный подход к уголовному процессу характеризуется чувствительным отношением к правам человека» [9].

Рассматривая различные точки зрения, представляется целесообразным обратить внимание еще на одну, на наш взгляд, достаточно важную проблему «цифрового неравенства». До настоящего времени, не у всех граждан есть доступ к сети Интернет, а также компьютер, смартфон. Соответственно они ограничены в возможности свободно получать, пользоваться и распространять информацию. А как следствие этого, отсутствие доступа к цифровым сервисам государственным органам, в том числе и в рамках уголовно-процессуальной деятельности (в перспективе). В связи с этим, мы полностью поддерживаем Л. Земнухову, которая считает, что, если «отношения государства и граждан не налажены, то цифровизация не станет решением». Основная проблема цифровизации в том, что она может обострить уже существующие социальные проблемы, которые должны решаться, прежде всего, на управленческом уровне. Самые острые социальные проблемы в контексте цифровизации - это неравенство доступа к технологиям, низкая цифровая грамотность и недостаточное техническое обеспечение, особенно в регионах».

Суммируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы. К сожалению, правоохранительные органы, фактически «не успевают» за преступниками, которые активно используют цифровые технологии в деструктивных целях. В связи с этим представляется возможным выделить два блока причин. Первый блок, объединяет причины, связанные правовым регулированием деятельности, связанной с выявлением, расследованием и раскрытием преступлений. Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство «отстает» и не дает правоохранительным органам оперативно реагировать и эффективно расследовать преступления. Пробелы в законодательстве вынуждают судебные органы самостоятельно вырабатывать критерии «цифровых инструментов», необходимых для уголовного судопроизводства. Вторая проблема заключается в непосредственно правоохранительных органах. В рамках их структуры, отсутствуют подразделения, обладающих необходимым материально-техническим оснащением, деятельность которых была бы связана с внедрением цифровых технологий и оказанием помощи в процессе осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Список литературы

1. Киберпреступление и кибернаказание: возможности и риски новых технологий на страже закона [Электронный ресурс] Официальный сайт 2035. URL: <http://2035.media> (дата обращения: 17.02.2023).
2. Лолаева, А. С. Вопросы цифровизации в новой редакции Конституции Российской Федерации / А. С. Лолаева // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2021. – № 1. – С. 110-113.
3. Лолаева, А. С. Вопросы электронного правосудия в эпоху цифровизации / А. С. Лолаева // Государство и право в цифровую эпоху: Материалы международной научно-практической конференции Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 г., Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 года / Е. В. Трофимов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – С. 108-113.
4. Уголовное судопроизводство в 3 т. Том 1 / Под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрайт, 2020. С. 50.
5. Гриценко Е.В., Ялунер Ю.А. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3. С. 129.
6. Сушина Т.Е., Собенин А.А. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2020. № 6. С. 25.
7. Бурнацева, З. М. Нравственное воспитание современных трудных подростков: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Бурнацева Залина Мурзабековна. – Владикавказ, 2005. – 189 с.
8. Попова И.П. Автоматизация уголовного процесса: зло или благо для общества? // Мировой судья. 2019. № 11. С. 14.
9. Гаджиев Х.И. Доктрина презумпции невиновности в век цифровых технологий // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 4. С. 30.

УДК 342.7

**ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЫ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Галачиева М.М. – к.ю.н., доцент кафедры правовых дисциплин
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ
Лолаева З.С. – преподаватель аграрного колледжа
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Исследуются перспективы внедрения электронной формы уголовного дела. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что в последние годы цифровые сервисы и платформы стали обязательным атрибутом деятельности государственных органов и должностных лиц. Сделан вывод о необходимости внедрения цифровых технологий на всех этапах уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, электронное правосудие, электронный документооборот, информационно-коммуникационные технологии, цифровая среда, цифровизация, системы электронного участия, видео-конференцсвязь, электронная повестка, СМС-уведомление, электронная копия материалов дела

В последние годы цифровые сервисы и платформы стали обязательным атрибутом деятельности государственных органов и должностных лиц. Появилась система межведомственного взаимодействия, по которой госорганы могут обмениваться данными, государственная единая облачная платформа, система идентификации и аутентификации, в которой формируется цифровой профиль гражданина. Данные изменения ускорили и оптимизировали многие процедуры, сократили количество документов, необходимых в ходе взаимодействия человека и государства. В связи с этим, правоохранительные и судебные органы не могут игнорировать процессы, связанные с цифровой трансформацией.

Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» определяла направления цифровизации судопроизводства, в том числе и уголовного. К данным направлениям можно отнести:

1) «внедрение в судебную систему, систему принудительного исполнения судебных актов и судебно-экспертную деятельность современных информационно-коммуникационных технологий, позволяющих сформировать инновационный подход к их развитию, а также улучшить качество и сроки осуществления правосудия, качество и оперативность проводимых судебно-экспертными учреждениями экспертиз и обеспечить эффективное исполнение судебных решений»;

2) «совершенствование системы размещения судебных решений с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и обеспечение доступа к этим решениям»;

3) «в рамках разработки мероприятий по переходу к юридически значимому электронному документообороту требуются подготовка и принятие закона»;

4) реализация мероприятий по созданию «мобильного правосудия», «электронного правосудия», внедрению программных средств аналитического обеспечения деятельности, осуществлению сканирования всех поступающих в суды документов, а также формирование электронных дел и формирование электронного архива судебных дел позволят обеспечить доступ граждан к правосудию, качественную и эффективную работу судов» [1].

«Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации» установила цели, направления и основные задачи информатизации Верховного Суда на период до 2020 г. В рамках рассматриваемого нами вопроса, представляется целесообразным обратить внимание на достижение следующих результатов [2]:

1) «создание условий для применения в делопроизводстве Верховного Суда электронных документов, электронных судебных дел и производств»;

2) «обеспечение взаимодействия АИС Верховного Суда и ГАС «Правосудие», позволяющее осуществлять взаимный обмен информацией с судами общей юрисдикции и арбитражными судами по судебным делам и производствам»;

3) «обеспечение эффективного электронного взаимодействия с гражданами и юридическими лицами посредством развития функционала официального сайта Верховного Суда в сети «Интернет» и предоставления возможностей создания «личных кабинетов» граждан и юридических лиц»;

4) «организовать электронное взаимодействие с федеральными органами государственной власти с использованием системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) и системы межведомственного электронного документооборота (МЭДО)»;

5) «обеспечить повышение качества информационно-аналитической поддержки деятельности Верховного Суда»;

6) «создать условия для надежного функционирования информационно-телекоммуникационной инфраструктуры Верховного Суда, повышения качества защиты информации и эффективность использования информационных ресурсов Верховного Суда».

Таким образом, указанные выше документы создали предпосылки для внедрения отдельных цифровых элементов в процесс формирования уголовного дела [3, 4].

С 2016 г. состоялось фактическое признание возможности электронного документооборота в уголовном судопроизводстве. Соответствующие изменения были внесены в уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом Российской Федерации от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» [5].

В соответствии с ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ предусматривается возможность подачи в суд «ходатайства, заявления, жалобы, представления в форме электронного документа, подписанного лицом, направившим такой документ, электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»». «Материалы, приложенные к ходатайству, заявлению, жалобе, представлению, также подаются в форме электронных документов. Электронные документы, изготовленные иными лицами, органами, организациями в свободной форме или форме, установленной для этих документов законодательством Российской Федерации, должны быть подписаны ими электронной подписью».

Судебное решение может быть изготовлено в форме электронного документа, который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью. При изготовлении судебного решения в форме электронного документа дополнительно изготавливается экземпляр судебного решения на бумажном носителе. Копия судебного решения, изготовленная в форме электронного

документа, заверенная усиленной квалифицированной электронной подписью, по просьбе либо с согласия участника уголовного судопроизводства может быть направлена ему с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Разъяснения, связанные с единообразным пониманием и применением указанной выше статьи, нашли отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [6]. Так, в данном постановлении была дана характеристика понятий «электронный образ документа», «электронный документ», «электронная подпись», «простая электронная подпись», «усиленная квалифицированная электронная подпись» и др.

П. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» указывает что «в рамках уголовного судопроизводства обращение в суд (ходатайство, заявление, в том числе связанное с предъявлением гражданского иска и отказом от него, жалоба, представление) может быть подано в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью участника уголовного судопроизводства, его подающего».

«Обращение в суд может быть также подано в виде электронного образа документа, заверенного в целях защиты прав участников уголовного судопроизводства усиленной квалифицированной электронной подписью подающего его участника уголовного судопроизводства».

«При отсутствии у участника уголовного судопроизводства усиленной квалифицированной электронной подписи обращение в суд может быть подано на бумажном носителе».

«Приложенные к ходатайству, заявлению, жалобе, представлению электронные документы или электронные образы документов, изготовленные иным лицом, органом, организацией, подписываются либо заверяются усиленной квалифицированной электронной подписью соответственно этого лица, органа, организации».

Электронная подпись может быть двух видов: простая электронная подпись и усиленная квалифицированная электронная подпись (которая должна соответствовать требованиям, установленным Федеральным законом Российской Федерации от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [9]). Непосредственно порядок подачи ходатайства, заявления, жалобы, представления в форме электронного документа, регламентируется Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [8] и Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 сентября 2017 № 168 «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа».

Данные документы устанавливают условия и алгоритм подачи электронного документа. Во-первых, необходимо создать личный кабинет пользователя (который создается в разделе «Подача процессуальных документов в электронном виде» официального сайта суда, который расположен на интернет-портале ГАС «Правосудие» в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Доступ к личному кабинету осуществляется посредством идентификации и аутентификации одним из двух возможных способов: 1) с использованием подтвержденной учетной записи физического лица ЕСИА; 2) с использованием имеющейся у пользователя усиленной квалифицированной электронной подписи. Во-вторых, создание электронного образа документа либо документа в электронном виде (в соответствии с установленными требованиями, определенного формата). В-третьих, заполняется форма, размещенная на официальном сайте суда интернет-портала ГАС «Правосудие». В-четвертых, к обращению в суд, подаваемому представителем, должен быть приложен документ, подтверждающий полномочия представителя (ст. 45, 49 УПК РФ). В-пятых, обращение в суд подается в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью лица, подающего обращение, либо в виде электронного образа документа, заверенного усиленной квалифицированной электронной подписью лица, подающего обращение. В-шестых, по завершении загрузки файлов, содержащих обращение в суд и прилагаемые к нему документы, после осуществления проверки правильности введенных данных пользователь, выбирая соответствующую опцию, направляет документы в суд. В-седьмых, документы, поступившие в информационную систему, должны быть зарегистрированы в специальных программных средствах ГАС «Правосудие», обеспечивающих ведение автоматизированного судебного делопроизводства. При необходимости, электронные документы могут распечатываться и прилагаться к уголовному делу [9].

Таким образом, проведенный анализ законодательства, позволяет сделать вывод о том, что подача в суд электронного документа является лишь элементом электронного уголовного дела. Мы полностью согласны с мнением О.М. Зайцева, который обращает внимание на то, что «для успешного внедрения электронной формы уголовного дела в судебно-следственную деятельность требуется ввести электронный документооборот на всех стадиях уголовного судопроизводства». «Для этого понадобится детальная регламентация всех процессуальных действий (заявление о преступлении, производство следственных действий, проведение судебного заседания, составление приговора) при помощи электронных технических средств». Кроме того, указывает данный автор «необходимо использовать режим удаленного доступа участников уголовного судопроизводства» [10].

В настоящее время назрела потребность в расширении возможностей применения цифровых инструментов в досудебном производстве. Именно на данной стадии осуществляется основной объем работы по собиранию доказательств и установлению лиц, виновных в совершении преступления, совершается большое количество процессуальных действий и принимается множество процессуальных решений, оформляемых соответствующими уголовно-процессуальными документами. При этом необходимо иметь в виду, что в настоящее время, еще на начальном этапе досудебного производства, при поступлении сообщения о преступлении, велик риск сокрытия последнего от учета.

В целях решения проблемы цифровизации начального этапа досудебного производства А.А. Усачев считает целесообразным реализовать следующий комплекс мер: 1) «УПК РФ следует дополнить положением о возможности подачи заявления о преступлении в форме электронного документа»; 2) «обязанность органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, зарегистрировать каждое полученное сообщение о преступлении должна быть инкорпорирована в текст уголовно-процессуального закона с одновременным закреплением в уголовном законе уголовной ответственности за укрытие преступлений».

В настоящее время, в судебной практике, хорошо себя зарекомендовал допрос свидетеля и потерпевшего в судебном заседании с использованием систем видео-конференцсвязи (ч. 4 ст. 240, ст. 278.1 УПК РФ).

В связи с этим в литературе высказывается предложение о необходимости распространения аналогичной формы на досудебное производство. Так, А. Кутеповым и К. Добрыниным указывают на ряд проблем, возникающих в процессе предварительного расследования. Нередко возникают ситуации, когда оперативно «произвести допрос свидетеля преступления, потерпевшего или эксперта не представляется возможным, поскольку они могут находиться на большом удалении от органа предварительного следствия, что является основанием для продления срока расследования уголовного дела». Либо «человек, обладающий ценной для следствия информацией, живет далеко». Данная новация «позволит в значительной мере экономить время и быстро получать информацию, необходимую для расследования уголовного дела, и, что самое важное, защитит права граждан, поскольку позволит устранить и бесконечную волокиту в расследовании». Кроме того, «такой шаг по упрощению процедуры допроса избавит правоохранительную систему от лишних материальных и временных затрат, так как неявка свидетелей или потерпевших, проживающих в другом городе или регионе, становится весомым основанием для бесконечных продлений сроков следствия. Предложенные изменения также облегчат работу следователям, которые могут быстро получить информацию, необходимую для производства дальнейших следственных действий, и сразу же направить соответствующие запросы, ориентировки, изъять видеозаписи с камер наблюдения и т.п. Если действовать обычным порядком: направить поручение в тот регион, где проживает нужный человек, ждать, пока там проведут допрос, все оформят и вышлют материалы, пройдет время».

В настоящее время также осуществляется разработка программных и цифровых инструментов, позволяющих повысить эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Например, разрабатывается программное обеспечение для стенографирования речи нескольких дикторов, предназначенное в том числе для составления протоколов допросов как непосредственно в ходе следственных действий, так и по их аудиозаписям [11].

В заключении хотелось резюмировать вывод о необходимости внедрения цифровых технологий на всех этапах уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 20 сентября 2012 г. № 1735-р// Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 40. Ст. 5474.

2. Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Верховного Суда Рос. Федерации от 10 декабря 2015 г. № 67-П. Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации URL: <http://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 17.02.2023).

3. Лолаева, А. С. Вопросы цифровизации в новой редакции Конституции Российской Федерации / А. С. Лолаева // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2021. – № 1. – С. 110-113.

4. Лолаева, А. С. Вопросы электронного правосудия в эпоху цифровизации / А. С. Лолаева // Государство и право в цифровую эпоху: Материалы международной научно-практической конференции Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 г., Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 года / Е. В. Трофимов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – С. 108-113.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: федер. закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26. Ч. I. Ст. 3889.

6. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 // Рос. Газета. 2017. 29 дек.

7. Об электронной подписи: федер. закон Рос. Федерации от 6 апреля 2011 № 63-ФЗ (в ред. от 8 июня 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 15. Ст. 2036.

8. Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа [Электронный ресурс]: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации от 27 декабря 2016 г. № 251 (в ред. от 5 ноября 2019 г.) // Справочно-правовая система «Консультант». URL: <http://base.consultant.ru/cons> (дата обращения: 17.02.2023).

9. Бурнацева, З. М. Нравственное воспитание современных трудных подростков: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Бурнацева Залина Мурзабековна. – Владикавказ, 2005. – 189 с.

10. Голованова Н.А., Гравина А.А., Зайцев О.А. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. С. 188.

11. Козлова Н. Гаджет для Жеглова. Александр Бастрыкин рассказал об уникальных экспертизах криминалистов // Рос. Газета. 2020. 18 окт.

УДК 347

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНСТИТУТА АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ В РОССИИ

Мзокова Т.А. – советник Государственно-правового управления

Аппарат Парламента Республики Северная Осетия–Алания, г. Владикавказ

Аннотация. В настоящей статье проведен историко-правовой анализ развития института апелляционного производства в российском государстве. Выделены основные этапы становления данного института. Дана характеристика и определены особенности каждого исторического этапа.

Ключевые слова: *апелляция, арбитражный процесс, исторические этапы, судебная власть*

Институт апелляционного производства в российском государстве прошел длительный исторический путь развития, в котором условно можно выделить несколько этапов.

Первый этап, исчисляемый с момента появления первых правовых актов до момента появления Судебников (XV в.) принято считать «безапелляционным», поскольку на тот период не предусматривалась возможность оспаривания судебных решений. Этот период характеризуется значительной степенью самостоятельности суда причем как до, так и после возникновения княжеской власти.

Судебная система состояла из одной инстанции и не предполагала возможности обжалования вынесенных решений [1].

И.Д. Беляев объясняет данное обстоятельство тем фактом, что судебная власть осуществлялась лицами, пользовавшимися неукоснительным авторитетом и доверием населения (князь, посадник, наместник и др.), соответственно выносимые ими решения считались окончательными и не подлежали оспариванию [2].

Второй этап характеризуется появлением возможности обжалования судебных решений, в частности, возникает апелляционное производство. Этот этап охватывает период с конца XV в. до второй половины XIX в.

Начало данного периода связано с изданием сначала Судебников 1497 и 1550 годов, а затем Соборного уложения 1649 года, в которых появляется понятие «суд с головы» [3]. Позднее в XVIII веке посредством заимствования терминологии из источников права Западной Европы появляется наименование апелляционный суд.

В апелляционном суде происходило повторное рассмотрение дела по существу вышестоящим судом с возможностью предоставления дополнительных доказательств. Причем жалоба могла быть подана как на действия судьи, так и по существу вынесенного решения, при этом не было четкого разграничения между указанными категориями жалоб. Разграничение жалоб на частные и апелляционные впервые было произведено в Соборном уложении 1649 года [4].

Необходимо отметить, что на этот же период приходится первая попытка создания прообраза арбитражного суда. В 1667 году в период правления Алексея Михайловича образуются специальные суды для рассмотрения купеческих споров [5].

Дальнейшее развитие такие суды получают в период правления Петра I. В 1721 году учреждается Главный магистрат, призванный рассматривать торговые дела. Новация создания такого суда выражалась в том, что рассмотрение дел в нем не допускало применения обычаев, в связи с чем требовалось руководствоваться исключительно нормами права.

В этот же период происходит совершенствование института апелляции. В частности, происходит дальнейшая регламентация вопросов апелляционного обжалования, в частности, касательно формы, содержания и порядка подачи жалобы. В апелляционный суд наряду с судебным делом надлежало направлять выписку из него, на основании которой составлялся доклад в суде высшей инстанции.

В случае признания жалобы обоснованной, на судей, вынесших решение, налагались штрафные санкции, при признании же жалобы несправедливой жалобщик обязан был заплатить двойную пошлину.

Начиная с 1720 года, устанавливается целая система судов апелляционной инстанции, согласно которой нижнюю ступень в иерархии занимают провинциальные суды, затем – надворные суды, следом – коллегии, наконец, высшей инстанцией выступал Сенат. Впоследствии количество судебных инстанций возрастает до шести.

Дальнейшее развитие положений апелляционного законодательства связано с периодом правления Екатерины II. В данный период устанавливаются сроки, в течение которых жалобщик имел возможность обратиться в суд апелляционной инстанции. Согласно Указу 1762 года был установлен общий срок на обжалование в один год, а в случае нахождения жалобщика за пределами государства – в два года [6].

Учрежденные в тот период уездные суды рассматривали гражданские, в том числе немногочисленные коммерческие, споры, а в качестве апелляционной инстанции для оспаривания решений уездных судов выступали палаты гражданского суда.

Позднее, в 1801 году вводится понятие апелляционного свидетельства, просуществовавшее порядка тридцати лет. Апелляционное свидетельство представляло собой документ, указывающий в каком суде рассматривалось дело, дату постановления решения в окончательной форме, а также иные сведения [7].

Кроме того, возникает дробление судебных инстанций по принципу сословной принадлежности: уездный суд (для государственных крестьян), городской магистрат (для мещан) и надворный суд (для представителей дворянского сословия и чиновников), которые составляли систему судов первой инстанции.

В 1832 году в России появляются предшественники арбитражных судов – коммерческие суды, которые просуществовали до 1917 года. Характерной особенностью коммерческих судов были установленные для них особые правила судопроизводства. В частности, устанавливаются специальные подведомственность и подсудность таких судов: рассмотрению в них подлежали все торговые,

договорные споры, споры из обязательств, дела о несостоятельности; при этом юрисдикция каждого образуемого коммерческого суда распространялась «не далее того города, в котором он учрежден и уезда оно».

Возвращаясь к апелляционному разбирательству того периода, необходимо отметить наличие 2 целей, стоящих перед судом: проверка правильности соблюдения формальных требований при принятии решения, а также проверка законности и обоснованности вынесенного судебного акта. Иначе говоря, в тот период уже возникает система проверки правильности применения норм материального и процессуального права.

В целом характеризуя апелляционное производство того периода, необходимо отметить его ревизионный характер. Апелляционная жалоба последовательно проходила многочисленные инстанции, каждая из которых могла завершиться вынесением собственного решения.

В качестве отрицательных черт судебной системы рассматриваемого периода необходимо отметить ее громоздкость, сословный характер, медлительность судопроизводства, низкий образовательный уровень представителей судейского сообщества. Существовавшая система требовала изменения подхода к функционированию судебных органов.

В этой связи примечателен третий период, хронологически охватывающий промежуток с 1864 по 1917 годы, который ознаменован реформированием судебной системы. Начало реформы было положено принятием основных законодательных актов, принятых в 1864 году: Устава гражданского судопроизводства и Учреждения судебных установлений.

Проведенная реформа повлекла за собой существенную перестройку сложившейся системы судебного строя в России того времени. Следствием реформы стало формирование четкой судебной системы, включающей в себя три звена: суды первой инстанции, апелляционные суды, кассационные суды. Деятельность коммерческих судов проведенная реформа не затронула.

Применительно к институту апелляционного производства данная реформа выразилась в ограничении возможности рассмотрения дела по существу исключительно двумя инстанциями. В качестве первой инстанции выступали мировые и окружные суды, в качестве второй – апелляционные суды в виде мировых съездов и Судебных палат. Решения судов апелляционной инстанции считались окончательными и не подлежащим обжалованию.

Рассмотрение дел в судах второй инстанции в основном за рядом исключений подчинялось правилам производства в судах первой инстанции. Жалоба подавалась в суд, вынесший решение, и могла быть принесена как на решение в целом, так и на отдельные его составляющие. В содержании жалобы необходимо было отразить доводы, явившиеся основаниями для обжалования решения. Суд, получив жалобу, принимал решение о ее принятии либо возвращении заявителю [8]. Другая сторона спора также имела возможность принести возражения и объяснения относительно поданной жалобы. В этот же период вводится механизм принесения частной жалобы как отдельно от апелляции, так и в рамках основной жалобы.

Апелляционный суд осуществлял правосудие по принципу полной апелляции, осуществляя новое рассмотрение дела по существу по правилам суда первой инстанции. Сторонам в процессе был предоставлен широкий набор полномочий по предоставлению новых доказательств, вызову новых свидетелей, выдвижения новых фактов. Ограничения в действиях сторон касались невозможности предъявления новых требований в апелляции, что служило механизмом защиты от злоупотреблений от недобросовестной стороны.

Правила рассмотрения дела в апелляции того периода не предусматривали возможность возврата дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Другим ограничением в деятельности апелляционного суда была связанность положениями жалобы, за рамки которой суд выйти не вправе. Это объяснялось частноправовой природой оспариваемых отношений, являвшихся предметом спора, в которые суд не мог вмешиваться в инициативном порядке [9].

Следует отметить, что роль суда апелляционной инстанции как института повторного рассмотрения дела по существу особо подчеркивалась в самих законодательных актах того периода [10].

Кроме того, необходимо отметить значительное сходство существовавшего тогда института апелляции с действующей моделью осуществления правосудия. Указанное сходство находит выражение, как в полномочиях суда, так и в самой структуре судебных органов [11].

Как уже было отмечено, данная модель судопроизводства просуществовала вплоть до 1917 года. Именно с указанного периода можно говорить о начале четвертого этапа развития института апелляционного производства, который хронологически совпадает с периодом существования советского государства и охватывает промежуток с 1917 года по 1991 год.

Данный период характеризуется существенными изменениями в представлениях о модели судебной системы в России. В частности, с изданием в 1917 году Декрета Совета народных комиссаров № 1 «О суде» апелляционное производство упраздняется. Закрепляется окончательный характер решений местных судов, которые больше не могут быть обжалованы.

Вышедший годом позднее Декрет № 2 «О суде», закрепляя отмену возможности апелляционного обжалования, в то же время предусматривает существование кассации.

По мнению советских ученых, упразднение апелляционной инстанции объяснялось стремлением новой власти упростить процесс судопроизводства, поскольку функционирование единого народного суда вместо множества существовавших ранее судебных инстанций делает отправление правосудия доступным для большинства населения [12].

По мнению автора, основные причины упразднения апелляции усматриваются в следующем. Установление новой системы судопроизводства было отражением всей складывающейся системы общественно-политических отношений, направленных на перестроение прежней формации и ломку старых институтов буржуазного государства. Уничтожение отношений частной собственности неизбежно приводило к упрощению частноправовых товарно-денежных отношений, что, в свою очередь, не могло не сказаться на работе судебных органов. Следствием указанного процесса явилось упрощение судопроизводства, выразившееся, в том числе, в упразднении апелляционной инстанции.

Сходную точку зрения по данному вопросу высказывает И.О. Подвальный, который связывает реформирование судебной системы того периода с общими тенденциями развития процессуального права, характерными для всего советского периода [13]. В частности, в числе таковых он называет:

- установление зависимости судебных органов от партийной власти;
- преобладание принципа объективной истины перед принципом состязательности сторон;
- доминирование публично-правовых начал в отпадении правосудия с одновременным ослаблением действия принципа диспозитивности.

Таким образом, институт апелляции в СССР не получил своего развития, и вплоть до 1990-х годов в стране не предусматривалось существование судов апелляционной инстанции.

Помимо упразднения апелляции вышеуказанные декреты № 1 и № 2 установили запрет на рассмотрение споров между казенными предприятиями в судебном порядке.

Вместе с тем, переход к политике НЭПа обусловил необходимость образования судебных органов, специализирующихся на рассмотрении экономических споров. В этой связи в 1922 году образуются арбитражные комиссии, существовавшие при областных экономических Советах и разрешавшие имущественные споры между государственными учреждениями и предприятиями. Возглавляла данную систему Высшая арбитражная комиссия при Совете Труда и Оборона (СТО). Рассмотрение дел в арбитражных комиссиях за исключением отдельных положений осуществлялось по общим правилам гражданского судопроизводства.

Следует отметить, что данные комиссии, явившиеся прообразами современных арбитражных судов, просуществовали до 1929 года, когда в результате ликвидации арбитражных комиссий их полномочия были переданы на разрешение судов общей юрисдикции [14].

В 1931 году появляется Госарбитраж, призванный рассматривать споры между организациями и предприятиями сельского хозяйства. При этом устанавливается 2 формы арбитража: государственная (по спорам между организациями разного подчинения) и ведомственная (по спорам между организациями, подчиненными одному ведомству). Образование арбитража связано с изданием акта, обязывающего организации и предприятия вступать в отношения исключительно посредством заключения договоров.

Будучи фактически правопреемниками существовавших ранее коммерческих судов, арбитражи по сути выполняли функции судебного органа, разрешая экономические и имущественные споры, одновременно оставаясь органом исполнительной власти. В этой связи некоторые авторы отмечают неопределенную правовую природу указанного органа [15].

Среди недостатков данной системы необходимо отметить ее несоподчиненность, поскольку ведомственные арбитражи состояли при исполнительном органе власти, в связи с чем, отсутствовала единая иерархичная система. С 1977 года Госарбитраж приобретает статус конституционного органа, тем не менее, не будучи включенным в систему органов судебной власти.

Последний этап в развитии института апелляции, датируемый с 1991 года по настоящее время, связан с распадом советского государства и переходом страны к рыночным отношениям. Именно в этот период происходит возрождение частной собственности и предпринимательских отношений, что неизбежно влекло за собой увеличение количества и усложнение гражданско-правовых споров.

Складывающаяся ситуация требовала реформирования как системы гражданского судопроизводства, так и института пересмотра судебных решений.

В этой связи в 1991 году принимается Концепция судебной реформы в РСФСР. Во-первых, данная концепция восстановила институт апелляции, осуществляемый судами второй инстанции. Респуббликам в составе РСФСР было предоставлено право сохранить возможность рассмотрения дел по второй инстанции судами субъекта РСФСР либо передать это полномочие федеральным окружным судам. Во-вторых, в концепции говорится о необходимости преобразования государственных арбитражей в судебные органы и их параллельного существования с общей судебной системой.

В этой связи в 1991 году с принятием Закона РСФСР «Об арбитражных судах» происходит ликвидация государственных арбитражей как ведомственных органов, и на их базе образуются арбитражные суды субъектов РФ. В результате проведенной реформы было образовано 10 федеральных окружных арбитражных судов, рассматривающих дела в порядке кассации.

Вместе с тем говорить о появлении арбитражных судов апелляционной инстанции представляется возможным лишь с принятием в 1995 году Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации». Образуется четырехуровневая система арбитражных судов: суды первой инстанции, апелляционные, кассационные, надзорные суды. При этом полномочия апелляции наряду с полномочиями по рассмотрению дел по первой инстанции закрепляются за судом субъекта Российской Федерации.

С принятием действующего Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации 2002 года в системе арбитражных судов были образованы самостоятельные суды апелляционной инстанции по два в каждом из десяти арбитражных округов.

Необходимо отметить, что при обсуждении данного вопроса высказывались разные точки зрения:

- 1) наделить правом апелляционного рассмотрения дела суды кассационной инстанции;
- 2) отказаться от института апелляционного пересмотра дела, сохранив только кассационную и надзорную инстанции;
- 3) создать обособленный судебный орган апелляционной инстанции [16].

Как видно, результаты обсуждения завершились созданием двадцати судов апелляционной инстанции, что имеет принципиальное значение для развития процессуального законодательства.

Таким образом, анализ исторического пути развития института апелляционного производства в арбитражном процессе позволяет выделить несколько этапов, хронологически охватывающие следующие периоды:

- «безапелляционный» период (XI–XV вв.), не предполагавший возможности оспаривания решений судей;
- период возникновения и развития апелляционных судов (конец XV – вторая половина XIX вв.) – период действия Судебников 1497 и 1559 годов, Соборного уложения 1649 года, указов Петра I и Екатерины II;
- период судебных реформ (1864–1917 гг.), предусматривавший формирование четкой судебной иерархии, состоявшей из судов первой, апелляционной и кассационной инстанций;
- советский период (1917–1991 гг.), характеризующий отменой системы апелляционного обжалования;
- современный период (1991 г. по настоящее время) характеризуется формированием новой судебной системы, включающую, в том числе, возможность апелляционного обжалования не вступивших в законную силу судебных актов.

Представленная периодизация позволяет сделать вывод о том, что в нашей стране производство в суде второй инстанции на протяжении длительного времени по содержанию носило апелляционный характер вплоть до советского периода, когда развитие данного института было прервано. Причем возвращение к концепции апелляционного производства в качестве основного механизма обжалования обнаруживает его актуальность и значимость.

Список литературы

1. Меряшев М. Л. Исторические аспекты развития судебной системы (IX–XV вв.) / М. Л. Меряшев // Евразийский научный журнал. – 2017. – № 5. – С. 12–16.
2. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1901, С. 126.
3. Борисова Е. А. Институт апелляции в гражданском процессе. М., 1996. С. 18.
4. Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Суденика до Учреждения о губерниях. М., 1961. С. 288.

5. Законодательство царя Алексея Михайловича. Извлечение из книги Соборное уложение 1649 года / под ред. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2011. – 211 с
6. Извлечение из книги Законодательство Екатерины I и Петра II / под ред. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2011. – 217 с.
7. Полное Собрание законов Российской империи. М., 1830. Т.20. № 143922.
8. Гольстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / Под ред. М.К. Треушников, Ю.А. Поповой. Краснодар, 2004. С. 450.
9. Клейман А.Ф. Обжалование и опротестование судебных постановлений и определений. М., 1939. С. 4.
10. Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава гражданского судопроизводства. СПб., 1900. Т. 2. С.103.
11. Курас Т. Л. Реформирование российской судебной системы: история и перспективы / Т. Л. Курас // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., г. Иркутск, 8 декабря 2017 г.: в 2 т. / отв. ред. С. И. Суслова. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. – Т. 1. – С. 3–4.
12. Курский Д.И. Пролетарское право // Избранные речи и статьи. М., 1958. С. 85-86.
13. Подвальный И.О. Апелляция и кассация в арбитражном процессе Российской Федерации // Дисс. канд. юрид. наук. 12.00.15, СПб., 2001. С. 19-22.
14. Матаева М. Х. Развитие судебной системы в России и на Постсоветском пространстве / М. Х. Матаева // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 11 (114). – С. 76–78.
15. Жуйков В. М. О некоторых проблемах развития процессуального законодательства и законодательства о судостроительстве / В. М. Жуйков // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 135–150; Курас Т.Л., Шишкина Н.Э., Климентьева Л.В. История становления арбитражных судов в России / Т.Л. Курас, Н.Э.Шишкина, Л.В. Климентьева // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019. С. 326-334.
16. Клейн Н.И. Концепция развития арбитражного процессуального законодательства // Концепция развития российского законодательства / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 2004. С.218.

УДК 347.9

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМУ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ: ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЛОГИКА ПРОТИВ МАТЕМАТИЧЕСКИХ АЛГОРИТМОВ И ВЫЧИСЛЕНИЙ

Перисаев А.А. – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»,
г. Владикавказ

Мзокова Т.А. – советник Государственно-правового управления
Аппарат Парламента Республики Северная Осетия–Алания, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматриваются основные возможности внедрения технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность, в связи с чем рассматриваются и анализируются как положительные, так и возможные негативные стороны внедрения современных технологий в указанную сферу. По результатам проведенного анализа выделено три основных направления трансформирования судебной системы с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосудие, судебная система, судья, автоматизация

Прогнозы научного сообщества показывают, что использование информационных технологий будет оказывать все большее влияние на правовую систему и осуществление правосудия. При этом необходимо отметить, что современные технологические сдвиги, особенно в части развития искусст-

венного интеллекта (далее – AI), окажут более сильное влияние на некоторые функции, осуществляемые человеком, чем когда-либо ранее, а развитие AI является для сферы правосудия серьезным вызовом.

«Умное» (с использованием AI) правосудие можно охарактеризовать как использование технологий в системе правосудия на основе алгоритмического принятия решений и сбора, анализа и обработки больших данных. Умная система правосудия стремится использовать передовые технологии и использовать их потенциал для повышения эффективности и результативности [1].

AI позволяет принимать решения, основанные на данных, а не на личных суждениях, что имеет большой потенциал с точки зрения точности и объективности, а возможность автоматизировать указанный процесс может сделать процесс принятия решений более последовательным, предсказуемым и эффективным [2].

В отличие от людей, которые приобретают опыт путем длительного обучения и практики, благодаря преимуществам хранения данных, чтения алгоритмов и вычислительной мощности искусственный интеллект может проводить глубокий анализ и изучение всей выборки массивных данных и быстро освоить накопленный опыт, а также получить более обширные знания судебной практики, чтобы превзойти «критическую точку» человеческой мудрости судьи.

Например, при установлении фактов, когда взаимосвязь между доказательствами и фактами, которые необходимо доказать неясна, судебный AI может количественно определить вероятность между элементами доказательств и выводами о фактах, основанными на изучении большого количества информации и прецедентного опыта.

Также общеизвестно, что судьи-люди из-за личных предпочтений, предвзятости, выгорания, коррумпированности и других проблем непоследовательны как в группе, так и в отдельности.

По сравнению с судьями-людьми судебный AI более нейтрален и объективен, поскольку его основной операционный механизм состоит в том, чтобы взять в качестве образца большие данные, провести семантический анализ и анализ данных для построения модели и отсеивать факторы в выборке данных, которые могут повлиять на объективность суждения.

Ориентация на масштабируемость каждого элемента правосудия, опора на независимый алгоритм позволяют эффективно избавиться от человеческого произвола усмотрения судей, способствовать унификации применимого права, устранить значение субъективной предвзятости и влияние внешних факторов на предсказуемость и в конечном итоге обеспечить объективность и беспристрастность судопроизводства [3].

Однако во многих случаях AI является «черным ящиком», поскольку бросает вызов традиционным представлениям, лежащим в основе верховенства права, таким как прозрачность, справедливость и объяснимость, а также порождает проблему масштабируемости ошибок.

При этом взаимодействие права и искусственного интеллекта сопряжено с неотъемлемым противоречием, заключающимся в быстром развитии технологий, сталкивающимся с консервативностью правовой системы, медленно реагирующей на технологические разработки [5], а также стремлением права как универсального института урегулировать новые аспекты реальности с претензией на универсальность и полноту [6].

В современной технологии AI есть два основных направления, действующих совершенно по-разному и имеющих совершенно разные возможности.

Одно направление – это подход, основанный на правилах, который включает в себя создание сложных логических деревьев, включающих команды типа «если А, то Б». Как только событие или факт охарактеризованы, программное обеспечение применяет предписанное правило. Хотя он достигает ограничений (когда логические деревья становятся чрезмерно сложными или когда невозможно построить непротиворечивое логическое дерево), он, тем не менее, предоставлял и продолжает предоставлять полезные инструменты в юридическом секторе. Например, эта технология лежит в основе многих продуктов для создания документов, и так называемых «экспертных систем».

Другое направление технологии AI, используемое в настоящее время, основано на анализе данных. Указанный подход, который включает подмножество машинного обучения, ищет закономерности в больших массивах данных. Он находит взаимосвязи и корреляции, из которых может делать выводы. AI, основанный на данных, работает путем поиска ассоциаций [7]. Программное обеспечение оценивает, насколько предсказуемы определенные факторы, и с помощью итеративного анализа оттачивает отношения, которые могут быть невидимы для человеческого анализа.

Такое программное обеспечение не понимает и не применяет логические правила в смысле систем, основанных на правилах, или в том смысле, в каком люди применяют логику для решения проблем, а посредством математического анализа огромного количества взаимосвязей данных оно может идентифицировать эти взаимосвязи. AI не знает и не заботится о том, почему существуют эти отношения; он просто указывает на то, что они действительно существуют. Анализ больших данных может быть очень мощным, иногда даже превышающим возможности человека из-за огромного количества данных, которые могут обрабатывать компьютеры. Он также может идентифицировать шаблоны, которые трудно увидеть людям, такие как корреляции и результаты, которые не содержатся ни в одном из установленных логических правил, на которые люди часто полагаются [8].

С учетом вышеизложенного, на сегодняшний день сформировалось три основных пути трансформации судебной системы в связи с внедрением технологии AI:

Во-первых, на самом базовом уровне, технологии помогают информировать, поддерживать и консультировать людей, участвующих в системе правосудия (вспомогательные технологии).

Во-вторых, технологии могут заменить функции и виды деятельности, которые ранее выполнялись людьми (замещающие технологии).

Наконец, на третьем уровне технология может изменить способ работы судей и обеспечить самые разные формы правосудия (подрывные технологии), особенно там, где процессы существенно меняются, а предиктивная аналитика может изменить роль судьи.

В свете вышеизложенного, мы можем изучить, в какой степени AI может помогать судьям, а в какой вытеснять их.

Очевидно, что AI может выполнять для судей многие из тех задач, которые AI выполняет в других сферах. Например, точно так же, как AI ускоряет поиск необходимой информации, он может ускорить юридические исследования для судей. В настоящее время, было бы неразумно полностью доверять результатам юридических исследований AI, но это будет безусловной помощью, которая упростит жизнь судьям.

AI также, безусловно, будет играть роль в составлении рутинных документов. Большая часть работы судов повторяется и даже в судах высокого уровня. Подготовка некоторых формальных процессуальных решений, могут быть отнесены к компетенции AI без серьезного риска.

AI также может сыграть полезную роль в общении с общественностью. Например, в некоторых районах Китая роботы с AI приветствуют посетителей здания суда и помогают направить их в нужное место. Со временем такое руководство может стать более полезным. AI может помогать истцам создавать юридические формы, соответствующие требованиям суда [9].

Распознавание голоса с помощью AI также уже можно использовать для создания стенограмм судебных заседаний в реальном времени.

Во всех указанных случаях AI используется в первую очередь для помощи судьям в решении их задач. Иными словами AI не делает ничего такого, что вместо него не могли бы сделать штат клерков или судебных чиновников. В то время как неукomплектованные и перегруженные суды могут счесть помощь инструментов AI полезной, работа самого судьи коренным образом не меняется.

Как насчет ситуаций, когда AI используется для прямого взаимодействия со сторонами судебного процесса и заменяет взаимодействие с судьей? Существуют различные модели, которые можно использовать для непосредственного включения AI в процесс принятия судебных решений без предварительного руководства со стороны человека [10].

Один из подходов, заключается в делегировании AI только малозначительных дел с возможным использованием апелляции *de novo* (с самого начала) к судье-человеку.

Второй подход, примером которого является использование AI в судах в Китае, заключается в том, чтобы ограничить AI конкретными видами «легких» дел, где параметры решения просты и ясны. В провинции Чжэцзян, например, несколько тысяч дел об опасном вождении и краже были первоначально рассмотрены с помощью программного обеспечения AI, которое в последующем подлежит перепроверке судьей-человеком. Со временем, если опыт покажет, что эти случаи действительно так просты, как предполагалось, уровень человеческой проверки, может быть снижен.

Использование AI Китаем в судах также иллюстрирует ограничения AI. Как отмечалось ранее, машинное обучение требует огромных объемов данных. Такие данные не всегда доступны. Например, амбициозная китайская система AI стремилась смоделировать преднамеренное убийство. В значительной степени это не удалось, потому что существовало слишком мало случаев преднамеренных убийств, чтобы обеспечить адекватную выборку. Проблема усложнялась тем, что предна-

меренное убийство осуществлялось множеством способов, что затрудняло его распознавание и характеристику.

В системе США вопрос данных представляет еще большую проблему, чем в Китае, особенно в гражданских делах. Так, например, явление «исчезающего судебного разбирательства» означает, что лишь немногие дела доходят до суда, а многие из указанных случаев разрешаются путем добровольного урегулирования. Однако из-за разрозненных и устаревших систем реестров в США удивительно сложно определить даже процент урегулирования дел, не говоря уже о том, чтобы определить условия урегулирования. Таким образом, попытки предсказать будущие результаты на основе статистики прошлых решений наталкиваются на проблему, заключающуюся в том, что во многих случаях мы просто не знаем, каковы были предыдущие результаты.

Китайский опыт показывает, что для получения статистически значимых результатов, должен быть большой набор случаев с ограниченным числом факторов, которые могут повлиять на результаты. Но даже при их наличии, ряд исследователей считает, что личное усмотрение судьи, как часть процесса принятия решений, не может быть автоматизировано.

Такая позиция основана на утверждении, что способность путем рассуждений приходить к решению, отличному от непосредственно выведенного из набора правил, может включать взвешивание противоречащих друг другу правил, а также принятие решения о приоритетности правил в конкретном случае или игнорирование конкретного правила после рассмотрения определенных контекстуальных факторов рассматриваемой ситуации. Алгоритмическое принятие решений рассматривается как неспособное к осуществлению такой свободы действий, поскольку в детерминированной системе нет места для маневра [11].

С другой стороны источником скептицизма уже в отношении ценности судейского усмотрения являются традиционные опасения по поводу злоупотребления дискреционными полномочиями со стороны судей, принимающих произвольные решения. Поскольку указанная позиция является аргументом в пользу того, чтобы больше полагаться на нормотворчество для сдерживания и ограничения лиц, принимающих решения, а юридические правила и логика для получения обоснованных выводов из этих правил могут быть закодированы в алгоритмическую систему, тогда можно с большим оптимизмом смотреть на использование алгоритмического регулирования без человеческого контроля [12].

Этот оптимизм находит отражение в ранних попытках применить вычисления к юридическим рассуждениям с использованием «символического» AI, целью которого было представить человеческое знание в виде символической логики. Такие системы были впервые представлены Л. Алленом в 1956 году (именно в 1956 году термин «искусственный интеллект» был впервые введен в научный оборот в рамках Дартмутского исследовательского проекта). Дальнейшее развитие указанных идей продолжалась и в 1970-х годах, но широкую известность они приобрели с появлением «экспертных систем» в 1980-х годах. Однако правовые экспертные системы, как и экспертные системы в целом, оказались не такими эффективными, как ожидалось. Оказалось слишком сложно указать все соответствующие правила для данной ситуации и правовая сфера не стала исключением.

На основании вышеизложенного, защитники судейского усмотрения, склонны утверждать, что юридические суждения включают в себя непреодолимый элемент контекстуальной интерпретации, который не поддается кодированию в правила, которые могут быть выведены для применения в каждом случае. Безусловно, игнорировать указанные опасения рискованно, поскольку это может привести к «тираническому формализму», в котором правила применяются независимо от контекстуальных факторов, в том числе нанести ущерб индивидуальному измерению справедливости, обусловленному конкретным уникальным набором обстоятельств.

В контексте алгоритмических систем принятия решений эти проблемы затрагивают как особенности, рассматриваемые в конкретных случаях, так и процесс сопоставления набора характеристик с классификацией или решением. Могут быть признаки, которые не могут быть зафиксированы достаточно систематически, чтобы выделить их в большинстве случаев, или признаки, которые не имеют значения во всех предыдущих случаях, но неожиданно актуальны в новом (эффект черного лебедя). То, как взаимодействуют и уравниваются любые принципы, влияющие на сопоставление признаков с классификациями, также не может быть определено заранее.

Более того AI в праве может столкнуться с философским различием между синтаксисом и семантикой. Компьютерные программы обладают синтаксисом (формальной структурой операции), но не обладают семантикой (смыслом, стоящим за этими операциями).

Цифровая технология обрабатывает информацию в виде абстрактных символов, а именно единиц и нулей. Технология обладает способностью обрабатывать и манипулировать этими символами, но не понимает смысла этих процессов. Другими словами, машина не понимает информацию, которую обрабатывает. Это можно противопоставить человеческому разуму, который может понимать информацию, которую он обрабатывает.

Интеллектуальные системы, призванные ликвидировать несовершенства судебной системы, в качестве исходного материала будут вынуждены обрабатывать иногда неструктурированные и противоречивые данные [13].

Указанная проблема означает, что компьютерные программы смогут имитировать образ мышления человека, но пройдет некоторое время, прежде чем они смогут по-настоящему воспроизвести образ мышления человека.

Алгоритмические системы принятия решений могут учитывать только те функции, которые они были обучены учитывать, и только те функции прогнозирования или классификации, которые они должны использовать. Невозможно заранее предсказать, какими могут быть все исключительные случаи и почему, хотя многомерные модели могут допускать более сложные функции, а к дереву решений всегда можно добавить больше ветвей, в конечном счете потенциал для нового исключения не может рассматриваться как ответ на каждый новый случай, в противном случае процесс не может быть автоматизирован или в каком-либо смысле независим от человеческого суждения.

Пространство признаков, которое учитывает модель, также обязательно должно быть ограничено по практическим причинам. Слишком много функций, вероятно, приведет к переобученной модели, которая содержит ложные функции, и проблемное пространство будет слишком сложным [14].

Таким образом, AI на современном этапе не может полноценно заменить человека и взять на себя судебные функции, поэтому ряд исследователей считают, что главная цель внедрения и разработки систем AI на современном этапе должна состоять в том, чтобы дополнить текущую деятельность человека, обеспечивая большую эффективность, а не в полной заменить людей.

В частности, AI могут принимать решения на основе введенной человеком информации и могут готовить проект решения, а судья-человек может затем использовать этот проект решения для выдвижения своих собственных доводов, осуществляя человеческий контроль над компьютерной программой и реализуя свои полномочия.

Вместе с тем в ближайшем будущем суды продолжат использование информационных систем, в том числе AI, способствующих автоматизации судебной деятельности. Указанные изменения создают основу, в которой может развиваться искусственный интеллект и в конечном итоге AI может заменить человека.

В течение следующих 20 лет, AI изначально будет играть более заметную роль в контексте принятия судебных решений на начальном этапе, в отношении более мелких гражданских и уголовных дел, а впоследствии и в отношении большинства рассматриваемых судами дел [15].

Список литературы

1. De Martino G., Pio G., Ceci M. PRILJ: an efficient two-step method based on embedding and clustering for the identification of regularities in legal case judgments // *Artificial Intelligence and Law*. – 2022. – Т. 30. – №. 3. – С. 359-390.
2. De Gregorio G. The rise of digital constitutionalism in the European Union // *International Journal of Constitutional Law*. – 2021. – Т. 19. – №. 1. – С. 41-70.
3. Лолаева, А. С. Искусственный интеллект: правовые и этические аспекты / А. С. Лолаева, К. У. Сакаева // *Юридические исследования*. – 2021. – № 8. – С. 63-71.
4. Greenstein S. Preserving the rule of law in the era of artificial intelligence (AI) // *Artificial Intelligence and Law*. – 2022. – Т. 30. – №. 3. – С. 291-323.
5. Williams R. Accountable Algorithms: Adopting the Public Law Toolbox Outside the Realm of Public Law // *Current Legal Problems*. – 2022. – Т. 75. – №. 1. – С. 237-263.
6. Barroso L. R. Technological revolution, democratic recession, and climate change: The limits of law in a changing world // *International Journal of Constitutional Law*. – 2020. – Т. 18. – №. 2. – С. 334-369.
7. Левицкая Е.А., Пасикова Т.А. Перспективы внедрения искусственного интеллекта при осуществлении правосудия // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление* 2020. № 7 (122). С. 67.
8. Campbell R. W. Artificial intelligence in the courtroom: The delivery of justice in the age of machine learning // *Colo. Tech. LJ*. – 2020. – Т. 18. – С. 323.

9. Спицин И.Н., Тарасов И.Н. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия: теоретические аспекты правовой регламентации (постановка проблемы) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8 (117). С. 96-107.
10. Chatziathanasiou K. Beware the lure of narratives: «hungry judges» should not motivate the use of «artificial intelligence» in law // German Law Journal. – 2022. – Т. 23. – №. 4. – С. 452-464.
11. Ulbricht L., Yeung K. Algorithmic regulation: A maturing concept for investigating regulation of and through algorithms // Regulation & Governance. – 2022. – Т. 16. – №. 1. – С. 3-22.
12. Gritsenko D., Wood M. Algorithmic governance: A modes of governance approach // Regulation & Governance. – 2022. – Т. 16. – №. 1. – С. 45-62.
13. Гусейнова Э.Ф., Баженов А.В. К вопросу о применении искусственного интеллекта в правосудии // Евразийский юридический журнал. 2018. № 9. С.65.
14. Binns R. Human Judgment in algorithmic loops: Individual justice and automated decision-making // Regulation & Governance. – 2022. – Т. 16. – №. 1. – С. 197-211.
15. Sourdin T. Judge v Robot?: Artificial intelligence and judicial decision-making // University of New South Wales Law Journal, The. – 2018. – Т. 41. – №. 4. – С. 1114-1133.

УДК 347

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цаликова М.Б. – к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»,
г. Владикавказ

Кесаева В.А. – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Габараева М.Т. – старший преподаватель кафедры конституционного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы цифровой трансформации банковского сектора в Российской Федерации. Сделан вывод о том, что хотя темпы цифровой трансформации банковской системы России уже соответствуют общемировым, для наиболее эффективного протекания данного процесса необходимо устранение определенных проблем.

Ключевые слова: банковская карта, платежи, расчеты, правовое регулирование, национальная платежная система, цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые данные

Хотя цифровая трансформация стала всеохватывающий трендом, преимущества использования передовых технологий очевидны всем субъектам финансового рынка, многие кредитные организации в России испытывают проблемы при переходе «к цифре».

По результатам опроса, проведенного компанией КПМГ среди крупнейших российских компаний (23% которых составляют банки и финансовые институты), при внедрении инновационных технологий российские компании сталкиваются со следующими проблемами: недостаточная зрелость процессов/низкий уровень автоматизации, отсутствие компетенций (управленческого персонала), низкий уровень ИТ-грамотности сотрудников, отсутствие необходимой инфраструктуры, отсутствие достаточного бюджета [1].

Рассмотрим каждую из этих проблем подробнее:

1. Недостаточная зрелость процессов/низкий уровень автоматизации.

По мнению экспертов Forbes, одной из важных причин, по которой компании терпят неудачу при цифровой трансформации, является использование устаревших технологий для достижения целей трансформации. Большинство проблем возникают, когда финансовая компания пытается интегрировать инновации в существующие бизнес-процессы, надеясь снизить затраты на преобразование [2]. Неполный переход на передовые технологии приводит к несогласованности между подразделения-

ми и сложностям в процессах принятия решений [3]. Это создает серьезные барьеры для дальнейшего цифрового развития.

2. Отсутствие компетенций (управленческого персонала).

Для успешной реализации цифровых инициатив необходимы сильные лидерские качества и современные практики управления. Финансовые компании часто сталкиваются с неготовностью высшего менеджмента пересматривать бизнес-модель, бизнес-процессы, организационную структуру, когда речь идет о цифровом развитии [4].

По словам Эндрю Торберна [5], бывшего генерального директора National Australia Bank, четкое видение направления развития менеджментом является отправной точкой для успеха. Нежелание адаптироваться к изменениям в управлении бизнесом и вводить новые требования на всех структурных уровнях – одна из главных причин провала столь многих громких цифровых трансформаций [6].

3. Низкий уровень ИТ-грамотности сотрудников.

По данным PWC [7], 80% финансовых компаний считают, что нехватка навыков у сотрудников серьезно снижает их способность к инновациям. Отсутствие ИТ-навыков, в свою очередь, создает зависимость банков от ИТ-специалистов. Это усложняет весь процесс разработки, от смены стратегии до развертывания аналитики. При имеющейся на рынке острой нехватке ИТ-специалистов, способных эффективно внедрять правильные технологии в правильные бизнес-процессы, адаптируя эти инновации к потребностям бизнеса, бизнес не может быстро перейти от понимания к действию и отстает в цифровом развитии. Отсутствие подходящей команды увеличивает риск неудачи и увеличивает затраты в долгосрочной перспективе [8].

4. Отсутствие необходимой инфраструктуры.

С данной проблемой в особенности сталкиваются региональные банки, по мнению которых, цифровая трансформация нецелесообразна в связи с невосприимчивостью к данным изменениям клиентов в связи с отсутствием необходимой инфраструктуры, в частности, в Саратовской области в настоящее время нет доступа к широкополосной сети «Интернет» в 983 населенных пунктах области (из 1818 населенных пунктов), невозможность использования цифровых сервисов за пределами крупных населенных пунктов отмечается также Вологодской областью, Ленинградской областью, Республикой Карелия, Республикой Адыгея [9].

5. Отсутствие достаточного бюджета.

По оценкам Harvard Business Review [10], из 1,3 триллионов долларов, потраченных компаниями на цифровую трансформацию в 2018 году, 900 миллиардов долларов были потрачены впустую. Цифровая трансформация требует значительных вложений, но с учетом большой вероятности их некупаемости, кредитные организации испытывают большие сомнения о необходимости перехода «к цифре» [11]. Особенно данная проблема актуальна для небольших Банков, которые не имеют достаточное количество ресурсов (как финансовых, так и трудовых) для закупки специального оборудования и программного обеспечения, их последующего обслуживания и обеспечения информационной безопасности. По данным Агентства цифрового аудита SDI360, среди 100 ведущих представителей банковской отрасли только 40-50% игроков инвестируют в развитие цифровых компетенций, одной из причин является отсутствие свободных средств для воплощения масштабных цифровых проектов, особенно учитывая длительный срок окупаемости данных инвестиций [12].

Кроме указанных проблем можно также отметить следующие:

1. Отсутствие стратегии цифровой трансформации бизнеса.

Цифровая трансформация – это больше, чем обновление технологий. Это создание новых процессов на всех уровнях бизнес-структуры. Важно иметь четкий план, чтобы предотвратить провал проектов цифровой трансформации. Отсутствие стратегии создает непоследовательность в компании и препятствует получению долгосрочных преимуществ цифровой трансформации.

2. Отсутствие системы мониторинга прогресса в достижении намеченных результатов.

В связи с отсутствием во многих кредитных организациях системы мониторинга прогресса в достижении целей в рамках цифровой трансформации деятельности (оценивается только конечный результат), Банк не может оценить, что идет «не в том направлении» на промежуточных этапах и почему вкладываемые инвестиции не приносят ожидаемой отдачи, что приводит к лишним расходам и к несоответствию внедренных инноваций текущим бизнес-процессам и стратегическому видению.

Кроме того, необходимо отметить проблемы цифровой трансформации банковского сектора со стороны клиентов и регулирующего органа.

1). Недостатки в нормативно-правовом регулировании.

Законодательное регулирование цифровых технологий, цифровой собственности развито в России очень слабо, совершенствования требуют правовые инструменты защиты прав потребителей банковских услуг, защиты персональных данных (особенно это касается защиты биометрических данных, до сих пор ведутся дискуссии о том, достаточно ли совершенно современное оборудование, чтобы отличить настоящего человека от его фото, голос человека от записи его голоса, и что делать в случае кражи таких данных). Кроме того, законодательно не регламентировано обращение криптовалют, использование блокчейна, статус многих цифровых технологий остается неопределенным, что очень замедляет процесс их внедрения в российский финансовый сектор.

2). Пробелы в финансовой грамотности.

Одна из главных проблем – финансовая неграмотность населения. Случаи интернет-мошенничества фиксируются все чаще, причем по причине незнания основ информационной безопасности самим населением (наиболее часто встречающийся вид мошенничества осуществляется посредством телефонных звонков якобы от «службы безопасности банка», владельцы карт сами сообщают все свои реквизиты, что приводит к списанию средств с их счетов). Следствием этого является полное недоверие граждан (особенно среднего и старшего возраста) к финансовым технологиям, они готовы жертвовать удобством ради безопасности.

Таким образом, хотя темпы цифровой трансформации банковской системы России уже соответствуют общемировым, для наиболее эффективного протекания данного процесса необходимо устранение определенных проблем.

Список литературы

1. Официальный сайт финансово-экономического издания Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/forbestechcouncil/2021/06/15/13-industry-experts-share-reasons-companies-fail-at-digital-transformation/?sh=44af9bd77a3f> (дата обращения: 21.01.2022)
2. Лолаева, А. С. Информационная безопасность в свете развития цифровой экономики в Российской Федерации / А. С. Лолаева // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Мельбурн, 20 февраля 2021 года / МЦНИР «Научный взгляд». – Мельбурн: МЦНИР «Научный взгляд», 2021. – С. 90-98.
3. Джикаева, Ф. З. Цифровые права как новый вид обязательств / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 8(188). – С. 19-21.
4. Лолаева, А. С. Имущественный оборот цифровых данных / А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 7(175). – С. 27-29.
5. Официальный сайт международной консалтинговой компании BCG. URL: <https://www.bcg.com/publications/2020/increasing-odds-of-success-in-digital-transformation> (дата обращения: 21.01.2022).
6. Джикаева, Ф. З. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 9(189). – С. 14-18.
7. Исследование международной аудиторской компании PwC «Banking and capital markets trends 2019». URL: <https://www.pwc.com/gx/en/ceo-survey/2019/Theme-assets/reports/banking-capital-markets-trends-2019-report.pdf> (дата обращения: 21.02.2023).
8. Амбалова, С. А. Социально-педагогические основы этики и психологии семейной жизни / С. А. Амбалова, Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев. – Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2021. – 97 с.
9. Аналитический доклад Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации «Барьеры в развитии цифровой экономики в субъектах Российской Федерации». URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/25838.pdf> (дата обращения: 21.02.2023).
10. Официальный сайт Сетевого издания «Harvard Business Review». URL: <https://hbr.org/2019/03/digital-transformation-is-not-about-technology> (дата обращения: 21.02.2023).
11. Лолаева, Д. Т. Диаспоральные и религиозные группы и практика толерантности / Д. Т. Лолаева, Е. И. Цакоева // НТК-2016: Научно-техническая конференция обучающихся и молодых ученых СКГМИ (ГТУ), Владикавказ, 05 июля 2016 года. – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (Государственный технологический университет), 2016. – С. 162-163.
12. Бурнацева, З. М. Обычное право в современном обществе / З. М. Бурнацева // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 8-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 18–19 апреля 2019 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2019. – С. 364-366.

УДК 347

РОЛЬ БАНКА РОССИИ ВО ВНЕДРЕНИИ И РАЗВИТИИ БАНКОВСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Цаликова М.Б. – к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»,
г. Владикавказ

Кесаева В.А. – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Габараева М.Т. – старший преподаватель кафедры конституционного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматривается роль Банка России во внедрении и развитии банковских технологий. В связи с широким распространением финансовых технологий и технологической трансформацией всего финансового рынка требуются изменения подходов и со стороны регулятора. Сделан вывод о том, что в связи с широким распространением финансовых технологий и технологической трансформацией всего финансового рынка требуются изменения подходов и со стороны регулятора.

Ключевые слова: банковская карта, платежи, расчеты, правовое регулирование, национальная платежная система, цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые данные

Одним из факторов успешного внедрения цифровых технологий является поддержка данного процесса Банком России.

В связи с широким распространением финансовых технологий и технологической трансформацией всего финансового рынка требуются изменения подходов и со стороны регулятора. С учетом тенденций цифровой трансформации, а также потребностей всех субъектов финансового рынка Банк России ставит перед собой «следующие цели:

- повышение качества, доступности и ассортимента услуг на финансовом рынке, обеспечение возможности их предоставления в цифровом виде;
- развитие конкуренции, поддержка внедрения инноваций на финансовом рынке;
- снижение издержек при предоставлении услуг и сервисов на финансовом рынке;
- снижение рисков, связанных с использованием на финансовом рынке новых технологий, в том числе в сфере информационной безопасности;
- цифровизация взаимодействия Банка России с поднадзорными организациями» [1].

Главным направлением деятельности Банка России в рамках цифровой трансформации банковского сектора является развитие регулирования, Банк России осуществляет реализацию законодательных инициатив, направленных на цифровизацию взаимодействия между субъектами финансового рынка, совершенствование оборота и обработки данных, в том числе информации о клиентах, содействие развитию конкуренции и выходу на рынок новых участников, создание условий для тестирования и запуска передовых цифровых решений [2].

В рамках указанного направления «Банком России планируется:

1. Развитие правового обеспечения Цифрового профиля.
2. Развитие правового обеспечения национальной платежной системы.
3. Развитие регулирования системы «Маркетплейс».
4. Регулирование открытых API.
5. Развитие регулирования в области оборота данных.
6. Правовое обеспечение создания Единой информационной системы проверки сведений об абоненте.
7. Развитие правового обеспечения экспериментальных правовых режимов.
8. Создание правовых условий для электронного хранения документов.
9. Развитие регулирования экосистем.
10. Развитие регулирования цифровых финансовых активов и краудфандинга.
11. Правовое обеспечение цифрового рубля.

12. Правовое обеспечение создания сервиса «Знай своего клиента».

13. Совершенствование законодательства в целях цифровизации исполнительного производства.

14. Совершенствование законодательства в целях цифровизации страховой медицины». На 2022-2024 годы Банком России запланировано проведение масштабной работы в области регулирования процесса цифровой трансформации, причем не только в рамках деятельности финансового рынка, но и иных отраслей экономики.

Кроме того, Банк России самостоятельно разрабатывает и внедряет цифровые технологии, одним из главных направлений его деятельности в рамках цифровой трансформации банковского сектора является реализация инфраструктурных проектов, наиболее приоритетными из которых являются Единая биометрическая система, Цифровой профиль, Система быстрых платежей, Национальная система платежных карт, «Маркетплейс» [3].

В рамках одного из самых успешных сервисов - Системы быстрых платежей - планируется предоставить гражданам, малому и среднему бизнесу возможность совершения онлайн-платежей в бюджетную систему Российской Федерации (сервисы С2G, В2G), в том числе для оплаты налогов, штрафов, сборов и пошлин. Также в СБП планируется реализовать сервис для осуществления государством онлайн-выплат гражданам (сервис G2C), что повысит оперативность поступления выплат из бюджета [4].

В рамках развития Цифрового профиля планируется обеспечить его широкое использование кредитными, страховыми, микрофинансовыми организациями и операторами финансовых платформ, а в дальнейшем и иными участниками финансового рынка для оказания финансовых услуг (в частности, для облегчения оценки рисков предоставления кредитов, страховых услуг потенциальным клиентам), создание цифрового профиля юридических лиц, расширение перечня сведений в цифровом профиле, создание платформы коммерческих согласий для упрощения доступа финансовых организаций к цифровому профилю [5].

Также будет развиваться механизм дистанционной идентификации с использованием Единой биометрической системы (ЕБС) в целях перевода всех финансовых услуг в цифровой вид, повышения их доступности для потребителей, в том числе людей с инвалидностью, пожилого и маломобильного населения. Для повышения удобства использования системы будет осуществляться развитие механизмов регистрации биометрических данных: не только в банках, но и в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ), а также с помощью защищенного мобильного приложения [6].

Дальнейшее развитие проекта «Маркетплейс» будет включать в себя повышение осведомленности граждан о запущенных продуктах и сервисах, расширение перечня финансовых продуктов и услуг, предлагаемых физическим лицам с использованием финансовых платформ, а также расширение платформ для предоставления услуг индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам [7].

Кроме того, как уже было отмечено выше, Банк России особое внимание обращает на информационную безопасность в целях повышения доверия пользователей к финансовым технологиям. Идет работа над проектом по созданию киберполигона, на базе которого будет проводиться оценка защищенности и возможности финансовых организаций противостоять атакам, кроме того, совершенствуются механизмы информационного взаимодействия кредитно-финансовой сферы с Банком России с использованием инфраструктуры ФинЦерт, включая автоматизированный сбор информации об инцидентах, а также оперативное распространение информации о них и правил реагирования [8].

За 2018–2022 годы Банком России достигнуты значительные успехи в рамках вышеуказанных приоритетных направлений, в частности:

– в рамках направления «правовое регулирование» разработана нормативная правовая база для обеспечения функционирования системы удаленной идентификации на финансовом рынке, для использования инфраструктуры Цифрового профиля участниками финансового рынка, для использования финансовых платформ, созданных в целях взаимодействия эмитентов ценных бумаг с физическими лицами, для использования облачной электронной подписи, для эксплуатации Системы быстрых платежей, для запуска механизма экспериментальных правовых режимов в любой из сфер экономики, закреплен правовой порядок выпуска цифровых финансовых активов;

– в рамках направления «развитие цифровых технологий на финансовом рынке» введены в эксплуатацию Единая биометрическая система (услуги по регистрации в которой оказывают более чем 220 кредитных организаций), Цифровой профиль гражданина, Система быстрых платежей (в рамках которой реализованы переводы между физическими лицами, между юридическими и физическими

лицами, оплата товаров и услуг по QR-кодам), сервис бесконтактной оплаты Mir Pay, три финансовые платформы (по состоянию на 01.01.2023 5 платформ: АО ВТБ Регистратор, ПАО Московская Биржа, АО «Специализированный депозитарий «ИНФИНИТУМ», АО «Финансовый Маркетплейс Сравни.ру», АО «Открытый финансовый маркетплейс», данные платформы предлагают потребителям финансовых услуг вклады, полисы ОСАГО, облигации, паи паевых инвестиционных фондов), платформа «Мастерчейн» (в рамках платформы действуют финансовые сервисы: децентрализованная депозитарная система учета электронных вкладных и сервис по осуществлению операций с цифровыми банковскими гарантиями);

– в рамках направления «переход на электронное взаимодействие» почти 20 тысяч финансовых организаций были подключены к системе информационного обмена участников финансового рынка через личные кабинеты, Банк России начал оказывать 17 услуг для физических и юридических лиц через Единый портал государственных услуг Российской Федерации;

– в рамках направления «создание регулятивной площадки Банка России» запущена регулятивная «песочница» Банка России (механизм пилотирования инновационных финансовых технологий и сервисов на финансовом рынке), проведено пилотирование 11 проектов (первым проектом, получившим правовую основу, стал сервис, позволяющий дистанционно управлять полномочиями по счетам корпоративных клиентов на совершение операций в отделениях банков);

– в рамках направления «взаимодействие в рамках ЕАЭС» утверждена Концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза, обеспечено межсистемное взаимодействие платежной системы «МИР» с платежными системами государств – членов ЕАЭС: платежной системой Армении «АрКа», платежной системой Киргизии «ЭЛКАРТ» и платежной системой Беларуси «БЕЛКАРТ»;

– в рамках направления «Обеспечение безопасности и устойчивости при применении финансовых технологий» разработаны требования к технологической безопасности при использовании финансовых технологий, введена в эксплуатацию Автоматизированная система обработки инцидентов ФинЦЕРТ Банка России, разработаны методологические рекомендации по проведению киберучений как основного механизма стресс-тестирования при осуществлении надзора в части оценки киберрисков;

– в рамках направления «Развитие кадров в сфере финансовых технологий» создан Финтех Хаб Банка России и проведено 77 обучающих мероприятий по финансовым технологиям.

Банк России активно вовлечен в процесс цифровой трансформации банковского сектора и как регулирующий орган, и как непосредственный разработчик финансовых технологий.

Таким образом, цифровая трансформация стала глобальным трендом во всех отраслях, банковский сектор является связующим звеном для всех сфер экономики, поэтому он стал лидером по цифровой трансформации, а развитие финансовых технологий стало одной из стратегических целей многих крупнейших компаний, даже изначально не связанных с банковским бизнесом.

Список литературы

1. Проект Основных направлений цифровизации финансового рынка на период 2022–2024 годов. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/131360/oncfr_2022-2024.pdf

2. Лолаева, А. С. Информационная безопасность в свете развития цифровой экономики в Российской Федерации / А. С. Лолаева // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Мельбурн, 20 февраля 2021 года / МЦНИР «Научный взгляд». – Мельбурн: МЦНИР «Научный взгляд», 2021. – С. 90-98.

3. Джикаева, Ф. З. Цифровые права как новый вид обязательств / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 8(188). – С. 19-21.

4. Лолаева, А. С. Имущественный оборот цифровых данных / А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 7(175). – С. 27-29.

5. Джикаева, Ф. З. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности / Ф. З. Джикаева, А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 9(189). – С. 14-18.

6. Амбалова, С. А. Социально-педагогические основы этики и психологии семейной жизни / С. А. Амбалова, Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев. – Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2021. – 97 с.

7. Лолаева, Д. Т. Диаспоральные и религиозные группы и практика толерантности / Д. Т. Лолаева, Е. И. Цакоева // НТК-2016: Научно-техническая конференция обучающихся и молодых ученых

СКГМИ (ГТУ), Владикавказ, 05 июля 2016 года. – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (Государственный технологический университет), 2016. – С. 162-163.

8. Бурнацева, З. М. Обычное право в современном обществе / З. М. Бурнацева // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 8-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 18–19 апреля 2019 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2019. – С. 364-366.

УДК 37:004

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Беликова С.Б. – к.пед.н., доцент кафедры публичного права и органов власти
ФГБОУ СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассмотрены основные составляющие весьма сложного, трудоемкого и длительного процесса цифровой трансформации образования.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, участники цифровой экономики, цифровые технологии в учебном процессе*

Цифровая трансформация образования представляет собой обновление системы, которая направлена на формирование динамичной цифровой образовательной среды для достижения определенных образовательных результатов, содержания образования, организационных форм и методов учебной работы, оценивания образовательных результатов, что направлено на подготовку обучающихся для жизни и работы в современных условиях информационной цивилизации, кроме того, имеет своей целью задействование потенциала цифровых технологий для максимизации эффективности существующей системы образования.

Процесс цифровой трансформации в первую очередь ставит своей целью достижение требуемых образовательных результатов через всестороннее развитие каждого обучающегося.

Таким образом, результатом системного обновления образовательных результатов содержания образования предполагает системное же обновление методов и организационных форм учебной работы. В качестве примера можно рассмотреть действующий Федеральный государственный образовательный стандарт (далее – ФГОС), в котором под результатом образовательной работы закреплены требования об освоении учащимися способности самостоятельно учиться. Кроме того, там же предложены методы выполнения этой работы [1].

Однако, стоит особо отметить, что во ФГОС отсутствуют важнейшие характеристики процесса достижения указанного результата, а в частности:

- определение секторов ответственности среди учителей, наставников или воспитателей, которые могут быть включены в состав исполнителей;
- отсутствует четкие критерии целевых показателей результативности работы исполнителей;
- нет четких процедур оценок факта сформированности способности учащихся самостоятельно обучаться;
- не проработана процедура проверки факта достижения учащимися установленного Стандартом результата (например, в ходе ЕГЭ).

Подводя итог необходимо отметить, что организационная работа по достижению зафиксированной способности ФГОС к самостоятельному обучению, которая необходима для полноценного участия нынешних учащихся в современной экономике не была обеспечена.

Другой пример – обучение с учетом индивидуальных особенностей и интересов учащихся, важность которого декларирует не только ФГОС, но и Федеральный закон «Об образовании» [2]. При попытках организовать такую работу в обычном классе учителя сталкиваются с серьезными трудностями. Среди них: недостаточное количество методических средств и инструментов для индивидуализации работы учащихся, ограниченные возможности педагога контролировать и поддерживать такую работу в общем пространстве класса.

Цифровая трансформация образования должна помочь в решении подобных проблем. В ходе ее реализации могут быть созданы, отработаны и широко внедрены цифровые инструменты и сервисы,

которые позволяют: дополнить зафиксированные действующим Стандартом образовательные результаты новыми, четко прописанными и надежно проверяемыми, например, универсальными компетенциями [3-6].

Цифровая трансформация, на наш взгляд, помогает перестроить образовательный процесс таким образом, чтобы он в полной мере отвечал современным представлениям об эффективной учебной работе и позволял формировать компетенции, необходимые для жизни в информационном обществе.

Список литературы

1. Приказ Минпросвещения РФ от 31.05.2021 N 287 – Редакция от 18.07.2022 – Контур.Норматив.
2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) / СПС «КонсультантПлюс».
3. Фрумин И.Д., Добрякова М.С., Баранников К.А., Реморенко И.М. Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования. М.: НИУВШЭ, 2018.
4. Лолаева Д.Т. Информатизация как необходимое условие современного образования / Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев, Я. И. Санакоева, А. В. Кесаева // Труды СКГМИ (ГТУ). – 2021. – № 28. – С. 78-84.
5. Лолаева, Д. Т. Место образования в современном обществе / Д. Т. Лолаева, Н. Ю. Саламова // Труды СКГМИ (ГТУ). – 2012. – № 19. – С. 184-188.
6. Лолаева А.С., Лолаева Д.Т. Цифровая трансформация образования: правовой и философский подходы // Образование и право. 2021. № 2. С. 223-230.

УДК 37:004

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Каркусова А.В. – ст. преп. каф. гражданского и уголовного права
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. За последнее время в массовом сознании несколько раз менялось представление о месте и роли цифровых технологий в образовании. С развитием технологий менялась и актуальная повестка.

Ключевые слова: *цифровые технологии, компьютерная грамотность, ИКТ-компетентность учащихся и педагогов*

Повсеместное внедрение цифровых технологий (далее – ЦТ) вызывает качественные изменения, как в производственной сфере, так и на мировых рынках, что в свою очередь оказывает влияние на образовательную сферу. Если в индустриальную эпоху на первом месте стояли наличие природных ресурсов и доступность дешевого труда, то в нынешнюю, постиндустриальную эпоху, они отходят на второй план, так как произошел отход от массового производства стандартизированной продукции в пользу индивидуализированной продукции, которая доступна всем. В основе данного подхода лежат автоматизация и роботизация (интеллектуализация) всех производственных процессов. Данный переход называют новой индустриальной, или технологической (цифровой), революцией [1]. Однако, указанный переход не возможен при отсутствии изменений в системе образования, то есть когда вместо стандартизированного массового обучения внедряется подход, при котором для личности каждого обучающегося формируются условия для всестороннего развития.

В настоящее время, большинство новинок в сфере ЦТ мы получаем из-за рубежа, однако еще в 50-80 годах XX в. наша страна находилась на передовых позициях во многих отраслях и служила источником для инноваций, как в области разработки и внедрения ЭВМ, так и в сфере образования.

С.И. Шварцбург в 1960 г. в школе №444 города Москва осуществил впервые в мире подготовку группы старшеклассников для работы в качестве программистов и операторов ЭВМ. В результате, уже спустя 5 лет во многих физико-математических школах СССР в рамках факультативов существовали курсы по вычислительной математике и программированию. Следующим шагом явились

попытки внедрения компьютеров в учебный процесс советской школы. Работы по прогнозированию развития образования, которые проводились в середине 70-е годы XX в. подтверждали необходимость и неизбежность внедрения компьютеров в учебный процесс.

Однако, бюрократическая машина затянуло внедрение новинок и только в 1985 годы было принято Постановление ЦК КПСС «О мерах по обеспечению компьютерной грамотности учащихся и широкого внедрения электронно-вычислительной техники в учебный процесс» [2]. Данное постановление является первым нормативно-правовым актом, регулирующим процесс информатизации отечественной школы, что выразилось в появлении нового учебного предмета под названием «Основы информатики и вычислительной техники», который был внедрен во всех общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях СССР. Параллельно шло обучением учителей и преподавателей информатики, как стали сокращенно называть новый предмет. Кроме того, курсы по вычислительной технике стали обязательным элементом всех программ высшего образования, вне зависимости от направления обучения.

Основными темами для учителей и педагогов в середине 80-х годов были микропроцессоры, основы компьютерной грамотности и образования. Спустя десятилетия основные темы предмета изменились – важность информационных и коммуникационных технологий, новые подходы к информационной культуре и образованию. И, наконец, в настоящее время все больше важности приобретают темы, посвященные искусственному интеллекту, мобильному обучению и цифровой трансформации образования, о формировании ИКТ-компетентности учащихся и педагогов. Кроме того, стремительно набирает рост вероятность внедрение сетевых цифровых инструментов для обработки информации и связи.

Реформирование системы образования, которое проводилось в нашей стране на протяжении последних десятилетий, показало недостаточно высокие результаты. В настоящее время все большее количество рабочих мест требует от исполнителя навыков работы на компьютерной технике различной сложности, что, в свою очередь настоятельно склоняет к мысли о перестройке структуры системы подготовки. По мнению ректора НИУ ВШЭ Я.И. Кузьмина, для решения этой проблемы требуется 15–20 лет и серьезная доработка российской системы общего образования [3].

Понимание взаимосвязи прогресса технологий и системы образования можно рассматривать в разрезе работы с поступающей информацией, которые будут предполагать использование новых культурных инструментов. Указанные инструменты становятся новыми структурными образовательными элементами, а также оказывают влияние на содержание прочих дисциплин и предметных полей. А также данные инструменты оказывают влияние на организацию и способы осуществления и проведения учебной работы в целом.

Необходимо отметить особые характеристики новых культурных информационных инструментов:

- гибкость (возможность использовать их в любое время и в любом месте, где они необходимы);
- воспроизводимость (неограниченная возможность копирования и дублирования);
- изменчивость (возможность быстрого обновления, уточнения);
- избирательность (возможность свободного поиска);
- индивидуализированность (возможность для каждого пользователя работать с информацией индивидуально).

Следует отметить тот факт, что любой из указанных инструментов является в какой-то мере протезом, основной целью использования которого является компенсация того или иного недостатка. Однако, несмотря на то, что протез достаточно часто является необходимым «костылем», без которого трудно существовать, однако, достаточно часто их использование является достаточно существенным препятствием для развития соответствующей естественной функции. Например, пользуясь автомобилем, вместо того чтобы ходить пешком, люди вынуждены восполнять недостаток физической нагрузки занятиями в спортзале. Развитие и распространение новых культурных цифровых инструментов поставило перед образованием вопрос, какие физические, умственные и психические способности и как надо развивать в ходе организованного обучения, а какие из них и в каком объеме следует компенсировать (или поддерживать в ходе их формирования) новыми цифровыми информационными инструментами. Этот вопрос сегодня носит самый практический характер. Выбор того или иного ответа ведет к разным объемам затрат на строительство и оборудование образовательных организаций, оснащение их ЦТ, разработку учебно-методических материалов, отработку и распространение новых педагогических практик [4-6].

Таким образом, цифровую трансформацию образования можно рассматривать как развитие культуры использования информации на основе новых цифровых информационных инструментов по не-

скольким основным линиям: в содержании важным элементом становится проникновение новых цифровых инструментов в различные области человеческой деятельности;

- образовательные организации осваивают: новые источники и механизмы обработки данных, которые повышают эффективность организации образовательного процесса и обеспечивающих его процедур;

- обучаемые осваивают: новые культурные общепользовательские цифровые инструменты и специализированные сервисы для повышения эффективности своей учебной работы, развивая в том числе соответствующие способности (например, алгоритмическое мышление), которые необходимы для их использования;

- педагоги осваивают: новые культурные общепользовательские цифровые инструменты для повышения эффективности своей производственной и учебной работы, трансформирующееся (в связи с проникновением новых цифровых инструментов в различные области человеческой деятельности) содержание, методы и формы учебной работы, специализированные цифровые инструменты и сервисы, которые повышают эффективность меняющейся организации образовательного процесса;

- руководители образования осваивают: новые культурные общепользовательские цифровые инструменты, которые повышают эффективность их производственной и учебной работы, новые специализированные цифровые инструменты и сервисы, которые повышают эффективность меняющейся организации образовательного процесса.

Новые культурные инструменты находятся в стадии становления и развития, которое невозможно без того, чтобы сами эти инструменты осваивались и использовались, в том числе в образовательных организациях. В свою очередь, это означает, что точно определить их состав на перспективу нельзя. У преподавателей и обучаемых должна формироваться способность самостоятельно встречать, оценивать и осваивать новые инструменты по мере их появления. Это становится одной из главных задач современного образования.

Список литературы

1. Постановление ЦК КПСС «О мерах по обеспечению компьютерной грамотности учащихся и широкого внедрения электронно-вычислительной техники в учебный процесс», 1985.

2. Кузьминов Я.И. Как сделать школьников успешными // Ведомости. 21.01.2017 [Электронный ресурс]. <<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/11/21/742459-shkolnikov-uspeshnimi>>

3. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад. М.: ЦСР, 2017 [Электронный ресурс]. <<https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf>>

4. Лолаева Д.Т. Информатизация как необходимое условие современного образования / Д. Т. Лолаева, В. В. Фарниев, Я. И. Санакоева, А. В. Кесаева // Труды СКГМИ (ГТУ). – 2021. – № 28. – С. 78-84.

5. Лолаева, Д. Т. Место образования в современном обществе / Д. Т. Лолаева, Н. Ю. Саламова // Труды СКГМИ (ГТУ). – 2012. – № 19. – С. 184-188.

6. Лолаева А.С., Лолаева Д.Т. Цифровая трансформация образования: правовой и философский подходы // Образование и право. 2021. № 2. С. 223-230.

УДК 34

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ: ОПЫТ ИНДИИ

Кесаева В.А. – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. В условиях развития информационного общества использование Интернета и социальных сетей значительно расширилось, а виртуальное пространство стало неотъемлемой частью жизни людей. Сегодня многие люди используют виртуальное пространство для занятия бизнесом, общения, отдыха и развлечения. По этой причине сегодня мы являемся свидетелями процветания бизнеса в виртуальном пространстве. Все это способствовало тому, что в Индии электронная торговля открыла возможности для торговых центров и компании. В настоящее время рынок в Индии

признан самым большим развивающимся рынком электронной торговли. Все это обуславливает актуальность исследования опыта Индии в сфере правового регулирования электронной торговли.

Ключевые слова: *информационное общество, цифровизация, электронная коммерция, e-commerce, гражданское право*

Из-за широкого влияния Интернета на социальные взаимодействия граждан в настоящее время он проник во все области нашей повседневной жизни. В последние годы, особенно в период пандемии, люди оценили удобство осуществления покупок при помощи онлайн-сервисов, а онлайн-покупки стали все более важной частью в объеме продаж страны.

Во многом электронная коммерция удобнее и для продавца и для покупателя. Так как она предоставляет возможность, и для покупателей и для продавцов осуществлять сделки, находясь в удобных для себя местах. Кроме того, она позволяет снизить затраты на распространение, поскольку опирается на виртуальный рынок.

Индийский рынок электронной коммерции подвержен росту с 48,5 миллиардов долларов США в 2018 году более чем 55 миллиардов долларов США в 2021 году. Кроме того, в 2021 год более 348 миллионов пользователей совершали онлайн-транзакции, и почти 140 миллионов совершали покупки в Интернете [1].

Регулирование электронной торговли осуществляется различными нормативными актами. Среди которых можно выделить, прежде всего, Закон об информационных технологиях 2000 года, который возлагает на центральное правительство обязанность по продвижению электронной коммерции и обеспечение безопасного использования электронных средств.

Важным документом в исследуемой сфере являются принятые в 2011 Правила информационных технологий (разумные методы и процедуры обеспечения безопасности и конфиденциальности персональных данных или информации), которые являются обязательными для субъектов международной торговли. Важно также обратить внимание на то, что веб-сайты-посредники и контент, который они отображают, регулируются Правилами посредничества 2011 года.

25 февраля 2021 года Министерство электроники и информационных технологий издало Руководящие принципы для посредников и Кодекс этики цифровых медиа 2021 года. Данный документ содержит принципы, которым должны следовать посредники, и правила блокирования доступа к контенту в соответствии с Законом об информационных технологиях. В руководящих принципах также закрепляется обязанность посредников публиковать политику конфиденциальности и пользовательское соглашение на своих веб-сайтах, приложениях и периодически информировать об этом пользователей.

В числе нормативных актов в исследуемой сфере необходимо также выделить Закон о защите прав потребителей 2019 года и Правила защиты прав потребителей при осуществлении электронной коммерции 2020 года (Правила электронной коммерции).

Закон о защите прав потребителей 2019 внес существенные изменения в ранее действовавший закон о защите прав потребителей 1986 года, с целью решения новых проблем, возникающих в эпоху цифровых технологий и электронной коммерции.

В настоящее время Правила электронной коммерции занимают особое место в процессе регулирования отношения в исследуемой сфере, поскольку они обеспечивают основу для регулирования маркетинга, продажи и покупки товаров и услуг в Интернете. Данные Правила применяются в отношении:

- всех товаров и услуг (включая цифровые продукты), передаваемым через электронную (цифровую) сеть;
- всех моделей электронной коммерции, включая модели торговых площадок и инвентаря;
- всем розничным сетям электронной коммерции (включая многопользовательские торговые марки и розничную торговлю с одним брендом);
- все формы недобросовестной торговой практики во всех моделях электронной коммерции [2].

Важно обратить внимание также на то, что данные Правила применяются к организациям электронной коммерции, но они не могут быть применены к физическому лицу, в следующих случаях:

- если деятельность осуществляется в личном качестве;
- если деятельность не является частью какой-либо профессиональной или коммерческой деятельности, которая осуществляется на регулярной или систематической основе.

Кроме того, Правила электронной коммерции имеют экстерриториальное применение к тем субъектам электронной коммерции, которые могут быть созданы не в Индии, но систематически предлагают товары и услуги потребителям в Индии.

Важное место в процессе регулирования электронной торговли в Индии занимают также Правила управления иностранной валютой 2019 г. которые действуют в отношении предприятий и платформ электронной коммерции с прямыми иностранными инвестициями.

В рамках данной статьи необходимо упомянуть также принятый в 2009 году Закон о законодательной метрологии, в соответствии с которым под субъектом электронной коммерции понимается компания, зарегистрированная в соответствии с Законом о компаниях 1956 года или Законом о компаниях 2013 года, или иностранную компанию, подпадающую под действие Закона о компаниях 2013 года, или офис, филиал или агентство в Индии, подпадающее под действие Закона об управлении иностранной валютой 1999 года, принадлежащего или контролируемого лицом, проживающим за пределами Индии и занимающимся электронной коммерцией [3].

В соответствии с Законом, и Правилами законодательной метрологии (упакованные товары) 2011 года онлайн-платформа должна отображать такую обязательную информацию о товарах в сети, которая требуется для отображения в том числе и на физических упаковках. К этой информации относится: страна производитель продукции, количество, сведения о производителе, обязательные декларации, размеры.

Производитель, продавец, дилер, импортер продукта несут ответственность за правильность информации, размещенной на площадках электронной коммерции, в то время как учреждение электронной коммерции несут ответственность за составление декларации. В то время как производитель, продавец, дилер или импортер будут привлечены к ответственности и наказаны за размещение ложной информации, на портале электронной коммерции, учреждение электронной коммерции будет привлечено к ответственности и наказано за то, что не сделало соответствующих заявлений в соответствии с требованиями Закона о законодательной метрологии [4, 5].

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что в Индии как стране с динамично развивающимся рынком электронной коммерции, сложилась система правового регулирования отношений в этой сфере. Несмотря на отсутствие единого кодифицированного акта, правовое обеспечение электронной коммерции развито достаточно хорошо, особое место в составе правовых актов занимают правила принимаемые в дополнение к Законам и конкретизирующие их положения.

Список литературы

1. Национальным агентством содействия и поощрения инвестиций Индии. <https://www.investindia.gov.in/ru-ru/sector/retail-e-commerce/e-commerce>
2. Consumer Protection (E-Commerce) Rules, 2020. https://agamalaw.in/2022/01/31/e-commerce-sector-in-india-an-overview-of-legal-framework/#_ftnref1
3. The legal metrology act, 2009 <https://legislative.gov.in/sites/default/files/A2010-1.pdf>
4. The Legal Metrology (Packaged Commodities) Rules, 2011 <https://taxguru.in/wp-content/uploads/2011/02/Legal-Metrology-Packaged-Commodities-Rules-2011.pdf>
5. Лолаева, А. С. Имущественный оборот цифровых данных / А. С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 7(175). – С. 27-29.

УДК 342.7

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СУБЪЕКТАХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Надгериева А.А. – аспирант

ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»,
г. Владикавказ

Аннотация. Статья посвящена проблемам института Уполномоченного по правам человека на основе эмпирических исследований в субъекте Российской Федерации – РСО–Алания; в статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с реализацией и соблюдением прав граждан.

Ключевые слова: омбудсмен, уполномоченный по правам человека, институт уполномоченного по правам человека, конституционное право

Эффективность деятельности в сфере защиты прав, свобод и законных интересов человека в большей степени зависит уровня действующего законодательства, как на федеральном уровне, так и на региональном уровне.

Институт защиты прав человека в Республики Северная Осетия–Алания за последние годы из совещательного и консультативного органа стал полноценным государственным органом, действующим на основании Федерального закона «от 18.03.2020 N 48-ФЗ Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации». Усилилось взаимодействие Уполномоченного с государственными органами и институтами гражданского общества.

Рост обращений из Республики Северная Осетия–Алания поступило на 4 обращения больше по вопросам трудовых прав, на 4 больше по вопросам социального страхования и социального обеспечения, на 2 обращения больше о социальных гарантиях военнослужащих и членов их семей. При этом поступило меньше обращений по другим тематикам, особенно по вопросам жилищных прав (–7).

Пример содействия в реализации права на социальное обеспечение в случаях, установленных законом, во взаимодействии с прокуратурой Республики Северная Осетия–Алания восстановлены имущественные права родителей и 3 детей – 5 человек.

Проанализируем общую характеристика обращений, поступивших к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации из субъектов Российской Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа.

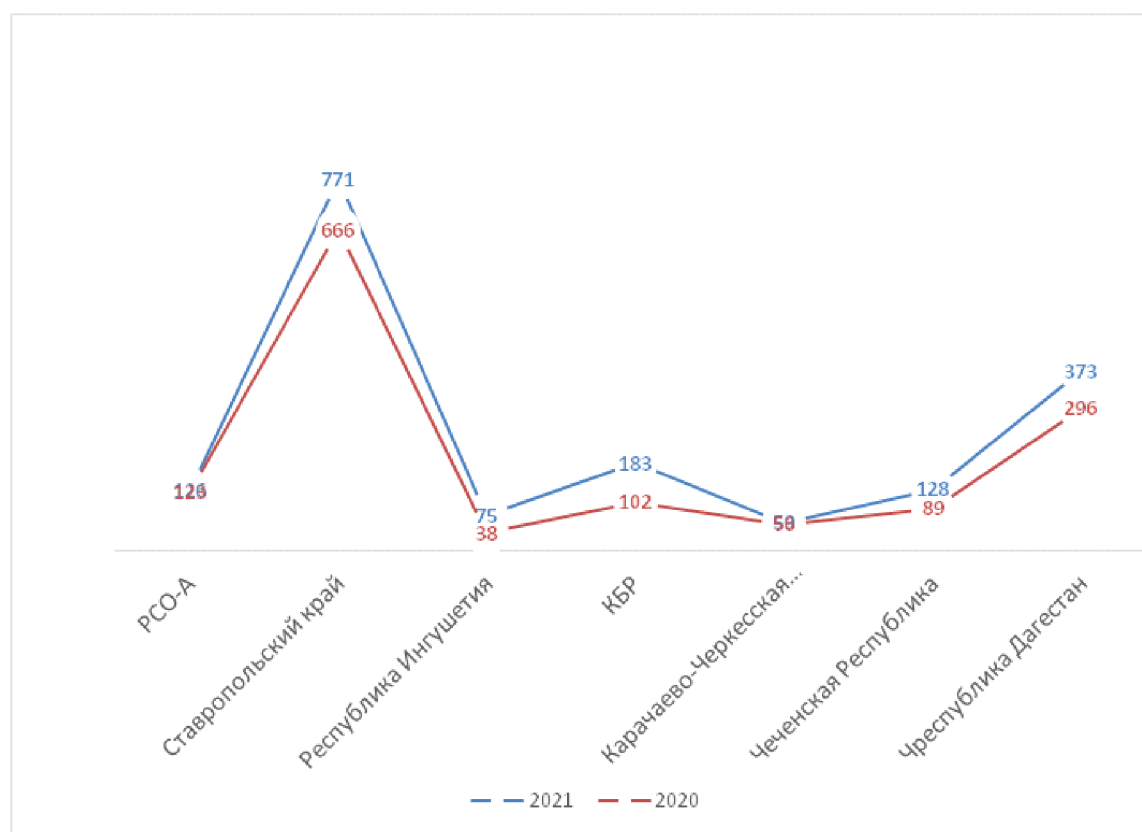

Рис. 1. Структура обращений по субъектам Российской Федерации.

Рост обращений из Республики Дагестан наблюдался по следующим тематикам группы социальных прав – право на жилище + 33 (по всем вопросам, кроме платы услуг ЖКХ, заметнее всего в связи с вопросами строительства жилья +15, появлялась новая проблема – выселение); в сфере права на социальное страхование и социальное обеспечение +5 (по вопросам льгот и пособий); в области семейного законодательства (семейные права, материнство, отцовство и детство) + 5.

Из Ставропольского края рост в сфере права на социальное страхование и социальное обеспечение +19 (в т.ч. по вопросам пенсионного обеспечения +16); в сфере охраны здоровья +2; по вопросам

жилищных прав +6. Вместе с тем уменьшилось число обращений по вопросам трудоустройства (-8); социальных гарантий военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, их семей (-3) и др.

Из Республики Ингушетия рост произошел в связи с появлением новых по сравнению с 2020 г. тематик обращений из региона: по вопросам социального страхования и социального обеспечения +10, по вопросам семейного законодательства (семейные права, материнство, отцовство и детство) + 4; по вопросам трудовых прав 2. Увеличилось количество обращений по вопросам социальных гарантий военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, их семей +4; жилищных прав +2.

Из Чеченской Республики рост определили обращения по вопросам семейного законодательства (семейные права, материнство, отцовство и детство) + 17, в 2020 г. таких обращений не поступало; на 11 обращений больше зарегистрировано по вопросам трудовых прав (трудовые споры, статус безработного); +1 по вопросам социального обеспечения. Меньше – по вопросам жилищных прав (-4), охраны здоровья (-1); социальных гарантий военнослужащих (-3).

Из Кабардино-Балкарской Республики отмечен рост по тематикам группы социальных прав – охрана здоровья (+10); социальные гарантии военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, их семей +3; семейное законодательство (+1). По другим тематикам группы социальных прав было уменьшение обращений по сравнению с 2020 г.

Из Карачаево-Черкесской Республики отмечен рост по тематикам группы социальных прав – жилищные права (+5); социальное страхование и социальное обеспечение (+4, в 2020 г. по данным вопросам обращений из региона не поступало); трудовые права (+2 по данным вопросам обращений из региона не поступало). При этом по вопросам социальных гарантий военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, их семей в 2021 г. обращений не было (в 2020 г. – 5).

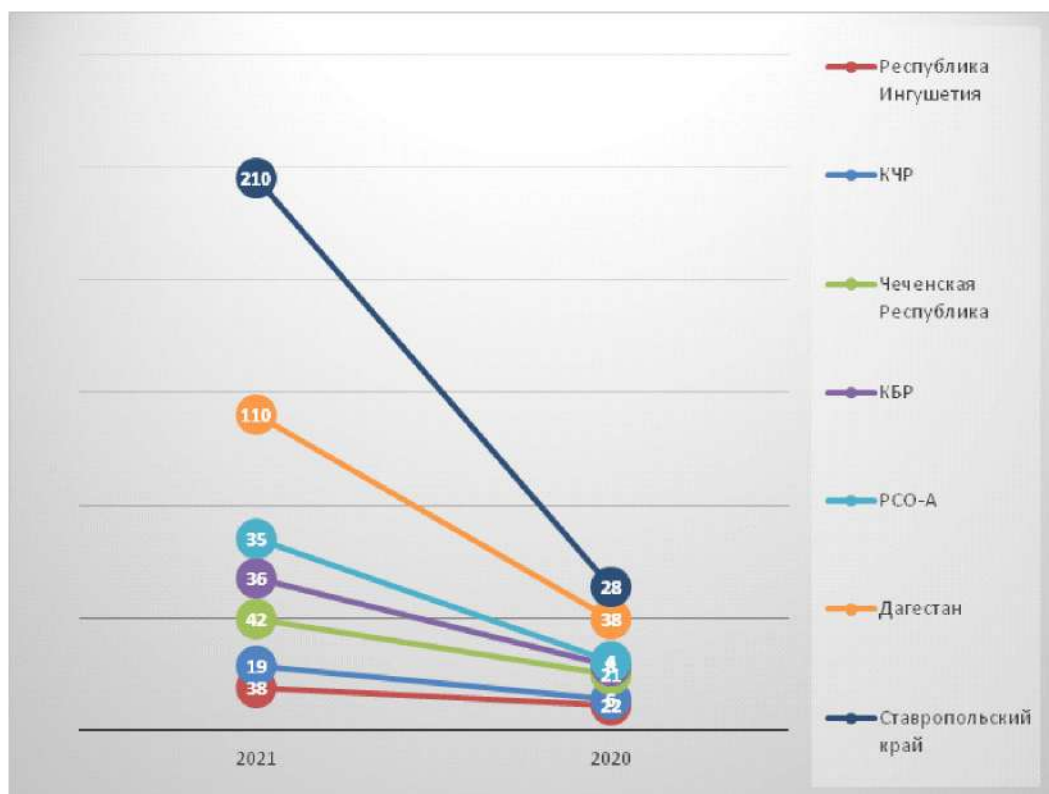

Рис. 2. Динамика обращений группы социальных прав.

Из Республики Северная Осетия–Алания поступило на 4 обращения больше по вопросам трудовых прав, на 4 больше по вопросам социального страхования и социального обеспечения, на 2 обращения больше о социальных гарантиях военнослужащих и членов их семей. При этом поступило меньше обращений по другим тематикам, особенно по вопросам жилищных прав (-7).

Ежегодно большинство обращений поступает по вопросам права на жилье и его справедливую оплату. Из 490 обращений группы социальных прав 175 (36%) относилась к сфере жилищного законодательства и законодательства о жилищно-коммунальном хозяйстве (в 2020 году – 139, в 2019 году – 184, в 2018 году – 260, в 2017 году – 196).

В Республике Северная Осетия–Алания – предоставление жилья льготным категориям граждан (2 обращения); выселение – 2; льготы по оплате ЖКХ – 1; строительство – 1.

Доля обращений тематики социального страхования и социального обеспечения по сравнению с 2020 г. выросла с 14,6% до 18,6%. Республике Северная Осетия–Алания (1 – пенсионного обеспечения, 1 – получения инвалидности, 1 – социального обслуживания, 2 – получения льгот).

Список литературы

1. Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Северная Осетия–Алания за 2021 год: официальный сайт. – Электронный ресурс – режим доступа: http://upch.alania.gov.ru/sites/upch/files/media/pages/inline-D0%A1%D0%9E-B8%D1%8F%202021_1.pdf

2. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Дагестан в 2021 году: официальный сайт. – Электронный ресурс – режим доступа: http://dagombu.ru/storage/files/2021_001.pdf.

3. Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в Карачаево-Черкесской Республике «О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Карачаево-Черкесской Республике в 2021 году»: официальный сайт. – Электронный ресурс – режим доступа: http://upchkchr.ru/?page_id=64.

4. Доклад Уполномоченного по правам человека в Кабардино-Балкарской Республике о деятельности в 2021 году»: официальный сайт. – Электронный ресурс – режим доступа: https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/ross_fed/doklad_v_sub/doklad_v_kabardin/doklad_v_kabardinweb.pdf.

5. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике в 2021 году: официальный сайт. – Электронный ресурс – режим доступа: https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/ross_fed/doklad_v_sub/doklad_v_cecensk/doklad_v_cecenskweb.pdf.

6. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Ставропольском крае в 2021 году: официальный сайт. – Электронный ресурс – режим доступа: https://stavropol-ombudsman.ru/images/Doklad_2021.pdf.

7. Доклад «О соблюдении прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, и деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Ингушетия за 2021 год»: официальный сайт. – Электронный ресурс – режим доступа: <http://upch-ingushetia.ru/wp-content/uploads/2022/04/doklad-2021-god-1-2.pdf>.

УДК 004

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОБЩАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Гутиева М.А. – к.и.н., доцент, зав. кафедрой общественных наук
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Формирование современного информационного общества существенным образом меняет объектно-субъектный состав коммуникационных взаимодействий в информационном пространстве, трансформирует содержание носителей производительного и личного спроса и т.д. Происходящие трансформации свидетельствует о необходимости выявления и исследования особенностей формирования информационного общества. Однако, основной целью данной статьи является исследование информационного общества как общей закономерности мирового развития.

Ключевые слова: информационное общество, информационные технологии, мировое развитие, цифровая реальность, интересубъективная реальность

Современный мир – это мир, который развивается, регулируется совсем не так, как предыдущие миры, и человечеству крайне важно понять, как в нём жить. Мы попали вообще в другой мир. Он текучий, прозрачный, нестабильный, сверхбыстрый, гибридный. В нем рухнуло сразу все. Автономная жизнь цифрового мира идет полным ходом: интернет вещей, самоорганизация сетей. Цифровая реальность уже признак отбора в социум. Если представить себе некую страну, которая не может себе позволить войти в цифровой мир, можно считать, что ее вообще нет. Она не игрок. Люди могут там жить себе, корзиночки вязать, но они не участники общего дела [1, с.90].

Сегодня мир вступил в эпоху глубоких системных трансформаций. Всеобщий мировой порядок, существовавший несколько столетий, рушится на наших глазах и взамен ему приходит новый. Сегодня его нарекли различными именами: постиндустриальное общество, виртуальное общество, технологичное общество, сетевое общество, постмодерн, трансмодерн, глобальный мир и т.п.

Но мировая общественно-политическая мысль все больше склоняется к пониманию информационного общества как общей закономерности мирового развития: все возражения об информационном обществе носят исключительно терминологический, а не концептуальный характер, потому что во всех этих теориях ключевую и главную роль играют знания, информация и информационная техника.

Да, современный человек живет совершенно в другой реальности, в другом типе цивилизации, которая по-иному отзывается на вызовы человека и времени. Да и сегодня, не все люди это осознали, но это дела не меняет, мы уже с головой окунулись, в цифровую реальность, и главная наша задача - научиться ориентироваться в растущем потоке информации. Хотим мы этого или не хотим цифровое пространство формирует новый вид, новое содержание человека [2, с.12].

Многие исследователи называют современное общество информационным или, как минимум, приписывают ему большинство признаков общества информационного. Под информационным обществом понимается такая стадия развития, когда использование информационно коммуникационных технологий (ИКТ) оказывает существенное влияние на основные социальные институты и сферы жизни. В общественной системе «информационное общество» предполагает, что «информация» (или то, что к ней относится) начинает играть определяющую роль, добавляясь к классическим факторам производства - труду, земле и капиталу. Обладание информацией становится движущей силой трансформации и развития такого общества. Экономическое и социальное развитие, качество жизни все больше зависят от информации и от того, насколько эффективно ее использование.

К основным чертам информационного общества относят:

- возрастание значения информации и теоретического знания;
- увеличение доли информационных коммуникаций, продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте;
- возникновение информационного пространства, которое носит глобальный характер и обеспечивает эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам, удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах.

Вне всяких сомнений, черты информационного общества присущи современному обществу интернета и социальных платформ, что в свою очередь порождает эффект «думающей и говорящей толпы», объединяемой информационным полем [3, с.121].

Современный этап развития информационного общества отличает то, что целью манипуляций больше не является попытка заставить человека действительно поверить в эти манипуляции. Но задача состоит в том, чтобы дестабилизировать отдельного человека для того, чтобы принимать нерациональные решения, потому что человеком, который действует не рационально, а аффективно, очень легко манипулировать снова.

Средствами такой манипуляции как раз выступают инструменты информационного общества, различные медиа и платформы. Медиа - это специальная система создания конструктов реальности. Это не система, которая поддерживает правду, но система, которая поддерживает определенную картинку, необходимую конкретному производителю медиа. Если такой производитель при этом исходит из благих намерений, профессиональной этики и т.п., то эта картинка будет корректной в определенной системе координат, но это не будет правдой. Эта картинка будет в любом случае снята под определенным углом, с определенным прицелом, и будет выкладываться на определенную платформу для определенной аудитории. Поэтому, по сути, мир информационного общества не состоит из правд, но состоит из манипуляций.

Более того, в обществе не бывает одной реальности. Не бывает так, чтобы все люди между собой согласились с тем, что такое хорошо, а что такое плохо. Трагедия человека в том, что никогда персональная картина мира не соответствует тому, что есть вокруг.

Интерсубъективная реальность - это реальность, которая возникает на стыке разных точек зрения. У каждого человека есть ряд когнитивных искажений, ряд представлений, в которые он верит. И человек при этом искренне считает, что именно это является объективной реальностью, что именно так оно и есть. В информационном обществе сила и свойства интерсубъективной реальности кратно увеличиваются, потому что человек еще больше убеждается в правоте своей точки зрения, формируя вокруг себя информационные пузыри друзей, близких сообществ и опыта.

Однако такая реальность существует ровно до тех пор, пока человек не наткнется на что-то, что не подходит под то, во что он искренне верит, что существует в рамках его интересубъективной реальности. При таком столкновении человеку не остается ничего другого как перепрощивать и перепродумывать свой «мир», потому что картина реальности резко перестает соответствовать картине его представлений.

Онлайн коммуникация - это коммуникация устно-письменная, которая порождает особый стиль использования языка и упрощение позиций. Глубокие размышления об истинной природе вещей все меньше и меньше находят сторонников в сети в отличие от резких высказываний, занимающих крайние позиции: либо «за» либо «против», что в свою очередь ведет к размежеванию общества точно на два лагеря [4, с.54; 5, с. 233].

Такой стиль общения позволяет человеку вычленять из всей информации лишь то, что подтверждает его точку зрения, что согласуется с его позициями, а также то, с чем он точно не согласен [6, с. 133]. И даже если в онлайн дискуссии участвует человек, который готов последовательно отстаивать позицию с разных сторон, показывать многообразие цветов и оттенков позиции, то следующие коммуникаторы будут обязательно все это упрощать – либо солидаризироваться, либо вступить в конфликт. И в итоге все равно останется две консолидированные позиции.

Воспроизводство определенных ценностей как метод коммуникации, связывающий общество и обеспечивающий доверие внутри него, больше не работает. На смену ему приходит аффект, конкурентирование конструкторов реальности, информационное противостояние, и манипуляции людьми как следствие.

Таким образом, информационная стадия развития общества порождает не только новые коммуникативные возможности, но и новые страхи, в том числе усиливая страх остракизма, который напрямую влияет на модель взаимодействия людей в общественно-политическом аспекте.

Список литературы

1. Мусаев М.М. К вопросу о формировании современного информационного общества // Деловой вестник предпринимателя. – 2021. - №5(3). – С. 90-93.
2. Васильева С.Е. Проблема человека в «информационном обществе» // Журнал института наследия. - 2021. - № 1 (24). – С. 11-15.
3. Вербенская А.В. Противостояние информационной агрессии в информационном обществе: проблемы и перспективы // The Newmanin Foreignpolicy. – 2022. – Т.2. - №65(109). – С.53-56.
4. Усков В.С. Развитие информационного общества в РФ: проблемы и перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т.15. - №2. – С.120-137.
5. Лолаева, А. С. Электронная демократия как базовый элемент информационного общества / А. С. Лолаева // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 23 сентября 2022 года / Под редакцией И.Р. Бегишева [и др.]. Том 1. – Казань: Издательство «Познание», 2022. – С. 233-242.
6. Лолаева, А. С. Право как инструмент перехода к информационному обществу / А. С. Лолаева // Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Краснодар, 19 июня 2021 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 133-136.

УДК 342.7 004

ПРОБЛЕМЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТОТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ С ПОМОЩЬЮ ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Гутиева М.А. – к.и.н., доцент, зав. кафедрой общественных наук
ФБГОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В современных политико-правовых реалиях, когда цифровизация является одним из основных двигателей и трендов развития общества и государства, особенно важными становятся вопросы соблюдения, обеспечения и защиты прав человека. Таким образом, в работе основная цель - рассмотреть проблемы прав и свобод личности в условиях тотального контроля с помощью электронных технологий.

Ключевые слова: *права и свободы человека, тотальный контроль, контроль за обществом, электронные технологии, искусственный интеллект*

Современную жизнь сложно представить без информационных электронных технологий, прочно вошедших в нашу повседневную жизнь, которые сформировали основные потребности общества. У таких благ, как мобильная связь, доступ в Интернет в любой точке земного шара, стационарные компьютеры, ноутбуки, банковские карты, способы бронирования билетов, а также многое другое, основной задачей является сделать жизнь пользователя максимально удобной.

Хоть и все эти электронные инновации разрабатывались для удобства человеческой жизни, но, как и все в этом мире, они имеют отрицательные качества. С каждым прорывом в информационной среде человек получает не только новые возможности и удобства, но и определенные проблемы, многие из которых связаны с потерей приватности и уникальности личности в цифровом пространстве [2, с.81].

Представления о правах человека непрерывно развиваются на протяжении всей истории человечества. На протяжении веков они тесно переплетались с законами, обычаями и религиозными взглядами. Большинство народов имели традиции, подобные «золотому правилу» – «поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой».

Одним из признаков правового государства является незыблемость прав и свобод человека.

Этот признак правового государства означает то, что все права и свободы человека в государстве должны быть не только лишь провозглашены, но и гарантированы самим государством.

Такой гарантией зачастую выступает закрепление прав и свобод человека в высших нормативно-правовых актах – конституциях. Реальное обеспечение прав человека достигается за счет создания специального механизма их всесторонней защиты, а также наличие административной, гражданской и уголовной ответственности в случае их нарушения.

Эволюция развития права в истории шла в направлении к одному из главных его принципов «разрешено всё, что не запрещено».

Принцип «разрешено всё, что не запрещено» впервые появился во время Великой французской революции и нашёл своё отражение в статье 5 Декларации прав человека и гражданина (1789): «Что не запрещено Законом, тому нельзя препятствовать, и никого нельзя принуждать делать того, чего Закон не предписывает».

Внесение данного принципа в государственные нормативно-правовые акты позволит делать национальную законодательную систему более полно соответствующей общепризнанным принципам и нормам международного права.

Каждый день мы сталкиваемся с современными технологиями контроля и слежения. Так, например, города оборудованы сотнями тысяч видеокamer [3, с.5].

Система слежения с помощью мобильных устройств и геолокации (в чистом виде – GPS) либо триангуляция по сотовым вышкам, где находится личный телефон. Это уже происходит.

Для современного мира прогресс является непрекаемой ценностью. По сути, это понятие давно стало синонимом слова «благо». Прогрессивное – значит хорошее.

В итоге прогресс направлен для улучшения качества жизни человека во всех ее смыслах. Как в материальном улучшении, так и духовном развитии человека. Если новые технологии нацелены на порабощение общества и каждой личности человека, то это не имеет никакого отношения к прогрессу и называться им не могут. Прогресс существует для человека, а не над ним. Иначе в угоду желанию узкого круга лиц контроля всего и вся прогресс человеческого общества превратится в его регресс, т. е. откат в развитии общества, например, как новый феодализм или построении по образцу худших диктатур в истории человечества, но с более совершенными способами контроля и подавления личности [1, с.53].

Для осуществления глобального наблюдения, контроля, анализа и принятия решений необходимы мощные программные и аппаратные средства. Требуется обработка больших массивов данных. Для автоматизации этих процессов все шире используются технологии искусственного интеллекта (ИИ).

По своему устройству искусственный интеллект является мощной программой или комплексом программ, работающих по сложным алгоритмам.

Искусственный интеллект не обладает и никогда не сможет обладать самым главным – это сознанием как у человека по ряду биологических и духовных причин.

Искусственный интеллект не сможет быть никогда идеальными и совершенным, потому что создается человеком тоже далеким от совершенства и со своими страстями и недостатками.

Это означает, что решения о том, кому что разрешать или запрещать, какую экономическую деятельность поощрять, и так далее, будут принимать властные группировки, о существовании которых простой обыватель даже не будет подозревать. Эти группировки могут быть организованы на идеологических, религиозных или иных принципах [4, с. 12].

Итак, тотальный контроль за гражданином это полный сбор данных (круглосуточная звукозапись, круглосуточная видеозапись, запись всех транзакций, операций связанных с платежами и поступлениями денежных средств, геолокация, контроль за передвижением, контроль за регистрацией правовых договоров любого типа), полное отсутствие конфиденциальности и тайны личной жизни [5, с. 233].

Люди чувствуют себя помеченными, за которыми следят транснациональные корпорации. Они знают, что тот или иной гражданин вводит в поисковике. Они слушают все разговоры и отслеживают местоположение. Они читают переписку [6, с. 133].

Все покупки и действия по карте отслеживаются в реальном времени. Они знают, что люди делают со своими зарплатами. Куда бы человек не пошел, везде находится под наблюдением видеокамер: в магазине, возле автомобилей (видеорегистраторы), в школе, в больнице и так далее. А теперь видеокамеры ставят даже в подъезды и лифты.

На сегодняшний день для транснациональных корпораций мы являемся подопытными кроликами. Они изучают то, куда люди тратят свои заработанные деньги. Контролируя спрос, они создают наиболее выгодное предложение. Они прекрасно понимают, что людям в том или ином городе нужно больше гречки, мяса и рыбы, а количество магазинов одежды было неплохо бы снизить. Это святой Грааль для транснациональных корпораций, но для человека такой тотальный контроль не представляет никакой выгоды.

Итак, в ходе исследования сделаны следующие выводы:

- не может называться прогрессом то, что вредит человеку и может направлено на ограничение и свобод граждан;
- искусственный интеллект может превратиться в механизм жесточайшего контроля и невиданных репрессий, если будет контролироваться узкой группой лиц;
- внедрение новых технологий для ужесточения контроля за людьми противоречит статьям конституции.

При внедрении в жизнь современных цифровых технологий при широком декларировании Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина юридическая незащищенность человека остается очевидной.

Существует реальная опасность изменения основополагающего принципа права «разрешено всё, что не запрещено» на зеркально противоположный «запрещено всё, что не разрешено». В этом может быть существенный откат, регресс права человека в так называемый «Новый феодализм» и кастовую систему построения общества.

Независимо от того, насколько сегодня развита цифровая реальность, она должна подпадать под действие Конституции РФ как нормативного акта, имеющего высшую юридическую силу в правовой системе России, в том числе по отношению к законоположениям, регулирующим рассматриваемую сферу новых отношений.

Список литературы

1. Борисова А.А., Бабаева А.В., Хуторная М.Л. Цифровизация в России: этические проблемы // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. - №8(110). – Ч.4. – С.81-85.
2. Борисова А.А., Бабаева А.В., Хуторная М.Л. Цифровизация в России: этические проблемы // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. - №8(110). – Ч.4. – С.81-85.
3. Асеева И.А., Буданов В.Г., Маякова А.В. От цифровых технологий к обществу тотального контроля? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. - 2021. - №59. – С.51-59.
4. Борисова А.А., Бабаева А.В., Хуторная М.Л. Цифровизация в России: этические проблемы // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. - №8(110). – Ч.4. – С.81-85.
5. Лолаева, А. С. Электронная демократия как базовый элемент информационного общества / А. С. Лолаева // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 23 сентября 2022 года / Под редакцией И.Р. Бегишева [и др.]. Том 1. – Казань: Издательство «Познание», 2022. – С. 233-242.

6. Лолаева, А. С. Право как инструмент перехода к информационному обществу / А. С. Лолаева // Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Краснодар, 19 июня 2021 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 133-136.

УДК 378.4:004

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Датиева М.Ч. – к.э.н., доцент кафедры информационных технологий
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Мы живем в эпоху, напрямую связанную с сетью. Причём наше желание или нежелание быть её частью практически не имеет никакого значения. Почему? Потому, что без интернета мы не имеем возможности ни записаться на приём к врачу, ни определить ребёнка в школу, ни получить справку в многофункциональном центре. Возникают сложности по оплате штрафов и счетов за ЖКХ, становится проблемой получение на банковскую карту плату за ту или иную услугу, да и существование самой банковской карты без интернета невозможно. Без сети становится немыслима работа мобильной связи, радио, телевидения, практически прекращается выпуск газет. А насколько оскудеет ассортимент товаров в магазинах, не говоря о росте цен на них вследствие усложнения логистики. Мы должны понимать, что любое современное государство без интернета на сегодняшний день не функционально. При этом надо понимать, что даже если закрыть интернет технически, то саму идею коммутации пакетов всё равно не получится регулировать даже законодательно, поскольку интернет по своей сути – это не инфраструктура и не технология, это идея, которую надо правильно использовать. И обучать этому – прерогатива образовательных учреждений.

Ключевые слова: интернет, информационные технологии, информационно-образовательная среда, дистанционное обучение, компьютерные технологии, образовательный процесс

В последнее время проникновение информационных технологий (ИТ) в образование особенно существенно возросло, чему безусловно способствовал период пандемии. Преподавателям пришлось спешно осваивать и внедрять в обучение дистанционные технологии, проводить занятия с максимальным использованием средств мультимедиа, создавать и заполнять учебными материалами сайты образовательных учреждений. Интенсификация информационных процессов и технологий, внедряемых в науку, производство, экономику, потребовали изменения действующей модели образования, разработки и совершенствования различных информационно-образовательных сред, в которых обучающийся мог бы максимально полно реализовать свой творческий потенциал, развить имеющиеся способности и в полной мере реализовать потребность непрерывного самосовершенствования. Узкая специализация и профессионализация ведёт, как мы наблюдаем сегодня, к поверхностным, частичным, разорванным знаниям и формированию не творческого, а репродуктивного характера мышления.

О необходимости пересмотра системы образования говорят давно и уже не только исследователи, поскольку подготовка специалистов в вузах не соответствует динамике социально-экономического развития общества.

В последнее время, особенно с развитием высоких технологий и необходимостью подготовки (или привлечения со стороны) высококвалифицированных специалистов, появилась тенденция «размытия» четких границ функций образования, перераспределение этих самых функций между различными субъектами образовательно-культурного пространства. Понятно, что для этого есть причины, одна из которых – это высокие скорости развития современных информационных технологий и средств телекоммуникационной связи и процессы в высокотехнологичных сферах производства. Подготовка специалистов для этих направлений деятельности весьма дорогостоящая. Традиционные учебные заведения не обеспечивают необходимого уровня подготовки специалистов в сжатые

сроки, вследствие чего возникают различные центры обучения при фирмах или внутри предприятий, где идет переподготовка профильных специалистов. Есть практика, когда на базе больших компаний развиваются учебные заведения, ведущие узкопрофильную спецподготовку [1].

С другой стороны, создаются новые образовательные заведения различных типов и на базе университетов, и других вузов. Однако, как мы видим, наблюдается отток части обучающихся из традиционных учебных заведений. С чем это связано? С одной стороны, подчас с неудовлетворенностью качеством образования и жесткими рамками государственных учебных заведений традиционного типа. С другой стороны не надо сбрасывать со счетов развитие новых технологий общения, подготовки и передачи информации, т.е. современные информационные технологии, которые стремительно ворвались в образовательную сферу, диктуя свои условия. При этом неизбежен рост количества образовательных учебных заведений. Перейдет ли количество в качество – этот вопрос остаётся открытым. Переход количества в качество вполне может стать зарождением того нового, развитие которого способно стать своего рода динамичным скачком в развитии образования.

Переход к современному образованию выявил и новые проблемы – готовность преподавателей к поиску новых технологий обучения и определение собственного места в этой системе. Имеющиеся на этом этапе трудности, которые испытывают педагоги, можно свести к двум проблемам:

1) необходимость перехода от авторитарного управления к совместной деятельности и сотрудничеству;

2) необходимость перехода от репродуктивного подхода в обучении к развитию продуктивной творческой мыслительной деятельности.

Наибольшая сложность здесь – смена личной установки, как педагога, так и обучающегося на самообразование и саморазвитие. Особенности новых подходов в образовании – упор на создание условий для саморазвития, самостоятельного принятия решения, развитие ответственности. При этом выработка собственного индивидуального стиля учебной деятельности и общения в большей степени зависит от личностных качеств обучающегося. Обязательными условиями саморазвития являются самостоятельность, ответственность, инициативность, которые разной степени проявляются у обучающихся дистанционно [2]. Все выше обозначенное о проблемах системы образования, новых возможностях, предоставляемых компьютерными и коммуникационными технологиями обучения и взаимодействия, отвечает основной цели обучения в вузе – научить учиться. Использование компьютеров и информационных технологий в учебном процессе развивает не только познавательную деятельность, но и формирует особую мотивационную, эмоциональную, коммуникативную среду (рис. 1).

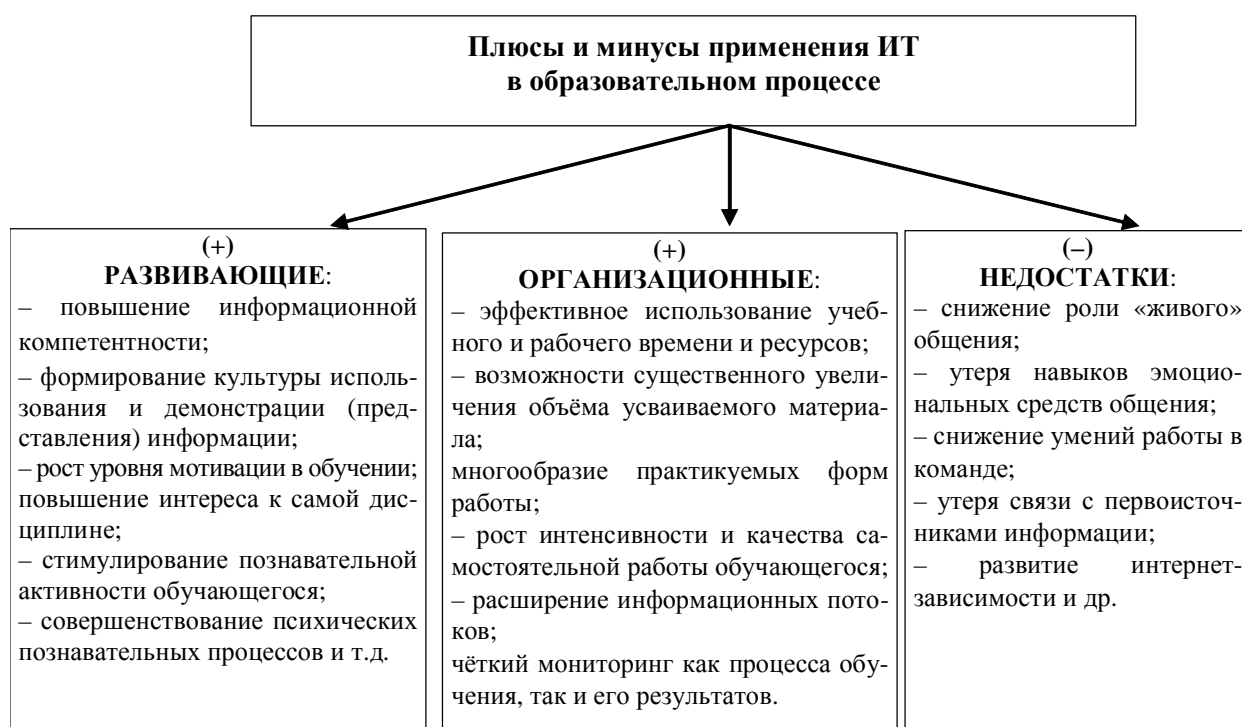

Рис. 1. Достоинства и недостатки применения ИТ в образовании.

Рассматривая положительное влияние использования ИТ в образовательной практике, не стоит забывать и о неоднозначности их влияния на развитие личности. В частности, как отмечал доктор психологических наук О.К. Тихомиров: «Компьютеризация, способствуя усилению логического мышления, сопровождается подавлением интеллектуального начала в мышлении; она может дать новые знания и мощный стимул развитию внешне престижной мотивации. Компьютеризация – средство более полного освоения мира и средство ухода от него» [3]. При этом перспективы применения ИТ неоспоримы (рис. 2).

Потенциал применения ИТ в образовательном процессе:

- неограниченный резерв возможностей для сбора, хранения, передачи, преобразования, анализа и применения различной по своей природе и сути информации;
- рост доступности образования;
- расширение форм получаемого образования;
- возможность непрерывности образовательного процесса и повышения квалификации в течение всего активного периода жизни;
- формирование дополнительного, личностно-ориентированного обучения;
- расширение и совершенствование организационного обеспечения образовательного процесса;
- рост активности самого субъекта в организации образовательного процесса;
- отсутствие привязки образовательного процесса от места и времени обучения;
- возможности выбора индивидуальной стратегии обучения и формирования самостоятельной, творчески развитой личности;
- обучение самостоятельной поисковой деятельности и т.д.

Рис. 2. Перспективы и возможности применения ИТ в обучении.

Заключение

Все перечисленные возможности компьютерной техники позволяют разрабатывать новые технологии обучения, которые могут способствовать повышению качества образования.

Таким образом, применение традиционных форм, средств, методов обучения с использованием информационных технологий могут существенно повысить эффективность и интенсификацию образовательного процесса, ускорить и качественно улучшить решение стоящих перед образовательными учреждениями задачи в области обучения и воспитания активно и творчески мыслящих студентов.

Список литературы

1. Проблемы формирования информационной культуры личности. Каркусов М.Л., Хуриев Э.И., Датиева М.Ч. Материалы II-й Всероссийской студенческой научно-практической конференции Горского ГАУ «Научное обеспечение сельского хозяйства горных и предгорных территорий», Владикавказ, 2021 г., ч.2, с.139-141.

2. Использование инструментов MS Excel для организации бизнеса и оптимизации бизнес-процессов (принцип Парето). Цогоев А.Ю., Цогоева А.Р. Материалы 10-й Международной научно-практической конференции Горского ГАУ (по итогам НИР 2020 года) «Перспективы развития АПК в современных условиях» 10-11 июня 2021 г. С.267-270.

3. Информационные и коммуникационные технологии в образовании: учебное пособие / В.А. Красильникова. - Оренбург – ГОУ ОГУ, 2006. – 235 с.

УДК 004:338:631.1

**ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В АПК****Цогоев А.Ю.** – к.т.н., доцент кафедры информационных технологий**Цогоева А.Р.** – к.э.н., доцент кафедры информационных технологий
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В современных условиях нестабильности международных политических и экономических отношений, в частности в условиях беспрецедентных санкций, наложенных на Россию недружественными странами, а также мирового кризиса, развившегося на фоне пандемии коронавируса COVID-19, особенно актуальным становится вопрос продовольственной безопасности России. Для повышения эффективности АПК на первый план выходит внедрение цифровых технологий в сельскохозяйственное производство – использование больших данных (Big Data), интернета вещей (Internet of Things, IoT), искусственного интеллекта (ИИ), роботизацию производства и т.д., ведущие к кардинальным изменениям и трансформации существующих экономических систем. В статье проанализирован международный и отечественный опыт внедрения технологий искусственного интеллекта в сельское хозяйство и перспективы их развития.

Ключевые слова: *цифровые технологии, технологии искусственного интеллекта, сельское хозяйство, цифровая экономика, машинное обучение, робототехника, большие данные, цифровое сельское хозяйство, интернет вещей*

Агропромышленный комплекс считается одним из самых консервативных в плане внедрения инноваций, несмотря на то, что сельское хозяйство уже давно использует разного рода технологии однако опыт показывает, что АПК требуются высокотехнологические оборудование и машины. Так, автономные тракторы в арсенале фермеров появились еще в 2012 году. Сейчас в них есть и радионавигация, и лазерный гироскоп, и возможность следовать маршруту, проложенному моделью машинного обучения. Эти же беспилотники оснащены системами компьютерного зрения: камеры, спутниковые навигаторы и коннекторы для передачи данных в облако или на сервер.

Предпосылками внедрения технологий искусственного интеллекта в сельском хозяйстве являются увеличение объема и повышение качества данных о состоянии процесса производства; необходимость повышения эффективности производства за счет сокращения используемых расходных материалов, увеличения производительности труда; возрастающая сложность процесса производства и необходимость повышения точности прогнозов.

В международной практике одной из самых актуальных тенденцией стало применение искусственного интеллекта, позволяющего принимать решения на базе «больших данных», а также частично – а иногда и полностью – заменять человека в производственном процессе.

«Большие данные» используют при прогнозировании урожайности культур для обучения нейронной сети – здесь в качестве «больших данных» выступают наблюдения за несколько десятков лет. Если рассматривать сельскохозяйственное производство на уровне государства, то площади измеряются сотнями тысяч гектаров, персонал – тысячами сотрудников, а поголовье – миллионами особей. Это тоже пример использования «больших данных».

Тренд на органические продукты вынуждает сельскохозяйственные предприятия искать альтернативу применению химикатов в борьбе с сорняками. В стране наблюдается дефицит высококвалифицированных трудовых ресурсов. К тому же человеческий труд делает производство слишком дорогим. В таких условиях сельское хозяйство ищет пути оптимизации использования земли, того, что на ней выращивается, и тех, кто на ней пасется.

Основные области применения искусственного интеллекта связаны с диагностикой болезней растений, классификацией и идентификацией сорняков, определением, подсчетом и сбором урожая.

Например, австралийские ученые производят точный прогноз урожайности кофе на основе экологических, климатических и почвенных условий [5]. Есть исследования, в которых показаны системы машинного обучения, позволяющие прогнозировать урожайность вишни во время уборки [7], прогнозировать урожайность яровой пшеницы [4].

Технологии искусственного интеллекта могут точно определять сорняки в посевах [6], что позволяет снизить интенсивность обработки посевов ядохимикатами, повышая эффективность данной операции.

Существенное количество исследований по применению технологий искусственного интеллекта направлено на диагностику болезней растений [2]. Есть так же разработки систем обнаружения азотного стресса и желтой ржавчины, определения инфицированных и здоровых растений пшеницы и риса.

Важным показателем, позволяющим принимать определенные управленческие решения, является информация о состоянии почвы, управлением водными ресурсами. Ученые разработали технологии искусственного интеллекта для мониторинга и прогнозирования влажности почвы и для оценки ее температуры. Для этого используется весь арсенал технологий ИИ: компьютерное зрение, машинное обучение, распознавание звуков [5].

Применение технологий искусственного интеллекта позволяет получать более точные прогнозы потенциальных рисков засухи, что в свою очередь, позволяет принимать управленческие решения по снижению негативных последствий климатических рисков и повышения урожайности культур.

Сельскохозяйственные приложения позволяют фермерам наблюдать за условиями урожая с помощью «шлемов» или «защитных очков» с поддержкой ML (машинного обучения). Данные с камеры устройств обрабатываются на месте или отправляются для анализа в облако.

Для управления водными ресурсами в сельскохозяйственном производстве исследователями разработан метод оценки среднемесячной эвапотранспирации для использования в засушливых и полузасушливых регионах, основанный на машинном обучении и среднемесячных климатических данных 44 метеорологических станций за период 1951–2010 гг. [1].

Искусственный интеллект с успехом применяют также в животноводстве при оценке продуктивности и моделей поведения животных. Например, существует метод классификации поведения КРС для контроля гормонального фона и изменений рациона крупного рогатого скота [3]. В производстве продукции животноводства технологии искусственного интеллекта направлены, прежде всего, на повышение экономической эффективности процесса производства.

Используя SWOT-анализ, можно дать оценку деятельности по внедрению технологий искусственного интеллекта в организациях сельского хозяйства (табл. 1). [5]

Таблица 1 – SWOT – анализ применения технологий ИИ в сельском хозяйстве

<i>Сильные стороны (strengths)</i>	<i>Слабые стороны (weaknesses)</i>
Повышение производственных показателей, снижение расходов в результате внедрения технологий искусственного интеллекта	Отсутствие свободных денежных средств для внедрения технологий искусственного интеллекта
Повышение эффективности процессов принятия управленческих решений, оптимизация бизнес-процессов	Слабая подготовка кадров в отраслевых учебных заведениях с недостатком компетенций по применению ИИ в АПК
Расширение творческих возможностей работников сельского хозяйства, сокращение рутинных операций	Недостаточная гос. поддержка внедрения технологий искусственного интеллекта
Положительное восприятие технологий искусственного интеллекта представителями аграрного бизнеса	Сопrotивление отдельных работников внедрению технологий искусственного интеллекта
<i>Возможности (opportunities)</i>	<i>Угрозы (threats)</i>
Бурный рост прогресса в развитии технологий ИИ сельского хозяйства на основе машинного обучения, больших данных, нейронных сетей и т. д.	Наметившееся отставание РФ в темпах и объемах исследований технологий искусственного интеллекта для сельского хозяйства от стран с развитой экономикой
Создание дополнительных рабочих мест в высокотехнологичном секторе	Повышение уровня безработицы на сельских территориях отдельных регионов
Создание программ цифровизации отрасли, повышение заинтересованности высшего руководства	Высокая стоимость технологий ИИ, сложность определения коммерческой эффективности внедрения
Возможные технологические прорывы в сельском хозяйстве на основе применения искусственного интеллекта	Слабая информированность сельхозтоваропроизводителей о технологиях искусственного интеллекта

Внедрение искусственного интеллекта в сельскохозяйственное производство позволит повысить инвестиционную привлекательность отрасли, так как технологии ИИ позволяют увеличить точность прогнозов урожайности культур, продуктивности животных, состояния почвы и погоды, что в свою очередь позволит снизить неопределенность на рынке, затраты на страхование, повысить показатели деятельности организаций сельского хозяйства, снизить затраты материальных ресурсов. Внедрение на практике интеллектуализации труда позволяет снизить количество занятых на опасных и вредных производствах в сельском хозяйстве (например, на работах с ядохимикатами), а также занятых на рутинных процессах, что в итоге позволит привлечь в отрасль молодых специалистов, привлечь дополнительные инвестиции.

Вместе с тем, необходимо понимать, что применение технологий ИИ требует обработки огромных объемов данных, энергетических затрат и соответствующего дорогостоящего цифрового оборудования, что повышает требования к инфраструктуре производства и увеличивает затраты на применение искусственного интеллекта. Это требует соответствующего увеличения субсидирования затрат на исследования данных технологий, в том числе с привлечением отраслевой науки. Для сравнения, страны с развитой экономикой (прежде всего Китай, США, страны ЕС) осознают значимость исследований искусственного интеллекта и всесторонне исследуют данную деятельность. В связи с этим появляется угроза отставания РФ в разработке технологий искусственного интеллекта для сельского хозяйства от передовых стран.

Список литературы

1. Брыкин В. В., Брагинский М. Я., Тараканова И. О., Тараканов Д. В. Анализ состояния растений с применением технологий искусственного интеллекта // Вестник кибернетики. 2022. № 4 (48). С. 6–13. DOI 10.34822/1999-7604-2022-4-6-13.
2. Иванов Ю.А. Направления научных исследований по созданию инновационной техники с интеллектуальными системами для животноводства // Вестник ВНИИМЖ. №3. - 2014. С.4-16.
3. Кузнецова А.А., Малева Т.В., Соловьев В.И. Применение детерминированных методов и классических алгоритмов машинного обучения для обнаружения плодов роботами для сбора урожая. ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Россия.
4. Скворцов Е. А. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в сельском хозяйстве региона // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, вып. 2. – С. 563-576 активная ссылка <http://doi.org/10.17059/2020-2-17>
5. Использование инструментов MS Excel для организации бизнеса и оптимизации бизнес-процессов (принцип Парето). Цогоев А.Ю., Цогоева А.Р. Материалы 10-й Международной научно-практической конференции Горского ГАУ (по итогам НИР 2020 года) «Перспективы развития АПК в современных условиях» 10-11 июня 2021 г. С.267-270.
6. Модели прогнозирования на основе временных рядов в пакете Microsoft Office Цогоева А.Р., Цогоев А.Ю., Датиева М.Ч. Вестник Иркутского государственного технического университета. 2017. Т. 21. № 6 (125). С. 69-78.
7. Методика решения оптимизационных задач с помощью программного средства MS Excel Цогоева А.Р., Цогоев А.Ю., Датиева М.Ч. Вестник Иркутского государственного технического университета. 2017. Т. 21. № 12 (131). С. 114-122.

УДК 371 (470.6)

ПЕРЕДОВЫЕ ГОРСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ И ПЕДАГОГИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Газзаева З.А. – к.п.н., доцент кафедры общественных наук

Колиева У.Х. – старший преподаватель кафедры общественных наук
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматривается педагогическая деятельность наиболее ярких представителей просветительно-педагогической мысли народов Северного Кавказа во второй половине XIX века, развитию которой способствовала деятельность горской интеллигенции.

Ключевые слова: просветители, педагогическая мысль, просветитель-педагог, прогрессивные ученые, горские просветители

Видные общественные деятели, просветители и педагоги проявляли большой интерес к проблеме обучения кавказских горцев. Переломным периодом в истории России и Кавказа были 60-е годы XIX века; в это время происходит отмена крепостного права, растет количество школ, на Северный Кавказ приезжают прогрессивные ученые и педагоги, появляется новое поколение горских просветителей-педагогов, способствующих развитию научной и педагогической мысли своих народов.

Наиболее яркими представителями просветительско-педагогической мысли народов Северного Кавказа во второй половине XIX века были адыгские просветители У.Х. Берсей (1807-1887) и К.М. Атажукин (1841-1899), осетинский – Г.Д. Кануков, чеченский – У. Лаудаев (1827 г.).

Видным просветителем адыгских народов с полным правом можно считать Умара Хапхоевича Берсея, который родился в начале XIX века в абадзехской семье. Судьба этого мальчика оказалась необычной: в малолетнем возрасте он был взят турецким пашой, который обнаружил в нем большие способности и отправил учиться во Францию. У.Х. Берсей жил и обучался в Париже с 1825 по 1828 год; познакомившись с передовой общественной мыслью России и Запада, он становится сторонником российской ориентации [13. С. 56-57]. У.Х. Берсей владел несколькими языками, в том числе русским, французским, тюркскими языками, что во многом предопределило дальнейшую жизнь незаурядного молодого человека.

В начале 1843 года высокообразованный мужчина возвратился на родину, поступил на военную службу, работал в качестве переводчика, однако карьера на военном поприще его не устраивала. Он уходит со службы и начинает заниматься просветительской деятельностью. В 1850 году директором Ставропольской гимназии стал талантливый русский педагог Я.М. Неверов, и У. Берсей был приглашен туда в качестве преподавателя черкесского языка для воспитанников-горцев [2. С.109-110].

У.Х. Берсей, «весь посвятивший себя педагогическим обязанностям» [4. С.49-50], работал и над составлением учебного пособия для гимназистов – азбуки и грамматики черкесского языка; уже в 1853 году он ходатайствовал перед наместником Кавказа об издании своей азбуки (положительный отзыв о ней дали видные академики Российской Академии наук Дорн, Броссе, Шифнер).

В статье «О распространении грамотности между горцами» П.К. Услара читаем: «Около пятидесятих годов азбуку для адыгских наречий составил г. Умар Берсеев (Берсей – З.Г.) – человек, усвоивший себе европейское образование. Азбука его была литографирована, и по ней г. Берсеев учил черкесскому языку в Ставропольской гимназии. Занятиям его покровительствовал князь Воронцов, который живо сочувствовал распространению письменности на туземных языках. В 1861 году г. Берсеев составил азбуку на новой основе, но она до сих не была применена к делу» [9. С.21]. Первоначально для своих работ У. Берсеев составил азбуку на основе арабской графики, азбука же 1861 года была создана на основе русского алфавита, причем была исполнена тщательно и профессионально» [13. С.56].

Алфавит, созданный У.Х. Берсеем, содержал 46 букв; вскоре он составил и первый черкесский букварь, изданный в Тифлисе в 1855 году [1]. Сюда У.Х. Берсей включил 12 басен и притч; будучи человеком прогрессивных взглядов, он «не мог ограничить горизонт своей деятельности только исследованием и разработкой «адыгских наречий». Своими небольшими по объему, но значительными по содержанию баснями он сделал смелую попытку создания адыгейской художественной литературы. [2. С.112]. В то же время это издание свидетельствует о педагогических поисках просветителя.

Все басни и притчи подобраны и написаны У.Х. Берсеем на морально-дидактические темы и использовались в воспитательных целях: «Визирь и сказитель», «Купец и парикмахер», «Женщина и курица», «Мальчик», «Человек и смерть» и другие. Все басни были составлены автором с целью воспитания у молодежи скромности, доброты, порядочности, гуманизма, они осуждали пустословие, зазнайство, неосмотрительное поведение. Ценность букваря, созданного У.Х. Берсеем, заключалась в том, что он практически применил свою книгу и этим способствовал воспитанию горской интеллигенции. На уроках черкесского языка учащиеся учились читать и писать, овладевали техникой перевода с родного на русский язык.

Видный кабардинский педагог и просветитель Кази Мусабиевич Атажукин (1841–1899) с 1850 по 1858 учился в Ставропольской гимназии у прогрессивных русских педагогов Я.М. Неверова, Ф.В. Юхотникова и других, которые пробудили в способном мальчике интерес к литературе и языку родного

народа. К. Атажукин был примерным гимназистом, он интересовался произведениями А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, К.Д. Ушинского, он особенно увлекался чтением статьи К.Д. Ушинского из «Детского мира». Поэтому не случайно, что К. Атажукин несколько позднее обращается к статье великого русского педагога для их перевода на кабардинский язык. Можно думать, что эта идея у него возникла в период учебы в Ставропольской гимназии, которую он закончил блестяще. 16. С.94.

Весной 1859 года юноша поступает на военную службу, часто бывает в Тифлисе. В 1862 году, будучи в отпуске в Кабарде, он знакомится с известным просветителем П.К. Усларом, членом комиссии, занимавшейся составлением алфавитов для бесписьменных народов края. Русский ученый привлек к составлению алфавитов горских языков У. Берсея, А. Чиркеевского, М. Хандиева, К. Атажукина и других горцев. Кази Мусабиевичу была поручена разработка азбуки кабардинского языка [11. С.8-9]; он работает над «Кабардинской азбукой» и одновременно готовит к печати книги для чтения на кабардинском языке «Несколько рассказов из «Полистана», «Саади», «Два отрывка из народной поэмы о Сосуко и два рассказа», переводит статьи К.Д. Ушинского.

«Кабардинская азбука» была издана в Тифлисской военно-походной типографии тиражом 600 экземпляров. Эта книга предназначалась, по мысли К.М. Атажукина, для обучения кабардинской грамоте учителей; он был сторонником светского образования и мечтал, чтобы дети учились не в мусульманских школах, где изучался арабский язык и читался Коран, а в обычных, где дети начинали изучать родной язык [5]. Он считал, что таким образом юные кабардинцы быстро научатся читать и писать в отличие от мусульманских школ, где ученики в течение 5-10 лет не могли научиться немеханически читать Коран. Умер К.М. Атажукин в 1899 году.

В Осетии во второй половине XIX века жил и работал видный просветитель, писатель и педагог Инал Дударович Кануков. Родился он в 1851 году в дворянской семье, учился в Ставропольской гимназии, Московском военно-артиллерийском училище, будучи на военной службе в Сибири, написал более 150 очерков, статей и рассказов. В 1887 году после восемнадцатилетнего пребывания на чужбине он вернулся в Северную Осетию и вскоре (в 1890 году) умер [8].

Писатель бережно относится к прошлому горцев – их обычаям и фольклору, изучал этнопедагогические идеи соотечественников, поддерживая только рациональные элементы, которые могли принести пользу воспитанию, требовал от общественности вести решительную борьбу против кровной мести, воровства девушек и других вредных обычаев. Большое количество статей И. Кануков посвятил вопросам школы и просвещения: «Пасмурный день», «Школьный юбилей», «Несколько слов о положении школы и учителей в Южно-Уссурийском крае», «О Владикавказе» [3.С.144-150], они свидетельствуют о прогрессивно-демократической направленности и пророссийской ориентации их автора.

В своем рассказе «В осетинском ауле» [3] И.Д. Кануков рассказывает об особенностях воспитания в горской семье, свидетельствует о том, что у любознательных горцев есть стремление к знаниям, к чтению. К сожалению большинство соотечественников писателя так и остались неграмотными, хотя даже старики сожалеют о том, что не умеют читать. «Эх! А как бы мне, старику, хотелось выучиться по-книжному. Если бы знал я читать, я бы взял самую большую книгу и читал бы ее. А то, что я теперь на самом деле?» – говорит один из героев.

Характер воспитания горцев под влиянием происходящих в регионе реформ менялся, однако самыми достойными качествами горцев всегда считались умение владеть оружием, умение вести себя в обществе. В рассказе подробно описано народное воспитание: «...сын всякого горца, а в особенности сын высокопоставленного в народе, проводил все свое детство почти исключительно в кунацкой. Тут была вполне его школа; тут, вращаясь среди гостей, он научался народным обычаям, научался уважать гостей и стариков, каковы качества характеризуют вполне благовоспитанного юношу». Мальчики прислуживали гостям, а тот, кто преуспевал в «лакействе», удостоивался лестных отзывов и подарков в виде газырей, пули, пороха.

Важное место в творчестве И.Д. Канукова занимает вопрос о положении женщины, он рисует тягостную жизнь горянки, ее безрадостное детство. В очерке «Положение женщины у северных осетин» он показывает почти рабскую зависимость ее от мужа. Никакие юридические нормы не связывали ее с мужем и он мог расстаться с женой в любой момент.

Уже в одиннадцать лет девочки нянчили младших, помогали матери по хозяйству, а позднее выполняли все виды работ взрослой женщины. Особенно протестовал просветитель против обычая с 6-7 лет зашивать девочек в корсет, в таких «адских тисках» девушки должны были оставаться до

замужества, а это оказывало вредное влияние на органы, находящиеся в грудной полости, вело к потере молока в будущем.

И.Д. Кануков был против превращения женщины в предмет купли-продажи посредством калыма – платы за невесту. Замуж девушку отдавали за нелюбимого, зато родители получали большие деньги и подарки. «Писатель призывал всю общественность покончить с таким варварским обычаем и раскрепостить женщину в общество. В качестве первых шагов в этом направлении он рекомендовал освободить ее от рабской зависимости в семье» [10. С.37].

Другим видным историком и этнографом был в середине столетия чеченский просветитель Умалат Лаудаев, сведения о котором почти не сохранились. Известно, что он родился в зажиточной семье в селении Ногай-Мирза-Юрт в 1827 году, обучался у терских казаков, а в 1839 году учился в Петербургском кадетском корпусе – привилегированном учебном заведении. Затем молодой человек служил на Кавказе, дослужился до чина ротмистра [7. С.31], жил в родном ауле. В Петербурге он получил хорошее образование, приобщился к русской культуре, что благотворно сказалось на формировании мировоззрения просветителя.

В 1872 году в «Сборнике сведений о кавказских горцах» была опубликована обширная статья У. Лаудаева «Чеченское племя», занимающая особое место в кавказской просветительской литературе, так как ее автора то обвиняли в приверженности колониально-шовинистическим взглядам, то признавали заслуги чеченского просветителя в становлении общественно-просветительской мысли на Кавказе.

Опираясь на исторические сведения и фольклорные произведения соотечественников, У. Лаудаев говорит о расселении, культуре, общественном строе чечено-ингушских племен, пишет о скромности, гостеприимстве, щедрости и мужестве горцев, идущих на лишения и жертвы в ходе войны с иноземцами. У чеченцев не было князей, У. Лаудаев пишет: «Чеченцы называли себя узденами (вольными). Это слово имело у них совершенно другое звучание, чем у соседей, у которых узденство делилось на степени, здесь же все стояли на одной ступени узденства, различаясь между собой только качествами: умом, щедростью, храбростью... Чеченцы не признавали князей, земля их была общая. А если брали у соседних князей землю, то постепенно переставали платить за нее... им было стыдно платить за землю, которую бог создал для всех» [10. С.71].

Горские просветители второй половины XIX века придерживались прогрессивных взглядов, они боролись за просвещение соотечественников, за создание светских школ в крае.

Список литературы

1. Берсей У. Букварь черкесского языка. Тифлис, 1855. 43с.
2. Зекох У.С. Умар Берсей – просветитель адыгейского народа // Ученые записки Адыгейского НИИ. Т. 1. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1957. С. 108-113.
3. Канунов И.Д. Сочинения. Орджоникидзе: Ир, 1963. 370с. Кумыков Т.Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1996. 328с.
4. Краснов М.В. Историческая записка о Ставропольской гимназии. Ставрополь-Кавказский, 1887. 130с.
5. Кудзаева А.Г. Научно-педагогическая деятельность и просветительские воззрения Кази Атажукина. Автореф. дис... на соискание ученой степени канд. пед. наук. Владикавказ, 2000. 23с.
6. Кумыков Т.Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1996. 328 с.
7. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967, 314с.
8. Сумснова З. Инал Кануков. Орджоникидзе, 1972. С.9-36.
9. Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Тифлис, 1870. Отд. IV. С.1-30.
10. Хатаев Е.Е. Просветители горских народов XIX века. Орджоникидзе, 1985. 80 с.
11. Хашхожева П.Х. Кази Мусабиевич Атажукин // Хашхожева Р.Х. Поиски и находки. Избранные статьи. Нальчик: Эльбрус, 2000. С.5-156.
12. Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители XIX – начала XX века. Нальчик, 1993. 182 с.

УДК 378.126

МЕТОДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ВУЗЕ

Царахова Э.Н. – старший преподаватель кафедры общественных наук
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Методическая работа как вид человеческой деятельности представляет собой единство общего и особенного: общее в методической работе как человеческой деятельности и особенное в ней как профессиональной деятельности. Результатом методической работы является качество образовательного процесса.

Ключевые слова: *информационно-методическое обеспечение, знания, обучение, аудирование, методическая работа*

Методическая составляющая присутствует во всех ключевых факторах качества образования. Сюда относятся: качество информационно-методического обеспечения образовательного процесса, качество образовательных программ, качество профессорско-преподавательского состава, качество технологий обучения; качество технологий тестирования и проверки знаний студентов, а также качество системы повышения квалификации. Методическая работа в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования представляет собой планируемую деятельность преподавателей и сотрудников, разработку и внедрение новых средств организации учебного процесса. Результатом методической работы является качество образовательного процесса. Внутривузовская система обеспечения качества предполагает систематическое проведение мониторинга всех показателей качества образования. Методическая работа в образовательном учреждении проводится в целях оказания помощи преподавателям в организации учебно-воспитательного процесса и повышения их педагогической квалификации, а ее содержание определяется актуальными задачами государственного образовательного учреждения.

Методическая работа как вид человеческой деятельности представляет собой единство общего и особенного: общее в методической работе как человеческой деятельности и особенное в ней как профессиональной деятельности; общее в методической работе как в любой профессиональной деятельности и особенное в ней как деятельности педагогов, имеющей специфические задачи, содержание и организационные формы [1]. Термин «основа» в отношении методической деятельности отражает ее содержание, средства, формы и методы осуществления. Содержание методической деятельности состоит в построении целостной системы мер, действий и мероприятий, направленных на достижение единых целей и задач образовательного процесса. Методическая работа, обеспечивая условия для разработки сложных методов, методик обучения, обучающих программ, прогнозирует качественную профессионально-педагогическую деятельность.

Методическая деятельность каждого преподавателя заключается в организации учебной и научно-исследовательской работы студентов. Она требует подготовки, повышения квалификации кадров по всем аспектам преподаваемых предметов и по всем видам деятельности: повышения уровня педагогических знаний; изучения и использования в профессиональной деятельности новых педагогических технологий, методик обучения, воспитания и диагностирования образовательной успешности обучающихся; создания условий для творчества и самообразования; формирования устойчивых профессиональных ценностей [2].

Методическая деятельность в вузе осуществляется в нескольких видах: учебно-методическая, научно-методическая, организационно-методическая. В должностные обязанности профессорско-преподавательского состава входят учебная, методическая, научно-исследовательская, организационная, воспитательная работа; повышение квалификации соответственно должности, учебному и индивидуальному плану.

Учебно-методическая деятельность преподавателя вуза направлена на совершенствование методики обучения, обеспечение учебного процесса необходимой литературой, учебно-методической документацией, учебно-методическими комплексами. Учебно-методическая деятельность объединяет в одно целое работу преподавателя: подготовку к учебным занятиям, разработку и обновление заданий для практических и лабораторных занятий, тестов, контрольных и семестровых зада-

ний, курсовых и дипломных работ; разработку и переработку рабочих программ учебных дисциплин; разработку стандартов и учебных планов магистерской подготовки; рецензирование и научное редактирование учебников, учебных пособий, монографий и учебно-методической документации; составление комплектов тестовых заданий; внедрение результатов научно-методических исследований и инновационных методов в учебный процесс [3].

Научно-методическая деятельность преподавателя несомненно связана с изучением и обобщением передового опыта организации учебного процесса в вузах России и зарубежных стран; профессиональной подготовкой специалистов с учетом тенденций развития общества, науки и техники; организацией методов контроля и управления качеством подготовки студентов на всех этапах обучения, публикациями научных результатов работы по проблемам высшего образования в периодической научной печати, в материалах научно-методических конференций. Организационно-методическая деятельности преподавателя обусловлена опытом и реализацией ее содержания: это и участие в работе методических советов и комиссий; управление вузом (ректор, проректор и т.д.); участие в подготовке и проведении методических семинаров и конференций, различных методических конкурсов. Экспертно-методическая деятельность выделяется как отдельный вид подраздела организационно-методической деятельности: экспертиза кадрового, информационно-методического и материально-технического обеспечения; анализ лицензионных, аттестационных и аккредитационных показателей реализуемых в вузе образовательных программ; анализ структуры и содержания образовательных программ; проведение мониторинга успеваемости студентов и качества подготовки специалистов. Методическая деятельность преподавателя вуза в современных условиях управляет учебно-методической, научно-методической, организационно-методической и экспертно-методической деятельности.

Содержание образования и образовательные технологии, формы и методы методической работы в целом отвечают целям и задачам, которые ставятся в каждое новое историческое время перед российским образованием. Его целевые установки на каждом этапе общественного развития отражали ведущие тенденции социально-экономического прогресса. В условиях реформирования образования определяется роль методической работы в совершенствовании профессионального уровня педагогов и их методической компетенции. Процессный подход к управлению методической работой вуза позволяет достигать определенного качества образования, проектировать процессы и подпроцессы таким образом, чтобы каждый из них был ориентирован на достижение конкретной цели. Организация методической работы вуза определяется Положением о методической работе и должна базироваться на принципах научности, целенаправленности, систематичности, творческой направленности и действенности. Формулировка цели деятельности методической работы в вузе осуществляется с учетом социального заказа общества, потребителей результатов образовательного процесса [4]. Специфика методической работы вуза, связана с организацией методической деятельности преподавателей и сотрудников в условиях постоянных изменений целей образования. Целью методической работы является создание условий для повышения качества обучения в вузе.

Организация методической работы вуза на этапе проектирования и обновления основывается на модернизации связей организационных и общественных структур. Организация методической работы вуза базируется на принципах системно-структурного подхода: открытости, целеполагания, системности, взаимосвязи, взаимодополняемости, взаимодействия, взаимозависимости. Эти принципы позволяют обеспечить взаимодополняемую деятельность основных элементов системы, взаимосвязь между ними, фиксированные взаимосвязи между работниками подразделений системы [5].

Таким образом, организация методической работы вуза это структура взаимосвязанных и взаимозависимых управленческих и общественных элементов, различающихся степенью разделения административных функций и позволяющих выполнять традиционные и инновационные управленческие задачи по координации методической деятельности на различных уровнях: вузовском, факультетском, кафедральном.

Список литературы

1. Соловова Н.В. Оценка качества методического обеспечения образовательных программ в вузе / Н.В. Соловова, С.В. Лексина // Вестник Самарского государственного университета. – 2008. – № 7 (66).
2. Игнатенко Ж.В. Модернизация деятельности методической службы образовательных учреждений на основе информационных технологий: автореф. дисс. канд. пед. наук / Ж.В. Игнатенко. – М., 2004. – 20 с.

3. Адлер Ю., Щепетова С. Процессное описание бизнеса – основа основ и для системы экономики качества // Стандарты и качество. – 2002. – № 2. – С. 66-69.

4. Примерные формы оценочных средств для аттестации выпускников вузов на соответствие требованиям ГОС. Отчет по НИР / ред. Ю.Г. Татур. – М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2002. – 24 с.

5. Проведение и анализ результатов педагогических измерений при самообследовании вуза. Серия: Государственная аккредитация. – Йошкар-Ола, 2004. – 35 с.

УДК 808.5

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ

Гуриева С.Б. – старший преподаватель кафедры общественных наук

Каболова А.Б. – старший преподаватель кафедры общественных наук
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема воспитания речевой культуры подростка. Выявляются причины низкого уровня речевой культуры учащихся. Актуальность проблемы определяется совокупностью признаков речи и свойств текста, которые делают речь наиболее пригодной для общения. В статье намечаются возможные пути решения данной педагогической проблемы возможностями учебной задачи.

Ключевые слова: культура речи, языковые средства, нормализация речи, совокупность правил, стили речи

Культура речи – это одна из основных характеристик человека, так как деятельность людей точно связана с речевым общением. Более того, от этого зависит и рост профессионализма личности. Ведь чем грамотнее и точнее человек сможет излагать свои мысли, тем больше вероятность того, что карьерный рост его будет более успешным, нежели у человека, который не может грамотно владеть словом.

За последние десятилетия культура общества значительно снизилась. Чаще стали игнорироваться языковые нормы, не говоря уже об этических и нравственных. Все это неизбежно ведет к всеобщей деградации, утере русского языка и культуры речи. Если не предпринимать никаких усилий по сохранению и развитию русского языка, то, очевидно, что ситуация не только не улучшится, а, напротив, нас будет ждать регресс. Необходимо срочно принимать меры по восстановлению и совершенствованию речевой культуры всех говорящих на русском языке.

В 2013 году В.В. Путин отметил, что уровень владения русским языком среди молодежи значительно снижается, как и интерес к литературе, а пренебрежение правилами русского языка становится нормой.

В настоящее время мало кто владеет культурой речи на высочайшем уровне. Даже в речи носителей элитарного типа речевой культуры нет абсолютного владения языком. В речь все чаще и чаще проникают жаргонизмы, вульгаризмы, ненормативная лексика, что, среди определенного пласта населения, особенно среди подростков, считается нормой. Даже, доносящаяся с федеральных каналов нецензурщина, уже у многих не вызывает внутреннего протеста.

Проблема формирования коммуникативной культуры речи имеет неодинаковое выражение в разных возрастных группах и распространяется в основном на людей подросткового возраста. Поэтому главной задачей всех образовательных учреждений и педагогов, работающих в них, является создание благоприятных условий для формирования и повышения культуры речи, в основе которой лежит русский язык.

Языковые нормы не выдумываются лингвистами. Они отражают определенный этап в развитии литературного языка всего народа. Нормы невозможно ввести или отменить указом.

К основным источникам языковой нормы относятся: произведения классиков и современных писателей, публикации средств массовой информации, общепринятое современное употребление, данные лингвистических исследований. Нормы помогают литературному языку сохранить свою

целостность и общепонятность, защищают язык от распада на диалектные говоры. Это позволяет языку выполнять свою важнейшую функцию - культурно-коммуникативную. Небрежное отношение к нормам произношения, ударения, словоупотребления, использования в речи жаргонизмов, неоправданных заимствований загрязняет речь, разрушает литературный язык, что, в конечном итоге, приводит к гибели нации.

На сегодняшний день одной из основных проблем является заимствованная лексика, столь активно внедряющаяся в язык. Молодежь активно использует в своей речи англицизмы и американизмы, теряя при этом значимость их русских эквивалентов. Емкие, красивые слова родного языка заменяются словесной «шелухой», за которой нет никакого содержания. Жаргон внедряется не только в речь молодежи, но и продолжает жить в речи более старшего поколения, постепенно становясь нормой.

Что же привлекает подростка в сленге? Это желание уйти от социального контроля в возрастную группу, сделать так, чтобы не пугали с другими, обособиться знаковыми системами. Возникает особый тип общения, недопустимый в обычной жизни. Вырабатываются и особые формы сленговой речи, которые не только стирают дистанции между собеседниками, но и в краткой форме выражают философию жизни.

Подросток не может жить всю жизнь вне связи с другими людьми. Ему необходимо делиться своими мыслями и чувствами с другими. А началом этого служит общение. Основным способом удовлетворения потребности в общении является речь. Поэтому очень важно мотивировать желание быть грамотным, образованным человеком.

На занятиях по культуре речи формируется правильная и богатая речь, как на устном, так и на письменном уровне. Задания, направленные на формирование речевой культуры, способны оказать влияние на развитие личностных, регулятивных, познавательных, коммуникативных учебных действий. Чтобы предлагаемая работа была в полной мере эффективной, нужно руководствоваться следующим:

- предлагаемый для работы текст должен быть интересным, значимым, затрагивающим актуальные проблемы;
- работа с текстом должна носить комплексный характер, необходимо включать задания, которые помогут понимать логику построения текста, самостоятельно составлять высказывания, анализировать стилистические особенности текста.

При формировании у учащихся правильной речи можно опереться на современные учения о коммуникативных качествах хорошей речи, разработанные Б.Н. Головиным. Он выделяет основные качества хорошей речи и соотносит их с другими понятиями.

Речь - язык. Отсутствие в речи слов-паразитов, которые просто засоряют речь и не несут никакой информации, затрудняют ее восприятие, отвлекают внимание от содержания высказывания.

Речь - мышление. Правило высокого красноречия, выделяется требование понятности.

Речь - объективный мир. Определяется логикой мышления, умением выбрать нужное слово из ряда возможных. Нарушение логической последовательности, отсутствие в логике изложения приводят к неточности речи.

Речь - эстетика. Усиливает эффективность выступления, вызывает интерес у слушателей, поддерживает внимание к предмету разговора, оказывает воздействие не только на разум, но и на чувства.

Работа над связной речью требует отдельного внимания. Несмотря на то, что в методике преподавания накоплен богатый материал по формированию и развитию речи, вопреки всему этому нередко отдельные явления языка изучают в отрыве от развития подростковой речи. Основное внимание педагога должно быть направлено на то, чтобы приучать учащихся мыслить, грамотно строить речь, пользоваться исключительно литературным языком, уметь находить в текстах главную мысль. Такой подход будет эффективным в усвоении материала, а также будет решаться задача интенсивного речевого мышления.

Эффективный путь обогащения речи - подражание. Поэтому стремясь что-либо передать учащимся, педагоги должны выступать носителями культуры речи, владеть умением доходчиво и интересно рассказывать, владеть четкой дикцией. Есть несколько путей совершенствования речи: 1. Самоконтроль и развитие культуры речи. 2. Развитие умений выразительной речи. 3. Развитие коммуникативных умений.

У подростков речь развивается за счет расширения богатства словарного запаса и за счет усвоения множества значений, которые способен закодировать словарь родного языка. Именно в подростковом возрасте человек начинает понимать, что развитие речи определяет познавательное развитие. По тому, как изъясняется человек, какие употребляет слова и выражения, можно говорить о нем как о личности, понять уровень его интеллекта. Поэтому, если человек хочет преуспеть в жизни и в карьере, ему необходимо повышать свою речевую культуру, стремиться в совершенстве владеть русским литературным языком.

Известно, что на определенном этапе взросления человек сталкивается с языковой болезнью, отрицая языковые нормы. Но вскоре он должен преодолеть этот этап и осознать достоинство и силу русского языка.

Культура речи всегда являлась показателем общей культуры человека. Без знания языка, знания риторики невозможно грамотное и полноправное общение. Поведение отдельного человека как личности существенно зависит от его отношений с окружающим миром. Ведь именно речевая культура человека играет одну из главных ролей в межличностных отношениях.

Сегодня все те составные социологизации, которые участвуют в формировании молодежи как достойной части российского общества, должны принимать активное участие в борьбе за чистоту речи. И должен этот процесс начинаться в семье: если ребенок с детства будет приучаться к уважительному отношению членов семьи друг к другу, то впоследствии ему вряд ли придет желание выражать свои чувства с помощью нецензурщины.

Еще один немаловажный социальный институт, который должен помочь избавиться от сленгов и жаргонов - это образовательные учреждения. Ведь мы поневоле, но во многом берем пример со своих педагогов: если замечаем уважение к нам как к личности, то стараемся вести себя должным образом. Если же чувствуем пренебрежение, то возникает внутренний протест, который может вылиться в агрессивную речь.

Нельзя не учитывать и то, что состояние речевой культуры тесно связано с мыслительным процессом, который по-разному протекает у разных людей. Поэтому следует быть очень внимательными друг к другу, относиться не только с уважением, но и пониманием той или иной ситуации.

Повышение культуры речи - это и есть та основа, тот путь формирования базовых коммуникативно-речевых умений учащихся. В исследованиях лингвистов, которые занимались вопросом развития речи у подростков, встречаются понятия: учебно-научная речь, научная речь подростков, научные высказывания. Как видим, существуют различные понимания учебной речи от восприятия ее как подстилевой разновидности научной речи до самой научной речи учащихся. Это значит, что обучение учебной речи должно обязательно идти через обучение конкретным жанрам этой речи.

Многие методисты выделяют жанры учебно-научного подстиля, которыми должны овладеть учащиеся. Устные высказывания могут быть ответами на вопросы, доклад, рассказ по опорным конспектам, пересказ текста. К письменным жанрам учебно-научного подстиля относятся: аннотация, реферат, тезисы статьи, сочинение и др.

Чтобы учащиеся могли обладать навыками устного и письменного высказывания, требуется целенаправленная систематическая работа. Как писал Н.И. Кудряшев: «Каждому виду работ надо учить, надо показать приемы работы. В практике же случается, что ученики обречены на самостоятельные мучительные поиски приемов выполнения новых работ, напрасно теряя время и силы» [1]. Наиболее востребованные жанры учебно-научного подстиля должны быть в полной мере изучены учащимися. Но также необходима дополнительная методика, которая позволит педагогам работать над овладением учащимися учебной речью.

Культура речи воплощает в себе культурные и исторические традиции народа. Поэтому необходимо усердно работать над ее развитием и процветанием, внедрять красоту правильности речи и не дать ей постепенно исчезнуть под воздействием современных условий жизни.

Список литературы

1. Кудряшев Н.И. Взаимосвязь методов обучения на уроках литературы. Пособие для учителя. - М., 1981.
2. Кравченко А.И. Социология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Екатеринбург, 2012.
3. Кравченко А.И. Обществознание. Учебник. М., 2014.
4. Скворцов Л.И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи. М., 2014.

УДК 371.13

ПРОФЕССИОНАЛЬНО – ЛИЧНОСТНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ БУДУЩЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Каболова А.Б. – старший преподаватель кафедры общественных наук

Гуриева С.Б. – старший преподаватель кафедры общественных наук

ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Аннотация. Повышение качества подготовки учителей является ключевой идеей модернизации непрерывного педагогического образования. Проблема профессионального становления учителя была актуальной во все времена, так как педагогические кадры являются тем звеном, от деятельности которых зависит эффективность системы образования. Повышение качества подготовки учителей является ключевой идеей модернизации непрерывного педагогического образования.

Ключевые слова: *личность, знания, обучение и воспитание, профессионально-личностное становление педагога, реформы образования, исследователь*

Характерной тенденцией современного профессионального образования является его гуманизация, направленность на развитие способностей и интересов личности, развитие её творческой индивидуальности. Осознание педагогом самого себя в окружающем мире позволяют ему прийти к профессионально-личностному успеху, к пониманию другого человека через внутренние усилия самопознания.

Повышение качества подготовки учителей является ключевой идеей модернизации непрерывного педагогического образования. Проблема профессионального становления учителя была актуальной во все времена, так как педагогические кадры являются тем звеном, от деятельности которых зависит эффективность системы образования. Учитель-исследователь это современный тип учителя. Он инициатор педагогических нововведений, способный выполнять функции принципов, способов обучения и воспитания, учитывать особенности обучающихся в условиях дифференцированного обучения, сравнивать эффективность различных методов, приемов и средств обучения при решении одних и тех же дидактических задач: ежедневно разрешать десятки проблемных педагогических ситуаций; проводить исследования в рамках различных концепций, сопоставляя противоположные точки зрения и т.д.

Профессионально-личностное становления педагога в современных условиях модернизации образования является педагогической проблемой. Учитель является основным субъектом модернизации образования и без его активного участия прогрессивные изменения невозможны.

Реформы образования требуют инициативных педагогов, умеющих совершенствовать свой педагогический потенциал и влиять через семью и школу на решение социальных проблем, улучшать духовную, нравственную атмосферу общественной жизни.

За годы реформ изменились политические, социально-экономические, культурные условия педагогической деятельности. Изменился и педагог, его педагогическая позиция, ценности, мотивы.

В чем заключается педагогический смысл понятия «профессионально-личностное становление»? Термин «профессиональное становление личности» в педагогике и психологии рассматривались в работах многих ученых: Климова, Н.В. Кузьминой, А.К. Марковой, Б. Гаргай, Э.Ф. Зеера, Л.М. Митиной, В.И. Слободчикова и т.д.

На становление личности будущего учителя влияет много факторов: это и наследственность, и семья, окружающие человека материальные и духовные условия, система образования, случайные обстоятельства, критические события. «Профессиональное становление педагога» это индивидуальный путь личности с начала формирования представлений о профессии и профессиональных намерениях до завершения профессиональной биографии.

Педагог, который систематически занимается саморазвитием, самообразованием, самосовершенствованием может сам сознательно изменять свою профессиональную биографию.

Профессиональное становление личности это процесс, в котором временно и последовательно сменяются периоды, ступени, стадии. Они проходят нелегко.

Сначала возникают адаптационные трудности методического, психологического характера. Они связаны с состояниями дискомфорта, тревожности, страха перед решениями новых задач, несоответствия своего профессионального уровня ожиданиям окружающих. Многие зарубежные авторы выделяют определенное количество стадий профессионального становления. Например, В профессионально-личностном становлении ученый Э. Ф. Зеер выделяет семь кризисов: кризис учебно-профессиональной ориентации, кризис профессионального выбора, кризис профессиональной адаптации, кризис профессионального роста, кризис профессиональной карьеры, кризис социально-профессиональной самоактуализации на стадии мастерства, кризис утраты профессиональной деятельности [1]. Б. Гаргай, выделяет пять стадий профессионального становления. Первая стадия – начинающие педагоги-практики. Они ориентированы на внешние рекомендации, имеют небольшой опыт работы и боятся совершить ошибку. Вторая стадия наступает после 2–3 года работы в школе. Учителя, хотя и испытывают трудности в работе, но уже стремятся к анализу своей педагогической деятельности и определению ее смысла. На третьей стадии педагоги приобретают определенные умения, навыки и могут справиться с неординарными ситуациями. После 5–8 лет работы учителя вступают в период профессионального мастерства, для которого характерно умение видеть педагогические проблемы и успешно их решать. Пятая стадия наступает, когда педагоги отработали в школе более десяти лет [2].

Решающее значение в возникновении кризисов на первых стадиях профессионального становления имеют объективные факторы: смена ведущей деятельности, изменение социальной ситуации. На последующих стадиях все большую роль играют субъективные факторы: возрастание уровня притязаний и самооценки, проявление потребности в самоутверждении и самоосуществлении [3].

Кризисы побуждают педагога искать новые пути реализации профессиональной биографии. Профессиональное и личностное становление педагога рассматривается «как поступательная активная деятельность, направленная на формирование педагогической позиции. Наряду с профессиональным поведением осваивается и педагогическая культура».

Несомненно, профессионально-личностное становление учителя это сложный, длительный процесс, ведущий к профессионализму. «Профессионализм учителя – это совокупность интегрированных фундаментальных знаний, обобщенных умений и способностей учителя, его профессионально-значимых и личностных качеств, высокий уровень технологичности, культуры и мастерства, творческий подход к организации педагогической деятельности, готовность к постоянному саморазвитию» [1].

Способности педагога, его знания, умения, готовность к постоянному саморазвитию являются важнейшими показателями профессионального и личностного становления. Профессионализм и мастерство педагога, обнаруживаются в том, как он учит и воспитывает, как формирует у обучающихся интерес к добыванию знаний, как он может включать их в творческий процесс, какими путями реализует образовательные цели и задачи. Во многом продуктивность педагогической деятельности предопределяется уровнем овладения учителем современными педагогическими технологиями.

Таким образом, показателями профессионального становления будущего преподавателя являются знания, умения, готовность к постоянному саморазвитию, высокий уровень теоретико-методологической компетентности; опыт работы с научной информацией; владение комплексом психолого-педагогических технологий; анализ, обобщение опыта, выступления, публикации; активная педагогическая позиция.

Список литературы

1. Зеер, Э.Ф. Психология профессионального развития [Текст] / Э.Ф. Зеер. – М.: Академия, 2006. – 239 с.
2. Гаргай, В.Б. Повышение квалификации учителей на Западе: поведенческий подход [Текст] / В.Б. Гаргай // Педагогика. – 2005. – №6. – С. 94–102.
3. Галицких, Е.О. Интегративный подход как теоретическая основа профессионально-личностного становления будущего педагога в университете [Текст]: диссертация доктора педнаук / Е.О. Галицких. – СПб., 2002. – 387 с.

УДК 371.13

ВЛИЯНИЕ АНГЛО-АМЕРИКАНИЗМОВ НА РЕЧЬ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Басиева Ф.А. – старший преподаватель кафедры общественных дисциплин
ФГБОУ ВО Горский ГАУ, г. Владикавказ

Annotation. This article deals with the current problem of the influence of Anglo-Americanisms on the speech of modern teenagers, identify modern Anglo-Americanisms in the Russian language and their use in the speech of modern teenagers.

Keywords: *anglo-americanisms, teenagers, youth slang, borrowings, social networks, speech culture*

С каждым годом русский язык поглощает множество английских слов и выражений. Интернет, телевидение и другие средства массовой информации оказывают на нас очень большое влияние. В русском языке появляется около 10 % заимствованных слов, ключевое место в них занимают существительные. Около 3/4 всех заимствований в русском языке конца XX века составляют англо-американизмы. Процесс внедрения английского языка в русскую культуру очень интересен, так как такая тема ярко отражает связь языка с нашей жизнью, с культурой и традициями того времени.

«Нет на земле такого языка, который был бы совершенно свободен от иноязычных влияний, так как ни один народ не живет совершенно изолированной, обособленной жизнью», – говорит Н.М. Шанский в своей книге «Лексикология современного русского языка» [1, с.18].

Чтобы хорошо понять истинные причины русского заимствования англо-американизмов русским языком, надо понять связь между этими двумя языками. А также понимать значение самих слов, которые с каждым годом все больше внедряются в наш язык, особенно в речь подростков.

Введение американизмов в русский язык вызовет огромный резонанс в языковой ситуации, беспокойство и споры среди лингвистов и представителей широкой российской общественности. Говорили о защите русского языка от агрессивного нашествия иноязычных заимствований и необходимости «очищения языка от иноязычных слов», особенно англо-американизмов.

Именно речь современных подростков больше подвержена влиянию западной культуры. Молодёжная культура отличается от взрослой экспрессивной, резкой и грубой манерой выражения мыслей и чувств. Его также отличает своеобразная словесная путаница, которую могут использовать только молодые люди, смелые и решительные, противопоставленные всему миру и создавшие свой неповторимый мир, работающий только на них одних. В результате этого возникает молодёжный сленг, для которого одним из важнейших источников образования являются заимствования из английского языка. Отсюда и вопрос: а нужно ли так много английских слов? А может быть некоторые из них совершенно бесполезны и даже вредны для речи современных подростков?

Что такое заимствование?

Заимствование из иностранного языка – это процесс миграции различных элементов из одного языка в другой. Здесь имеются в виду единицы разных уровней языковой структуры – фонология, морфология, синтаксис, лексика, семантика. И самым распространенным было лексическое заимствование. Слово заимствуется в составе лексического материала, который получает новое оформление только в системе и через язык заимствования.

В русском языке не так много исконно русских слов. Большую часть русской речи занимают заимствованные слова. Большинство этих слов пришли к нам из Англии, и их называют англицизмами. Так почему же эти иностранные слова появились в русском языке эти? Разве нам не хватило бы нам собственных слов, чтобы назвать те или иные предметы или явления?

В конце XX века проникновение англицизмов в русский язык было стремительным и сразу в огромных количествах. В России во второй половине 1980-х годов начался период стремительных перемен и реформ. Кстати, продолжается и по сей день. Оно затронуло все сферы жизни общества – экономическую, политическую и культурную жизнь страны. Именно поэтому лексика русского языка последних двух десятилетий является предметом пристального внимания многих исследователей.

Говоря об изменениях в лексической системе русского языка, можно выделить три основные тенденции распространения заимствований. Первая – это заимствование западноевропейского образа жизни в области экономики, политики, образования и культуры, распространение западных ценностей по всему миру, то есть вестернизация русского языка. Вторая – смягчение отношения к сленгу и жаргону. Третья – возврат к церковнославянской и устаревшей лексике.

Мощным толчком для такого огромного потока англо-американизмов в русскую речь послужили:

1. Появление новой терминологии (компьютерный язык, экономика, финансы, Интернет). В связи с бурным развитием и распространением информационных технологий в повседневной жизни в быту появилось множество новинок, требующих специальных названий: e-mail, интернет, ноутбук, диск, байт, сайт. Поскольку нам проще использовать существующие слова другого языка, чем изобретать новые, в языке появилось огромное количество англо-американизмов [2, с.112].

2. Отсутствие соответствующей концепции для выражения собственных мыслей. В словарь вошли такие англо-американизмы, как бэйдж, диск, дискета, принтер и его новые разновидности: органайзер, пейджер, таймер, шредер, оверхэд, сканер, тюнер и др.

В родном языке точное слово сразу не встречается, а в английском языке есть две части слова, которые по сочетанию подходят к наименованию. Здесь мы имеем образование нового русского слова из совершенно несвойственных русскому языку элементов. Например, «англо-американизм» «шоп – тур» понятен носителям русского языка, но не имеет эквивалента в английском языке, поэтому его нельзя назвать англицизмом в полном смысле. Здесь можно говорить о раздельном заимствовании двух элементов и объединении их в сложное название [2, с.113].

3. Отсутствие подходящего названия. Некоторые из новейших англо-американизмов заимствованы из-за отсутствия соответствующего названия в языке, заимствующем то или иное выражение: топ-модель, фирменный знак, виртуальный, инвестор, дайджест, спонсор.

4. Это дань моде, ведь знание английского языка считается очень престижным. И часто люди используют англицизмы, чтобы выглядеть модно: презентация, рейтинг, ток-шоу.

5. Многие фирмы и компании используют англо-американизмы в качестве названия, чтобы привлечь внимание новизной своего звучания: GMТА (Great Minds Think Alike), Global Translation.

Речь любого народа – живой, самосовершенствующийся, постоянно меняющийся организм. Дозреванием его жизнеспособности является постоянное движение словарного запаса. Архаизмы и устаревшие слова выпадают из употребления, расширяется значение уже существующих слов. Появляются новые слова – неологизмы, которые образуются либо средствами самого языка, либо заимствованы из других языковых систем. Процесс заимствования слов из других языков вполне естественен и нормален, как и любые контакты между народами, будь то политические, торговые или культурные переговоры.

Наибольшее количество заимствований происходит из английского языка и из его американского варианта, согласно статистике лингвистов разных стран.

Англо-американизмы – это слова, заимствованные из английского языка или его американского варианта. Английский язык – язык мирового общения.

Заимствования из этого языка получили настолько широкое распространение, что лингвисты закрепили за ними отдельный термин – «англо-американизмы». В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова англо-американизм – это слово или оборот речи, заимствованные из английского языка [3, с. 87].

Лингвисты выделяют три основные группы людей, говорящих на английском языке, в зависимости от того, какую роль этот язык играет в их жизни. Основную группу составляют американцы, британцы, ирландцы, канадцы, австралийцы и новозеландцы составляют основную группу, то есть те, для кого английский является родным языком. Вторая группа – это те, кто использует английский не с рождения, но в государствах которых этот язык считается вторым официальным языком. Это жители Индии, Сингапура и более 50 других стран мира. Третью группу составляют народы тех стран, которые не подвергались физической колонизации. Они испытывают мощное культурное влияние английского. Это страны европейские страны, Китай, Япония, Греция, Польша. Сюда же входит и Российская Федерация.

Такое огромное количество заимствований из английского языка в настоящее время обусловлено следующими причинами:

- 1) американский образ жизни (особенно досуг);
- 2) распространение американской культуры (музыка, кино, спорт);

3) стремление подростков подражать своим кумирам из мира музыки, комедийных шоу и киноиндустрии;

4) экономическая мощь США.

Любая новинка, приходящая с Запада, воспринимается с энтузиазмом. Потребительские товары поступают к нам из США с названием, инструкцией по применению, написанной на английском языке.

Многие иноязычные слова, попадая в наш язык, постепенно адаптируются и подчиняются правилам русского словообразования. Со временем в них исчезают черты нерусского происхождения. Есть заимствования, которые обрели русские корни и не обнаруживают своего иностранного происхождения. Встречаются заимствования, которые приобрели русские корни и не обнаруживают своего иностранного происхождения. А другие сохраняют определенные черты исходного языка, поэтому выделяются в русской лексике как «чужие слова».

Рассмотрим наиболее характерные черты:

1. Необычное для русского языка сочетание дж (j) является особой фонетической особенностью слов английского происхождения. Например: джемпер, джентельмен, джерси, джин, джокер, джунгли, дайджест, бюджет, менеджмент, имидж и другие.

2. Произношение звука h с придыханием. Русская фонетика этого не знает, он заменяется звуком [x] или [г]: hockey – хоккей, hero – герой, hobby – хобби, herman – Герман.

Наиболее характерным признаком среди морфологических признаков является отсутствие форм склонения по падежам, отсутствие форм множественного и единственного числа: хобби, миссис.

Среди морфемных признаков выделяют следующие факторы:

1. Наиболее многочисленная группа – это существительные на –ер, –ор: докер, свитер, спринтер, спонсор, аудитор, бартер, брокер, курсор и другие.

2. Существительные, оканчивающиеся на –мент, довольно многочисленны: менеджмент, парламент, импичмент и другие.

3. Слова английского происхождения часто оканчиваются на –инг: рейтинг, маркетинг, брифинг, кемпинг, мониторинг и другие.

4. Присутствие –мен в сложных словах: бизнесмен, спортсмен, полисмен, шоумен.

5. Встречаются заимствования со словом шоу (от англ. Show – эффектное представление), входящим в состав сложного слова: шоу – бизнес, шоумен, телешоу.

6. Вы также можете выбрать слова с английским корнем тайм: таймаут, таймер.

7. Много слов с корнем бол (от английского ball), встречающиеся в названиях различных видов спорта: баскетбол, волейбол, гандбол, бейсбол, футбол.

8. Встречаются слова, написанные нерусскими буквами: baby, happy end. [4, с. 57].

Несмотря на это, фонетическая и грамматическая ассоциация слова и его словообразовательная активность факультативны. Слова джем, колледж, досье, кофе, интервью и многие другие, не усвоенные грамматически и не усвоенные фонетически.

Самыми часто употребляемыми словами стали: maybe, please, crash, comeback. Современные подростки живут в век технологий и Интернета, и все эти слова играют ключевую роль в их речи.

На вопрос «Как вы относитесь к употреблению английских слов в речи?» многие ответили положительно. Некоторые довольно скептически относятся к английским заимствованиям в русском языке.

С точки зрения употребления англоамериканизмов наиболее распространёнными примерами заимствований на различные темы являются: краш, абьюз, троллить, токсик, краш, кринж, дэдлайн, трэш, чайлдфри, TV, саммит, футбол, подкаст, парламент, кастинг.

Подростки чаще всего используют в своей речи англо-американизмы в качестве этикетных и оценочных слов. Они не думают ни о значении слова, ни о сфере его употребления.

Таким образом, говорить о том, что англо-американизмы не имеют никакого влияния на современного подростка, неверно. Они влияют на эмоциональную составляющую нашего языка. Англо-американизмы стали неотъемлемой частью жизни не только подростков, но и всех людей в целом. Использование заимствований в речи – это воспитание культуры обращения с иностранными словами, воспитание хорошего языкового вкуса. А главным условием правильного и уместного использования языковых средств, как иностранных, так и своих, является хороший вкус.

Список литературы

1. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. - 312 с.

2. Дьяков, А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке / А.И. Дьяков. – Новосибирск: «Язык и культура», 2003. – 135 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – Москва: Мир и образование, 2014. – 1376 с.
4. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 669 с.

УДК 342.951

ЗАЩИТА ДЕТЕЙ ОТ ИНФОРМАЦИИ, ПРИЧИНЯЮЩЕЙ ВРЕД ИХ НРАВСТВЕННОМУ ЗДОРОВЬЮ

Дауров Т.Г. – студент 3 курса юридического факультета
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

Аннотация. В данной статье хотелось бы затронуть проблему защиты подрастающего поколения от негативного информационного воздействия интернета, которое может нанести значительный ущерб нравственному здоровью, развитию детей, а также обеспечения мировым сообществом информационной безопасности детей международными договорами и осуществления информационной защиты российским законодательством.

Ключевые слова: *дети, нравственные ценности, воспитание, интернет, вредоносная информация, информационная безопасность, защита детей*

Интернет-ресурс, предоставляющий людям разных возрастов, взглядов и интересов любой объем различной информации: научной, деловой, познавательной и развлекательной. Кроме того, интернет служит для нас неотъемлемым средством общения. Благодаря нему, стерты все границы: люди, проживающие в разных городах, странах, да даже континентах могут связываться друг с другом абсолютно различными способами, будь то переписка в социальных сетях или видео-звонок, не выходя из дома. Не удивительно, что интернет пользователей с каждым годом становится все больше и больше. Так, согласно, отчету организации We are Social и Hootsuite, датируемому январем 2021 года, в мире насчитывается 4,66 млрд. интернет-пользователей, что является 59,5 % от населения планеты. Впечатляющие цифры. Неудивительно, что и дети стали активными пользователями интернета. Опираясь на статью сайта ООН от 1 октября 2019 года, около 71 процента детей в мире пользуются интернет ресурсами. Что касается РФ, то у нас, в соответствии исследования сайта kaspersky.ru от 12 мая 2016, 56% несовершеннолетних пользователей говорят, что не могут обойтись без него. По этому показателю Россия обгоняет остальных участников опроса. В Европе такую сильную увлеченность соцсетями демонстрируют всего лишь 30% детей, в США – 38%.

Но, как и у всех вещей, интернет имеет и отрицательные стороны, которые могут пагубно воздействовать на ментальное здоровье человека. Если взрослый, обладающий устоявшейся психикой и сформированными жизненными ценностями, еще может распознать и отсеять информацию, негативно влияющую на психику и физическое благополучие в целом, то лицо, не достигшее совершеннолетия, имеет все шансы пострадать и навредить себе. Такой вид информации принято считать вредной.

И. Л. Бачило, В. Н. Лопатин, М. А. Федотов в учебнике «Информационное право» считают, что вредная информация – информация, не являющаяся конфиденциальной, но обуславливающая необходимость охраны и защиты прав и законных интересов личности, общества и государства в силу возможного вреда, который нанесет этим субъектам ее распространение (применение). Конституционным основанием для ограничения информационных прав в этом случае является защита основ конституционного строя государства, нравственности общества, здоровья других лиц.

К «вредной» информации по этим основаниям можно условно отнести пять основных категорий информации:

- 1) информацию, направленную на разжигание ненависти, вражды и насилия (в том числе возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть, вражду, превосходство, рознь, нетерпимость; информацию, содержащую призывы к войне);

- 2) ложную информацию (в том числе недобросовестную, недостоверную, заведомо ложную рекламу);
- 3) информацию, содержащую посягательства на честь, доброе имя и деловую репутацию других лиц;
- 4) непристойную информацию (в том числе порнографию, неэтичную рекламу);
- 5) информацию, оказывающую деструктивное воздействие на здоровье людей (в том числе рекламу со скрытыми вставками).

Законодатель в статье 5 ФЗ № 436 от 29.12. 2010 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» определил виды информации, причиняющие вред здоровью и (или) развитию детей. Так например, это информация способная: вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, никотинсодержащую продукцию, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством; отрицающая семейные ценности и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи; пропагандирующая либо демонстрирующая нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения; пропагандирующая педофилию; оправдывающая противоправное поведение; способная вызвать у детей желание сменить пол и т.д.

Еще не окрепший детский ум может наткнуться на такого рода материалы ненароком, например, путем рекламы, которая просачивается в излюбленном для ребенка месте препровождения – социальной сети, также во время прохождения компьютерной игры или на собраниях различных интернет-форумов. В той же социальной сети, несовершеннолетний может подвергнуться психологической атаке с целью унижения достоинства и чести человека, получения обманным путем информации, которая может быть использована против юного пользователя, в качестве компромата. И чаще всего этот материал законом в полной мере не контролируется.

Для борьбы с информацией, причиняющей вред их здоровью и развитию, на международном уровне создаются: «Конвенция о правах ребенка», принятая Генеральной Ассамблеей ООН от 20 ноября 1989 г., «Международный пакт о гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г. Соответствующие правовые акты закрепляют право ребенка на доступ к информации, которая помогает в формировании правильного физического и психического здоровья несовершеннолетнего, с одной стороны, и постановку принципов защиты ребенка от пагубной для него информации. Статья 20 «Международного пакта о гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г. предполагает запрет законом всякой пропаганды войны и выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию.

Наше отечественное законодательство также имеет особые правовые механизмы для защиты детей. Так в статьях ст. 23, ч. 1 ст. 24, ст. 29, ст. 33, ч. 3 ст. 41, ст. 42, ч.ч. 1, 2 ст. 44 закреплено право на информацию, а основным источником информационной безопасности несовершеннолетних является Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». В качестве источников также можно отнести: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Закон РФ от 27 декабря 1991 г. «О СМИ», ФЗ от 13 марта 2006 г. «О рекламе», ФЗ от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Так в статье 14 ФЗ от 24.07. 1998 № 124 «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» органы государственной власти Российской Федерации принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от национальной, классовой, социальной нетерпимости, от рекламы алкогольной продукции, табачных изделий или никотинсодержащей продукции, от пропаганды социального, расового, национального и религиозного неравенства, от информации порнографического характера, от информации, пропагандирующей либо демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, от информации, пропагандирующей педофилию, от информации, способной вызвать у детей желание сменить пол, а также от распространения печатной продукции, аудио- и видеопроductии, пропагандирующей насилие и жестокость, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение.

Невзирая на принимаемые государством меры, в нашей стране юные пользователи сетей становятся жертвами различных неправомерных призывов и пропаганды отклоняющейся модели поведения, которая не характерна для человека с устойчивой психикой. Так, в интернете стали набирать

популярность в социальной сети «ВКонтакте», так называемые, «группы смерти». История с ними стала известной после публикации в «Новой газете» 16 мая 2016 года статьи «Группы Смерти». Админ одной из таких групп Филипп Будейкин в интервью издательства «Санкт-Петербург.ру» признался, что 16-летняя девушка под никнеймом в социальных сетях Рина Паленкова, совершившая самоубийство 23 ноября 2015 года, после чего стала кумиром многих подростков, была его первой жертвой суицида. Подонок считал, что «Есть люди, а есть биомусор», он таким образом чистит общество от «мусора». Позже после данного интервью Будейкина задержали. Как установил суд, Филипп Будейкин в 2016 году путем общения в социальных сетях попытался довести до суицида 16-летнюю жительницу Астрахани и 17-летнюю уроженку Тюменской области из поселка Прииртышский (Тобольский район). Тобольский районный суд Тюменской области вынес приговор, и 18 июля 2017 года он был осужден к трем годам и четырем месяцам в колонии-поселении (материал статьи издательства «Газета.ру» от 19 июля 2017 года).

Исходя из всего вышеизложенного, можно утверждать, что наша законодательная система в сфере информационной безопасности детей, несмотря на то, что благодаря ФЗ «О защите несовершеннолетних от информации, вредящей их здоровью и развитию» правовую регламентацию института защиты несовершеннолетних от вредной информации была систематизирована, не всегда работает исправно. Нынешняя система не способна в полной мере обеспечить информационную безопасность юным жителям нашей страны.

Список литературы

1. Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. - Информационное право // Юрид. Центр 2001.
2. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 N 436-ФЗ // Справочно-правовой центр «Консультант-Плюс» (<https://www.consultant.ru>).
3. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 N 124-ФЗ // Справочно-правовой центр «Консультант-Плюс» (<https://www.consultant.ru>).
4. Власенко М.С. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в сети интернет: современное состояние и совершенствование правового регулирования // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева № 3, том 1, 2019.

УДК 347.711

СВОБОДА ИНФОРМАЦИОННОГО СЛОВА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ

Голлоев М.Р. – студент 4 курса юридического факультета

Чеджемов С.Р. – д.п.н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. В статье рассматриваются конституционно-правовые аспекты гарантии свободы слова в информационной среде в ретроспективном и современном аспектах, анализируются источники и литература по этому вопросу. Автор уделяет особое значение закрепленным в тексте Конституции РФ положениям, которые защищают права человека и гражданина в этой области. Цель работы заключается в оценке различных факторов влияющих на правовой статус физических и юридических лиц, а также в выявлении роли и специфики средств массовой информации в обеспечении свободы слова в информационной среде. Автором раскрываются правовые особенности и проблемные вопросы, связанные с осуществлением свободы слова и обосновываются некоторые предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: свобода слова, Конституция РФ, правоспособность, демократия, Интернет, СМИ

На протяжении большей части истории человечества не существовало такого понятия, как свобода выражения или слова. Данная концепция появилась относительно недавно и связана она с развитием институтов демократического общества. Во многих странах по-прежнему нет гарантиро-

ванной законом свободы слова, она подвергается репрессиям и время от времени нарушается во всех странах мира. В истории немало случаев, когда она подавлялась пропагандой или мерами физического воздействия диктаторских режимов.

Яркими примерами могут послужить тоталитарные режимы прошлого столетия. В период правления Бенито Муссолини в Италии, даже формально в условиях монархии, была ограничена значительная часть прав и свобод итальянского населения, где впоследствии был установлен тоталитарный режим. О свободе слова не могло идти и речи, также были известны случаи применения политических репрессий. Стоит упомянуть и о гитлеровской пропаганде, где впоследствии миллионы немецкой молодежи присоединились к гитлеровцам задолго до того, как это стало обязательным. В этот же период в Японии была сильна пропаганда милитаризма и национализма, которая помогала готовить людей к агрессивной политике по отношению к соседям, но все эти режимы ждал неизбежный крах как в результате действий советской армии и стран антигитлеровской коалиции, так и по результатам национального волеизъявления в самих странах.

Современный глобализованный мир характеризуется устойчивым развитием информационных технологий, которые выражаются в виде различных коммуникативных устройств и служат способами передачи информации на дальние расстояния посредством всемирной сети интернет. В нынешнее время, мало кто станет отрицать, что интернет является неотъемлемым инструментом для реализации права на свободу слова и в этом ему отведена далеко не последняя роль.

Стоит отметить, что на сегодняшний день в мировой практике интернет не может полностью регулироваться ни национальным, ни международным законодательством, из этого вытекает, что всемирная сеть имеет как частный, так и публичный характер и это является главной отличительной чертой.

Помимо этого, невозможно ограничиться только национальным законодательством, поскольку сама сеть интернет трансгранична, и большая часть уже существующих механизмов регулирования сосредоточены в международных договорах. Исходя из этого, можно предположить, что в недалеком будущем в законодательных актах международного и международно-частного характера целесообразно появятся разделы, которые будут отвечать за правовое регулирование данной сферы.

На сегодняшний день, среди международных регуляторов можно выделить статьи Всеобщей декларации прав человека, а также статьи Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которые обязывают ратифицировавшие эти международные договоры государства гарантировать свободу слова и свободу выражения убеждений.

Естественно, всё это не должно выходить за рамки приемлемого и данные международные договоры не дают право размещать в сети абсолютно всю информацию. Разумеется, что такие права человека, как право на честь и достоинство и право на личную тайну, не должны затрагиваться. Констатируя вышеизложенное, было бы уместно упомянуть слова М.А Бакунина, где он высказывался, что «Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого» [1].

Конституция провозглашает Российскую Федерацию правовым и демократическим государством. Что подразумевает под собой наличие в таком государстве гарантируемых и реально существующих прав и свобод человека и гражданина. Их признание, защита и гарантии считаются основным и определяющим критерием правового государства. Российская Федерация, претендующая на звание правового государства, признает право человека на свободу слова, гарантируя его непосредственное действие Конституцией, законами и другими правовыми актами [2].

Из этого вытекает, что свобода с правовой точки зрения трактуется, как гарантированная государством возможность, предоставленная субъекту для реализации своих прав. Однако, вышеизложенное не исключает правовой ответственности, которая наступает после пренебрежения данным правом.

Внимания заслуживает вопрос о свободе слова в средствах массовой информации. В нашей стране, постулатом становления и зарождения данного явления положено считать принятие манифеста Николая II 17 октября 1905 года, который провозгласил свободу слова и фактически отменил цензуру, но власть продолжила бороться с журналистами, а отношения с прессой превратились в настоящую информационную войну.

В революционных условиях 1905 года печать нарушала существующие цензурные правила, а цензоры попросту не успевали отслеживать и принимать соответствующие меры по каждому факту нарушения закона о цензуре. Сложности работе цензоров добавляло и то, что за сорок лет своего существования документ оброс целой плеядой инструкций, циркуляров и дополнительных правовых актов. Со всеми дополнениями устав представлял собой брошюру в 60 страниц, 302 статьи которой

были написаны, дополнены и переписаны так, что продираться сквозь эти бюрократические дебри было весьма непросто [3].

Все это привело к тому, что пресса фактически вышла из-под власти цензоров. 18 марта 1906 года вышел указ «Об изменении и дополнении временных правил о повременных изданиях», расширивший полномочия цензуры и ужесточивший наказания за крамолу в прессе. Главной мерой по борьбе со свободой слова указ предлагал сделать аресты (изъятие из оборота) отдельных номеров газет и журналов. Восстановилась и предварительная цензура: издания, в которых содержались изображения, должны были быть представлены чиновнику за сутки до выпуска.

Конституции советского периода гарантировали свободу слова и печати не в полной мере, а лишь в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя. На тот исторический период такая политика подходила, но об интересах и развитии отдельной личности не было законодательной направленности.

Действующая Конституция РФ не обуславливает свободу мысли и слова какими-либо идеологическими рамками. Наоборот, конституционные нормы о свободе мысли и слова должны действовать в единстве с положениями Конституции о признании идеологического и политического многообразия, недопущении установления какой бы то ни было идеологии в качестве государственной или обязательной. Реально гарантированная свобода выражения разнообразных взглядов, мнений, убеждений, свобода критики, оппозиции является конкретным показателем демократизма общества [4].

Согласно ст. 29 Основного закона каждому гарантируется свобода мысли и слова. Никто не может быть принужден к выражению своего мнения и убеждения или отказу от них. Кроме того, гарантируется свобода массовой информации и запрещается цензура. Однако, информация не всегда несет позитивное начало. Некоторые мысли и слова имеют негативный характер и направлены на подрыв стабильности в обществе [5].

В связи с этим, свобода слова на конституционном уровне несколько ограничена. Так, согласно ч. 3 ст. 29 Конституции Российской Федерации не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Кроме того, запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Помимо этого, реализация предоставленной Основным законом свободы слова, не должна нарушать права и свободы других лиц [6].

В работах многих авторов, можно заметить тенденцию к отождествлению свободы массовой информации со свободой слова. Безусловно эти понятия неразрывно связаны друг с другом и имеют место в правовом государстве, но справедливости ради, необходимо отметить, что в нынешнее время многие информационные каналы пренебрегают добросовестностью и нередко намерено искажают информацию, преследуя тем самым коммерческую или иную выгоду. Государство же, в свою очередь применяет к таким субъектам определённые санкции карательного характера, внимательный читатель наверняка заметит, что имеет место ужесточения законодательной базы в данной сфере.

Не стоит забывать, что средства массовой информации наделены особым свойством, а именно способностью выходить за пределы территориальных и иных категорий, что позволяет им одновременно передавать информацию на неограниченное количество групп из различных сообществ.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что в первую очередь, свобода слова защищает меньшинства. Если проводить параллель между демократическим и тоталитарным режимами, то очевидным становится тот факт, что в одном политическом режиме свобода слова существует и является необходимостью, а в другом приводит к гибели и свержению диктатуры.

Основополагающей чертой демократии является то, что конкурируют разные точки зрения, обостряются аргументы и выбирается наиболее популярное направление, а это значит, что граждане с помощью прямого голосования сами организуют свою жизнедеятельность и в выборе им всегда должны сопутствовать свобода слова и доступ к информации.

Список литературы

1. Бакунин А.М. Федерализм, социализм и антиидеологизм. Электронный ресурс // Электронная библиотека / https://iphras.ru/elib/Bakunin_Federalizm.html (дата обращения: 10.02.2023).
2. Шатилина А. С. Права человека в Интернете: проблема признания права на доступ к Интернету // urfac.ru URL: <https://urfac.ru/?p=679> (дата обращения: 10.02.2023).
3. Свобода слова в России. Электронный ресурс // [Arzas Academy](https://arzas.academy/materials/616) / <https://arzas.academy/materials/616> (дата обращения: 10.02.2023).

4. Клементьева В.С., Воронина Н.А. Право на доступ к Интернету – платформа для реализации конституционных прав и свобод человека в сети «Интернет» // Вестник Московского университета МВД России. 2020. – С. 51-53

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Электронный ресурс // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399(дата обращения:10.02.2023).

6. Прокурор разъясняет. Уголовно-правовые ограничения, связанные с реализацией конституционного принципа свободы слова. Электронный ресурс https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_56 (дата обращения:10.02.2023).

УДК 347.711

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Суменова Д.К. – студентка 2 курса юридического факультета

Чеджемов С.Р. – д.п.н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть и проанализировать реализацию прав и свобод человека и гражданина в условиях развития информационного общества. Целью работы является выявление особенностей осуществления прав и свобод в чрезвычайных ситуациях в условиях постиндустриального общества. Автор уделяет особое внимание правовому анализу таких понятий, как «постиндустриальное общество», «чрезвычайное положение», «права человека» и считает, что права человека, как базовую ценность в постиндустриальном обществе, необходимо защищать на внутрисударственном и международном уровне общества для чего также необходимо выявить основные критерии, используемые для определения информационного общества.

Ключевые слова: права человека, информационное общество, чрезвычайное положение, информатизация, чрезвычайное законодательство, информационная политика

В наше время особо актуальным является обеспечение прав и свобод человека и гражданина в чрезвычайных ситуациях, поскольку на международной арене происходит эскалация политической напряженности.

В настоящее время термин «информационное общество» широко применяется в экономической, философской и социальной литературе, занимает особое место в лексиконе ученых, юристов, представителей бизнеса и политических деятелей. В основном это понятие связано с развитием телекоммуникаций и технологий, позволяющих совершить эволюционные скачки и перейти к обществу нового типа, где знание и информация станут ведущей ролью.

Это термин, применяемый для обозначения современного состояния индустриально развитых стран, связанного с новой ролью информации во всех сторонах их жизнедеятельности, качественно новым уровнем производства, переработки и распространения информации.

Основными источниками исследования данной темы являются также нормативные правовые акты. Прежде всего, конечно, основным источником является Конституция Российской Федерации с учетом поправки 2020 года [1] и Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. N 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» с учетом изменений и дополнений на сегодняшний день [2].

Стоит также отметить, что на законодательном уровне в Российской Федерации констатируется существование информационного общества. Первый стратегический документ, определивший направление его развития в России был принят еще в 2008 году.

Историография вопроса заключается в том, что в настоящее время в правовой, экономической, философской литературе, в лексиконе ученых, представителей бизнеса и политиков все чаще встречается термин «информационное общество». Ученые рассматривают различные характеристики этого понятия. Следует отметить, что своим названием термин «информационное общество» обязан профессору Токийского технологического института Ю. Хаяши, чей термин был использован в

появившихся практически одновременно – в Японии и США – в работах Ф. Махлупа (1962) и Т. Уме-сао (1963). Теория «информационного общества» была развита такими известными авторами, как М. Порат, Й. Массуда, Т. Стоунер, Р. Карц и другие [3].

В отечественной доктрине сущность информационного общества освещается исследователями в значительной степени через призму социально-экономических изменений. Несмотря на то, что отдельными учеными выделяются те или иные черты и правовые особенности информационного общества, отсутствует единый общепризнанный подход к пониманию сущности информационного общества с точки зрения права, как и общепризнанное определение информационного общества в юридической науке.

Например, Ракитов А. И. акцентирует внимание преимущественно на технологические и социальные аспекты, предавая особую значимость увеличению количества информации и скорости ее передачи [4, с. 31]. Негодаев И. А. характеризует информационное общество как общество, в котором социально-экономическое развитие зависит, прежде всего, от производства, переработки, хранения и распространения информации среди членов обществ [5, с. 51]. Нисневич Ю. А. полагает верным определение информационного общества как общества, в котором экономическое развитие, социальные изменения, качество и образ жизни зависят от научного знания и способа эксплуатации информации [6, с. 27].

Ромашов Р.А. дает трактовку чрезвычайного законодательства, отмечая, что это комплекс нормативно-правовых актов, при помощи которых правовое регулирование осуществляется в условиях чрезвычайного обстоятельства» [7, с. 101].

Зиновьев А.В. отмечает, что современное чрезвычайное законодательство Российской Федерации основано на общепризнанных принципах и нормах международного права, на международных договорах, основу которой составляют императивные нормы [8, с. 22].

Анализ точек зрения отечественных ученых, исследующих природу информационного общества, таких, как Нисневич Ю. А., Черешкин Д. С., Смолян Г. Л., Ищенко М.В., Ветрова Е.Н., Негодаев И. А., Ракитов А. И. и некоторые другие позволяет выделить критерии, определяющие его правовую сущность: наличие определенных прав, специальный объект, особенности регламентации, определенная форма организации общества. На основе данных критериев, выделяя общие тенденции в отечественной доктрине, представляется возможным определить правовую сущность информационного общества, дав его определение с юридической точки зрения. При этом можно констатировать, что сущность такого общества в правовом аспекте характеризуется, в первую очередь, свободой в сфере информации.

Формирование информационного общества – это не дело свободного выбора, а суровый, естественно необходимый процесс, так как сегодня в ведении человечества нет другого ресурса, кроме информации, который послужил бы уникальным рычагом преобразования общества и его броска в процветание.

Информационное общество является целесообразным организованным ответом человечества на вызов современной эпохи. Наша «возможная цель – предпринять все возможные усилия, чтобы утвердить на планете информационное общество как условие, совершенно необходимое для нового этапа истории» [9, с. 471].

Процесс формирования информационного общества осуществляется за счет информатизации [10, с. 82], которая носит организованный, плановый характер.

Ф. Уэбстер в своей работе «Теории информационного общества» выделяет следующие основные критерии, используемые для определения информационного общества [11, с. 17-29]:

1. Технологические критерии – сюда относятся распределение телекоммуникационного специоборудования, компьютеров, телефонных и компьютерных сетей, увеличение числа пользователей Интернета, распространение энергосберегающих технологий, возникновение новейших видов топлива и материалов и т.д.

2. Экономические критерии – преобразования в системе экономики, увеличение роли третичного сектора (услуги, включая отрасли, связанные с производством, обработкой, передачей и хранением информации) по сравнению с первичным и вторичным секторами (сельское хозяйство и промышленность). Увеличение доли нематериальных активов (патентов, изобретений) в стоимости корпораций. Более высокие темпы роста сектора услуг и информационного сектора по сравнению с промышленностью и сельским хозяйством.

3. Изменения в сфере занятости – увеличение доли людей, занятых в области услуг и информационном секторе, замена физического труда «белыми воротничками». Увеличение значимости че-

ловеческого капитала, профессионализма и образования. Формирование широкого класса профессионалов.

4. Пространственный критерий – акцент делается на распространении компьютерных сетей, позволяющие транснациональным корпорациям управлять и координировать работу своих подразделений по всему миру, ученым получать доступ к библиотекам, расположенным за рубежом, а финансистам отслеживать изменения валютных курсов и осуществлять операции на фондовых биржах, не выходя из дома. Информационное общество в немалой степени преодолевает пространственно-временные трудности, свойственные для индустриального общества, и корпорации, так же как и обычные люди, могут эффективно вести свой бизнес в глобальном пространстве.

Что касается прав и свобод человека в постиндустриальном обществе, то следует отметить, что развитие информационных технологий оказывает существенное влияние на содержание, реализацию и защиту целого ряда прав человека, включая право на жизнь, свободу выражения мнений, защиту личной и семейной жизни.

Права человека являются основополагающей ценностью информационного общества. Права человека в настоящее время не знают ни географических границ, ни национального суверенитета, ни расовых и этнических различий, ни социально-классовых различий. Права человека перестали быть внутренним делом государства, защищаемым только его внутренним законодательством. Теперь они стали общим делом, предметом постоянной озабоченности всего мирового сообщества.

В данной статье мы исследуем конкретную отрасль права – права и свободы человека в чрезвычайных ситуациях в информационном обществе. В связи с чем стоит отметить, что чрезвычайное положение подразумевает особый правовой режим деятельности органов государственной власти и управления, предприятий, учреждений и организаций, допускающий определенные ограничения прав и свобод граждан, предусмотренные федеральным конституционным законом, для обеспечения их безопасности и защиты конституционного строя государства.

Ученый Ромашов Р.А., например, дает следующую трактовку: «чрезвычайное законодательство представляет собой комплекс нормативно-правовых актов, при помощи которых правовое регулирование осуществляется в условиях чрезвычайного обстоятельства» [7, с. 101].

Согласно части 2 статьи 56 Конституции Российской Федерации, чрезвычайное положение на всей территории Российской Федерации и в отдельных ее населенных пунктах может быть введено при наличии обстоятельств и в порядке, установленном федеральным конституционным законом.

Также часть 3 статьи 56 Конституции Российской Федерации определяет перечень прав и свобод человека, которые не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах. Это право на жизнь, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, право на защиту своей чести и доброго имени, личного достоинства, свободы совести, свободы предпринимательской деятельности, права на жилище, а также права человека, связанные с осуществлением судебной защиты.

Современное чрезвычайное законодательство Российской Федерации, прежде всего, базируется на общепризнанных принципах и нормах международного права, а также на международных договорах, которые являются составной частью ее правовой системы, основу которой составляют императивные нормы, представляющие собой его основные принципы [8, с. 22].

Немало важно отметить, что в Российской Федерации к силам и средствам, обеспечивающим чрезвычайное положение на современном этапе развития общества, относятся:

- органы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий;
- органы внутренних дел;
- органы уголовно-исполнительной системы;
- представители федеральных органов безопасности;
- органы внутренних войск.

В исключительных случаях в качестве дополнительных сил и средств Президент Российской Федерации на основании указа может привлекать Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в том числе пограничные органы, привлекаемые к обеспечению режима чрезвычайного положения в целях охраны государственной границы Российской Федерации.

Вывод

Права человека являются основополагающей ценностью современного общества. Совершенствование информационных технологий оказывает существенное влияние на содержание, реализа-

цию и защиту ряда прав человека, включая право на жизнь, свободу выражения мнений, защиту личной и семейной жизни. Тем самым следует подчеркнуть, что гарантом осуществления и защиты этих прав и свобод является Конституция Российской Федерации. Это касается всех отраслей права, включая, соответственно, конституционное и гражданское, а также международное право определяющие права человека в разнообразных, в том числе и неординарных ситуациях.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).
2. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собр. законодательства Российской Федерации, 2001, № 23, ст. 2277; 2003, № 27, ст. 2697; 2005, № 10, ст. 753. Режим доступа: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (с изменениями и дополнениями) / ГАРАНТ (garant.ru).
3. Википедия (Электронный ресурс): свободная интернет-энциклопедия. М.: WIKIPEDIA.RU, 2001-2014. Режим доступа: World Wide Web. URL: <http://ru.wikipedia.org>.
4. Ракитов, А.И. Наш путь к информационному обществу / А.И. Ракитов// Теория и практика общественно-научной информации. М., 1989. – 226 с.
5. Негодаев, И.А. На путях к информационному обществу / И.А. Негодаев. – Ростов-на-Дону: ДГТУ, 1999. – 247 с.
6. Нисневич, Ю.А. Информация и власть / Ю.А. Нисневич. – М.: Мысль, 2000. – 175 с.
7. Ромашов Р.А. Теория государства и права. Учебное пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 443 с.
8. Зиновьев А.В. Основы конституционного права. СПб. 1996. – 79 с. 9. Моисеев Никита. Расставание с простотой. – М., 1998. – 480 с.
10. Еляков А. Д. Информатизация общества (философско-экономический анализ внедрения информационных технологий). – Издательство Самарской государственной экономической академии, 1999. – 191 с.
11. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. - М.: Аспект Пресс, 2004. - 400 с.

Ю

СОДЕРЖАНИЕ

Цалиев А.М. О мерах обеспечения конституционных прав и свобод личности в условиях информационного общества	3
Межибовская И.В. Роль цифровых технологий в формате модернизации социально-трудовых прав и свобод человека (на примере Республики Казахстан)	10
Смыр С.М., Хагба Е.Г. Цифровизация демократических институтов: преимущества и недостатки	12
Тирских М.Г. Электронная демократия: онтология эмблематизма в условиях многообразия политических режимов	14
Дзидзоев Р.М. Право на информацию и свобода массовой информации: содержание и пределы	17
Пашенко И.Ю. Органы публичной власти в социальных сетях: особенности правового регулирования и размещения информации	21
Лолаева А.С. Конституционно-цифровой статус личности в Российской Федерации	23
Койбаев Б.Г., Золоева З.Т. Современное информационное общество и роль государства в его формировании и развитии	26
Лолаева Д.Т., Санакоева Я.И. Человек в мире цифрового будущего	28
Лолаева А.С., Лолаева Д.Т., Санакоева Я.И. Механизмы управления развитием информационного общества в Российской Федерации	31
Лолаева А.С., Лолаева Д.Т., Санакоева Я.И. Сущность и особенности информационного общества	34
Максимов А.А. Трансформация основных прав и свобод человека и гражданина в эпоху новой цифровой реальности	37
Кочиева О.А., Лолаева А.С. Электронное правосудие в Российской Федерации: понятие и значение	39
Хачирова В.С., Лолаева А.С. Конституционно-правовые перспективы развития электронного правосудия в России	42
Павлушкин А.В. Конституционные (уставные) советы в субъектах Российской Федерации как способ обеспечения прав граждан	45
Дзанагова М.К. Приобретение и осуществление прав юридического лица с использованием искусственного интеллекта	47
Дзанагова М.К. Баланс интересов личности, общества и государства при осуществлении права на доступ к информации	49
Дзанагова М.К. Правовая защита интересов личности и общества от воздействия недостоверной информации	51

Галуева В.О. Проблема реализации избирательных прав осужденных в России в свете введения дистанционного электронного голосования	53
Галуева В.О. Правовые основы деятельности уполномоченных в Республике Северная Осетия–Алания	55
Каллагов Т.Э., Гогаева А.Л., Качмазова А.В. Правовой запрет на распространение среди детей информации, оправдывающей противоправное поведение	58
Гогаева А.Л. Функции и методы административной деятельности ОВД (полиции) в области обеспечения информационной безопасности	61
Гогаева А.Л., Хадиков А.К., Догузова О.Р. Право граждан на информационную безопасность в условиях развития информационного общества в России	63
Бурнацев З.А., Бурнацева З.М. Электронный нотариат в РСО–Алания	65
Бурнацева З.М. Информационные технологии в патриотическом воспитании студентов (на примере ФГБОУ ВО Горский ГАУ)	67
Золоева З.Т. Основные тенденции развития права в условиях цифровой трансформации	70
Золоева З.Т. Актуальные проблемы ответственности за нарушение исключительных прав на маркетплейсах (на примере товарных знаков)	72
Догузова О.Р., Хадиков А.К. Информационная безопасность в системе национальной безопасности России	74
Догузова О.Р., Гогаева А.Л. Конституционно-правовое регулирование права на защиту персональных данных в РФ	77
Габараева Н.В. Принцип справедливости в гражданском процессе в условиях цифровизации	79
Габараева Н.В. Сравнительный анализ применения цифровых технологий в систему правосудия в зарубежных странах	81
Хугаева Р.Г. Информационно-коммуникационные технологии в деятельности территориального общественного самоуправления	84
Айдарова Н.Г. Актуальные вопросы в области признания гражданина недееспособным	89
Каллагов Т.Э., Хатагова И.А. Проблемы электронного предоставления государственных услуг в Российской Федерации в условиях пандемии	91
Каллагов Т.Э., Гадзацев А.А. Рекомендации по повышению эффективности порядка предоставления государственных услуг в электронном виде	95
Каллагов Т.Э., Гадзацев А.А. Роль электронного правительства в формировании и развитии государственных электронных услуг	99
Кучиев А.З., Хатагова И.А. Особенности цифровизации электронных государственных и муниципальных услуг в регионах	105
Кучиев А.З., Гадзацева А.А. Понятие и сущность государственных услуг в электронной форме	108

Кучиев А.З., Гадзацева А.А.	
Применение электронного формата оказания услуг населению как фактор развития государственных услуг	111
Лолаева З.С.	
Использование электронных доказательств в уголовном судопроизводстве	113
Лолаева З.С.	
Применение видео-конференцсвязи в уголовном судопроизводстве	118
Лолаева З.С.	
Роль и значение цифровизации уголовно-процессуальной деятельности	122
Багаева А.А.	
Защита персональных данных в контексте прав человека (на примере Грузии)	127
Хутинаева З.В.	
Становление частного нотариата в Республике Северная Осетия–Алания	130
Джикаева Ф.З., Качмазова Д.М., Габараева М.Т.	
Роль государства в развитии цифровой экономики	132
Качмазова Д.М., Джикаева Ф.З., Габараева М.Т.	
Международный опыт цифровой трансформации экономики	135
Каболов В.В., Габараева М.Т.	
Особенности проведения общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах в товариществе собственников недвижимости, жилищно-строительном и строительном кооперативах	139
Каболов В.В., Габараева М.Т.	
Полномочия и способы организации общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме	142
Каболов В.В., Габараева М.Т.	
Проблемы правового регулирования проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме и пути их решения	146
Качмазова А.В., Короева С.С.	
Перспективы цифровой трансформации банковской системы Российской Федерации	150
Качмазова А.В., Короева С.С.	
Риски и преимущества трансформации банковской системы Российской Федерации в условиях цифровой экономики	153
Макиев С.А., Лолаева А.С.	
Анализ подхода Банка России к внедрению цифровой валюты в российских условиях	157
Макиев С.А., Лолаева А.С.	
Концепция цифровой валюты Центрального банка в международной практике	162
Макиев С.А., Лолаева А.С.	
О понятиях «виртуальная валюта» и «цифровая валюта»	164
Джигоева Л.Г., Бугаева Э.С., Габараева М.Т.	
Разработка и усовершенствование технологий информационной безопасности как приоритетное направление цифровой трансформации банковской системы	167
Бугаева Э.С., Джигоева Л.Г., Габараева М.Т.	
Digital banking как основная составляющая современных банковских систем	171
Габараева М.Т.	
Практические аспекты применения электронного правительства в Российской Федерации и за рубежом	175
Габараева М.Т.	
Цифровые компетенции муниципальных служащих	178
Габараева М.Т.	
Анализ перспективных информационных технологий, находящихся в тренде цифровизации	180

Галачиева М.М., Лолаева З.С. Совершенствование законодательства в условиях внедрения цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность	184
Галачиева М.М., Лолаева З.С. Уголовно-процессуальная деятельность: проблемы внедрения цифровых технологий	188
Галачиева М.М., Лолаева З.С. Перспективы внедрения электронной формы уголовного дела	191
Мзокова Т.А. История возникновения института апелляционного производства в арбитражном процессе в России	195
Перисаев А.А., Мзокова Т.А. Проблемы внедрения искусственного интеллекта в систему осуществления правосудия: человеческая логика против математических алгоритмов и вычислений	200
Цаликова М.Б., Кесаева В.А., Габараева М.Т. Проблемы цифровой трансформации банковского сектора в Российской Федерации	205
Цаликова М.Б., Кесаева В.А., Габараева М.Т. Роль Банка России во внедрении и развитии банковских технологий	208
Беликова С.Б. Цифровая трансформация образования	211
Каркусова А.В. Развитие цифровых технологий в российском образовании	212
Кесаева В.А. Регулирование электронной коммерции: опыт Индии	214
Надгериева А.А. Сравнительно-правовой анализ Уполномоченного по правам человека в субъектах Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации	216
Гутиева М.А. Информационное общество как общая закономерность мирового развития	219
Гутиева М.А. Проблемы прав и свобод личности в условиях тотального контроля с помощью электронных технологий	221
Датиева М.Ч. Особенности и тенденции использования информационных технологий в системе высшего образования	224
Цогоев А.Ю., Цогоева А.Р. Перспективы применения цифровых технологий в АПК	227
Газзаева З.А., Колиева У.Х. Передовые горские просветители и педагоги второй половины XIX века	229
Царахова Э.Н. Методическая деятельность преподавателя в ВУЗе	233
Гуриева С.Б., Каболова А.Б. Проблемы культуры речи среди подростков	235
Каболова А.Б., Гуриева С.Б. Профессионально-личностное становление будущего преподавателя	238
Басиева Ф.А. Влияние англоамериканизмов на речь подростков	240
Дауров Т.Г. Защита детей от информации, причиняющей вред их нравственному здоровью	243
Голлоев М.Р., Чеджемов С.Р. Свобода информационного слова: конституционно-правовые гарантии	245
Суменова Д.К., Чеджемов С.Р. Права и свободы человека в чрезвычайных ситуациях в постиндустриальном обществе	248

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ИНСТИТУТОВ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

МАТЕРИАЛЫ

Международной научно-практической конференции

17 февраля 2023 г.

Часть 1

Лицензия: ЛР. № 020574 от 6 мая 1998 г.

Электронная распечатка 28.03.2023г. Бумага формат А4 (210x297 мм), масса 80 г/м².
Усл. печ. л. 32. Заказ 5.

*Типография издательства ФГБОУ ВО «Горский госагроуниверситет»
362040, Владикавказ, ул. Кирова, 37.*